РII-2 К-107
1862 №3-4
168986

К
107

Проверено
ЦНБ 1930

157 9
15-16

К
107

ОСНОВА

1862
1142

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

32.0728

ВѢСТНИКЪ

168986

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владимірѣ Мономахѣ.

1862

БЕРЕЗІЛЬ

(МАРТЪ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

59
a

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 17 апрѣля, 1862 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

LV.

Моімъ соузникамъ.

Згада́йте, бра́тія моя́, —
Бода́й те ли́хо не верта́лось! —
Якъ ви гарне́сенько и я
Изъ-за реше́тки визира́ли, —
И, пе́вне, ду́мали: коли́ —
На ра́ду ти́ху, на розмо́ву, —
Коли́ ми зійдемося зно́ву
На сій зъубо́женій землі?
Нікóли, бра́тія, нікóли....
Зъ Дніпра́ у-ку́пі не пьемо́,
Розійдимось, рознесе́мо
Въ степи́, въ лісѝ свою́ недо́лю,
Повіруемъ ще тро́хи въ во́лю,
А по́тімъ — жи́ти почнемо́
Межъ людьми́, якъ лю́де...
А по́ки те бу́де,
Любітеся, брати́ моі,
Украйну любіте,
И за не́і безтала́нну
Го́спода моліте.
(Ворогівъ) забу́дте, дру́ги,
И не проклина́йте,
И мене́ въ невóлі лю́тій
Инколи згада́йте....

LVI.

Лічу́ въ невóлі дні и нóчі,
И лікъ забува́ю!
О, Гóсподи! якъ то тя́жко
Тії дні мина́ють!
А літá плива́ть за ни́ми,
Пливу́ть собі сти́ха,
Забира́ють за собóю
И добрó и ли́хо;
Забира́ють, не верта́ють
Нікóли нічóго...
И не блага́й! бо пропадé
Моли́тва.....

Калому́тними болота́ми
Міжъ буръя́нами, за года́ми
Три гóди су́мно протекли́;
Бага́то дé-чого взяли́
Зъ моéі тéмноі комóри,
И въ мóре ни́шкомъ однесли́
И ни́шкóмъ проковтну́ло мóре
Моé не зла́то-серебрó —
Мої літá — моé добрó,
Мою́ нудьгу́, мої печа́лі —
Тії незри́мії скрижа́лі
Незри́мымъ ни́сані перóмъ...
Неха́й гнили́ми болота́ми
Течу́ть собі міжъ буръяна́ми
Літá невóлничі! А я...
(Така́я за́повідь моя́)
Посижу́, трóшки погуля́ю,
На степъ, на мóре подивлю́сь,
Згада́ю дé-що, заспіва́ю,
Та й зновъ мере́жать захожу́сь
Дрібне́ньку кни́жечку.... Руша́ю!..

Т. Шевченко.

ЛИСТИ ШЕВЧЕНКА.

3) ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО (1).

I.

Новопетровское укрѣпленіе, 8 октября 1856 г.

Богу милий друже мій, Михайле!

Коротéньке, невели́чке та щи́ре письмо твое отъ 8 августа, получивъ я 28 сентября. Довгéнько—таки́ воно́ летíло, та все таки́, благодари́ть Бо́га, долетíло. Спаси́бі тобі, дру́же мій еди́ний, и за письмо́ твое ласкавее. Спаси́бі тобі и за гро́ші. У мéне іхъ тепéръ такъ небагато, якъ у того́ Ла́заря, що слíпці спíвають на ярмарка́хъ. Я сердéчне радъ, що ви познако́мились съ Семéномъ: до́брий, щи́рий чоловíкъ. Не такъ давно́ и вінъ менí прислáвъ 15 руб. Та брéше собі, нівро́ку ёму́: пише, що хтось передавъ ёму́ щобъ послáть менí. Може це и була́ колú нéбудь прáвда, та тепéръ така́ стара́ стáла що похожа на мифологію, сíрічъ на брехню. Це, бачишъ, я до то́го веду́ сло́во, що познако́мившись съ Семéномъ, и ти тро́хи ви́вчився въ ёго тее... Испрáвді, за що ти мінí виненъ? — Ні за́ що́. Спаси́бі тобі дру́же мій единий! Такая непрáвда лу́чше всякоі на свíті прáвди. Тільки ось що: колú и чимъ я тобі заплачу́ за твою́ братську непрáвду?

Німець Іёхимъ мабуть на мéне се́рдитця? Не знáю за що бъ ёму́ се́рдитьця? Ми зъ нимъ жилú и розійшлúся до́брими прія́телями, ні-за-що бъ, здаéтця се́рдитьця. А тимъ часомъ, Богъ ёго знáе. Статуэтки менí не ду́же потрíбні,—обійду́сь и безъ іхъ. А отъ безъ

(1) Листы 1) до Я. Г. Кухаренка и 2) до М. С. Щепкина були напеча́тані въ торішній октябській книжці.

чого не обійдуєсь: безъ жизненныхъ припасовъ, якъ ти пишешъ. Мені теперъ дуже и дуже треба одну акварельну краску, называется она сепія. Семенъ, я думаю, ії знае, бо винъ таки трохи шнипорить въ маляpстві. Она буває разныхъ фабрикъ, але найлучшая Римская сепія; оце тобі форма плітки и надпись. Достать ії можна въ красочномъ магазіні, що коло академіи художествъ; пришли, ради святого искуства, дві плітки. Та ще, якъ би ти мені

съ краскою приславъ пару кистей добрихъ акварельныхъ, толщини въ обыкновенную папіросу: то тоді бъ уже я тобі спасибі сказавъ, тілько кісті уміючи треба вибрать. Не знаю, чи Семенъ тямить що въ сімъ ділі. Тутъ треба маляра-акварелиста. Та въ Семена, я думаю, найдется знакомий таки майстеръ. Да ще якъ би до кистей прибавить 6 штукъ карандашей № 3, фабрики Фабера: то тогді бъ тілько Богу помолився бъ, та й більшъ нічого.

Кланяюсь Семенові и жінці его, и цілую дочку его. Кланяюсь Ѳедорові и Василеві: — де винъ теперъ? Якъ побачится зъ здоровимъ Осипомъ Езучевськимъ, то и ему кланяюсь. Глухому Лузі, коли знаешъ, и ему, — и всімъ землякамъ моімъ, котрі хочъ згадують про мене.

Напиши мені, будь ласкавъ, про Левицького: — де винъ повертается?

Прощай, мій искренній, мій единий друже! Не забувай безталанного и щиро-любящого тебе *Т. Шевченка.*

P. S. Чи разъ батька вдарить, чи двічі, передъ Богомъ, говорять, одвічать однаково. До всего того, що я тебе просивъ, прибавъ ще ось-що: 4 штуки чорного французького карандаша № 2, фабрики Le Conté, и білого, 4 штуки, тиеі жъ фабрики, № 1; та тушовального чорного порошку 4 золотники. Теперъ уже більшъ нічого не попрошу, бо зразъ письмо печатаю. А якъ би ще день полежало, то, може бъ, ще що видумавъ. Пришли, мій голубе сизий, а я тобі, на ту весну, киргизя замурзане пришлю.

Може трапится, що не достанешъ *Sepia di Roma*, то візьми фабрики Шанеля.

II.

Любий мій единий Михайле!

Вмістѣ съ послѣдними пятью главами сего произведенія, по-

лучилъ я и письмо отъ Дармограя, въ которомъ онъ проситъ меня, а я тебя прошу, сдѣлать его этюду такое заглавіе:

Матрозъ,
или старая погудка на новый ладъ.
Разсказъ (а не этюдъ).
Часть первая.

Первая часть разсказа заключаетъ въ себѣ десять главъ, а какъ будетъ велика вторая часть, этого онъ не пишетъ; можетъ быть и самъ еще не знаетъ. Еще проситъ онъ поправить ошибку, правда сказать, довольно грубую. Онъ написалъ, что мѣстечко Лысянка замѣчательно мѣсторожденіемъ знаменитаго Богдана Хмельницкаго. Неправда: въ Лысянкѣ родился не знаменитый гетманъ, а отецъ его Чигиринскій сотникъ Михаилъ Хмельникъ или Хмельницкій, и не по словамъ лѣтописи Самовидца, какъ онъ написалъ, а по словамъ профессора Соловьева, который ссылается на Кіевскіе акты. Еще тоже не помню, на которой страницѣ, онъ сдѣлалъ пробѣлъ, а за нимъ и я; нужно было написать фамилію знаменитаго череполога *Лаватера*, но онъ вѣроятно забылъ, какъ прозывался этотъ мудреный нѣмецъ, и я тоже не вспомнилъ. Больше онъ ничего не замѣчаетъ. Я тоже больше ничего не замѣчаю, и онъ передаетъ мнѣ, а я, переписавши на досугѣ, передаю его новорожденное дѣтище въ полное ваше покровительство и распоряженіе. Еще онъ пишетъ мнѣ, что если и будетъ вторая часть этого разсказа, то не весьма скоро. Поэтому я и думаю, что лучше не писать: *Часть первая.*

Тепе́ръ отъ що я тебе́ проси́тиму, дру́же мій еди́ний: якъ би ти самъ пабачився съ Писемскимъ: (за знако́мство зъ нимъ не бу́дешъ мене́ ла́ять): та спитавъ би ёго́, чи ба́чився вінъ зъ граф́инею Т. и що вона́ сказа́ла ёму́ про *Княгиню К.* Дармогра́я и чи получила вона́ мої пи́сьма; и що вінъ тобі ска́же, напиши́ мені, дру́же мій еди́ний. Кланяюсь Василеві, Ѳедорові и Семенові. Оставайтеся здорові, искренніі дру́ги мої. Не забува́йте сиро́ту́ на чужи́ні.

8 декабря (1856 г.).
(Изъ Новопетровскаго).

III.

22 апрѣля 1857 г. (Новопетровское).

Христосъ воскресе, бра́те мій лю́бий!

Уда́вся жъ мині сёгорішній вели́кдень! тако́го свято́го радісного вели́кодня у ме́не ще й зро́ду не́ було. Якъ разъ 7 апреля прийшла́ до насъ почта и привезла́ твою дорогую посы́лку и твое́ ра́доснее письмо́ отъ 17 генваря. Я тро́хи не одурівъ, прочита́вши ёго́; та ще якъ закури́въ твою́ сига́ру (я де́сять лі́тъ не кури́въ сига́ри), то якъ закури́въ твою́ гавану, то такъ мині, дру́же мій еди́ний, запа́хло во́лею, що я запла́кавъ, якъ та́я дити́на. Отъ що ти наробивъ зъ моіми ста́рима очи́ма! Нехай тобі Госпо́дь милосе́рдний запла́тить за твою́ серде́шную робо́ту. Тажъ са́мая по́чта привезла́ мині письмо изъ Чорномо́рії и 25 р. гро́шей отъ Я. Кухаре́нка. (Семе́нъ ёго́ повиненъ знать.) Але Кухаре́нко про во́лю мині нічо́го не пи́ше. Та та́жъ са́мая по́чта изъ Петербурга привезла́ мині письмо и гро́шей 16 р. отъ А. Ма́ркевича съ това́ришами. Се бу́де сынъ того́ са́мого Микола́я Ма́ркевича, що написавъ Малороссійскую исто́рію. Зъ ба́тькомъ ёго́ ми були́ колись вели́кі прия́телі, а си́на ёго́, сёго самого Андрія, то я, здае́тця, шо й не ба́чивъ, а мо́же й ба́чивъ, та ще дитиною. Найди́ ёго́ тамъ, та поцілу́й за ме́не, мій дру́же еди́ний. Воно́ квартирю́е въ Почта́мтской, въ до́мѣ *Ло́гинова*.

Такъ отъ яки́й у ме́не бувъ вели́кдень! и чимъ я заплачу́ вамъ, брати́ моі, земляки́ моі щи́рі, чимъ заплачу́ я вамъ за моё вели́ке свя́то! за моі серде́чнні ра́досніі слёзи! Слёза́ми — и не чимъ більше.

Якъ поба́чишъ Куліша́, поцілу́й ёго́ за кни́ги, що вінъ подарува́въ, а особли́во за *Запи́ски о Южной Руси*. Тако́і розу́мноі кни́ги, тако́го чи́стого нашого сло́ва, я ще не чита́въ. Мо́же вінъ и розсе́рдетця на ме́не за те, що я ёго́ алма́зний пода́рокъ, *Запи́ски о Южной Ру́си*, посла́въ на Чорномо́рію Кухаре́нкові. Такъ щожъ: скажи, — не втерпівъ. И якъ вінъ, крий ёго́ Ма́ти Господня! не ви́дасть второ́го то́ма, то не тілько я, ти, всі земляки́ на́ші и вся Славя́нщина проклене́ ёго́ и назове́ брехуно́мъ. Такъ и скажи́ ёму́.

А Б—л—з—рський ка́жешъ поіхавъ жени́тьця, до до́му. Нехай ёму́ Богъ помага́. Отъ ще щи́ра христія́нська душа. Поцілу́й ёго́ за ме́не, якъ побачишъ.

Яка́ тамъ моя́ карти́на була у Езучёвського, ей Бо́гу не зна́ю; розігра́ли, ка́жешъ, въ лотере́ю и вона́ доста́лася тобі. О мій до́брий, мій щи́рий друже! Неха́й васъ Богъ такъ не забу́де, якъ ви не забули, не поки́нули мене́, безтала́нного, на чужи́ні, въ нево́лі. Я нікуди́ не поіду, дру́же мій еди́ний, якъ пошле мині Госпо́дь милосе́рдний во́лю, хиба́ тілько по доро́зі заіду въ Чорномо́рію на яки́й ти́ждень, а тамъ пря́мо въ столи́цю до васъ, до васъ, брати́ мої. Мині здае́тця, що я одурію якъ поба́чуся зъ ва́ми, мої рі́дні, мої еди́ні!

Сёго́дня, 22 апреля, прийшла́ друга́ по́чта зъ Гу́рьева и не привезла нічо́го офиціального нащотъ моёі отста́вки, и я не зна́ю що́ й ду́мать. Мо́же то фо́рма тре́буе тако́і проволо́ки? не зна́ю. Дожду́ся и тре́тёі по́чти, що́ тамъ бу́де, бо мині, ба́чишъ, хотілося приба́вить до цёго письма́ два слова́ и нічо́го більше, друже мій еди́ний.

Лихи́й ёго́ зна́е, де той Осиповъ дівся? и Писемського ка́жешъ не ма́е въ Петербурсі. А *Княги́ня*, пи́шешъ, у яко́гось Н. Д. не зна́ю хто́ се Н. Д. Якъ би Княги́ню взявъ на свої ру́ки Кулішъ, чи не лу́чче бъ було́? та й Матро́за прибга́въ би до Княги́ні, та причепури́въ би іхъ гарненько та й пустивъ би въ люде. Дармогра́й написавъ уже́ и вторую часть Матроза, въ кото́рой уже́ рѣзче обозначилась общая идея разсказа; а въ тре́тій вінъ ду́ма уже́ виставить наголо свою нехи́трую фанта́зію. Але́ коли́ то те бу́де? а мо́же й бу́де коли не́будь. Тре́ба підожда́ть.

Не пишу тобі, дру́же мій еди́ний, сёго́дня більшъ нічо́го, бо нема чого́ писа́ть, та и голова́ въ ме́не сёго́дня нена́че пози́чена у москаля́-коробе́йника, або нина́че кло́ччямъ начи́нена. А все то те ли́хо по́чта наробила. Підожду́ другоі по́чти, чи не весе́ліша бу́де. Ось-ось трохи́. не забу́въ! Чомъ ти мині нічого не пишешъ про Василя, и про Ѳедора?

(Другимъ почеркомъ).

Чорти́ іхъ батька зна́ють, що́ се вони́ зо мною ро́блять! И досі ще нема́ нічо́го изъ Корпусу. Добива́ють вони́ мене, недолю́ди, не боячи́ся Бо́га! а нудьга, нудьга! Я ще зро́ду такоі нудьги́ не коштува́въ. Ні до

чо́го руки нележа́ть, а въ голові така́ не́хворощъ, що й ра́ди не да́мъ. Чита́ю по одному́ листо́чку въ день біографію Го́голя; чича́ю та й бою́ся: може й по листо́чку не ста́не, по́ки-то при́йде той одпускъ. Гро́шей у ме́не тепе́ръ ду́же небага́то, але́ якъ би давъ Богъ тую волю, то можна бъ було́ пози́чить тро́хи, шобъ до Москви́ або́ до Чорномо́рії допха́тьця, а тамъ уже́ я не заги́ну. Ти мині пи́шешъ про фотогра́фію. Не робіть нічо́го, брати́ мої, дру́ги мої ми́лиі, по́ки я зъ ва́ми не поба́чусь. Съ сіе́ю по́чтою не пишу тобі—я свобо́денъ; чи не дасть Богъ зъ будущою. Ну́дно мині, дру́же мій еди́ний! ду́мавъ собі, чи не легше бу́де якъ зъ тобо́ю поговорю́ хочъ на папі́рі... перо́ зъ рукъ випада́е. На посы́лку твою́ тілько дивлю́ся и більшъ нічо́го; въ ру́ки нічо́го взять не хо́четця. Бува́й здоро́въ, мій дру́же еди́ний! Цілу́ю тебе́, Семе́на, Куліша, и всіхъ моіхъ и твоіхъ земляківъ до́брихъ и щи́рихъ таки́хъ якъ ти. Не покида́йте мене́, други мої, брати́ мої ми́лиі!

8 мая.

IV.

20 мая (1857 г. Новопетровское).

Во истину воскре́съ! мій дру́же еди́ний!

Спаси́бі тобі, се́рце моє́, за твоє́ письмо отъ 11 апреля. Мині поле́гшало якъ прочитавъ я ёго́. Я дурни́й ду́мавъ, що ще въ январі мое діло ко́нчене, а вопо́ зъ 7 або́ зъ 17 апреля тілько що начина́етця. И та са́мая дурна́я ду́мка мене́ такъ тя́жко му́чила и до́сі. Тепе́ръ, слава́ Бо́гу, я повеселішавъ; а все-таки́—за що не візьму́ся—изъ рукъ випада́е. Се́рце яко́сь лихора́дочно бье́тця. Охъ! якъ би то ёго́ шви́дче успоко́іли!

Ти пи́шешъ, шо бувъ до́ма. Якъ я тобі зави́дую, мій дру́же еди́ний! Тамъ и про ме́не зга́дували. Спаси́бі імъ земляка́мъ моімъ ріднимъ, що не забува́ють кобзаря́ свого, старо́го, безтала́нного.

Ти пи́шешъ що чувъ, що и въ столиці есть добрі ду́ші, що хотя́ть помага́ть мені на доро́гу. Спаси́бі, імъ добримъ ду́шамъ! и чи не бу́де той са́мий А. Маркевичъ зъ това́ришами, про кото́рого я тобі писа́въ?

Ще ти пита́ешъ, чи бага́то мині тре́ба буде́ гро́шей на доро́гу? Я и самъ не знаю, и не зна́ю ще, якъ я поіду? чи на Оренбургъ, чи Волгою до Нижнёго и на Москву, чи на

Чорноморію? Яки́мъ би шляхомъ не поіхавъ, то я ду́маю, що не обійду́ся ме́нше якъ 200 рублями. Тре́ба бу́де оде́жа, бо зъ ме́не якъ знімуть казе́нну, то я оста́нуся якъ той туре́цький свяги́й, буквально го́лий. Полу́чишъ ти на своє и́мя отъ Б. Зале́ського изъ Ми́нскоі губерні 50 рублівъ, то и ті пришпили́ до своіхъ, та й пришли по пре́жнёму адресу́, съ переда́чею. Я мо́жу не діждуся твоіхъ гро́шей, а пози́чу у Ира́клія Александровича: то ти вже такъ и посилай на ёго имя́. А якъ що не бу́де одъ Царя нічо́го, то не посила́й и гро́шей: на що вони́ тоді мені? Якъ перепи́шуть Матроза, то переда́й ёго́ Кулішеві, та попроси́ ёго́ одъ ме́не—неха́й вінъ ёго прочита́е гарне́нько, та де що поба́чить—неха́й и поправить, а за Записки о Южной Руси подякуй ёго́ ще разъ одъ ме́не. Не тепе́ръ, а коли-не́будь и́ноді я ду́маю удра́ть кри́тику на сію воистинно драгоцінную кни́гу. Але ще тілько ду́маю, а тамъ Богъ ёго́ знае, якъ воно́ бу́де. Попроси́ Семена—неха́й вінъ коли́ не́будь роскаже вамъ, якъ замира́вши Явдо́ха була́ на тімъ світі и що вона́ тамъ ба́чила? У Кулі́ша́ запи́сане тілько пе́кло, а ра́ю нема́, опрічъ тихъ двохъ діточо́къ, що передъ Матірью Божою золоті клубо́чки де́ржать, а вона́ панчішечку плете́

Вибача́й мені, дру́же мій еди́ний, що пишу тобі такъ на швидку́. Ніколе. Сего́дня почта одхо́дить. Цілу́ю тебе́, Семе́на и всіхъ до́брихъ земляківъ моіхъ. Не покида́йте, брати моі, старого безталанного *Кобзаря́ Дармограя.*

V.

30 іюня 857 г. Новопетровское.

Мій искренній дру́же!

Получивши это послѣднее отъ меня письмо изъ Новопетровскаго укрѣпленія, сдѣлай для меня величайшее одолженіе, а для многоуважаемаго мною Ираклія Александровича еще больше: побывай ты съ человѣкомъ практически и хорошо знающимъ фотографическое дѣло, побывай съ такимъ человѣкомъ у г. Чернягина по означенному адресу. И выберите, покрайней мѣрѣ, освидѣтельствуйте выписываемую И. А. камеру для фотографіи съ приборомъ, въ-особенности обратите вниманіе на объективы *Фохтлендера*. Деньги г. Чернягину посылаются съ этою же почтою;

вслучаѣ же недостачи этой суммы, заплати свои деньги, которыя ты съ глубочайшей благодарностью получишъ отъ искренняго твоего *Т. Шевченка.*

Ираклій Александровичъ (щобъ ёго́ ли́хо не знало) вели́кий мені пріятель; то ви вже, дру́ги, брати мої лю́бії, зробіть що́ вінъ та пи́ше,—зробіть для ёго́ и для ме́не. Вінъ мене́ пьятий рікъ году́е и напува́е.

Якъ поба́чишъ Куліша, то поцілу́й ёго и скажи ёму́, що я ёго́ *Записки о Южной Руси* послав на Чорноморію,—що́ тамъ скажуть.

Пришли мені *Метлинскаго:* вінъ недорого коштуе.

P. S. Маркевичъ написа́въ мені свій адресъ, та чортъ зна яки́й: въ *Почтамской, въ домѣ Логинова, а на конвертѣ написано другою рукою*—въ домѣ полковника *Поссе*: то я теперъ не знаю шо й робить? Найди ёго, мій дру́же еди́ний, того́ *неакура́тного* Маркевича, поскуби ёго́ за чубъ, або за́ ухо, а потімъ скажи́ ему́, шобъ а́дресъ писавъ добре и по прилагаемой при семъ запискѣ исполнилъ акуратно, — а то би́тиму якъ приіду; а якъ що можна, то и ти ёму́ поможи́ въ сій робо́ті: мені це тре́ба.

VI.

1 іюля (1857 г. Новопетровское).

Мій друже единий!

Письмо твое и 75 р. грішми, одъ 2 мая, получивъ 3 іюня. Спасибі тобі, дру́же мій еди́ний. Прочитавши твое письмо я перелицюва́въ свою дорогу въ столи́цю: Чорноморію оставивъ до другого́ ра́зу, а вдаривъ просто черезъ Астрахань Волгою до Нижнёго, а потімъ черезъ Москву и до тебе, мій друже милий, мій еди́ний. Перелицювавши шляхъ-доро́гу, я того жъ дня упакувавъ свою мизе́рію книги, то-що, купивъ пологъ одъ комарівъ волжскихъ, сшивъ изъ шести листовъ папе́ру тетра́дь для подорожного журнала, и сівъ надъ мо́ремъ ждать пого́ди, та й досі жду, мій дру́же еди́ний. И Богъ ёго святи́й знае, коли́ я дожду́ся тиéі до́броі пого́ди? По́логъ вже у мене вкра́ли; тетра́дь, шо приготовивъ для доро́ги, всю до листо́чка списавъ *мѣстными впечатлѣніями*, а изъ Оренбурга ни слуху ни духу. Я не зна́ю що той Лади́женський тамъ ро́бить? Шко́да, що тн й проси́въ ёго́. Почта изъ

Оренбурга и Уральска полу́читця тутъ нераньше 15 іюля, и якъ що принесе́ мині свобо́ду, то на дру́гий же день поки́ну оце смердяче укрѣпленіе, и дасть Богъ, въ половині августа бу́ду ціловать тебе́, мій еди́ний дру́же. О Бо́же, якъби то такъ ста́лося! Молю милосе́рдного Бога, шобъ оце́ було́ послідне письмо до те́бе изъ цёго проклятого укрѣпленія. И ти не пиши́ вже до ме́не сюда́. Якъ поба́чится зъ Ма́ркевичемъ, то поклонися ёму́ одъ ме́не и скажи нехай не торбу́етця, не шука́е того́ — полко́вника К—ского: я самъ ёго́ найду́ якъ приіду; а тебе добре́ ще разъ прошу́: найди чоловіка знающого фотографію та вибери у Чернягина камеру для Ираклія Александровича; вінъ тобі вели́ке спаси́бі ска́же.

Якъ бу́ду визжа́ть изъ цёго́ поганого укрѣпленія, то напишу́ тобі, куди́ я поіду: може ще потребують въ Оренбу́ргъ, сохрани Бо́же. Проща́й, мій до́брий, мій еди́ний! Пароходъ пари́ розво́дить. Поцілуй Ѳедора и Семе́на.

VII.

Мій еди́ний друже! Я свобо́денъ. Я уже въ Астрахані и завтра 15 августа, якъ Богъ поможе, на пароході Меркурій, попливу за 5 карбо́ванцівъ на па́лубі, въ Ни́жній Новгородъ. Ра́ньше 15 сентября я не допливу́ до Нижняго, и ра́ньше 1 октября я не поцілу́ю тебе́, дру́же мій еди́ний. Го́споди милосе́рдний, скороти́ путь и вре́мья для на́шого свиданія съ тобо́ю. 21 іюля получе́но офиціальное извѣстіе о моій свобо́ді. На дру́гий день я просивъ Ираклія Александровича дать мені про́пускъ черезъ Астрахань въ Петербургъ, але́ вінъ одказавъ мені. 23 іюля написа́въ я и посла́въ черезъ Астрахань письмо графу Толстому. Писа́въ я ёму́, що я поіду черезъ Оренбургъ.

1 августа прийшла́ почта и приве́зла мені разрѣшеніе іхать куди я хо́чу. 2 августа я вирвався зъ своє́і тюрми, а 5 августа я гулявъ уже по сла́вному го́роду Астрахані. 14 августа пишу тобі оце́ письмо невели́чке, а за́втра дасть Богъ попливу́ вверхъ по матушкѣ по Волгѣ, ажъ до Ни́жнёго. До свида́нія, мій дру́же еди́ний. Цілу́ю Семе́на, Ѳе́дора и всіхъ и вся. А якъ поба́чишъ Ма́ркевича, то поскуби́ ёго́ за́ ухо, за те що я не дожда́вся ёго́ письма въ Новопетро́вскому укрѣпленію. До свиданія ще разъ, мій еди́ний дру́же. Не забува́й твого щи́рого *Т. Шевченка*.

14-го августа.
Астрахань.

VIII.

8-го октября. Н. Новгородъ.

Дру́же мій еди́ний! 19 сентября прибылъ я въ Нижній Новгородъ и только сегодня, слава Бо́гу. собрался съ силою написать тебѣ о случившемся со мною. Никто больше какъ чортъ, врагъ добрыхъ нашихъ помышленій, перешелъ мнѣ дорогу въ Питеръ. Новопетровскій комендантъ по моей просьбѣ выдалъ мнѣ пропускъ прямо въ Петербургъ; а командиръ баталіона, мой ближайшій начальникъ, обидѣлся распоряженіемъ Ираклія Александровича и увѣдомилъ Нижегородскаго полиціймейстера, чтобы меня задержать и прислать въ г. Уральскъ для полученія указа объ отставкѣ съ какими-то ограниченіями. Я занеду́жавъ. Спасибі, найшлися здѣсь добрые люди, которые пріютили меня и черезъ посредство которыхъ написано въ Оренбургъ обо мнѣ Катенину, чтобы онъ объяснилъ мое отвратительное положеніе.

Писалъ я графу Ѳ. П. Толстому изъ Новопетровскаго укрѣпленія, что я отправляюсь черезъ Оренбургъ; но послѣ упросилъ Ираклія Александровича отпустить меня черезъ Астрахань. О случившемся здѣсь со мною я теперь не пишу ему, а прошу тебе́, дру́же мій еди́ний, посѣти ты графиню Настасію Ивановну Толстую: разскажи ей о моемъ гнусномъ положеніи, а главное—благодари её отъ меня за ея святое о мнѣ ходатайство, а также и добрѣйшаго графа Ѳедора Петровича. Дру́же мій еди́ний! Во имя глубокой моей любви къ тебѣ, не откажи мнѣ въ этой великой просьбѣ.

Не знаю какъ долго продлится мое сидѣніе въ Н. Новгородѣ: думаю что я не скоро вырвуся; пришли мнѣ сколько нибудь денегъ; я почти не одѣтъ, а слѣдовательно не могу показаться въ люди и начать работу за деньги. Если получилъ ты письма отъ Кухаренка и отъ Залесского, то перешли мнѣ. Отъ Залесского должны быть и деньги; не знаю только, какъ велики.

Прощай, мій друже единий! Поцілу́й Семе́на и Ма́ркевича и не забува́й искренняго твоего *Т. Шевченка*.

Въ дру́гій разъ бу́ду тобі писа́ть більше, а тепе́ръ не здю́жаю. Адресуй свое письмо: въ Нижній Новгородъ, его высокоблагородію Павлу Абрамовичу Овсяникову, въ контору параходства Меркурій

IX.

19-го октября (1857 г.) Нижній Новгородъ.

Мій дру́же лю́бий, мій еди́ний! Сёго́дня 18-го октября получи́въ я твое бра́тне — серде́чное письмо́. Спаси́бі тобі, мое се́рце! Ти пишешъ, що Усковъ уже́ писавъ тобі о якімсь тамъ недоразумѣніи; чомъ же вінъ не написавъ, яке́ тамъ именно недоразумѣніе? И тутъ ёго́ ніхто не зна́е: я и самъ не зна́ю яке́ тамъ те прокляте недоразумѣніе! Въ Оренбургъ уже давно писано изъ Ни́жняго але́ изъ Оренбурга ще нема́ нічо́го. Я самъ не зна́ю, що се зо мною бу́де. а тимъ часомъ живу собі до́бре и ве́село отутъ межъ до́брими людьми. Овсяниковъ—тутешній архитекторъ — благородний, до́брий и розу́мний чоловікъ, а до всёго́ того́ ще и землякъ: Коното́пський. Мені тутъ до́бре зъ нимъ; шкода́ тілько, що моро́зи наста́ли; не мо́жна нічого рисовать съ натю́ри, а то було́ бъ и геть то ве́село.

Спаси́бі тобі, дру́же мій еди́ний, що ти поба́чився зъ граф и́нею Н. И. Незна́ю, чи получи́ла вона́ мое́ киргизя́ одъ Сигизмунда? и чи получи́въ графъ Ѳ. П. мое́ письмо́ изъ Новопетровська? Якъ бу́дешъ у нёго, то спита́й, будь ла́сковъ, и мені напиши́. Письма́ тепе́ръ до графа писа́ть не бу́ду: тре́ба дожда́тьця, що тамъ мені напи́шуть изъ Оренбу́рга. Я проси́въ Герна написа́ть мені; а ти, якъ полу́чишъ мое письмо́, то піди́ до графа Ѳ. П. и подя́куй ёго́ одъ ме́не за его доброе человѣколюбивое участіе, которымъ я радостно воспользуюсь, якъ прийдетця мені до скру́ту.

Поздра́въ и поцілу́й за ме́не Б—л—з—рського и ёго́ жіночку. Чому ти не оже́нисся? Чи ми вже съ тобо́ю разомъ пожене́мось? Не шви́дко, я ду́маю, це ли́хо скру́титця.

Що́ тамъ ро́бить Кулішъ? и де тепе́ръ ёго́ жіночка? Якъ поба́чишъ ії, то и ії цмо́кни разівъ зо́ три за ме́не; а Кулише́ві скажи́—неха́й ме́ні прийшле дру́гий томъ Записокъ о Южной Ру́сі. Тутъ есть одна книжная лавка та й въ тій тілько букварі продаютця. А якъ бу́де посилать вторий томъ, то неха́й и пе́рвий прики́не, бо я пе́рвий томъ З. о Ю. Р. подарувавъ на́шимъ кіевскимъ землякамъ въ Астрахані. Поцілу́й же ёго́ та и попроси́—неха́й мені ви́шле свої лю́бії Записки о Ю. Русі. А я ёму́ за те не пришлю́, а дасть Богъ, самъ привезу́ гости́нець изъ само́го Киргизского степу.

Чита́ть у ме́не тепе́ръ, сла́ва Бо́гу, е́ що, поздоро́въ Бо́же до́брихъ люде́й, але́ свого́ рідного нічогісінько нема, опрічъ Богда́на Хмельни́цького, Костомарова. Отъ це́й вчи́стивъ кни́гу такъ-такъ! Въ Сара́тові ба́чився я зъ старо́ю Костома́рихою; вона́ жда́ла ёго́ изза гряни́ці къ 15 сентября. Не зна́ю, чи верну́вся вінъ, чи ні ще? чи не чуть у васъ тамъ про ёго́ чого́-не́будь?

Що тамъ ро́бить ото́й гульви́са Семе́нъ, що нічо́го мені не пише. Поскуби́ ёго́ за́ ухо и поцілу́й за ме́не, а жіночку ёго́ и діточо́къ не скуби́, а тілько поцілу́й.

Перелика́въ ти мене́ чорною печа́тью на своімъ письмі! чи не случи́лось тамъ у те́бе крий Бо́же чого́ недо́брого?

Проща́й, моє се́рце, мій го́лубе си́зий! Я тепе́ръ. сла́ва Бо́гу, здоровий и весе́лий и щи́ро лю́бящий тебе́, моего́ еди́ного дру́га,

Т. Шевче́нко.

Якъ поба́чисся зъ графинею Н. И., то спита́йся, чи бувъ у не́і Сапо́жниковъ, съ которимъ я плывъ изъ Астрахані въ Нижній.

X.

Ми́лий мій дру́же! Позавчо́ра чо́ртові не було чого роби́ть, то вінъ носивъ мене́ въ Бала́хну тро́хи не за три́дцять верстъ одъ Ни́жнёго, а Ѳе́доръ якъ разъ въ той день и переіхавъ черезъ Нижній! И щобъ ёму́ було́ підожда́ть до завтра. Недо́брий вінъ; поцілу́й и ёго́ за ме́не.

Письмо́ твоє нашвидку́ пи́сане я получивъ; дя́кую тобі за ёго, а то вже я ду́мавъ, що ти, крий Бо́же, занеду́жавъ. Ти пишешъ, чи получи́въ я отста́вку изъ Оренбурга. Получи́въ, чи́сту получи́въ; а ще до полученія ці́ёі погано́і отста́вки писавъ я графи́ні Н. И. и гра́фу Ѳ. П. письма. Не зна́ю, чи получи́ли вони́ іхъ, чи ні? Довідайся, бу́дь ла́скавъ, та й напиши мені; и напиши мені, чи доладу́ я написа́въ письмо графу Ѳ. П., бо я на такі химе́рні письма не вели́кий ма́йстеръ. Та не забу́дь спитать у графи́ні Н. И., чи бу́въ у не́і зъ моїмъ поклономъ Сапожниковъ.

Подя́куй до́брого и розу́мнрго Куліша́ за ёго́ »Чо́рну Ра́ду« и за Записки о Ю. Р. Я вже въ дру́гий разъ чита́ю Чо́рну Ра́ду, и якъ прочитаю, то напишу ёму́ прездоровенний мадрига́лъ, а

по́ки що бу́де, послáвъ я ёму́ зъ Ва́ренцовимъ »Москалéву Крини́цю« и »Ченця́«; та якъ би бувъ знавъ, що вінъ мае одъ Щéпкина, то послáвъ би що нéбудь дру́ге. У мéне есть багáто дéчого, — тілько все то тé понедоро́блюване. Якъ застáне оце письмо́ Варенцова въ Петербургѣ, то перешли мені зъ нимъ нáші народні ду́ми, изданнні Метлинськимъ, або́ хочъ по́чтою перешли, бо я ще и не бачивъ цíї хвалéної книги.

Нарисувáвъ я карандашéмъ для тéбе свое поличче, та немá съ кимъ прислать ёго́, а по по́чті бою́ся — зотрéця; ду́мавъ пересла́ть зъ Θéдоромъ, такъ чортъ — врагъ до́брихъ нáшихъ помышленій — ба́чишъ, що́ зробúвъ.

Пúше мені старúй Щéпкинъ и просить, щобъ я прíхавъ до ёго́ на пра́зники въ го́сті. Въ сáму Москву́ мéні їхать не мо́жна, то вінъ про́сить менé до свóго сúна на ху́тіръ, десь недалéко ко́ло Москви́. Я жду, одъ ёго на дняхъ, письма; вінъ мені не пúше, де той хутіръ и колú туди́ мо́жна прíхать. А що, якъ би и ти, взя́вши Куліша́ та и Семéна съ собо́ю, та й ви прíхали на той благода́тний ху́тіръ. А ду́же бъ до́бре було́! Я тобі напишу́. якъ получу́ одъ старо́го письмо; а по́ки-що — прощáй; не забува́й велúкої про́зьби твого́ искренняго *Т. Шевчéнка.*

18-го ноября (1857 г.)
Нижній.

XI.

4-го января 1858 года.

Ви́бачъ мені, моé сéрце, мій го́лубе сúзий, що я такъ давно́ до тéбе не пишу́: нічого було́ писать. А тепéръ набра́лося такъ багáто того писáння, що ніколи писать. До́брий оцéй чоловíкъ зáвтра іде въ столúцю, зайде до тéбе, и ти зъ нимъ, якъ матимешъ часъ, до́бре набалáкайся.

Прíзжáвъ до мéне колядувáть старúй М. С. Щéпкинъ; то я пíсля ёго́ коля́дки ще и до́сі хожу́ нинáче пíсля похмíлля. Нехáй ёму́ Госпо́дь шле до́бре здоро́вья.

Поздравля́ю тебé зъ новúмъ го́домъ. Дай Куліше́ві ко́пу серебро́мъ, и поцілу́й за мéне графúню Настасію Ивановну, и бíлшъ нічо́го. Ніколи. Не забува́й менé, го́лубе мій сúзий. Чи не знаешъ ти, де живé отóй Жемчужниковъ? Якъ зна́ешъ, то напиши́ мені. Метли́нського я получúвъ, спасúбі тобі. Прощáй моé сéрце. *Т. Шевчéнко.*

XII.

21-го января (1858 г.)

Мій ми́лий дру́же!

Рекоменду́ю тобі одного́ изъ Нижегородськихъ друзей моіхъ, Константина Антоновича Шрейдерса. Привіта́й ёго́ во и́мя дру́жби на́шої. Чи бувъ у те́бе Овсянниковъ? Возьми́ у Куліша́, та прочита́й мої *Неофіти*. Воны́ ще не ви́кончені. Шрейдерсъ шви́дко ве́рнетця въ Ни́жній, то щобъ Кулішъ переписа́въ *Неофіти* и давъ ёму́ для переда́чи Ще́пкину, — а ти мій дру́же еди́ний, купи́ мені Шекспира, перево́дъ Кетчера и пісні Беранже, Курочкина; та якъ успіешъ, то отда́й и переплести́ Шекспира. Оставайся здоровъ, нехай тобі Богъ помага́е на все до́бре. Не забувай щирого твого́ *Т. Шевче́нка*.

XIII.

22-го февраля (1858 г.)

19 февраля вернувся Шрейдерсъ изъ Петербурга, привізъ мені Беранже Курочкина, чотирі экземпляра нерукотворе́нного образа и твое братне серде́чне писаніе. Спаси́бі тобі, дру́же мій еди́ний, за все и за вся. До́бре еси зробивъ що заказавъ 50 штукъ помянутого о́браза: нехай, по́ки-що, земляки́ дивля́тця хоть на сей о́бликъ борода́того недоби́того кобзаря свого. Ду́маю на тімъ ти́жні покинуть оцей пога́ний Нижній. Поіду ажъ пі́дъ Москву въ го́сті до мого́ старого — ба́тька до М. С. Щепкина, та въ ёго до весни́ пробу́ду; а весно́ю якъ не бу́де мені якої ра́ди зъ ти́ми пога́ними столи́цями, то чкурну́ въ Харьківъ, або́ въ Кивъ, а мо́же й дальше якъ Богъ помо́же. Дожида́ю Овсянникова съ чемоданомъ, а тобъ я вже давно ви́іхавъ. Чи здоро́ва графиня Н. И., Бувъ у ме́не въ гостяхъ Яковъ: сла́вний хло́пець! Шрейдерсъ не нахва́литця тобо́ю и Семе́номъ и тепе́ръ ці́лу́е васъ обо́хъ. До́бре зроби́въ, що не купи́въ Шекспира: цуръ ёму́, яки́й дорогий! Поці́лу́й за ме́не Семе́на та й прощай, мій дру́же еди́ний. Посила́ю тобі оцю́ недавно спе́чену шту́ку; для того́ и пишу́

ма́ло щобъ папіру бі́лшъ оста́лося для новорожде́нного чада (До́ля, Му́за, Сла́ва). Не забува́й свого искреннёго *Т. Шевче́нка.*

Марко Вовчо́къ — це псевдонімъ яко́ісь пані Ма́рковичъ. Чи не зна́ешъ ти ії адреса? якъ не знаешъ, то спитай у Каменє́цького, въ типографіі Куліша́. Я чувъ шо вінъ ії до́бре зна́е. Якъ довідаесся, то напиши́ мені: тре́ба бу́де хочъ письмо́мъ подя́кувать ії за ії серде́чнії, щи́рії »Оповіда́ння.« Шко́да що не оста́вивъ тобі Кулішъ Неофіти. Мо́же вони́ есть у Каменецького. Спи́тай.

XIV.

25-го февраля (1858 г.)

25 февраля, въ 7 часовъ утра, получивъ я твое письмо. Ніхто зро́ду не поздравлявъ мене́ зъ имени́нами такъ ве́село, якъ ти мене́ сего́дні поздравивъ. Спаси́бі! Поці́лу́й три́чі граф и́ню Н. И. и графа́ Ѳ. П., а черезъ ти́ждень, або́ два я самъ іхъ поці́лу́ю, и тебе́ и Семе́на и всіхъ до́брихъ люде́й, су́щихъ въ Петербурсі. Твій именинникъ *Т. Шевче́нко.*

Шрейдерсъ ці́лу́е тебе́ и Семе́на.

XV.

12-го марта (1858 г.) Москва.

Я — въ Москві. Нездужаю. Око роспу́хло и почервоні́ло, — тро́хи зъ ло́ба не вила́зить. Докторъ посади́въ мене́ на діе́ту и не велівъ вихо́дить на у́лицю. Отъ тобі й столи́ця! Самъ чортъ простя́гся поперекъ шля́ху, та й не пуска́е мене́ до васъ. Нічого робить! противъ ёго́, сучого си́на, нічо́го не вдію. Докторъ гово́рить що я неді́лю, або́ й дві, оста́нуся въ Москві. Прошу́ тебе́, зайди́ до граф и́ні Наста́сіі Ивановни и роскажи ій про моє́ ли́хо.

Зъ завтрешнёю по́чтою поспла́ю тобі два рису́нка. Закажи́ снять фотографу дві ко́пії въ полови́ну ме́ньше — одну́ для се́бе, а дру́гу для ме́не, а по́тімъ переда́й рису́нки гра́фу Ѳ. П. и попроси́ ёго́, шобъ вінъ, при случаі, переда́въ іхъ Марьі Никола́евні для альбо́ма, коли́ вони́ бу́дуть ва́рті того. Я самъ ду́мавъ переда́ть іхъ ли́чно, та, бачъ, що́ зо мно́ю зроби́лось.

Будь ла́скавъ, найди тамъ того́ гульви́су Овсянникова и скажи́ ёму́, щобъ вінъ непремінно поба́чився зо мно́ю въ Москві. Сижу́ я у Михайла Семеновича Щепкина, близь Садовоі улиці, въ приходѣ старого Пимена, въ домѣ Щепотьевой.

Незабувай мене, дру́же мій еди́ний. Поцілу́й за ме́не Семена.

Т. Шевче́нко.

На-щотъ рису́нківъ — я́къ на́йде графъ и що́ вінъ зъ ними зро́бить,—напиши́ мені. Не держи іхъ тілько до́вго у фото́графа.

XVI.

$^{19}/_{21}$ марта (1858 г.) Москва.

Дру́же мій еди́ний! Радъ би на кри́лахъ летіть до васъ, та прокля́те око́—шобъ воно́ не ви́лізло!—не пуска́е. Сего́дня бувъ у ме́не докторъ и ра́ньше великодноі неді́лі не пуска́е мене́ въ доро́гу. А ёго́, розумного, тре́ба послу́хать, а то не бу́де чимъ дивитьця на світъ Бо́жий и на те́бе, мій дру́же еди́ний!

Русу́нки мої, я ду́маю, тепе́ръ уже́ получені. Неха́й фотографъ зро́бить хочъ одинъ экземпляръ. Бо мені хочетця, шобъ графъ Ѳ. П. (якъ що вінъ на́йде іхъ досто́йними того), шобъ передавъ іхъ на святкахъ М. Н. Добре було́ бъ, якъби такъ зроби́лось.

Де той тамъ у чо́рта Овся́нниковъ пропада́е? Я не зна́ю, чи купи́въ вінъ мені чемода́нъ, чи ні? якъ-що купи́въ, то нехай хочъ соломо́ю напха́ та при́шле мені, а то доведе́ця въ Москві купова́ть. Проща́й мій дру́же еди́ний. Поцілу́й Семе́на за ме́не. Щи́рий твій *Т. Шевче́нко.*

Якъ передаси́ рису́нки графу Ѳ. П., сідай на чугу́нку та й до ме́не, та вку́пі и вернемося въ Питеръ. Ей-Богу, до́бре бъ було́ бъ.

XVII.

10 іюля (1859 г.) Межирічъ.

Спаси́бі тобі за твое́ письмо́ и за письмо́ М. А. Я оце́ ду́маю іхать у Гирівку; до́бре бъ було́, якъби и ти туди хочъ къ полови́ні

августа приіхавъ, а ранше—то ще лу́чче бъ. А по́ки те бу́де, пошли́ мій короте́нький листъ Ма́рьі Алекса́ндровні. Та щобъ неда́ромъ німці вози́ли папіръ, то напиши́ и ти ій на дру́гімъ чи́стімъ бо́ці: вона́, я зна́ю, бу́де ду́же, ду́же ра́да.

До́бре було́ бъ, якъ би́ ти поба́чився съ Кожа́нчиковимъ та роспита́въ би ёго́ про цензу́ру. Якъ поба́чишъ Костомарова, то поцілу́й ёго́ за мене тожъ, а Александру Ивановну ажъ три́чі. Оставайся здоровъ! неха́й тобі Богъ помага́е на все добре.

Чи графъ Ѳ. П. въ акаде́міі, чи ні?

Т. Шевченко.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Девятый отрывокъ.

4 октября 1857.

До 12 часовъ я велъ себя хорошо. Не кончивши портретъ Аделаиды Алексѣевны Брылкиной, попросилъ я, у Николая Александровича Брылкина, экипажа, съ намѣреньемъ сдѣлать визиты, пришелъ домой, вырядился, съ помощью Павла Абрамовича Овсянникова, какъ первостатейный франтъ, и началъ свою визитацію съ г. В—рна. Г. В—рнъ, на первый разъ, показался мнѣ, въ домашнемъ быту, человѣкомъ аккуратнымъ, но не чопорнымъ; вели мы рѣчь о томъ, что у насъ пути сообщенія больше нежели гнусны; напримѣръ, въ Черниговѣ, въ 1843 году, на базарѣ продавали муку 20 к. ср. пудъ, а въ мѣстечкѣ Гомели туже самую муку продавали 1 р. ср. пудъ. Поговоривши о путяхъ сообщенія, мы слегка коснулись и военнаго сословія, однимъ словомъ: «совсѣмъ незавидное», — что, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнью. Заключивши наше обоюдное любезничество такимъ мнѣніемъ о военномъ сословіи, я простился съ г. генераломъ и поѣхалъ къ доктору Гардвигу. (Написано чужой рукой: Далѣе слудуетъ рукою Тараса Григорьевича:)

5 октября.

Михайло — хорошій слуга, но въ секретари не годится, малограмотенъ. Я хотѣлъ по примѣру Юлія Цезаря и работать, т. е. рисовать, и диктовать; но мнѣ ни то, ни другое не удалось. За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. Пословица очень справедлива. Не знаю, умѣлъ ли Юлій Цезарь рисо-

вать, а диктовать, говорятъ, онъ могъ разомъ письма о пяти совершенно разныхъ предметахъ, — чему я почти не вѣрю. Но не о томъ рѣчь, а рѣчь о томъ, что у меня еще и сегодня колеблется десница отъ позавчерашняго глумленія пьянственнаго, и я вчера только видъ показывалъ, что я будто бы рисую, а гдѣ тамъ! и фонъ не могъ *конопатить*... Такъ только, абы-то.

Остановились мы на томъ, какъ я пріѣхалъ къ доктору Гартвигу.

6 октября.

Вчера только я успѣлъ обмокнуть перо въ чернило, описать визитъ мой доктору Гартвигу и перейти къ нецеремонному визиту г. Кудлаю, какъ дверь съ шумомъ растворилась и вошелъ въ комнату самъ Кудлай. Разумѣется, я положилъ омоченное въ чернило перо, встрѣтилъ дорагаго свѣтскаго гостя въ подштанникахъ и послѣ лобызаній, *вдарились* сначала въ обыкновенный пустой разговоръ, а потомъ перешли къ воспоминаніямъ о Питерѣ, о покойномъ Петровскомъ и о великомъ Брюловѣ. Воспоминанія наши были прерваны приходомъ слуги отъ Н. А. Брылкина съ предложеніемъ обѣда. Я проводилъ моего гостя, одѣлся и отправился къ Н. А. обѣдать. Послѣ обѣда, рѣзвушка мамзель Анхенъ Ш-бе предложила сопутствовать ей въ театръ; я съ удовольствіемъ принялъ ея предложеніе, и во второй разъ слушалъ музыку Моцарта изъ Донъ-Жуана, а въ первый разъ видѣлъ драму Коцебу *Сынъ Любви*, — о существованіи которой я зналъ по слуху. Драма моей рѣзвой сопутницѣ очень понравилась, какъ произведеніе Коцебу, а мнѣ, къ ужасу моей дамы, тоже понравилась — *только не совсѣмъ*, за что́ я получилъ изъ улыбающихся устъ восторженной нѣмки названіе грубаго варвара, неспособнаго сочувствовать ничему прекрасному и моральному. Роль Амаліи, дочери барона, исполняла артистка Московскаго театра госпожа Васильева, натурально и благородно; а прочіе, кромѣ г. Платонова (роль барона) — лубочно. За драмою послѣдовала *Путаница;* по здѣшнему — хорошо, а по моему — тоже лубочно. Спектакль кончился въ первомъ часу къ удовольствію публики вообще и моей спутницы въ особенности.

7 октября.

Морозъ закалилъ наконецъ непроходимую грязь; это хорошо. Нехорошо только то, что если онъ установится, то лишитъ меня возможности нарисовать здѣшнія старинныя церкви, которыя мнѣ такъ понравились. Вслѣдствіе-уже не слякоти, а преждевременнаго гостя-мороза, я сидѣлъ дома, написалъ Махайлу Лазаревскому о притчѣ, случившейся со мною въ Нижнемъ Новѣгородѣ, и просилъ прислать мнѣ сколько-нибудь денегъ, потому что я на публику здѣшнюю плохо надѣюся.

8 октября.

Пользуясь хорошею погодою, я позавтракалъ сыто и пошелъ гулять. Обогнувши два раза Кремль и полюбовавшись окрестными видами и коническими старинными колокольнями, какъ лисица виноградомъ, зашелъ къ моему поставщику чтенія, къ милѣйшему Константину Антоновичу Шрейдерсу, бывшему студенту Кіевскаго университета и, въ нѣкоторомъ родѣ, земляку моему. Встрѣтилъ у него нѣкоего барона Торнау, полковника генеральнаго штаба, человѣка либеральнаго, прекрасно и неутомимо говорящаго. Во время послѣдней войны онъ былъ при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, военнымъ агентомъ; слѣдовательно ему есть о чемъ говорить. Жалѣю, что разговоръ его длился не болѣе получасу; онъ здѣсь проѣздомъ и, кромѣ того, торопился на обѣдъ къ губернатору.

Баронъ Торнау, между прочимъ, рекомендовалъ мнѣ на всякій случай своего близкаго пріятеля, извѣстнаго путешественника Ег. П. К — го, человѣка много-могущаго.

9 октября.

Сегодня поутру любезный Н. А. Брылкинъ принесъ мнѣ давно-жданное «краткое истирическое описаніе Нижняго Новагорода», составленное нѣкоимъ Н. Хранцовскимъ. Но такъ какъ сегодня погода довольно сносная, то я, оставя сію интересную (книгу) до-вечера, отправился къ Печерскому монастырю. Кое-какъ набросавъ видъ монастыря, я съ окоченѣлыми руками прибѣжалъ домой. Пазавтракалъ, поотогрѣлся и принялся за книгу. Книга хо-

рошая и достаточно знакомитъ съ исторіею края и города. Жаль, что г. Хранцовскій объ архитектурныхъ памятникахъ, и вообще о памятникахъ старины, говоритъ слишкомъ скромно. Но и за то спасибо. Печерскій монастырь, что́ я сегодня рисовалъ, построенный при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ въ 1597 г. вмѣсто разрушившагося древняго монастыря, основаннаго архимандритомъ Діонисіемъ.

10 октября.

Сегодня погода не поблагопріятствовала моему доброму намѣренію рисовать Архангельскій соборъ въ Кремлѣ, и я предложилъ сеансъ Н. А. Брылкину и нарисовалъ его портретъ.

11 октября.

А сегодня, съ горемъ пополамъ, отправился поутру рисовать Архангельскій соборъ, озябъ до слезъ и ничего бы не сдѣлалъ, еслибы не попался на глаза генералъ Веймарнъ, командиръ учебнаго карабинернаго полка и, разумѣется, главный хозяинъ въ казармахъ, подъ которыми я расположился рисовать. Я разсказалъ ему о своемъ горѣ, и онъ обязательно позволилъ мнѣ помѣститься у любого окна въ казармахъ, чѣмъ я и воспользовался съ благодарностью. Поработавши, отправился я обѣдать къ Н. К. Якоби. Вмѣсто десерта онъ угостилъ меня одной брошюрой. Сердечное, задушевное, человѣческое слово!

12 октября.

Окончилъ вчера начатый рисунокъ Архангельскаго собора. Оригинальное, красивое и самое древнее, прекрасно сохранившееся, зданіе въ Нижнемъ Новгородѣ, соборъ этотъ построенъ во время великаго князя нижегородскаго Юрія Всеволодовича, въ 1227 году.

13 октября.

Рисовалъ карандашами портретъ Анны Николаевны П—ой, слывущей здѣсь красавицей первой статьи. Первый портретъ рисую

за деньги, за 25 р.; посмотримъ, что дальше будетъ. Не худо бъ, еслибъ этакихъ тароватыхъ красавицъ было погуще въ Нижнемъ. Хоть бы на портного заработалъ.

Послѣ сеанса, отправился обѣдать къ Н. К. Якоби, а послѣ обѣда отправился въ театръ. Спектакль былъ хоть куда: Васильева, въ особенности Піунова, были естественны и граціозны. Легкая, игривая роль ей къ лицу и по лѣтамъ. Увертюра изъ *Вильгельма-Теля* была исполнена прекрасно, словомъ—спектакль былъ блестящій.

Каковы-то теперь спектакли въ Питерѣ, на Большомъ Театрѣ! Хоть бы однимъ глазомъ взглянуть, однимъ ухомъ послушать.

14 октября.

Къ величайшему удовольствію, сегодня портретъ окончилъ, отдалъ, и весело вечеръ провелъ съ моимъ милымъ капитаномъ В. В. Кишкинымъ. На дняхъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Когда же я поѣду въ Петербургъ? Отвратительное положеніе. Немногимъ лучше чѣмъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

15 октября.

При вѣтрѣ и морозѣ нарисовалъ видъ двухъ безъименныхъ башень, часть Кремлевской стѣны и видъ на Заочье. Въ цѣломъ вышелъ порядочный рисунокъ. Я тороплюся сдѣлать побольше эскизовъ, на случай если придется мнѣ здѣсь зазимовать, такъ чтобы была хоть какая-нибудь работа. Обѣдалъ у Н. К. Якоби. Первую часть вечера провелъ у Брылкиныхъ, а вторую-съ Овсяниковымъ въ клубѣ, за *Пчелой* и бутылкой эля. Въ клубѣ познакомился съ г. Варенцовымъ. Это инспекторъ Института благороднаго при здѣшней гимназіи, и товарищъ по университету Н. И. Костомарова. Отъ него я узналъ, что Костомаровъ еще не возвращался-изъ за границы въ Саратовъ. и что Кулишъ издалъ второй томъ *Записокъ о южной Руси.*

16 октября.

Отъ нечего дѣлать зашелъ я сегодня къ Варенцову. Заговорили, разумѣется, о Костомаровѣ, и онъ сообщилъ мнѣ (по из-

вѣстіямъ, полученнымъ имъ изъ Москвы), что будто бы въ Москвѣ, между молодежью, ходитъ письмо Костомарова, исполненное всякой истины, и вообще пространнѣе и разумнѣе письма Г—на, адресованнаго тому же лицу. Письмо Костомарова якобы написано изъ Лондона. Если это правда, то — благослови его, Господи, на семъ великомъ поприщѣ!

Отъ Варенцова зашелъ я къ новому знакомому Петру Петровичу Голиховскому, милому и любезному человѣку. Онъ здѣсь мимоѣздомъ изъ Питера въ Екатеринбургъ. Онъ отрекомендовалъ меня своей красавицѣ женѣ. Она—мужественная брюнетка, родомъ молдованка. ——П. П. Голиховскій, между протчимъ, сообщилъ мнѣ, что въ Парижѣ образовался русскій журналъ, подъ названіемъ *Посредникъ*, редакторъ *Сазоновъ*. Главная цѣль журнала быть посредникомъ между Лондонскими періодическими изданіями и рускимъ правительствомъ, и еще—обличать *Пчелу*, *le Nord* и вообще наши газеты. Прекрасное намѣреніе! Жаль, что это не въ Брюсселѣ или не въ Женевѣ. Въ Парижѣ какъ разъ подружески прихлопнутъ это новорожденное дитя.

Послѣ обѣда у Поповыхъ, зашелъ я къ Н. К. Якоби, и познакомился у него съ нѣкоимъ Симбирскимъ бариномъ Киндяковымъ, родственникъ Т—шева. Такъ-какъ Киндяковъ ѣдетъ въ Петербургъ, то я и просилъ его узнать отъ своего родственника, долго ли еще продлится мое изгнаніе, и могу ли я когда-нибудь надѣяться на совершенную свободу?

У Якоби же встрѣтился и благоговѣйно познакомился съ возвращающимся изъ Сибири Иваномъ Александровичемъ А—овымъ. Сѣдой, величественный, кроткій изгнанникъ, въ рѣчахъ своихъ не обнаруживаетъ и тѣни ожесточенія,—даже добродушно подтруниваетъ.—

Говорили о возвратившемся изъ изгнанія Николаѣ Т—евѣ, о его книгѣ, говорили о многомъ и о многомъ и, въ первомъ часу ночи, разошлись, сказавши: до свиданья.

17 октября.

Сегодня получилъ письмо отъ М. Лазаревскаго и два письма отъ милаго моего, незабвеннаго Залесскаго. Лазаревскій пишетъ, что онъ видѣлся съ графиней Настасіей Ивановной, и что онѣ

усовѣтовали, въ случаѣ воспрещенія мнѣ въѣзда въ столицу, просить письмомъ графа Ѳ. П., чтобы онъ исходайствовалъ мнѣ это разрѣшеніе черезъ президента нашего, для академіи художествъ, классы которой я буду съ любовію посѣщать, какъ было во время оно. Добрые, благородные мои заступники и совѣтники!

Залесскій, кромѣ обыкновеннаго своего сердечнаго искренняго прелюдія, пишетъ, что рисунки мои получилъ всѣ сполна, что нѣкоторые изъ нихъ уже пристроилъ въ добрые руки и деньги 150 р. переслалъ на имя Лазаревскаго. Неутомимый другъ! Знакомитъ онъ меня еще съ какой-то своей землячкой-Литвинкой, недавно возвратившейся изъ Италіи, съ огромнымъ грузомъ изящныхъ произведеній. Для меня и за глаза подобныя явленія очаровательны, и я сердечно благодарю моего друга за это письменное знакомство.

Что́ значитъ, что Кухаренко мнѣ не пишетъ? Неужели онъ не получилъ моего *Палія* и мою *Москале́ву Крини́цю*? Это было бы ужасно досадно. Упившись чтеніемъ этихъ дружескихъ милыхъ посланій, вечеромъ, вмѣстѣ съ Овсянниковымъ, отправились мы въ красавицѣ Молдованкѣ. Страшная, невиданная женщина! Мы пожелали ей счастливой дороги до нелюбимаго ею Екатеринбурга, и разстались, быть можетъ, навсегда. Чудная женщина! Неужели кровь древнихъ сабинянокъ такъ всемогуще, безконечно жива? Выходитъ, что та́къ.

18 октября.

Написалъ и отослалъ письма моимъ милымъ друзьямъ, М. Лазаревскому и Б. Залесскому.

19 октября.

Въ клубѣ великолѣпный обѣдъ съ музыкою и повальная гомерическая попойка.

20 октября.

Ночь и слѣдующіе сутки провелъ въ очаровательномъ семействѣ мадамъ Г — е.

22 октября.

Вздумалось мнѣ просмотрѣть рукопись моего *Матроза*. На удивленіе безграмотная рукопись! а писалъ ее никто иной, какъ

прапорщикъ Ор. корпуса, лучшій изъ воспитанниковъ Неплюевскаго кадетскаго корпуса. Что же посредственные и худшіе воспитанники, если лучшій изъ нихъ безграмотный?

23 октября.

При свѣтѣ великолѣпнаго пожара, вечеромъ, часу въ 9-мъ, встрѣтился я съ А. К. Шрейдерсомъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что обо мнѣ получена форменная бумага на имя здѣшняго военнаго губернатора, отъ командира Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса. Для прочтенія сей бумаги, зашли мы въ губернаторскую канцеляріо, къ правителю канцеляріи, милѣйшему изъ людей Андрею Кириловичу Кадинскому. Бумага гласитъ о томъ, что мнѣ воспрещается въѣздъ въ обѣ столицы и что я обрѣтаюсь подъ надзоромъ полиціи.—

Что же я теперь буду дѣлать безъ моей академіи? безъ моей возлюбленной акватинты, о которой я такъ сладко и такъ долго мечталъ? Что я буду дѣлать? Обратиться опять къ моей святой заступницѣ, графинѣ Настасьѣ Ивановнѣ Толстой? Совѣстно. Подожду до завтра. Посовѣтуюсь съ моими искренними друзьями, съ П. А. Овсянниковымъ и съ Н. А. Брылкинымъ. Они люди добрые, сердечные и разумные. Они научатъ меня, что мнѣ предпринять въ этомъ безвыходномъ положеніи.

24 октября.

Сегодня мы усовѣтовали такъ: на неопредѣленное время остаться мнѣ здѣсь, по случаю мнимой болѣзни, а тѣмъ временемъ писать графу Ѳ. П. Толстому и просить его ходатайства о дозволеніи мнѣ жительства въ Петербургѣ, хотя на два года. Впродолженіи двухъ лѣтъ я, съ помощію Божіею, успѣю сдѣлать первоначальные опыты въ моей возлюбленной акватинтѣ.

25 октября.

Продолжаю по складамъ прочитывать и поправлять *Матроза* и ругать безграмотнаго переписчика. Прочитывая по складамъ мое твореніе, естественно, что я не могъ слѣдить за складомъ рѣчи. Убѣдился только въ одномъ, что названіе этого разсказа

необходимо перемѣнить. Пока не придумаю моему *Матрозу* другого, болѣе приличнаго, имени, назову его такъ: *Прогулка съ пользою и безъ морали.*

26 октября.

Заходилъ къ Варенцову и взялъ у него для прочтенія два номера 2 и 3 *Русской Бесѣды*. Въ эпилогѣ къ *Чорной Радѣ*, П. А. Кулишъ, говоря о Гоголѣ, Квиткѣ и о мнѣ грѣшномъ, указываетъ на меня, какъ на великаго самобытнаго народнаго поэта. Не изъ дружбы ли это?

Во 2 номерѣ *Русской Бесѣды*, я съ наслажденіемъ прочиталъ трехъ-куплетное стихотвореніе Ѳ. Тютчева.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты Рускаго народа!

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный —
Что скользитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ царь небесный
Исходилъ благословляя!

27 октября.

Нѣсколько дней сряду хорошая ясная погода, и я сегодня не утерпѣлъ: пошелъ на улицу рисовать. Нарисовалъ церковь пророка Иліи, съ частію Кремля, на второмъ планѣ. Церковь пророка Иліи построена въ 1506 г., въ память огненнаго стрѣлянія, спасшаго Нижній отъ Татаръ и Ногаевъ.

28 октября.

Сегодня погода тоже почти позволила мнѣ выйти рисовать на улицу. Нарисовалъ я кое-какъ церковь Николая за Почайной, построенную въ 1372 г., вѣроятно тоже въ ознаменованіе какого нибудь кровопролитія. По дорогѣ зашелъ я къ моему любезному

доктору Гартвигу, засталъ его дома, позавтракалъ, выпилъ отличнѣйшей вишневки собственнаго приготовленія, и въ старомъ изорванномъ Нижегородскомъ адресъ—календарѣ прочиталъ, что въ Княжнинскомъ уѣздѣ Н. губерніи, въ селѣ Вельдемановѣ, отъ крестьянина Мины и жены его Марьяны, въ 1605 г. въ маѣ мѣсяцѣ, родился знаменитый патріархъ Никонъ.

29 октября.

Ходилъ къ Трубецкому, весьма милому князю-человѣку, и не засталъ его дома. Обѣдалъ у Н. К. Якоби, а послѣ обѣда, въ театрѣ, слушалъ между протчимъ увертюру изъ *Роберта*, Мейербера, въ антрактахъ какой-то кровавой драмы. Возможно ли двадцати-инструментнымъ, вдобавокъ нетрезвымъ, оркестромъ исполнять какую бы то ни было увертюру, а тѣмъ болѣе увертюру *Роберта*, *Мейербера*. Прости имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ. Къ концу кровавой драмы, половина лампъ въ залѣ погасла, и тѣмъ кончился великолѣпный спектакль.

30 октября.

Пользуясь погодой, я совершилъ прогулку вокругъ города съ удовольствіемъ и не безъ пользы Въ заключеніе прогулки нарисовалъ Благовѣщенскій монастырь, старое, искаженное новыми пристройками, зданіе. Главная церковь, колокольня, несовсѣмъ уцѣлѣли отъ варварскаго возобновленія. Остались только двѣ башни надъ трапезой неприкосновенными. И какія онѣ красавицы! Точно двѣ сосны, прекрасныя, чистыя отроковицы, подняли свои головки къ подателю добра и красоты, и какъ бы благодарятъ его, что онъ заступилъ ихъ отъ руки новѣйшаго архитектора. Прекрасное, ненаглядное зданіе!

Благовѣщенскій монастырь основанъ въ XIV столѣтіи св. Алексѣемъ митрополитомъ; къ этому времени принадлежатъ и прекрасныя башни. Соборная церковь монастыря построена въ 1649 г. Мѣстоположеніе монастыря очаровательное.

31 октября.

Сегодня только наконецъ дочиталъ своего *Матроза*. Онъ показался мнѣ слишкомъ растянутымъ. Можетъ быть отъ того, что

я по складамъ его читалъ. Прочитаю еще разъ въ новомъ экземплярѣ, и если окажется сноснымъ, то пошлю къ М. С. Щепкину: пускай гдѣ хочетъ, тамъ его и пріютитъ.

Вечеромъ И. П. Грасъ познакомилъ меня съ Марьей Александровной Дороховой, директриссой здѣшняго Института. Возвышенная, симпатическая женщина! Несмотря на свою аристократическую породу, въ ней такъ много сохранилось простаго, независимаго человѣческаго чувства и наружной силы и достоинства. — Она еще мнѣ живо напомнила, своей отрывистой прямою рѣчью, жестами и вообще наружностію, моего незабвеннаго друга, княгиню Варвару Николаевну Р—ну. О. если бы побольше подобныхъ женщинъ-матерей!

1 ноября.

Рисовалъ портретъ М. А. Дороховой, и послѣ удачнаго сеанса, по дорогѣ зашелъ къ Шрейдерсу, встрѣтилъ у него милѣйшаго М. И. Попова и любезнѣйшаго П. В. Лапу. Выпилъ съ хорошими людьми рюмку водки, остался обѣдать съ хорошими людьми и съ хорошими людьми за обѣдомъ чуть-чуть не нализался, какъ Селифанъ. Шрейдерсъ оставлялъ меня у себя отдохнуть послѣ обѣда, но я отказался и пошелъ къ мадамъ Г — е, гдѣ и положилъ якорь на ночь.

2 ноября.

Возвращаясь домой съ благополучнаго ночлега, зашелъ я проститься къ Варенцову. Онъ сегодня ѣдетъ въ Петербургъ. У меня было намѣреніе послать съ нимъ въ Москву своего *Матроза*, но переписчикъ мой тоже съ добрыми людьми загулялъ и рукопись остановилась. Досадно. Прійдется подождать Овсянникова. Когда я сбуду съ рукъ этого несноснаго *Матроза!*

Прійдя, я, отъ нѣчего дѣлать, раскрылъ генварскую книжку Отеч. Записокъ, и какая прелесть случайно попалась мнѣ на глаза! Это стихотвореніе безъ названія З. Туръ.

Во время сумерокъ, когда поля и лѣсъ
Стоятъ окутаны полупрозрачной дымкой,
Съ воздушныхъ ступеней темнѣющихъ небесъ
Спускается на землю невидимкой

Богиня стройная съ задумчивымъ лицомъ.
Для ней нѣтъ имени. Она пугливѣй грезы;
Печальный взоръ горитъ привѣтливымъ огнемъ.
А на щекахъ замѣтны слезы.
Съ корзиною цвѣтовъ, съ улыбкой на губахъ,
Она украдкою по улицамъ проходитъ,
И озирается на шумныхъ площадяхъ,
И около дворцовъ пугливо бродитъ;
Но увидавъ подъ крышею окно,
Гдѣ одинокая свѣча горитъ, мерцая,
Гдѣ юноша, себя и всѣхъ забывъ давно,
Сидитъ, въ мечтахъ стихъ жаркій повторяя,
Она порхнетъ туда и, просіявъ, войдетъ
Въ жилище бѣдное, какъ мать къ родному сыну,
И сядетъ близъ него, и счастье разольетъ,
И высыплетъ надъ нимъ цвѣтовъ корзину.

3 ноября.

Сегодня воскресенье, и я, какъ порядочный человѣкъ, *причепурився* и вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ навѣстить моихъ добрыхъ знакомыхъ. Зашелъ я къ первому мистеру Гранду—англичанину, отъ волоска до ноготка, и у него, у англичанина, я въ первый разъ увидѣлъ сочиненія Гоголя, изданныя моимъ другомъ П. Кулишомъ. Здѣсь портретъ автора до того плохъ, что я удивляюсь, какъ знаменитый Іорданъ позволилъ подписать подъ нимъ свое прославленное имя. —

4 ноября.

Кончилъ сегодня портретъ одной дѣвушки — побочной дочери П—а.—Удивительно милое и рѣзвое созданіе! Но мнѣ какъ-то грустно дѣлается, когда я смотрю на подобныхъ дѣтей. Я никому, и тѣмъ болѣе заступнику свободы, не извиняю этой безнравственной независимости, такъ туго связывающей этихъ бѣдныхъ побочныхъ дѣтей. Простительно какому-нибудь забубенному гусару, потому что онъ только-гусаръ, но никакъ не человѣкъ; или какому нибудь помѣщику-собачнику, потому что онъ собачникъ— и только. Но гражданину, понесшему свой крестъ въ пустынную Сибирь во имя человѣческой свободы, подобная независимость непростительна. Если онъ не могъ стать выше обыкновеннаго человѣка, то не долженъ и унижать себя передъ обыкновеннымъ человѣкомъ.

5 ноября.

Сегодня окончательно проводилъ Варенцова въ Петербургъ и сегодня же черезъ него получилъ письмо отъ (одного пріятеля. Онъ) пишетъ, что напрасно прождалъ меня двѣ недѣли въ Петербургѣ и не хотѣлъ сдѣлать ста верстъ кругу, чтобы посѣтить меня въ Нижнемъ. А сколько радости привезъ бы своимъ внезапнымъ появленіемъ! ничего не пишетъ мнѣ о своихъ глазахъ и вообще о своемъ здоровьѣ.

6 ноября.

Написалъ письмо Костомарову и моимъ астраханскимъ землякамъ-друзьямъ. Хотя погода и несовсѣмъ благопріятствовала, но я все-таки отправился на улицу. Съ нѣкотораго времени, мнѣ, чего прежде не бывало, нравится уличная жизнь, хотя нижегородская публика, ни даже въ воскресный ясный день, не показывается на улицѣ, и Большая Покровка, здѣшній Невскій проспектъ, постоянно изображаетъ собою однообразный, длинный карантинъ, а я все-таки люблю побродить часъ, другой, вдоль этого пустыннаго карантина. Откуда же эта нелѣпая любовь къ улицѣ? Послѣ десятилѣтняго поста, я разомъ бросился на книги, объѣлся и теперь страдаю несвареніемъ въ желудкѣ. Другой причины я не знаю этому томительному, нравственному бездѣйствію. Рисовать ничего порядочнаго не могу, не придумаю, да и помѣщеніе мое не позволяетъ. Рисовалъ бы портреты, за деньги — не съ кого, а даромъ работать совѣстно. Нужно что́-нибудь придумать для разнообразія, а что́ — не знаю.

Погрузившись въ это мудрое размышленіе или сочиненіе, я нечаянно наткнулся на домъ Якоби. Зашелъ пообѣдать, и послѣ обѣда отправился въ гостинную, на чай, къ старушкамъ, т. е. къ m—me Якоби и ея сестрицѣ. Въ числѣ разныхъ, по ея мнѣнію, чрезвычайно интересныхъ приключеній быстро-минувшей юности, она разсказала мнѣ о Лабзинѣ, о томъ самомъ конференцъ-секратарѣ академіи художествъ, который предложилъ Илью Байкова, царскаго кучера, выбрать въ почетные члены академіи, потому что онъ ближе Аракчеева къ государю. За эту остроту Аракчеевъ сослалъ его въ Симбирскъ, гдѣ онъ и умеръ на рукахъ

моей почтенной собесѣдницы. Мнѣ пріятно было слышать, что этотъ замѣчательный мистикъ-массонъ до самой могилы сохранилъ независимость мысли и христіанское незлобіе.

Послѣ Лабзина, рѣчь перешла на И. А. Анненкова, и я изъ разсказа моихъ собесѣдницъ узналъ, что происшествіе, такъ трогательно разсказанное въ воспоминаніяхъ про Ивашева, случилось съ супругою И. А. Анненкова, бывшей нѣкогда гувернанткой мадмуазель Поль.

Она жива еще и теперь; меня обѣщали старушки познакомить съ этою достойнѣйшею женщиною. Не знаю, скоро ли я удостоюсь счастія взглянуть на эту безпримѣрную, святую героиню.

Дюма́, кажется, написалъ сантиментальный романъ на эту богатырскую тему. — —

7 ноября.

— — Интересно знать, что́ дальше будетъ.

8 ноября.

Рисовалъ сегодня до обѣда портреты М-г и М-те Якоби, а вечеромъ пошелъ къ Веймарну; у него сегодня полковой праздникъ и, слѣдовательно, пирушка Войдя въ первую комнату, я совершенно растерялся: меня поразила (толпа) военныхъ людей. Я этихъ почтенныхъ господъ давно уже не встрѣчаю. Въ-особенности одинъ между ними такъ живо напомнилъ мнѣ К—рева, что я чуть-чуть не вытянулъ ру́ки по швамъ и не возгласилъ: здравія желаю, ваше благородіе! Изъ этого отвратительнаго состоянія вывелъ меня самъ гостепріимный хозяинъ, пригласивъ меня въ гостиную. Между прочими гостями, въ гостинной встрѣтилъ я И. А. Анненкова, и, впродолженіе вечера, я не разставался съ нимъ.

9 ноября.

Окончилъ портреты Якоби.

10 ноября.

Получилъ отъ Кулиша книги: *Записки о Южной Руси* два тома, и *Чо́рну Ра́ду*.—Какой милый оригиналъ долженъ быть этотъ Л. Жемчужниковъ! Какъбы я счастливъ былъ увидѣть человѣка, который такъ искренно, нелицемѣрно полюбилъ мой милый родной языкъ и мою прекрасную, бѣдную родину!

ИНСТИТУТКА.

Т. Г. Шевченку.

I.

Люде дивуются, що я весела: надійсь, горя—біди не знала. А я зъ-роду така вдалася. Уродись, кажуть, та и вдайся... Було мене й бъють (бодай не згадувать!)—не здержу серця, заплачу; а роздумаюсь трохи—и сміюся. Бува лихо, що плаче, а буває, що й скаче,—то такъ и моє лишенько. Якъ-би міні за кожною бідою моєю плакати, досі бъ и очі я виплакала. Батька-матери не зазнаю: сиротою зросла я, при чужині, у людяхъ. Хочъ не було діла важкого,—такъ забували про мене, чи я не голодна, не холодна, чи жива я....

На десятолітяхъ взяли мене въ двіръ. Стара пані була не що, сумирна собі,—може, тому, що вже благенька була, ледві ноги волочила, а заговорить—тільки шамъ-шамъ; одъ разу й не розберешъ: такъ куди вже бійка! не на умі. Увесь день на ganочкахъ; нічка йде—охае та стогне. А за молодого віку, славлють, вигадочки були чималі и въ неі.... та треба жъ колись и перестати.

За мене, то вже въ дворі жили ми спокійненько: одно було горе, що зъ двору й ступити не пустять. Хиба вже на велике свято, що до церкви одпросимось, а въ неділю й не думай. »Розволочитесь«, було каже пані, гніваючись:—»не пущу!.. Не той ще вікъ вашъ, щобъ Бога пильнувати: ще матимете часъ,—не зразъ вамъ умирати«.

Сидимо було день при дні у дівочій та робимо. А тихо коло тебе, якъ зачаровано. Тілько пані заоха, або хто зъ дівчатъ на

у́хо за чимъ озве́тця,—кото́ра зідхне́ зъ ну́ду. Докуча́е було́ та робо́та, докуча́е,—ажъ пече́; та що́ вра́дишъ? Спаси́бі хочъ за те, що не бъють де́сять разъ на́ день, якъ отъ по и́ншихъ чу́емо.

А якъ коли́, то було́ звеселіемо не-зна́ть-чого́. Весели́нько намъ,—ажъ се́рце трепе́че! Коли́бъ во́ля, заспіва́въ би такъ, щобъ и на селі луна́ло... Не всмілимось!.. Изгля́дуемось, та сміхъ насъ такъ и бере́. То одна́ моргне́ бровою, а дру́га ій одмо́ргуе; то привя́жуть ту́ю до стільчика косо́ю; и́нша зско́чить та почне́ вистри́бувати ди́бки-ди́бки, щобъ па́ні не почу́ла,—кру́титця, верти́тця, тільки рука́ва май-май-май... Чого́ було́ не вироблія́емо!

У старо́і па́ніі не було́ ро́ду, окрімъ ма́ла собі уну́чечку,—у Ки́іві обуча́лась у яко́мусь тамъ... отъ коли́бъ ви́мовити... инсти-ту́-ті. Було́ часте́нько до старо́і листи́ шле; а стара́ ти́і листи́ що-дня́ вичи́туе,—и попопла́че надъ ними́, и попосмі́тця. Коли́ пи́ше уну́чечка, щобъ уже́ приїзди́ти за не́ю та додо́му забіра́ти... Ма́ти Бо́жа! увесь буди́нокъ зворухну́вся: бі́ли́ти, ми́ти, прибіра́ти!.. Па́нночки сподіва́емось! па́нночка бу́де!

Стара́ па́ні немо́въ оду́жала: коливае съ кімна́ти до кімна́ти, виглядае у ко́жне віко́нце на шляхъ, и насъ туря́е за село́ диви́тись, чи не іде па́нночка. А намъ того́ й тре́ба. Ми за той ти́ждень, що ії виглядали, сказа́ть, нажили́ся. Шлють, то біжимо́летимо... Ве́село зъо́чити степъ, поля́ кра́сні!.. Степъ зеле́ний на́че втіка́е въ те́бе передъ очи́ма, дале́ко куди́сь, дале́ко... Лю́бо на во́лі дихну́ти!

Квіто́къ було́ назрива́емъ та позаквічуемось, якъ молоді, та до са́мого дво́ру тими́ вінка́ми величаемось. А вступа́ючи въ двіръ, схо́пимо зъ се́бе, позакида́емо,—та такъ було́ жа́лко тихъ вінкі́въ ки́дати, такъ жа́лко!

II.

Діжда́ли па́нночки, прііхала... И що́ жъ то за хоро́ша зъ лица́ була́! И въ ко́го вона́ така́ вроди́лася! Здае́тця, и не змалюва́ти такі́ кра́лі!.. Стара́, якъ обійняла́ ії, то й зъ рукъ не випуска́е; цілу́е й мілу́е та любу́е. И по кімна́тахъ во́дить, усе́ пока́зуе, усе́ роска́зуе; а па́нночка тільки оберта́етця туди́-сюди́ та на все ціка́вимъ о́комъ споздира́е.

Посадови́ла її́ стара́ за стіл. И пла́че, и радіе, и роспи́тує, и часту́е: »Мо́же, тобі того́ ззісти? мо́же, того́ спи́ти?« Наі́дківъ, напи́тківъ понастано́влювала: сама́ сіла коло не́і, — не наді́витця. А па́нночка усе́ прибіра́, на́че той горобе́ць, хуте́нько й чисте́нько. Ми зъ-за двере́й ди́вимось на нихъ и слу́хаемо, що́-то па́нночка говори́тиме, — чи не дійдемо, які́ тамъ у не́і ду́мки, яка́ вда́ча, зви́чай.

— Якого́сь-то жило́ся тобі, се́рденько, самій?« пита́е стара́. »Ти мині не ка́жешъ нічо́го.

— Ай, бабу́сечко! що́ тамъ роска́зувати! ну́да така́!

— Вчи́ли бага́цько?.. Чого́ жъ ви́вчили тебе́, кри́шко?

— Отъ захотіли що́ зна́ти!.. До́бре вамъ, бабу́ню, було́ тутъ жи́ти на во́лі; а що я ви́терпіла за тимъ учіннемъ!.. И не нага́дуйте мині ёго́ нико́ли!

— Голу́бочко моя!.. Звісно вже, чужі лю́де; обіжда́ли тебе́ ду́же... Чому́ жъ ти міні за́разъ сёго́ не прописа́ла?

— Що́ се ви, бабу́ню? Якъ мо́жна?. За́разъ дозна́ютця...

— Бідола́шечко моя́!.. Скажи́ жъ міні, я́къ тебе́ тамъ кри́вдили ти́і невірні ду́ші?

— Охъ, бабу́сечко! и мо́рено й му́чено насъ—та все дурни́цею. И те вчи, и дру́ге, й деся́те й пя́те... товчи́ та товчи́, та й товчи́!.. На́ що міні те зна́ти, я́къ по не́бу зо́рі хо́дять, або́ якъ лю́де живу́ть поза моря́ми, та чи въ іхъ до́бре тамъ, та чи въ іхъ недо́бре тамъ? Аби́ я зна́ла, чимъ міні себе́ між людьми́ показа́ти...

— Та на́ щось же у́чятця лю́де, мо́е зо́лото. Отъ и на́ші панночки́—на що́ вже бідо́та, та й ті верещя́ть по-францю́зькій.

— Э, бабу́ню!—защебета́ла па́нночка: — до францю́зькоі мо́ви и до музи́ки до́бре й я бра́лась, — до та́нцівъ тожъ. Що́ тре́ба, то тре́ба. На се вже ко́жний уважа́е, ко́женъ и похва́лить: а все и́нше—тільки моро́ка. Учи́сь, та й забу́дь! И тімъ, що у́чять—ну́да, и тімъ, що вчя́тця—бідá. Бага́цько ча́су пропа́ло ма́рно!

— Такъ я́къ же оце? пога́но вчять?

— Кажу́ жъ вамъ, що й ну́дно, и пога́но й ма́рно. Вони́ тільки й ду́мають, я́къ би імъ гро́ші ви́платили, а ми ду́маемо, я́къ би ху́тче насъ на во́лю ви́пустили... Чого́ жъ ви задума́лись, бабу́сю?

— Та то, се́рденько, що гро́ші бра́ли за те́бе до́брі, а вчи́ли пога́но. Що́ жъ, якъ ти да́лі и все позабува́ешъ?

— Чи подо́ба жъ се, бабу́ню? Богъ изъ ва́ми! Якъ же бъ то міжъ гостя́ми, або́ въ гостя́хъ, позабува́ти музи́ку, або́ та́нці, або́ хочъ би й мо́ву францу́зьку?... А про ту замо́рську вісенітницю, то я въ одно́ у́хо впуска́ла, а въ дру́ге випуска́ла, та й зовсімъ таки́ не зна́ю. Цуръ ій!

— А якъ же ча́сомъ хто въ те́бе спита́е, я́къ тамъ ти́і зо́рі по не́бу хо́дять, або́-що? Лю́де й осу́дять за́разъ: вчи́лася, та й не тя́мить!

— Та що́ се ви, бабу́сю? Та се я тільки вамъ призна́лась, що не зна́ю, а чужі зъ-ро́ду того́ й не доши́мраютця, неха́й хочъ цілий день пита́ють. Я зо всёго ви́кручусь, ще́ й іхъ оступа́чу: онъ я́къ, бабу́сю! Хо́чете, я вамъ заспіва́ю? Слу́хайте!

И заспіва́ла, затягла́,—на́че те́е сріблó пересипа́етця.

Стара́ ій цілува́ти: »Серденько мое! втіхо мо́я!«

А па́нночка до не́ї ла́ситця та про́сить:

— Купіть міні, бабу́сечко, по новій мо́ді убра́нь хоро́шихъ!

— Про се не турбу́йся, дитя́ моє́. Бу́де въ те́бе всёго́. Ти въ ме́не бу́деш царівна надъ панночка́ми!

Ми, дівча́та, изгля́дуемось: чого́ тамъ па́нночки на́шої не на́вчено! а найбільшъ, ба́чця, люде́й тумани́ти!

III.

— Ходімъ-лишéнь, голу́бко, гово́рить стара́ па́ні:—я хо́чу, щобъ ти собі обра́ла котру́ дівчину.

Та й веде́ ій до насъ.

Ми одъ двере́й та въ куто́къ, та ку́пою въ куто́чку й зби́лися.

— Се ва́ша па́нночка,—промовля́е до насъ па́ні.—Цілу́йте ій въ ру́чку.

Па́нночка, чи гля́нула на насъ, чи ні, простягла́ дві пу́чечки поцілува́ти.

Стара́ всіхъ насъ пока́зуе:—Се Га́нна, а се Ва́рка, а це Дома́ха.

— Бо́же мій! ажъ кри́кнула па́нночка, ра́зомъ стрепену́вшись

и въ долóні сплесну́вши:—чи зуміє жъ хто въ васъ мене зачісáти, ушнурováти?

Стоіть и рýки заложи́ла, и ди́вится на насъ.

— Чому́? ка́же стара́. Зуміють, се́рце. А ні, то на́вчимо.

— Якъ тебé зову́ть? пита́е мене́ па́нночка, та, не слу́хаючи мене́, до па́ніі: — Ся бу́де міні!

— Такъ и до́бре жъ; яку́ схо́чешъ, се́рце: неха́й и ся.—Гляди́ жъ, Усти́но (на ме́не), служи́ до́бре,—па́нночка тебé жа́луватиме.

— Ходімъ уже́, бабу́ню; го́ді вже! перехопи́ла па́нночка; сама́ скрипи́лась и перехили́лась на́ бікъ, и о́чі чогóсь заплю́щує, и зъ місця зрива́ется,—отъ стеме́нний кітъ, якъ ёму́ зъ лю́льки у ву́са пи́хкають...

— Тре́ба жъ, голу́бко, ка́же стара́, ії на ро́зумъ навчи́ти: се дурні го́лови. Я скажу́ те́, а ти що́ дру́ге, то й ви́йде зъ не́і людина.

— Шкода́, бабу́ню, що спе́ршу іхъ не вче́но! Тепе́ръ по́райся! Було́ яку́ віддáти до міста.

Та й говóрять собі, на́че про ко́ней, або́-що.

— Ой Устечко! жу́рятця дівча́та:—яково́-то бу́де тобі, що вона́ така́ непривітна́!

— А що́ жъ, кажу́, дівча́та! журбо́ю по́ля не пере́йдешъ, та й одъ до́лі не втече́шъ. Яково́ бу́де — поба́чимо.

Та й собі заду́малась.

IV.

У ве́чері кли́чуть: »Иди́ до па́нночки—розбира́ти«.

Ввійшла́; а па́ниочка стоіть передъ дзе́ркаломъ и вже усе́ зрива́е зъ се́бе.

— Де се бігала? Шви́дче мене́ розбірай!.. Шви́дче: я спáти хóчу!

Я розбіра́ю, а вона́ все покри́кує на ме́не:—Та ху́тче жъ бо, ху́тче!

Ки́нулась на ліжко:—Роззува́й!.. А вміешъ ти воло́сся звива́ти? пита́е.

— Ні, не вмію.

— Бо́же мій! го́ре мое! Яка́ жъ вона́ дурна́!.. Иди́ собі!

Дівча́та вже мене́ дожида́ють: »А що́, Усте? що́, сестри́це? яка́ вона́, голу́бко?

Що́ імъ каза́ти?

— Дурна́ я, кажу́, дівча́та, бо не вмію кісъ извива́ти!

V.

Дру́гого дні ране́сенько проки́нулась на́ша па́нночка. Уми́лась, прибра́лась, оббігла усі буди́нки, уве́сь двіръ, и въ садку́ була́. Така́ весела́нька: — До́ма я! ка́же, до́ма! Усе́ мині вільно!

Цілу́е стару́ па́нію та разъ-у-разъ пита́е: — Чи ско́ро въ го́сті поїдемо, бабу́сечко? а коли́ го́сті до насъ наїдуть?

— Та нехай же я пе́рше сама́ тобо́ю натішусь, ри́бко, нехай на те́бе надивлю́ся!

— Та коли́ жъ то вже я діжду́сь, бабу́ню! Въ ме́не тільки було́ й ду́мки, що приїду додо́му — ве́село бу́де, лю́дно, музи́ки, та́нці... Бабу́сенько ми́ла, лю́ба!

— Ну, до́бре, пта́шко! Нехай тро́шки приберемо́сь, та тоді вже за́разъ и госте́й проси́тиму.

Почало́сь прибира́ння те́е. Стара́ скри́ні съ комо́ри вико́чує та оксами́ти, рубки́ тонки́і, вибира́е, та кро́їть, та приміря́е на па́нночку. Па́нночка ажъ підска́кує, ажъ изъ ра́дощівъ червоніе. То до одного́ дзе́ркала ско́чить, то у дру́ге зазирне́; скля́нку води́ візьме, то й тамъ любу́е, яка́ вона́ хоро́ша. То заплете́ ко́си, то роспліта́е, то стрічка́ми перевъе, то вквіча́етця...

— Ахъ, бабу́сечко! було́ ви́крикне, »коли́ вже я въ атла́сову су́кню вберу́ся!

— Якъ зару́чисся, дити́но моя́, одка́зуе стара́. Дамъ тебе́ за кня́зя чи за гра́фа, за багатиря́ всесвітнёго!

А па́нночка й го́лову заде́рла, и выступа́е такъ, на́че вже вона́ княги́ня великоро́дна.

Та тільки въ нихъ и мо́ви було́, що князі та пани́ вельмо́жні. Було́ и къ весіллю зовсімъ приберу́тця, и буди́нки поста́вляють камяні, и ко́ней вороні́хъ позапряга́ють, — ажъ ли́хо! Пересипа́ють та́кеньки, пересипа́ють, — па́нночка й зідхне́: — Що́, бабу́ню! тільки гово́римо... Идо́сі ще нико́го въ насъ не було́!

— Та зажди́ жъ бо трóхи: наíде такóго, що й не потóвплютця.

VI.

Та й спрáвді перхнýло до насъ гостéй,—якъ на погорúджу. Одні зъ двора́, а дрýгі у двíръ. Нема́ намъ ні сну, ні спочúвку: бíгаемо, вслугýемо, клопóчемось зъ рáнку до вéчора. Чáсомъ така́ юрма́ іхъ ужене́, що дивýемось, яки́хъ-то вже мíжъ ними́ панівъ нема́! Все тéе регóчетця, танцю́е, íсть, пъе; все тéе гуля́ще, дакъ таке́ ви́пещене! Инша добро́дíйка у двéрі не втóвпитця. А паничівъ що́-то въ насъ перевернýлось! Ажъ рóемъ коло на́шої па́нночки звива́ютця,—такъ якъ ті джмелі гудýть. Обíйшла́ либо́нь вона́ іхъ усíхъ,—кого́ слова́ми, а кого́ брова́ми: одного́ на здоро́вья любе́нько пита́е; дрýгому жа́литця, що безъ ёго чогóсь íй смýтно та ди́вно; котóрого коло сéбе сядови́ть, скажи́, на́чебъ свого́ посімъяни́на. Бідáхи роскоха́лись, ажъ зовсімъ подурíли, зъ лица́ зпа́ли, схнуть. День-у-день наíздять до насъ, одно́ одного́ попережа́ючи та зи́зимъ о́комъ накрива́ючи. Чи такъ вона́ всімъ до души́ прийшла́, чи не було́ íмъ тоді чого́ и́ншого розва́житись, тíльки такъ кома́хою й нала́зють и нала́зють. Бо, бачъ, чимъ íмъ у свíті розва́житись? я́къ свій молоди́й вíкъ собі скраси́ти?.. Со́лодко ззíсти, пъя́но спи́ти, хóроше походи́ти,—а бíльше що?

VII.

Потрóху та пома́лу усе́ па́нночка на свій ладъ перевернýла—життє и господа́рство.

— Поки́нте жъ бо, поки́нте, бабýню, плести́! Хиба́ нікому въ васъ дíла роби́ти? Хто прíде, а ви все за чýлкою маня́чите, на́че прислýжниця, або́-що.

— Та нýдно безъ робóти, дити́но! одка́зуе стара́.

— Возьмíть кни́жку почита́йте.

— Що́ я чита́тиму? Я вже не ба́чу чита́ти.

— То такъ погуля́йте, тíльки, голýбочко, не плетíть! Ви мíні лýчче óко ви́кольте тимъ дрóтикомъ!

— Та до́бре жъ, до́бре, угамýйся!

Поки́не плести́ стара́ й ну́дитця. Убра́ла ії па́нночка у чіпчикъ зъ стрічка́ми рябе́ньки́ми, та й посадови́ла на кріслечку середъ кімна́ти. Прийдуть го́сті — вона́ напогото́ві, привіта́е іхъ.

Стара́ вже світомъ ну́дить, а па́нночка втіша́етця:—Якъ сла́вно, бабу́сечко, якъ славно! якъ упасъ вели́чно та пи́шно!

VIII.

Насъ, дівча́тъ, усіхъ гаптова́ти посадови́ла. Сама́ й у́чить, та разъ-по́-разъ надбіга, чи шиемо. И обідати йдемо́, то вона́ хму́ритця и сва́ритця. Да́лі вже, що-день, то вона́ серди́тіша; вже й ла́е; ча́сомъ щіпне́, або́ штовхне́ стиха... та й сама́ почервоніе, якъ жаръ,—засоро́митця. По́ки жъ тільки не звича́лася; а якъ ого́вталась, обжила́ся, то пізна́ли ми тоді, де́ воно́ въ світі ли́хо живе́.

Прийду́ було́ ії вбира́ти, то вже яко́і пару́ги я одъ не́і не натерпли́ося!.. Заплі́таю ко́си — не такъ! Зновъ росплітую та заплі́таю,—зновъ не такъ! Та цілий ра́нокъ на тому́ проба́вить. Вона́ мене́ й щипа́е, и штирха́е, и гребінце́мъ мене́ скоро́дить, и шпилька́ми ко́ле, и водо́ю злива́е,—чого́, чого́ не дока́зуе надъ моє́ю голо́вонькою бідною!

Одно́го ра́зу дожида́ли въ насъ полкови́хъ зъ міста. Двіръ замели́ ще зъ ве́чора; у буди́нку прибра́ли, якъ ихъ Вели́кодню. Сіла па́нночка зачісуватись... Ли́шечко жъ моє! лу́чче бъ жа́ру черво́ного у ру́ку набра́ла, якъ міні довело́сь туманіти коло ії ру́сої коси́!.. И така́, и она́ка, и геть-прічъ пішла́, и зновъ сюди́ поступа́й; и іха́ти мене́ и наска́кувати на ме́не,—ажъ я зляка́лась! Та репе́че, та дзвякоти́ть, та тупо́че-тупо́че, а да́лі якъ запла́че!.. Я въ две́рі, а вона́ за мно́ю въ садъ. »Я тебе́ на шматки́ розірву́! задушу́ тебе́, га́дино!« Огля́нусь я на не́і,—страшна́ така́ зроби́лась, що въ ме́не й но́ги захита́лись. Вона́ мене́ якъ схо́пить за ши́ю обіручъ!.. ру́ки холо́дні, якъ гадю́ки. Хо́чу скрича́ти,—духъ міні захопи́ло; такъ и ру́хнула коло я́блуні, та вже одъ холо́дної води́ проки́нулась. Дивлю́сь—дівча́та коло ме́не ску́пчились, білі усі якъ кре́йда. Па́нночка на стільчику роски́нулась, пла́че; а стара́ надъ моє́ю голово́ю стоіть, и такъ-то вже мене́ ла́е, така́ вже лю́та,—ажъ ій у ро́ті чо́рно.

— Щó ти накóіла, ледáщо! Якъ ти сміла пáнночку гніви́ти! Я тебé на Сибірю зашлю́! Я тебé зъ світа зжену́!

А пáнночку вмовля́е: Не плачъ, не плачъ, янгеля́точко моé: слізъ твоіхъ вонá не гóдна! Ще занеду́жаешъ, Боже борони́ чогó! Бачъ, ру́ченьки холодні́сінькі. Бу́де бо вже, бу́де! Нá що самá берéсся? Міні внось, щó тобі не вгóдно.

— А тобі, ледащи́це, (зновъ свáритця на мéне)—а тобі бу́де!

Та й не знáю, якъ ще дру́гоі біди́ вбігла, що менé не би́то. Мабу́ть тогó, що вже ду́же булá я слабá,—такъ пáні тільки ногóю менé совману́ла, та зáразъ и звеліла дівчáтамъ до хáти однéсти.

Дівчáта підняли́ менé й понесли́, а въ хáті такъ и впáли коло мéне, плáчучи: »Усти́но сéрденько! оплáкана годи́нонька твоя́!.. Мáти Бóжа! зá що се надъ нáми такé безголóвъячко?«

IX.

Цілу вéсну менé тéплимъ молокóмъ наповáли, пóки я трóхи очéньпала.

Лежу́ самá,—усі на пáнщині —лежу́ та все собі ду́маю: »Такé молодé, а такé немилосéрдне, Гóсподи!«

У хáті холодóкъ и ти́хо; стіни білі й німі; я самá зъ своéю душéю. Вітрéць шелéсне, та прихи́лить міні у вікóнце паху́чий бузóкъ. Опівдня́ сóяшний прóмінь гаря́чий переки́не черезъ хáту ясну́ стя́гу трепéчущу... нáче менé жáромъ обси́пле. Ду́шно міні, дрімóта, а сну немáе. И такъ усé самá-самісінька изъ своіми думкáми—якъ у світі жи́ти!.. Рáда булó,—Бóже мій, якъ рáда!—коли́ зашуми́ть садóкъ, стемніе світъ и загурчи́ть дощъ объ зéмлю!.. Отъ, чу́ю, щось затупóче... рéгітъ и гóмінъ... у хáту до мéне згрáя дітéй уси́пле. Весéлі, червóні; вітáють менé; впри́скають менé дощéмъ изъ сéбе; пну́тця на вікнó, нетерпля́чі, коли́ той дощъ ущу́хне; співáють, вигу́кують:

»Зійди́, зійди́, сóнечко,
На попóве пóлечко,
На бáбине зіллечко,
На нáше подвіръечко«!

Ско́ро со́нечко зъ-за хма́ри ви́грало, вони́ такъ и замели́сь изъ ха́ти. А мінѣ ще до́вго-довге́нько оддае́тця то у тому́ кутку́ ре́гітъ, то у тому́, на́че хто у дзвіно́чки срібні́ видзво́нюе.

У-ве́чері, смерко́мъ уже́, верта́ютця съ па́нщини лю́де пото́млені и ва́ромъ со́яшнимъ, и тяжко́ю пра́цею; всі мовчя́ть, — хіба́ яки́й зідхне́ ва́жко, або́ заспіва́е сумно́і, сумно́і сти́ха...

Ча́сомъ несподівано кото́ра дівчи́на вбіжи́ть до ме́не зъ буди́нку.

— Усти́но! голу́бко!

— А що́ тамъ у васъ діетця, сестри́це? спита́ю ії.

— Хочъ не пита́й, Усти́но, — лихо! Га́нну сего́дні би́ли, учо́ра Пара́ску, а за́втра, ма́бутъ, уже́ моя́ черга́. Ой, ма̀тінко! коли́бъ тамъ не огле́ділись ще́ за ме́не! Охъ, Усте, бідна на́ша голівонька!

— Про ме́не нічо́го?

— Де бъ то нічо́го!.. Чому́ не йде до свого́ діла? Що́ вона́ ніжитця, мовъ па́ні зъ Баса́ні? Отъ що́, коли́ хочъ зна́ти... Ой, забари́лася жъ я! Бува́й здоро́ва, Усти́нко!

X.

Одного́ ра́нку лежу́ я та ду́маю, коли́ въ ха́ту вбігла Ка́тря.

— Иди́, йди, хуте́нько йди, Усте!

— Куди́ йти?

— До па́нночки, до па́нії! та хуте́нько жъ бо, Усте! Посла́ли по те́бе, щобъ за́разъ шла́. Па́нночка пожалкова́лась на те́бе старій, що ти вже зовсімъ оду́жала, та не хо́чешъ робити, служи́ти. Иди́ жъ бо, йди!

— Якъ же йти, Ка́тре, не здолію я по землі ступа́ти!

— Я тебе́ доведу́, голу́бко! Зможи́ся, щобъ ще́ гіршъ тобі не було́. Ходімо бо, ходімо!

Ле́дві я доплела́сь до буди́нка. На поро́зі стріла па́нночка.

— Чого́ се ніжисся? чому́ не йдешъ служи́ти? ле́дащо ти! Постріва́й! я тобі таку́ ка́ру ви́мислю, що ти й не ба́чила й не чу́ла.

Та кричи́ть же то, Бо́же! ажъ зади́халась; штовха́е мене́, за рукавъ сми́кае... Годи́нонько жъ моя́! Якъ вона́ охи́жіла, яке́ страшне́ зроби́лося въ неі те личко го́жее!..

На той крикъ и пáні не задля́лась прилізти... дава́й мене́ ля́тти. Ще нахваля́лась и би́ти. А ми, спаси́бі Бо́гу, того́ не дознава́ли одъ не́і, по́ки не всели́лась па́нночка. Всчали́ся тоді въ насъ ка́рності щоде́нні, щоде́нний плачъ. Чи хто всміхне́тця (нечáсто всміха́лися!)—па́нночка біжи́ть до старо́і: »Бабу́ню, мене́ не шану́ють!« Чи хто запла́че: »Бабу́ню, ді́ла не ро́блять та ще й пла́чуть!« Та на всіхъ та́кеньки ва́дить та й ва́дить, нава́дниця на́ша. А стара́ люту́е, насъ каре́,—молоди́й вікъ изгада́ла!

XI.

Тільки й ди́шемо було́, якъ наіде гостéй-паничівъ та тро́хи забу́де про насъ па́нночка. Ви́йде до нихъ—ляскоти́ть по пташи́ному, привітна́, лю́ба—и що́-то?—не пізна́ти!.. А вже я́къ ті паничі коло не́і.. Той по́ручъ изъ не́ю ши́етця, а той съ кутка́ на не́і очи́ма світить; сей за не́ю у тропу́ то́читця, а той знов збо́ку по́глядомъ забіра́е. Вона́ жъ між нимú, мовъ та́я перепели́чка, звива́етця.

— Кото́рий-то зъ нихъ попаде́тця? гово́римо було́ дівча́та. Дозна́е небора́къ, по чімъ ківшъ ли́ха!

Спе́ршу стара́ па́ні тішилась ве́лико тими гостьми́, а далі, якъ почали́сь між нимú сва́рки, ста́ла ду́мати та гада́ти:—не ра́да вже імъ, да не одби́ти. Наіде іхъ си́лечка одна́, та ко́жний же то домага́етця па́нноччиного привіту собі; оди́нъ одного́ зневажа́е, та й сва́рятця, и гризу́тця. Почала́ вже іхъ стара́ па́ні соба́ками (за́ очі) взива́ти. Ажъ такъ надъ о́сінь до́ля па́нноччина прийшла́—и шарáхнули вони́ усі одъ не́і въ-ро́зсипъ, себе́ самúхъ соро́млячися.

XII.

Спізна́вся съ па́нночкою полкови́й лікарь, та й почáвъ щодня́ вчащáти. Таки́й вінъ бувъ ти́хий, звича́йний, до ко́жного привітни́й,—и на панича́ не похо́дивъ!.. А я́къ зъ не́ю спізна́вся? Вже давне́нько панночки́ приіжжі перено́сили, що яки́й-то вже тамъ лікарь полкови́й хоро́ший! и бро́ви ёму́ чо́рні, и уста́ румя́ні, и ста́номъ висо́кий,—така́ вже краса́, що й не сказа́ти.

Тільки що го́рдий ду́же,—на жа́дну не погля́не, не заговори́ть, хочъ тамъ якъ до ёго ні захо́дь...

Па́нночка, чу́ючи таке́, було́ часте́нько гово́рить старій: »Якъ би́ ви, бабу́сечко, того́ лікаря до насъ завіта́ли,—неха́й поба́чу, яки́й!

А стара́ було́ на те: »Моя дити́но! нацоко́тали тії верхоу́мки, скоси́рні, а ти вірп поняла́... Вели́ке ди́во—полкови́й лікарь! Се зли́дні, бідо́та! Що́ тобі съ таки́ми захо́дити?

— Та неха́й я тільки ёго́ поба́чу, бабу́ню! чи спра́вді вінъ таки́й, якъ сла́влють.

Цуръ ёму́! ще ввя́жетця! И такъ уже́ бага́то коло те́бе звива́етця, а жо́денъ не сва́тае. Оди́нъ одного́ перебива́е та сва́рютця,—бода́й ви ви́казились!

Отъ же, я́къ стара́ одмага́лась! а вну́чечка я́къ на пню ста́ла: лікаря, та й лікаря! Пе́ршого жъ на́изду, якъ жарну́въ полкови́й нача́лъ, му́сила стара́ ни́ми переказувати, що лікаря до себе въ гости́ну запро́шуе. Ті жи́во погоди́лись: »Привеземо́, привеземо́«, ка́жуть.

— А коли́ жъ ви насъ одві́даете? пита́е па́нночка, сюди́-туди́ оберта́ючись, та въ вічі ім заглада́ючи, ни мовъ якъ лисе́ня: »чи ху́тко?«

— Коли́ ви такі ласка́ві, то ми й позавтрёму бу́демо, ка́жуть го́сті, якъ на нога́хъ не підлі́туючи.

И поіхали, раде́нькі, що дурне́нькі.

XIII

Та вже й убра́лась того́ дня па́нночка хо́роше! А стара́ су́питця та́ все бурчи́ть: — На́ що намъ та голь нещади́ма зда́лася!

Па́нночка на́че не чу́е того́ сло́ва. Стара́ тільки тимъ вимі́щае, що на́съ ду́шить.

Коли́ наіхали полкові, а лікаря нема́. »Дя́кую«, ка́жуть, »за ла́ску, та нема́ въ ёго ча́су ані годи́ни: недужихъ у ёго бага́то,—лічить.

— И не си́луйте ёго́,—ка́же стара́: неха́й лічить зъ Бо́гомъ!

Па́нночка тільки почервоніла и уста́ закуси́ла.

Та й було́ жъ намъ, якъ гостéй ви́проводили! За все ми одтéрпіли!..

Того́ жъ таки́ ти́жня само́го занеду́жала па́нночка. Охае и сто́гне, и кричи́ть. Стара́ зляка́лась, пла́че, по лікаря шле. А полкови́й зна́ющий, ка́жуть, та й живе́ бли́зче за всіхъ,—по ёго!

Тимъ ча́сомъ па́нночка вбра́лась, якъ найкра́ще, та й лежи́ть у ліжку, якъ малёвана,—дожида́е.

Прiхавъ вінъ, подиви́всь, роспита́въ. А вона́ жъ то вже—и голо́вку хи́лить, и гово́рить, помісь співа́е. Побу́въ яку́ годи́нку, та й проща́етця: »За́втра навідаюсь.«

Стара́ пита́ у вну́чечки, вну́чечка заду́малась,—тілько ій на пита́ння голово́ю кива́е. А якъ стара́ спита́ла: »Шо́, я́къ лікарь? показа́вся якъ«? то вона́ стрепену́лась: »Го́рдий« , ка́же,—таки́й, якъ па́нъ вельмо́жний... И що́ вінъ собі ду́мае!

Лічи́въ-лічи́въ той бідола́ха, та й закоха́вся. Покоха́ла ёго́ й па́нночка. Почу́ли ду́хомъ паничі, куди́ потягло́,—постерегли́ одъ ра́зу, що́ воно́ е, та й зсли́зли.

Стара́ па́ні тілько що голово́ю въ муръ не бъе́тця, та нічо́го не вра́дить: »якъ ви міні, бабу́ню, на перешко́ді ста́нете, умру!.. И не гомоніть! не домовля́йте! зми́луйтеся!«

Стара́ й го́ді, тілько о́хае.

XIV.

Спустіло па́нське подвіръе; не тупо́чуть ко́ні; не торохтя́ть коля́си. И па́нночка ти́хша: не ла́е, не бъе, не обска́ржуе,—все сиди́ть та ду́мае...

Було́, ско́ро со́нечко ви́йметця, лікарь и ко́тить у-двуко́нь. Па́нночка вже дожида́е коло вікна́, га́рна та у́брана, и румяніе, якъ черво́на ма́ківка. Вінъ хуте́нько вбіжи́тъ. Яка́ зъ насъ підъ той часъ мигне́тця: »Здоро́ва була́, дівчино! А що́ па́нночка?«

Цілий день прогости́е було́. Усе́ коло па́нночки сиди́ть, не відступа́ й ступня́. А стара́ па́ні то съ тихъ двере́й зиркъ, то зъ дру́гихъ зиркъ, та прислуха́етця, що́ вони́ тамъ міжъ собо́ю гово́рять удвійзі, та вже така́ ій доса́да гризе́, що вони́ вку́пці, а розлучи́ти не си́ла: боя́лася й вона ну́чечки.

Отó вже й свáтае вінъ пáнночку. Плáче старá и жýритця тя́жко:—Я жъ сподівáлась тебé за кня́зя ддáти, за багачá, за вельмóжного!

— Охъ Бóже жъ мій! крúкнула пáнночка плáчучи.—Та колúбъ же вінъ бувъ багáтий та вельмóжний, я бъ и гáдки не мáла! давнó бъ уженé булá за нимъ! Та колú жъ такé безталáння моé! такá мíні дóля гíркá вúпала!

— Та хибá жъ такúй крáщихъ за ёго немá?—не сміючи вже одмовля́ти, а тíлько нíби питáючи, озвéтця знóвъ старá.

— Для мéне немá у свíті крáщого,—немá й не бýде!

Засумовáла пáнночка, ажъ змарнíла и зблíдла. Старá зовсíмъ скрутúлась,—не зна дáлі, на якý ступúти. Намéне на те, що не йди за ёго,—унýчечка у гнівъ та у плачъ велúкий. Хóче втíшати: »ось побереτéсь«, унýчечка свою́ дóлю проклинáе.

— Се Господь мíні лúхо наслáвъ, кáже:—и якъ томý лúхові запобíгти, не знáю.

Молодúй ставъ помічáти, турбýетця:

— Щó такé? чогó смутнá?

— Та я не смýтная!

— Скажú мíні усю́ прáвдоньку, скажú! прóсить, у рýку ій цілýе.

— Поберемóсь,—говóрить вонá ёмý:—а я́къ жúти съ тобóю бýдемо? вбóго!

— Отъ щó тебé жýрить, сéрденько!.. На́ що намъ тéе пáнство, багáтство, колú бýде нáше життя́ крáсне, нáша дóля весéла?

— Бáчъ, ти объ мíні й не дýмаешъ! домовля́ ёмý.—А лю́бо жъ тобí бýде, якъ прúйде хто до насъ та бýде зъ насъ глумúтись: »отъ живýть-бідýють!«

Та й запла́че.

— Сéрденько моé! щó жъ мíні, бíдному, въ свíті робúти? де взя́ти? Я зъ ро́ду не жадáвъ багáтства, а тепéръ прáгну всíхъ роскóшівъ для тéбе, тобí на втíху... Щó жъ я вдію? Радъ би я, кáже,—нéбо прихилúти, та не хúлитця!

И почнýть оттáкъ обóе собí журúтись.

XV.

Любúла вонá ёгó, та я́кось чýдно любúла, не полю́дський. Оттó навéрнетця булó хто зъ панночóкъ-сусíдокъ, допúтуютця:—

Чи пра́вда, що та́я гординя та въ тобі закоха́вся?.. Сва́тае?.. Ревни́вий?.. Які да́ри тобі дару́е?.. Чи *ти* ёго́ поважа́ешъ, чи *вінъ* тебе́ слу́хае?

— Вважа́йте самі, одка́зуе па́нночка, всміха́ючись.

Та й почне́ передъ панночка́ми нару́гу на ёго зво́дити. — Слу́хайте, ка́же до ёго: — ідте до міста та купіть міні те й те, та хуте́нько! Поскорітця жъ, що́бъ я не гнівалась!

Вінъ за́разъ іде, купу́е тамъ, що́ ка́зано.

— Бо́же мій! чого́ се понакупо́вували? Я сёго́ не хо́чу! Ідте та змініть! Міні тако́го не тре́ба! Отъ добро́ ви́шукали!

Зновъ іде вінъ, міня́е.

Або такъ. Хо́че вінъ води́ напи́тись, — вона́: »Не пи́йте, не пи́йте!«

— Чому́?

— Я не хо́чу! не пи́йте!

— Та коли́ жъ я хо́чу пи́ти!

— А я не хо́чу! Чуе́те? не хо́чу!

И вже такъ гля́не чи всміхне́тця, що вінъ послу́хае. Коли́, то й розгнівается, одверта́етця одъ ёго, не гово́рить. Вінъ уже́ и перепро́шуе, и блага́е — тро́хи не пла́че.

Панночки́ приіжжі дивуютця: — Отто́! чи хто сподіва́всь одъ ёго тако́го кохання! И що́ ти роби́ла? якъ ти Бо́га проси́ла?

На́ша па́нночка тілько всміха́етця.

Пита́ють, що́ вінъ ій подарува́въ, — вона́ передъ ни́ми сте́ле оксами́ти та атла́си, що відъ старо́і па́нії ма́е, та хва́литця: — Се *вінъ* мене́ обдарува́въ!

Чудне́ па́ньске кохання!

А вінъ на тихъ сусідочокъ важки́мъ ду́хомъ ди́ше: — Бода́й, іхъ слідъ запа́въ!

Стара́ тимъ ча́сомъ роспи́туе про ёго, я́къ вінъ собі ма́етця, та й напита́ла, що въ ёго ху́тіръ е.

— Дити́но мо́я! въ ёго ху́тіръ е!

— Спра́вді? покри́кне па́нночка, зірва́вшись зъ місця. — Де? хто каза́въ?

— Та недуже дале́ко за містомъ. Неда́вно, ка́жуть, одъ яко́сь тітки у спа́дку ёму́ доста́вся. Тітка була́ бездітна; вінъ на її рука́хъ и ви́рісъ.

— Ахъ, Бо́же жъ мій милости́вий! Чому́ жъ се вінъ міні не

похвали́вся? Ма́буть невели́чкий хуторе́ць,—нічимъ гара́здъ хвали́тись. А все жъ ху́тіръ! усе́ жъ де́ржава!

Стріла ёго́ весели́нька, привіта́ла лю́бо, а вінъ радіе. Не зна́е, що то віта́ють не ёго́,—хуторе́ць віта́ють!

XVI.

Объ Різдві́ іхъ заручи́ли. Гости́й-гости́й наіхало!... Па́нночка така́ весе́ла, балакли́ва; о́чи блищя́ть; во́дитця зъ нимъ попідъ ру́ки. А вінъ и очи́й зъ не́і не зведе́,—ажъ спотика́етця на ході. Гульба́ точи́лась до са́мого світу.

Отъ же, ско́ро жени́хъ и го́сті зъ двора́, па́нночка въ плачъ. Пла́че та на свою́ до́лю нарика́е:—Що́ се я поробила́! що́ се я почини́ла! Та яке́ моє́ житте́ бу́де вбо́ге! На́ що мене́ ма́ти на світъ породи́ла! Го́ренько моє́! до́ле моя́ сирітська!

Стара́ тимъ и зару́чинамъ не ра́да, та втіша́е уну́чечку, вмовля́е:—Чого́ пла́кати, моя́ дити́но! Го́ді жъ бо, го́ді!

— Чому́ Госпо́дь не давъ ёму́ па́нства-бага́тства!—ви́крикне па́нночка, та такъ и вми́етця слізонька́ми, по кімна́ті бігае, ру́ки зало́муючи.

— Дити́но моя́! се́рце моє́! не плачъ!... Не бу́дешъ ти бага́тша одъ усіхъ, та й убо́гою не будешъ. Усе́, що́ я ма́ю, все твоє́.

Вона́ якъ ки́нетця до старо́і, обійма́е, цілу́е:—Бабу́сечко моя́, ма́тінко! дя́кую вамъ зъ души́, зъ се́рця! Ажъ світъ мініпідня́вся вго́ру! одроди́ли ви мене́, рідна ма́тінко!

— Годі вже, го́ді, а то́ й я зару́маю! Оце́ жъ бо! промовля́ стара́, та й сама́ й пла́че й сміе́тця.

— Бабу́сечко, голу́бочко! то ви зъ на́ми жи́тимете?

— Чого́ бъ то й бажа́ти, та не впада́е. Я та́кеньки мірку́ю: зоста́нусь я ту́течки, у Дубця́хъ, бу́ду вамъ господа́рства доглядя́ти, поряджа́ти, а ти у ху́торі хазя́йствуй. А що́ жъ? чи тамъ, чи тамъ поки́нути,—и хазя́йство переведе́тця и впоко́ю душі не ма́тимешъ. *Па́нське о́ко товара́ ту́чить*,—не ду́рно ска́зано.

— До́бре, до́бре, бабу́сю! неха́й такъ бу́де!... Ахъ, бабу́сю! ви мене́, кажу́, на світъ одроди́ли!

— То будь же въ ме́не весели́нька,—не плачъ...

— Не бу́ду пла́кати, бабу́ню, не бу́ду!

Тільки що жони́хъ на порігъ, па́нночка до ёго:—Бабу́ня намъ Дубці даé! бабу́ня Дубці даé!

Вінъ спокійне́нько собі й ка́же, ласка́во ій усміха́ючись: Ти радіешъ, то й я радъ. Я самъ ду́же люблю́ Дубці. Тутъ ми спізна́лись и покоха́лись.... Памята́ешъ, яки́й бувъ тоді садо́къ зеленéнький, квітча́стий,—якъ було́ съ тобо́ю похожа́емо, гово́римо?

А вона́ ёму́:—Садо́къ зеленéнький, садо́къ квітча́стий.... Ти згада́й, се́рце, які Дубці дохі́дні!

Молоди́й ажъ издрігну́вся и ди́витця на не́і.—ніби ёго́ щось ра́зомъ здивува́ло, злака́ло, у се́рце вжа́лило...

— Що́жъ? пита́е па́нночка:—чого́ на ме́не ди́вится такъ? Хиба́ я що́ нелю́дське сказа́ла? хиба́ не хо́чешъ зо мно́ю хазяйнува́ти?

И бере́ ёго́ за ру́ку, сама́ всміха́ется любе́нько. И вінъ усміхну́вся:—Ти жъ моя́, ка́же, хазя́ечка кохана!

XVII.

Повеселішала па́нночка, клопо́четця своімъ поса́гомъ, зага́дуе та й опоряджа́е, и сама́ до всёго бере́тця. Навезли́ зъ міста шевцівъ, кравцівъ, швачо́къ, крамарівъ и крамаро́къ. Сама́ ганя́е, жониха́ турля́е,—купу́е, кра́е, скла́дуе... якъ у казані кипіло! Було́ тоді намъ ли́шко тя́жке! бо таке́ на́ше ділó: хочъ пана́мъ до́бре ведéтця, хочъ імъ го́ре йме́тця, а намъ пе́вне одно́: *кому́, ка́же, весілля, а ку́рці — смерть!*

На весілля панівъ, па́ній понаїзди́ло,—гуде́ у буди́нку, якъ у ву́лені. Цікáві панночки поса́гъ розглядáють, диву́ютця.—Охъ, та яке́ жъ оце́ хоро́ше!... Охъ, и се сла́вне!... Онъ це яке́!... А се, ма́бути, ду́же коштóвне!—Инша, якъ поба́чить що́,—ху́сточку, чи су́кню яку́,—ажъ о́чі заплю́щить: такъ ій за се́рце и вхо́пить. Такъ вони́ и ли́пнуть до то́го, якъ му́хи до ме́ду! Ле́дві вже ми іхъ збули́ся.

XVIII.

За тимъ на́товпомъ, кло́потомъ та трусо́ю, то я не урва́ла й годи́нки зъ людьми́ попроща́тись. Вже ко́ні стоять запря́жені,—

тоді я побігла. Не можу́ й слове́чка ви́мовити, тільки обійма́ю стари́хъ и мали́хъ.

Молоди́й приїхавъ за не́ю на четверику́. Ко́ні вороні, баски́і. Пра́вивъ візни́ка плеча́стий, уса́тий, у висо́кій ша́пці. Зъ на́шихъ таки́ люде́й, та до вельмо́жної вподо́би ви́вчений. Тутъ пани́ прощаю́тця, гомоня́ть, пла́чуть, а візни́ка той сиди́ть, якъ ви́кований зъ заліза,—не обе́рнетця, не гля́не.

Посіда́ли пани́ у той по́візъ. Мене́ причепи́ли позаду, на яко́мусь височе́нному причіпку.

— Зъ Бо́гомъ, Наза́ре!—покри́кнувъ панъ весели́нько.

Ти́хого та ясно́го ра́нку виїзди́ли ми зъ села́, а моро́зъ ажъ тріщи́ть. Иней запуши́въ ве́рби; бі́лі́ли ві́ти и ссяли проти со́нця. Дівчата ви́сипали на у́лицю; кла́няютця мині.... Шви́дко-швиде́нько бігли ко́ні,—тільки въ очя́хъ усе́ те́е промигті́ло. Нема́ вже села́ Доро́га й доро́га, безлю́дная доріженька попередо мно́ю....

XIX.

Ху́тко перебігли до міста; на́че межи комашню́ впа́ли. Иду́ть и ідуть, продаю́ть, купу́ють: Лю́де, пани́, москалі, пере́купки. А жиди́ довгопо́лі, куди́ ні гля́нешъ, усю́ди вони́, на́че ти́і хрущі шерша́вію́ть.

Панъ звелівъ ко́ней зупини́ти коло заїзднього дво́ру и повівъ свою́ молоду́ у кімна́ти. Візни́ці грошей давъ—пообідай, а про ме́не й байду́же.

Сиджу́ я собі та дивлю́ся. Усе́ чуже́, усе́ не на́ше! Коли́ хтось якъ гукне́:—Гей, хоро́шая, вродли́вая!—Я ажъ здригну́лась. Се візни́ка на ме́не гука́е. Придивлю́ся до ёго: то-то жъ чорня́вий, ма́тінко! таки́й чорня́вий, якъ есть тобі во́ронъ. Засмія́вся—зубівъ у ёго незліче́нно, а білі ті зу́би, бі́лі, якъ смета́на.

— А кого́ вамъ тре́ба? пита́ю ёго́.

— Эге́, кого́!... Якъ бо тебе́ зва́ти?... Усти́на, здае́тця?... Ходімо зо мно́ю, зъ Наза́ромъ, пообідаймо.

Ду́же я зме́рзла, а пі́ти—ду́маю—я́къ ёго́ пі́ти? ще па́ні бу́чу зніме!

— Спаси́бі вамъ, одка́зую:—я не хо́чу істи.

Візни́ка всміхну́вся:—Якъ собі зна́ешъ, дівчи́но!—та й пішо́въ.

XX.

Чима́лу жъ я годи́ну пересиді́ла, по́ки ви́йшли пани́. Панъ тоді зиркъ на ме́не!

— А що́ ти сиди́шъ тутъ, Усти́нко? — пита́е. — Чи обіда́ла ти?

— Гей!—крикнувъ на хазя́іна борода́того, що тутъ на рундуці гро́ші въ доло́ні лічи́въ, зва́каючи: — да́йте ді́вці пообі́дати!

Хазя́інъ гро́ші въ кише́ню, та й побігъ.

— Що́ це, що́ це? — жахну́лась па́ні: — ми ії жда́тимемо?

— А якъ же, се́рденько? — одказа́въ панъ.— Адже́ вона́ голо́дна, та й наме́рзлась до́бре!

— То що́? Вони́ до сёго зви́чені. Спізнимось; я боя́тимусь.

— Бігай, дівчи́но, та хутенько!— ка́же мі́ні панъ.— Не зага́йсь, щобъ тебе́ не дожида́ти.

Па́ні почервоніла по са́ме воло́ссє.

— Часъ іхати!

— Та вона́ жъ голо́дна, се́рце.... Диви́сь, якъ змерзла!

— Я зме́рзла, я, я!—та такъ уже́ на те *я* накри́кує!

— Сіда́й!—грімнула да́лі на ме́не, и сама́ у по́візъ уско́чила.

Панъ здивува́вся: не зна́е, що́ ёго́ ду́мати, що́ ёго́ каза́ти,— стоіть.

— Що́ жъ? — пита́е па́ні: — ху́тко?

Тоді серде́га сіда́е коло не́і...

А хазя́інъ борода́тий:—Дівці *абе́ду* не прика́жете?...

Довге́нько гомоніли пани́ між собо́ю, а ще до́вше після то́го мовча́ли.

XXI.

При́смеркомъ дочапали до ху́тора. Въ хуторя́нськихъ ха́тахъ де-не-де́ світи́лось. Ідемо у́лицею; ста́ли коло буди́нку. На рундуці ку́пкою стоя́ть лю́де изъ світломъ, съ хлібомъ святи́мъ. Кла́няютця, віта́ють молоди́хъ

— Спаси́бі, спаси́бі,—дя́кує панъ, прийма́ючи хлібъ на свої ру́ки. — Привізъ я вамъ па́нію молоду́, — чи вподо́баете?

Самъ смі́ється, радіе: кому́-то вже така́ кра́ля не сподо́бна бу́де!

А па́ні, якъ гля́не на ёго,—ажъ и́скри ій зъ очей скакну́ли; на лиці мінитця. Лю́де до не́і — щобъ то ій по сво́ёму вита́ти; а вона́ ви́хопила въ когось изъ рукъ свічку та въ две́рі—стрибъ! Лю́де такъ и шугну́ли одъ тихъ двере́й, нічо́го па́нові й не одмо́вили.

Панъ, неспокійний, смутни́й, пішо́въ собі, похили́вши го́лову.

Ввійшла́ и я. Дивлю́сь, роздивля́юсь. Світли́чки невели́чкі, та га́рні, чисте́нькі. Стільчики, сто́лики—все те нове́ньке, ажъ ло́щитця. Чу́ю — гово́рять пани́. Прислуха́юсь — па́ні моя́ хли́пае, а панъ та́къ-то вже ій благае́, та́къ благае́!

— Не плачъ, не плачъ, життє моє́, се́рце моє́ дороге́!... Коли́бъ же я знавъ, що я тебе́ обра́жу, — зъ віку бъ не каза́въ!

— Ти, ма́буть, усіхъ мужиківъ такъ изучи́въ, що вони́ съ тобо́ю за панібра́та!... га́рно!... оглядаю́ть мене́, всміха́ютця до ме́не, тро́хи не ки́нулись мене́ обніма́ти... Охъ, я нещасли́ва!.... Та я́къ вони́ сміють! — ви́крикне на-оста́тку.

— Се́рце моє́! лю́де до́брі, про́сті...

— Я не хо́чу нічо́го зна́ти, слу́хати, ба́чити! — задріботіла па́ні. — Ти мене́ зъ світу хо́чешъ оце́ зігна́ти, чи що́? — вигу́кує рида́ючи.

— Го́ді, го́ді, лю́бочко! ще занеду́жаещъ... О, не плачъ бо, не плачъ! Роби́тиму все та́къ, якъ ти сама́ наду́маешъ. Подару́й міні сей случа́й!

— Ти мене́ не лю́бишъ, не жа́луешъ... Богъ изъ тобо́ю!

— Гріхъ тобі такъ говори́ти! Я тебе́ не люблю́!... Сама́ ти зна́ешъ, яка́ твоя́ пра́вда!

Чу́ю — поцілува́лись.

— Гляди́ жъ, — ка́же па́ні: — якъ ти не бу́дешъ по-мо́ёму роби́ти, то я вмру!

— Бу́ду, се́рденько, бу́ду!

XXII.

Проходила я по всіхъ кімна́тахъ — нема́ нікогісінько. — Се чи не одъ насъ повтіка́ли? — ду́маю собі. Ви́йшла на рунду́къ, — нічъ місяшна, зоряна́. Стою́ та роздивлююсь; коли́ чу́ю:— Здоро́ва

була́, дівчи́нонько!—якъ на струні бря́знуло обікъ ме́не. Стрепену́лась я, дивлю́сь: висо́кий па́рубокъ, ставни́й, поглядає, всміха́етця. И засоро́милась, и зляка́лась; стою́, якъ у ка́меню, онімі́ла, та тільки дивлю́сь ёму́ въ вічи.

— Стоішъ сама́ ту́тенька, — зновъ озива́етця па́рубокъ: — ма́буть, не знаешъ, куди́ йти?

— Якъ-би́ не зна́ла, то васъ би спита́ла, — одмо́вила ёму́, схаменувшися тро́хи. — Бува́йте здоро́ві!

Та швиде́нько въ две́рі.

— Бува́й здоро́ва, се́рденько! — сказа́въ мині у слідъ.

XXIII.

А пани́ всё по поко́яхъ хо́дять. Молода́ у ко́жний куто́къ зазира́е, що́ й я́къ. Заба́чила зіллячко за образа́ми: — Що́ це таке́?

— Се ба́ба божничо́къ уквіча́ла.

— Що́?... То вона́ въ те́бе тутъ порядку́е! Ви́кинь те зілле, се́рце! Се вже зовсімъ помужи́цькій.

— До́бре, се́рденько.

Тоді вона́ ёго́ цілу́е: — Го́лубе мій!

Отъ, находи́лись, наговори́лись.

— Що́ це, — ка́же панъ, — що нико́го нема́? Куди́ се ба́ба поділась?

— А бачъ, бачъ, — зацокота́ла па́ні, — які́ вони́ въ те́бе поросну́щувані! Схотіла, то й пішла́.

— Та не де́ дінетця. Ось я її гукну́.

Та й ки́нувсь гука́ти: — Ба́бо! ба́бо! бабо́! — якъ той хло́пчикъ слухня́ний.

— За́разъ, се́рденько, ба́ба прийде, — гово́рить па́ніі, вмовля́ючи ії.

— Та де вона́ була́?

— Пе́вно щось робила, лю́бко. Се моя́ вся прислу́га.

— А де моя́ Усти́на? И вона́ изучи́лась бігати, не пита́ючись? Усти́но! Усти́но!

Я ста́ла передъ не́ю.

— Де була́?

— Ось у цій кімна́ті.

Ста́ла я зновъ за дверима́; зновъ дивлю́сь и слу́хаю.

XXIV.

Увійшла́ бабу́ся старе́сенька-старе́сенька, — ажъ до землі поника́е, та вся-усе́нька змо́рщена; тілько її очі чо́рні ще́ живу́ть и ясніють. Увійшла́, тихе́нько ступа́ючи, вклони́лась па́ні та й пита́е: — А що́ вамъ тре́ба, па́не?

Па́ні ажъ зъ місця зірва́лась, що стара́ така́ сміла.

— Де се ти, ба́бо, була́? Я тебе́ вже самъ му́сивъ гука́ти,— ка́же панъ.

— Коло пе́чи була́, па́ночку: Га́нні помага́ла, щобъ до́бра вамъ вече́ронька була́.

Панъ ба́чить, що вже жінка важки́мъ ду́хомъ ди́ше, а все не ва́житця вінъ бабу́сю нала́яти: лу́па очи́ма та ка́шляе, та хо́дить, — не зна́е, що́ вже ёму́ й робити. Па́ні одъ ёго одверта́ється. Бабу́ся стоіть одъ поро́га.

— Що жъ, вече́ря гото́ва? — пита́е панъ, уже́ хмурнійше.

— Гото́ва, па́ночку, — ти́хо и спокійне́нько ока́зуе бабу́ся.

— Се́рце (до па́неі), мо́же бъ ми повече́ряли?

— Я не хо́чу вече́ряти! — одказа́ла па́ні, ви́бігла и двери́ма гру́кнула.

— То й я не бу́ду вече́ряти, бабу́сю, — ка́же панъ смутне́нько вже.

— То я собі пійду́. На добра́-нічъ вамъ, па́ночку!

— Иди́. Та тре́ба глядіти, стара́, щобъ я не бігавъ за тобо́ю самъ! — загомонівъ бувъ на не́і, та за́разъ и вгамува́вся, якъ бабу́ся ёму́ на те звичайне́нько одмо́вила: — До́бре, па́ночку!

Вклони́лась и пішла́ собі.

XXV.

Ходи́въ-ходи́въ панъ по кімна́ті. Чутно́ ёму́, що па́ні пла́че за стіно́ю. — Бо́же мій! — промо́вивъ самъ до се́бе, — чого́ вона́ пла́че! — И такъ вінъ те сло́во ти́хо, та́кеньки сму́тно, промо́вивъ!

Не вте́рпівъ — пішо́въ до не́і; цілу́е, вмовля́е. Чима́лу годи́ну вінъ іі блага́въ, по́ки переста́ла.

— А вече́ряти не хо́чу, — ка́же па́нові. — Я на твоі слу́ги—

не то́ що—и дивúтись не мóжу! Тáкъ изъ тобóю повóдятця, якъ изъ своїмъ брáтомъ.... рóдичі, та й гóді!

XXVI.

Сиджý сама́ у дівóчій; сýмно; тúша така́.... Оттó життє моє́ бýде! всю́ди крáсне!.. —Тепéреньки,—дýмаю собі,—нáші дівчáта наживýтця безъ моéї пáніі! Веселéнько та любéнько імъ укýпці.... А міні—чужá сторонá, и души́ нема́ живóі...

Коли́ щось у вікóнце стукъ-стýкъ!... Такъ я й згоріла!... Сама́ вже не знáю, якъ, а догадáлась....Сиджý, ніби не чýю.

Переждáло трóхи, — зновъ стýкае. Метнýлась я та двéрі всі попричиня́ла, щобъ пани́ не почýли.

— А хто се тутъ? — питáю.

— Я, дівчúно-гóрличко!

— Мáбуть, —кажý, —чи не помили́лись: —не въ те вікóнце добувáетесь!

— Тó жъ бо й не въ тéе! Нá що жъ и óчі въ лóбі, коли́ не зъóчити кого́ трéба!

— Не такъ-то кóнче й трéба!.. Оцé найшли́ розмóву крізъ подвійне скло!... Гéтте! ще пани́ почýють!

Та й одхили́лась одъ вікнá.

А вінъ таки́: — Дівчúно! дівчúно!

— Чого́ се ти попідъ віконню вкопáвся, Прокóпе? — загомонівъ хтось потúху. — Онъ, вечéря вже готóва ще одкóли, а васъ нікóго немá!

XXVII.

Хтось уступúвъ у сінці. Я відчини́ла, ажъ се бабýся.

— Здоро́венька була́, дівчино,—промóвила до мéне.— Прóсимо на вечéрю, зозýлько!

— Спаси́бі, бабýсю!

— То й ходімо.

— Ось я пáнеі спитáюся.

— Чого́ питáтись, лю́бко? То жъ вечéря!

— Чи звели́ть ити́.

Бабу́ся перемо́вчала хвили́нку, та й ка́же: — То йди, моя́ дити́но. Я тебе́ ту́теньки підожду́.

Пани́ сидя́тъ у-ку́пці любе́нько, весели́нько; щось межи́ собо́ю розмовля́ють. Я ввійшла; а па́ні: — Чого́ су́несся?

— Пустіть, — кажу́, — па́ні, мене́ повече́ряти.

— Иди собі,—вече́ряй!

XXVIII.

Пішла́ я за бабу́сею черезъ двіръ у ха́ту.

— Оце́ привела́ вамъ дівчину, — каже бабу́ся, вво́дячи мене́ въ ха́ту.

А въ ха́ті за столо́мъ сиди́ть Наза́ръ чорня́вий и молоди́чка гарне́нька, жінка Наза́рова. У печі пала́е, якъ у гу́ті. Одсві́чують ве́село бі́ли стіни и божничо́къ, вишива́нимъ рушнико́мъ навішений, квітка́ми сухи́ми и зіллемъ уквічений. Зъ поли́ці, ми́си, миски́ й мисочки́, и зелені́ й черво́ні, и жо́вті, на́че каміння дороге́, викраша́ютця. Усе́ таке́ весе́ле въ тій ха́ті було́, при́бране, осяюще: и ку́жіль мяко́го лёну на же́рдці, и чо́рний кожу́хъ на кілку́, и пле́тена колиска зъ дити́нкою.

— Про́симо до гу́рту! — привіта́ли мене́ и вклони́лись.

— Мо́же бъ, по́ручъ зо мно́ю така́ кра́ля засіда́ла, га? — ка́же Наза́ръ.

— Хиба́ жъ ви ту́течки найкра́щі, дя́дьку? — пита́ю. Сама́ озирну́лась, ажъ той па́рубокъ уже́ тутъ, — съ кутка́ на ме́не задиви́вся, ажъ га́ряче міні ста́ло.

— Ато́ жъ ні?— ка́же Наза́ръ. — Придиви́сь-лише́нь до ме́не до́бре: то́-то жъ га́рний! то-то жъ хоро́ший!

— Хиба́ по́ночі! — одмо́вила ёму́ весе́ла молоди́чка.

Сла́вна була́ то жіночка, — зва́ли Ка́трею: бі́ля́венька собі, тро́шки кирпа́тенька, очи́ці голубоцвітові, ясне́нькі, а сама́ кругле́нька и свіжа, якъ я́блучко. У черво́нову очіпку, у зелені́й ю́почці баєвій. Смішли́ва була́ й гордова́тенька, а що вже шамка́я! И гово́рить, и діло ро́бить, и дити́ну коли́ше; то коло стола́ ії вши́вані рука́ва ма́ють, то коло пе́чи ії персте́ні блискотя́ть.

— Ну, ну! — ка́же ій Наза́ръ: — коли́бъ оце́ не галушки́, я бъ тобі одказа́въ!

Тутъ бо са́ме Катря ёго́ поста́вила на сті́лъ ми́ску зъ галушка́ми.

Наза́ръ моргну́въ на ме́не: — Не гріхъ тому́ до́бре повече́ряти, хто не обі́давъ!

XXIX.

Ка́тря хочъ и гово́рить и жарту́е, а здае́тця все чого́сь сумна́ и неспокійна. Бабу́ся, си́дячи за столо́мъ тихе́нько и вели́чненько, яку́сь ду́мку собі ду́мала. Тільки Наза́ръ пусту́е та вига́дуе, та рего́че, побли́скуючи передъ каганце́мъ зуба́ми, а зу́би, я жъ кажу́, якъ смета́на! На того́ па́рубка я вже не дивілась.

— А що́, пта́шечко,—пита́е въ ме́не бабу́ся: — при молодій па́ніі давне́нько слу́жишъ?

— Яка́ вона́ га́рна!—заки́нула молоди́чка.

— Помо́жетця, що га́рна!— гукну́въ Наза́ръ, — коли́ ди́витця такъ, що ажъ молоко́ ки́сне!

Бабу́ся зідхну́ла важе́нько:—Го́ді тобі, го́ді, Наза́ре!

— А нашъ панъ таки́й звича́йний,—заговори́ла молоди́чка:— вінъ, ма́буть, изъ-ро́ду нико́го не скри́вдивъ.

— Дай ёму́, Бо́же, и па́ру таку́!—промо́вила бабу́ся.

— Якъ-то тепе́реньки намъ бу́де!—смутне́нько ка́же молоди́чка. Зідхну́ла и заду́малась.—Якъ-то бу́де!—зновъ ти́хо вимовля́е, ди́влячись на ме́не, на́че бъ випи́тувала очи́ма.

А я мовчу́.

— Бу́де, якъ Госпо́дь дасть, голу́бко,—ка́же бабу́ся.

— Ну, що́ буде, те й бу́де,—ми все перебу́демо! — гукну́въ Наза́ръ.—А тепе́ръ—до галушо́къ берітесь. А ти, Прокопе, чому́ не йдешъ? Па́ні тобі въ о́ко впа́ла?... чи, мо́же, ця кра́ля?

Та й моргну́въ на ме́не.

— Неха́й міні та па́ні й не сни́тця! — одмо́вивъ па́рубокъ, сіда́ючи проти ме́не:—де́ вона́ й вроди́лась така́ неприя́зна!

Тоді молоди́чка до ме́не: — Дівчи́но-се́рденько! скажи́ намъ усю́ щи́ру пра́вдоньку, якъ душа́ до души́....

Та й спини́лась. Всі на ме́не ди́вилтця пи́льно.. И па́рубокъ оче́й зъ ме́не не зведе́. Якъ-би́ міні не той па́рубокъ, то все бъ нічо́го; а при ёму́ сором'юся та червонію, — тро́хи не запла́чу.

— Дівчи́но! лиха́ на́ша па́ні молода́?—ви́мовить Ка́тря.

— Недо́бра!—кажу́ ій.

— Го́споди милосе́рдний!— кри́кнула:— чу́ло моє се́рце, чу́ло!... Дити́но моя́!

Ки́нулась до коли́ски, схили́лась надъ дити́ною:—Чи того́ жъ я сподіва́лась, идучи́ вільна за па́нського! Вона́ вже й о́комъ своїмъ насъ поже́рла!

Та пла́че жъ то та́къ,—сліза́ слізу́ побива́е.

— Не таки́й чортъ страшни́й, якъ намалёваний,— ка́же Наза́ръ.—Чого́ ляка́тись? тре́ба першъ роздиви́тись.

А вона́ пла́че, а вона ту́жить, на́че вже й спра́вді ії дити́ну па́ні своїмъ о́комъ поже́рла.

— Го́ді, голу́бко! — вмовля́е Ка́трю бабу́ся: — чого́ намъ ду́же трівожитись? Хиба́ надъ на́ми нема́ Го́спода милосердного?

Па́рубокъ ані па́ри зъ устъ; тілько куди́ я ні гля́ну, усе́ на ёго́ по́глядъ очи́ма спаду́.

XXX.

Повече́рявши, поблагослови́вшись, бі́жу́ назадъ у буди́нокъ, а за мно́ю: — На добра́-нічъ, дівчи́но!

— На добра́-нічъ вамъ! — одказа́ла, та й уско́чила въ сіни.

Увійшла́ въ дівочу, — се́рце въ ме́не бъе́тця, бъе́тця!.. Ду́маю та й ду́маю.... що я́къ вінъ вдиви́вся въ ме́не очи́ма!... И па́ні моя тожъ мі́ні на ду́мку наверта́етця: ле́дві у двіръ ступи́ла, вже всіхъ засмути́ла.... И чого́ той па́рубокъ чіпля́етця?... Бода́й же ёго́, яки́й хоро́ший!... Місяць стоіть проти ме́не у-по́вні....

»Ой місяцю-місяче́ньку,
Не світи́ ніко́му!...«

Пісня такъ и підмива́е мою́ ду́шу.... Сама́ не зна́ю, чого́ душа́ моя́ бажа́е: чи щобъ вінъ зновъ озва́вся підъ вікі́нцемъ, чи щобъ не прихо́дивъ. . . . .

XXXI.

Мина́е день, ти́ждень, місяці, и півъ ро́ку збігло за водо́ю. Зда́етця, що въ ху́торі ти́хо и ми́рно; цвіте́ ху́тіръ и зеленіе. Коли́ бъ же погля́нувъ хто, що́ тамъ ко́ілось, що́ тамъ діялось! Лю́де

прокида́лись и ляга́ли пла́чучи, проклина́ючи. Усе пригну́ла посво́ёму молода́ па́ні, усімъ робо́ту тяжку́, усімъ ли́хо пеку́че, изнайшла́. Каліки нещасли́ві, діти кришеня́точка, и ті въ не́і не гуля́ли. Діти сади́ заміта́ли, инди́ківъ па́сли; каліки на горо́ді сиділи, горобцівъ, пта́ство поло́шили, да все жъ-то те я́кось уміла па́ні приправля́ти доріка́ннємъ та гордова́ннємъ, що спра́вді здава́лось уся́ке діло ка́торгою. Стоо́ка на́че вона́ була́, все ба́чила, всю́ди якъ та я́щірка по ху́тору звива́лась, и Богъ іі зна́е, що́ въ ій таке́ було́: тільки погля́не, то на́че за се́рце тебе́ руко́ю зда́вить.

А пани́-сусіде на́шу па́нію похваля́ють-велича́ють: — Отто́ хазя́йлива! отто́ розу́мна! Дарма́, що молоде́нька, — до́бре бъ намъ усімъ у не́і вчи́тись!

Спе́ршу лю́де на па́на впова́ли, та незаба́ромъ зрекли́ся надіі й ду́мки. Вінъ бувъ до́брий душе́ю и милости́вий панъ, та плохи́й зовсімъ, — ні що́ зъ ёго. Спи́тувавсь вінъ жінку вмовля́ти, та не така́-то вона́. Да́лі вже и намену́ти на сю річъ боя́вся,—мовъ не ба́чить нічо́го, не чу́е. Не було́ въ ёго ні ду́ху, ні си́ли. Ска́зано: до́брий панъ,—*не бье, не ла́е, та нічи́мъ и не дба́е.* Якъ почне́ па́ні обміра́ти та стогна́ти, та въ крикъ викри́кувати, то вінъ ру́ки й но́ги ій ви́цілуе, и пла́че, и самъ люде́й ла́е: — А щобъ васъ! а бода́й васъ!... отъ умо́рять міні дру́га!

— Не бу́де зъ ёго нічо́го, — ка́же Наза́ръ. — Я одъ ра́зу поба́чивъ, що квачъ, — ще тоді, якъ вінъ Усти́ну обідомъ нагодува́въ.... Якъ-би́ таку́ жінку та міні,—я бъ іі у комашню́ втру́чивъ,— неха́й би пи́хкала!

Та й зарего́че на всю ха́ту. Таки́й уже́ чоловікъ бувъ той Наза́ръ: усе́ ёму́ жа́рти. Здае́тця, хочъ ёго́ на огні печи́, вінъ жартува́тиме.

А що́ Ка́тря слізъ ви́лила, то де́ вже ти́і й слёзи бра́лись! Візьме свою́ дити́ну на ру́ки та пла́че-пла́че! а да́лі й зарида́е у го́лосъ.

И Про́кіпъ ду́же зажури́вся. Усе́ щось собі ду́мае и зо мно́ю вже не пожарту́е.

— Оце́ жъ бо які ви сму́тні!—скажу́ ёму́ одного́ ра́зу: (се було́ вве́чері, при́смеркомъ): — чого́ ви такі смутни́і?

А вінъ мене́ за ру́ку,—пригорну́въ и поцілува́въ. Заки́ я схамену́лась, ёго́ вже й нема́е.

XXXII.

Усі лю́де повъя́ли, змарні́ли; тільки бабу́ся вели́чна, якъ и була́. Якъ ні ла́е, якъ ні кричи́ть на не́і па́ні, — бабу́ся не ляка́етця, не метуши́тця: иде́ ти́хо, гово́рить спокійно, ди́витця я́сно своіми очи́ма ясни́ми. И не счу́есся було́, якъ до не́і приго́рнесся, та й запла́чешъ, — отъ якъ дити́на до ма́тері своє́і рі́дної го́рнетця.

— Не плачъ, моя́ дити́но, не плачъ! — промо́вить бабу́ся сти́ха, ласка́во. — Неха́й недо́брі пла́чуть, а ти перетрівай усе́, ви́терпи бідочку!... Хиба́ жъ таки́ й перете́рпіти не мо́жна?

Го́споди! якъ же сму́тно й су́мно жило́ся! Не чу́ти сміху, не чу́ти гла́су людського́. У двіръ душа́ жива́ не навідаетця, — хиба́ за ді́ломъ, — та та́къ бо́язько огля́дуетця, та́къ поспіша́етця вже, на́че ёму́ съ пу́щи ви́хопитись одъ звіря лю́того йде́тця.

Спізни́лась я́кось вече́рявши, та й біжу́ хуте́нько. — И чому́ хочъ Про́кіпъ не прийшо́въ вече́ряти! — ду́маю. Коли́ вінъ такъ и вроди́всь передъ очи́ма моіми! Перейма́е мене́ и оббігти не пуска́е.

— Усти́но! скажи́ мині пра́вдоньку: чи ти мене́ лю́бишъ?

Утіка́ бъ одъ ёго, такъ но́ги мене́ не несу́ть. Стою́; горю́....

Вінъ тоді мене́ за ру́ку!.. Обійма́е, пригорта́е, та все пита́е: *чи любишъ*? — таки́й чудни́й!...

Посіда́ли, поговори́ли, покоха́лись, — усе́ ли́хо забу́лось. Весе́ла душа́ моя́, и світъ мі́ні ми́лий, и таке́ въ світі га́рне все, таке́ кра́сне!... Чого́ вже, коли́ й па́ні постерегла́: — що́ це тобі? — ка́же. — Чого́ се такъ росчервонілась, на́че хто ви́бивъ? Чи, мо́же, що́ вкра́ла?!..

XXXIII.

Бо́же мій ми́лий! я́къ-то вже я того́ ве́чора захистно́го, те́много, дожида́ю!... Звели́ть па́ні на вече́рю йти, — Про́кіпъ мене́ дожида́е. Пере́йме та посто́їмо у-дві́йзі, погорюемо обо́йко.... Бо де́нної пори́ хочъ и стрінемось, — тільки згля́немось, — слове́чка не перемо́вимо, розійдемось.

— На ли́хо ви покоха́лись!—ка́же було́ Ка́тря.

— Зъ біса розу́мна ти, моя́ лю́ба! — кепку́е зъ не́і Наза́ръ. Коли́бъ тепе́ръ ти въ-дру́ге мене́ полюби́ла, то бъ и ла́пки поли-за́ла-еси́!

— Кохáнне въ мéне на умі!... Мíні й вонú двойкó сéрце сý-шять, якъ подýмаю-погадáю....

— Чогó се ви дівчúну сýшите та лякáете? — озвéтця бабýся. — Колú вже покохáла, нехáй кохáе: то їй судьбá такá судúлася.

XXXIV.

А пáні, куди́ дáлі, то все зліслівша, усé лютіша: абú я трóхи спізнúлась, забарúлась: — дé булá? — та й стріне менé на пáнському порóзі лихá годúна.

Пéрво тугóю тужúла я тяжко, а тамъ усé міні стáло не въ дивовúжу, усяка гáньба байдýже. Скáзано: *Встань лúхо, та й не ляжъ!*... Булó, пóки лáе, корени́ть,—не сúла моя́—слёзи рúнуть, а напла́чуся дóбре, утрýсь, — такá собі веселéнька, жартýю, пустýю!... И косá заплéтена дрібнéнько, и сорóчка на мíні біла, — нікóму булó й не хвалю́ся. Щó мíні помóжуть? тільки своé лúхо тяжкé згадáють!... А Прóкіпъ, нáче нічъ тéмна, хóдить, и вже тоді ні до ідла, ні пúтва, ні до розмóви.

Гóсподи мúлий! своé лúхо, чужé лúхо, — не знать, щó й робúти, щó починáти. У Кáтрі дитúнка запедýжала: а тутъ обідъ панáмъ зварú, вечéрю варú, та городъ скопáй, обсій, — та ще пáні грімае: — Нічóго не рóбишъ, ледáщо! дýрно хлібъ мій ісú! Ось я тебé навчý робúти!

Цілу нічъ Кáтря не спить надъ дитúною. На день благословúтця, — до робóти. Бабýся тоді пильнýе малóі, розважáе Кáтрю; то дитúнку до не́і вúнесе, то самá вúйде та роскáже: — стúхла малá! — абó: спить малá! — И тáкеньки, нáче благодáть Бóжа, допомагáе, невтомлúва, невсипýща.

— Чогó се ви, Кáтре, такъ пáдкаетесь, безъ спочúнку? — кажý їй.

— Робúтиму, робúтиму, пóки сúли. (А óчі въ не́і такъ и горя́ть позападáвши). Мóже, вгожý, мóже вмилосéрджу!

Отъ же не вгодúла й не вмилосéрдила. Робúла й не спáла, пóки ажъ нечувствéнний сонъ її обнявъ, коло колúски. Прокúне-

тця,—до дити́ни,—а дити́нка вже на Бо́жій доро́зі. Тільки гля́нула на його́ бідола́шна ма́ти, тільки вхопи́ла його́ до се́рця,—воно́ й переста́вилось.

И побива́лася жъ Ка́тря, и му́чилась, и раді́ла:

— Неха́й же моє́ дитя́, моє́ коха́не-дороге́, бу́де янголя́ткомъ Бо́жимъ, — ли́ха не зна́тиме моє́ ріднє́сеньке! — А да́лі й заголо́сить: — А хто жъ до ме́не ручена́та простя́гне? хто мене́ звесели́ть у сві́ті?... Дити́но моя́! поки́нула мене́, моя́ до́нечно!

Наза́ръ — ніби й нічо́го, розважа́е свою́ Ка́трю, молоди́мъ ії́ вікомъ заспоко́юе, а въ само́го вже помя́кшавъ гу́чний го́лосъ,— по́тай усіхъ симу́е.

По тій печа́лі зовсімъ захи́ріла, занепа́ла Ка́тря. Не то, щобъ роби́ти, вже й по́ світу ходи́ть нездужае. А па́ні все-таки́: — Чому́ не ро́бишъ діла? Я тобі те́! я тобі дру́ге!

— Тепе́ръ я вже не бою́сь васъ! — одказа́ла Ка́тря: — хочъ мене́ живце́мъ иззі́жте тепе́ръ!

Дала́ жъ ій себе́ зна́ти па́ні!...

— Проко́пе! — кажу́ я: — що́ оце́ зъ на́ми бу́де!

— Усти́но-се́рце! звяза́ла еси́ мі́ні руки!..

XXXV.

Прогна́ла па́ні Ка́трю зъ двора́ на па́нщину: не вважила й на ії́ чоловіка-візни́ку.

Панъ, ни́шкомъ одъ па́нії, давъ ій карбо́ванця гро́шей, та не взяла́ Ка́тря; він положи́въ ій на плече́, — ски́нула, зъ се́бе на́че жа́бу, ті гро́ші. Якъ упа́въ же той карбо́ванець на му́ріг, — и залігъ тамъ, ажъ счорні́въ: ніхто́ не доторкну́вся. Та вже сама́ па́ні, похожа́ючи по́ двору, вздріла и зняла́.

— Се пе́вно ти гро́ші сіешъ? — ка́же на па́на. — Ой Бо́же мій, Бо́же мій!

Панъ на те нічо́го не одказа́въ, тільки счервонівъ ду́же.

А Ка́тря не схотіла на сві́ті жити. Щось ій приключи́лось пі́сля то́ї нару́ги. Бігала по гая́хъ, по болота́хъ, шука́ючи своє́ї дити́ни, а да́лі я́кось и втопи́лась бідола́шна.

Панъ ду́же зажури́вся; а па́ні: — Чого́ тобі смути́тись незна́ть чимъ? хиба́ жъ ти не помі́тивъ по ій, що вона́ й зда́вну

навіже́нна була́? И о́чі якісь страшні, и заговóрить, то все не пу́тнє....

— И спра́вді, — вхопи́вся панъ за те сло́во: — не по́вно въ не́і ума́ було́!

Навіже́нна та й навіже́нна.... На́ що й кра́ще! Пора́дились поміжъ собо́ю та́кеньки, та й спокійне́нькі собі....

XXXVI.

Згоди́ли яко́гось москаля́ зъ міста за кухова́ра. То жъ бо й бувъ чудни́й! Якъ зва́рить пана́мъ істи, самъ пообідае, то ля́же на ла́ві, та все сви́ще та сви́ще, та сви́ще, та ра́птомъ якъ спі-воне́! — дзвінко-тоне́нько, помісь півень кукурікае. Сёму́ байду́же було́ на́ше ли́хо; тільки було́ спита́е: — сего́дні би́то? — та й дода́сть: — ина́чій и не мо́жна: на те слу́жба!

Наза́ръ уже́ не той ставъ, уже́ й вінъ я́кось пони́къ, а все жарту́е: — Коли́бъ мині хочъ оди́нъ день хто послужи́въ, до-віку бъ зга́дувавъ!

Па́ні того́ кухова́ра ду́же хва́лить, що таки́й, мовля́е, чоловікъ вінъ хоро́шій, такъ мене́ поважа́е! А вінъ було́ якъ стоіть передъ па́ніею, то мовъ стріла́ ви́стромитця, ру́ки спу́стить, о́чі втоpо́пить на не́і: — Лови́въ я рябе́ порося́; втіклó рябе́ порося́ у буръяни́; то я до чо́рного поросяти: вловивъ чо́рне порося́, ошпа́ривъ чо́рне порося́, спікъ чо́рне порося́.... — Та́кеньки усе́ чи́сто одбубонівъ и дожида́е, що́ па́ні ёму́ одка́же; самъ тільки очи́ма лупъ-лупъ!...

А па́ні ёму́ разъ-по-разъ: — До́бре! до́бре! усе́ до́бре!... Тілько ти гляди́ въ ме́не, — не розледащій міжъ моіми вовкоду́хами.

— Нікóли того́ не всмію, ва́ше високобрагоро́дие!

Вкло́нитця ій ни́зько, впра́во, вліво нога́ми човгъ! та и зъ ха́ти, та на ла́ву, — и зновъ сви́ще.

— Бода́й васъ! — кажу́ ёму́ я́кось: — коли́ вже ви переста́нете того́ сви́сту! Тутъ го́ре, тутъ напа́сть, му́ки живи́і, а ви....

— Не горю́й, не горю́й, дівко! На те вона́ слу́жба называ́етця. Онъ, бачъ, скільки въ ме́не зубівъ зоста́лось... На слу́жбі втеря́въ!... Бувъ у насъ копита́нъ... ухъ!

Та тільки у́хнувъ.

— А ти що́ ду́мала? Якъ у світі жи́ти? якъ служи́ти? якъ ви́служитись? Тебе́ бьють, тебе́ рвуть, моро́чять тебе́, поро́чять, а ти стій, не моргни́!... И! крий Бо́же!

Зговори́вши те́е, зновъ свистіти! А Про́кіпъ зъ се́рця ажъ лю́льку о́бъ землю ге́пнувъ.

— Воли́ въ ярмі, та й ті ревуть, ато́ щобъ душа́ христія́нська всяку дога́ну, всяку кри́ву терпіла и не озва́лась! — грімнувъ на москаля́, ажъ той свиста́ти переста́въ. Ди́витця на ёго, якъ козе́лъ на нові воро́та. — Не така́ въ ме́не вда́ча! — ка́же Про́кіпъ: — я та́къ: або́ ви́рятуйся, або́ пропади́!

— А въ ме́не така́ зновъ уда́ча: утечи́! — зарегота́въ Наза́ръ. — *Мандрівочка — рідна тіточка.*

— Піймаю́ть!—скри́кнувъ москаль, схопи́вшись: — піймаю́ть — пропа́въ!

Що́ тамъ у ко́го було́ на се́рці, а всі засмія́лись.

— Не ко́жний копита́нъ швидки́й уда́стця, — ка́же Наза́ръ:— и́нший побіжи́ть, та й спіткне́тця. А ти ось-що́ лу́чче скажи́: куди́ втіка́ти?.. Одъ яко́і втікъ, таку́ й здибавъ. Изъ дра́нки та вбере́сся въ переперанку....

»Та все пани́, та все ду́ки. ..«

заспіва́въ — якъ у дзвінъ уда́ривъ.

XXXVII.

У рікъ стара́ па́ні вме́рла. Не хотілось ду́же ій умира́ти! Усе́ молитви́, свяге́ письмо́ чита́ла, по церква́хъ моле́бні пра́вила; свічки́ передъ бога́ми невгаси́мі пала́ли. Якось дівчинка не допильнува́ла, та пога́сла свічечка, — веліла дівчинку ту ви́сікти.— Ти, грішнице, и моему́ спасе́нню шко́дишъ!

XXXVIII.

На́ша па́ні журилась и пла́кала за старо́ю ду́же. — Вже тепе́реньки сама́ я въ світі оста́лась! Обдеру́ть мене тепе́реньки, якъ ту́ю ли́пку! Моє́ о́ко всего́ не догле́дить; а на те́бе, — ка́же па́нові, — яка́ міні надія? Ти міні не придба́ешъ, хіба́ рознесе́шъ и те, що́ ма́емо. Ти й не ду́маешъ, що ху́тко вже намъ Богъ

дити́ну дасть. Для дити́ни, коли́ не для ме́не, схаменись, мій дру́же! Хазяїну́й, доглядай усёго, а найпе́рва річъ — не псуй міні́ люде́й.

— Що́ це ти, лю́бко? Богъ съ тобо́ю! Оце́ зновъ усімъ турбу́ється! Та я все зроблю́, що́ хо́чешъ, усе́!

Та́кеньки було́ вмовля́е ії.

Одного́ ра́зу хотівъ вінъ ії розва́жити, та й ка́же: — Го́ді тобі, голу́бко, клопота́тись. Ось послу́хай лише́нь, що́ я тобі скажу́: я вже ку́ма пригласи́въ.

— Кого́ жъ ти проси́въ? — перехопи́ла ёго́ па́ні.

— Свого́ това́риша. Таки́й сла́вний чоловікъ, до́брий!

— Бо́же мій! я одра́зу догада́лась!... запроси́въ яке́сь убо́жество! Та я не хо́чу сёго́ й чу́ти! Не бу́де сёго́! не бу́де!

А сама́ у плачъ ре́вний.

— Се́рденько, не плачъ! — блага́е панъ: — се́рденько, занеду́жаешъ!... Не бу́де того́ ку́ма; я ёго́ перепрошу́, та й кіне́ць. Скажи́ тільки міні́, кого́ ти хо́чешъ, того́ й завіта́ю.

— Полко́вника тре́ба прохати́, — отъ кого́!

— Полко́вника, то й полко́вника. За́втра й піду до ёго. Ну, изба́чъ міні́, лю́бонько, що я тебе́ засмути́въ!

— Отто́-то й есть, що ти мене́ зовсімъ не жа́луешъ: усе́ мене́ жу́ришъ!

— Голу́бко моя́!—промо́вивъ панъ сти́ха,—пожа́луй и ти мене́. Ти знай се́рдисся, кричи́шъ, сва́рисся; а я сподіва́вся....

Та якъ зарида́е!

Пані до ёго: — Чого́ се ти, чого́?

За ру́ки ёго́ хо́че бра́ти; а вінъ затули́вись обома́, та рида́е-рида́е!... Ле́дві вже ёго́ розговори́ла: и цілува́ла вже, и обніма́ла, — наси́лу сти́шився.

— Та скажи́ жъ міні, чого́ се ти запла́кавъ? ну, скажи́!— про́сить ёго́.

— И самъ не зна́ю, моя́ лю́бо, — одка́зуе панъ, ніби всміха́ючись: — такъ чого́сь.... Не зду́жаю тро́хи. Ти объ сёму́ не ду́май, а насмійсь міні, що я, на́че мале́нький, роспла́кався.

А самъ зідхну́въ.

— Ти, мо́же, ду́маешъ, що я вже тебе́ не люблю́? — гово́рить па́ні.

— Ні, лю́бишъ.

— Люблю́, та ще я́къ!... А вку́пці немо́жна разъ-у-разъ сидіти: тре́ба господарюва́ти, моє се́рце!

Та й поцілува́ла ёго́.

Ура́нці поіхавъ панъ, и полко́вника завіта́въ у ку́ми.

XXXIX.

Народи́вся синъ у па́нії. Що́ тихъ гості́й наіхало на христи́ни! Обідъ спра́вили бу́чний. Кумъ-полко́вникъ вкоти́въ у двіръ си́вими кіньми, побря́зкуючи, позвя́куючи бубо́нцями. Самъ огряднии́й, кругловиди́й, черво́ний, усе́ вуса закру́чуе правицею, а лево́ю ша́блю приде́ржуе, та плечи́ма все напина́етця вго́ру.

Я ра́да, що мінї тро́шки вільніше,—ви́бігла до Прокопа,—стою, розмовля́ю зъ нимъ коло рундука́. Коли́ де ни взя́вся панъ, — весе́лий таки́й, якъ ще бувъ за свого́ женихання съ па́нією.

— Чого́ се ви тутъ стоїте́ обо́йко? Що́ розмовля́ете? — сміе́тця.

А Прокіпъ ёму́: — Па́не, одда́йте за ме́не дівчи́ну!

— До́бре, бери́, Прокопе! я не бороню́. Повінча́йтесь, та й живіть собі любе́нько.

— А па́ні? — ка́же Про́кіпъ.

Панъ зідхну́въ и заду́мався, а да́лі й ка́же: — Идіть за мно́ю! Візьми́ ії за ру́ку, Прокопе!

Самъ пішо́въ у кімна́ти, а Про́кіпъ веде́ мене́ за нимъ, стиска́ючи мою́ ру́ку.

— Лю́бо! — сказа́въ панъ: — я оце́ до те́бе молоди́хъ привівъ. Чи вподо́баешъ?

А тутъ у кімна́ті панівъ, па́ній!... И полко́вникъ поміжъ усіма́, нена́че той индикъ Переяславський, похожа́е, та все по-тро́ху пи́рхае.

На́ша сиди́ть у кріслечку. Зирну́ла на насъ и одверну́лась. Усміхъ весе́лий простиґъ, гнівно на па́на згля́не й пита́е: — що́ се таке́?

Прокіпъ кла́няетця, про́сить.

— Я вже позво́ливъ, — ка́же панъ: — не бороні́ й ти, моя́ коха́на. Давъ намъ Господь ща́стя, — неха́й и воні́ щасли́ві бу́дуть!

Пáні все мовчúть та ýста грызé. А полкóвникъ и вúрветця й загудé, якъ на трубі: — До-пáри, бісови дíти, до-пáри! обóе хорóші! Трéба іхъ звінчáти, кýмо моя́ мúла. — Хóчешъ зáміжъ, дівко? — питáе менé, та що хóче моргнýти, то й óчі заплю́щить: не моргнé; вже не сúла — вúпивъ пóвно.

Усі пани́ за нимъ підхопúли: — Одружіть іхъ, одружіть! Чýете: кумъ вашъ, полкóвникъ, говóрить, що до пáри...

Тоді вже й пáні: — Та нехáй собі!

Ми й несчýлися, якъ за порігъ переступúли. Кúнулись дýхомъ и, не справúвши нічогісінько, пóхапцемъ звінчáлися, щобъ ще не розлучúла насъ пáні.

Дýже вонá гнівалась на пáна: — якъ ти менé підвівъ! — дорікáе. — Я сёгó не можý тобі подарувáти, якъ ти менé підвівъ!

— А тобі, — свáритця на мéне: — тобі бýде!

— Нехáй ужé бýде, щó бýде, — дýмаю, — та вже ми побрáлися! Вéлико тішить менé, що тепéръ озвáтись до ёго мóжна при лю́дяхъ, гля́нути на ёго, що вже — мій!

XL.

Я зостáлась при пáніи, якъ и булá! Ще гіршъ надо мнóю коверзýе вонá, ще гіршъ вáрить зъ мéне вóду, та все примовля́е: — А щó? яковó тобі у замýжжі? покрáщало?

Якъ не заговóрить чоловікъ, якъ не пожáлуе, то чáсомъ такъ прúйде, що примігъ би крізь зéмлю пішóвъ. А зійдýся зъ нимъ,— вéсело й лю́бо; усé лúхо забýду. Тільки чоловікъ мій, куди́ дáлі, то все хмурніший хóдить, ажъ мині сéрце болúть.

— Чи ти вже менé не лю́бишъ, Прокóпе?

Вінъ пригóрне менé та подúвитця въ вічі такъ-то лю́бо, що чýю, нáче въ мéне крúла випростáють.

— А чогó жъ усé смутний, Прокóпе?... Отъ ми вже тепéреньки вкýпці на-віки.

— О, моé сéрденько! тя́жко булó безъ тéбе, а съ тобóю ще тя́жче... Яковó-то сподівáтись що-годи́нки въ Бóга—догáни тобі та мýки!.. А боронúти — не сúла. . Вáжко, Усте!

— Якъ-нéбудь и зо мнóю бідý перебýдемо, Прокóпе. Якъ на мéне, то все удвíйзі легшъ.

— А мóже, й спрáвді такъ, рúбонько!

Та й усміхнéтця, и пожáлуе менé.

Такъ-то вже я радію, якъ розговорю ёгó, розвáжу!

XLI.

Жилú ми тáкеньки зъ бідóю та зъ журбóю до óсени. Тутъ и счинúлось...

Одногó дня трусúли въ садý я́блука въ коші, а чоловíкъ мій струшуе, та все зъ я́блуні на мéне поглядáе то зза тúї гілки, то зза тúї. Трóхи вже й притомúлась бабýся, — сíла одпочúти.

— Отъ ужé й літечко крáсне минýлося! — промóвила:—сóнечко ще світить, та вже не гріе.

Сéе кáжучи, роздивля́етця навкруги́.

— Устúно-голýбко! аджé отó ненáче дітвóра зза ліси визирáе? — питáе менé.

Я гля́ну — ажъ спрáвді коло тúну кýпка дітóкъ.

— А щó, дітки? — питáе бабýся. —Чогó прийшлú, мої соколя́та?

Малі мовчя́ть та тільки óкомъ закидáють у коші зъ я́блуками.

— Ходіть лишéнь блúжче, хлопченя́та: я по я́блучку вамъ дамъ! — кáже на іхъ бабýся.

Дітвóра такъ и сипнýла въ садъ. Обступúли старý, якъ горобці горобúну, а старá обділя́ іхъ — а старá обділя́... Загуготíло, загомоніло коло насъ: звíсно, діти. Колú се, зненáцька, якъ грімне пáні: — А то щó?

Перелякáлись діти. Котóрі въ плачъ, а хто въ нóги, — тільки залопотíло. И въ мéне сéрце заколотúлось.

Бабýся спокійнéнько одповіщае: — Се, кáже, я по я́блучку діткамъ далá.

— Ти далá? ти сміла? — заверещúть пáні: (самá ажъ трýситця). — Ти, мужúчко, моé добрó крáдешъ!... Злóдійко!

— Я—злóдійка!?—вúмовила старá... зблідла, якъ хýстка, и óчі ій засся́ли, и слёзи покотúлись.

— Більшъ кра́сти не бу́дешъ! — кричи́ть па́ні. — Я тебе́ давне́нько пристерега́ю, — ажъ отъ-коли́ пійма́лась... Па́нські я́блука роздава́ти!

— Не кра́ла я зъ ро́ду-віку мого́, па́ні, — одмовля́е стара́ вже спокійно, тільки го́лосъ ії дзвини́ть. — Панъ ніко́ли не борони́въ, самъ дітей обділя́въ. Богъ для всіхъ ро́дить. Подивітця, чи для ва́шої жъ души́ ма́ло?

— Мовчи́! — пи́снула па́ні, наска́куючи.

Хру́снули віти. Зза зеле́ного ли́стя визира́е мій чоловікъ, та таки́й у ёго по́глядъ страшни́й! Я тільки очи́ма ёго блага́ю.

— Зло́дійка! зло́дійка! — карта́е па́ні бабу́сю, вкогти́вшись ій у плече́, и сова́е стару́, и штовха́е.

— Не по-пра́вді мене́ обмовля́ете! Я не зло́дійка, па́ні! Я вікъ извікува́ла че́сно, па́ні!

— Ти ще зо мно́ю захо́дишъ?

Та зо всёго ма́ху, якъ соки́рою, стару́ по обли́ччю!

Захита́лась стара́; я ки́нулась до не́ї; па́ні — до ме́не.... мій чоловікъ — до па́нії.

— Спаси́бі, моя́ дити́но, — промовля́е до ме́не бабу́ся. Не турбу́йся, не гніви́ па́нії.

А па́ні вже вчепи́лась у мої ко́си.

— Го́ді, па́ні, го́ді!—грімнувъ чоловікъ, схопи́вши ії за оби́дві ру́ки. — Сёго́ вже не бу́де! го́ді!

А па́ні у гніву́, у ди́ві вели́кому, тільки викри́кує: — що́? я́къ? га?

Схаменувшись тро́хи, до Прокопа. А той своє́: — Ні, го́ді!

Тоді вона́ у крикъ. Назбіга́лися лю́де, ди́вляться. Панъ, що було́ въ ёго ду́ху, пригна́вся: — Що́ се?

Мій чоловікъ ви́пустивъ тоді па́нію зъ рукъ.

— Отъ твої щи́рі ду́ші! — ле́дві промо́вила па́ні. — Дя́кую тобі!... Та чого́ жъ ти мовчи́шъ? — скри́кнула ще голосні́шъ. Міні ма́ло рукъ не вломи́ли, а ти мовчи́шъ!

— Що́ се поробилось? пита́е панъ на всі сто́рони, у вели́кій трево́зі.

Па́ні й почала́: и обікра́ла ії стара́, и всі хотіли ії душі,— тако́го вже нако́вчила! Сама́ и хли́пае, и кричи́ть, и клене́, що вже и панъ розлютува́вся. Якъ ки́нетця до мого́ чоловіка:—Розбишака!

— Не підхóдте, пáне, не підхóдте! — озвáвсь мій понýро.

— Э, бáчу! кáже панъ: — тобі тутъ місця мáло. Постóй же: розшибáтимесся у москаля́хъ — скільки хотя́!

Пáні ажъ верещи́ть: — у москалі ёго́, у москалі!... Тепéръ и приёмъ у гóроді; зáразъ и вези́ ёго́!

— Візьмíть ёго́! крúкне панъ на людéй:—звяжíть ёму́ рýки!

Прóкіпъ не пручáвся, самъ рýки простя́гъ, ще й всміхнýвся.

А Назáръ підъ той гукъ до мéне: — чого́ злякáлась? чого́ плáчешъ? гірше не бýде!.. Отъ, чи бýде крáще, — не знáю?....

XLII.

Повели́ Прокóпа въ хáту. Сторóжа стоíть коло дверéй. На двóрі візóкъ запряга́ють. Назáръ запряга́е коні підъ пáна.

Дóвго дýмавъ мій чоловíкъ; дáлі кáже:— Устúно! сядь коло мéне! — — —

— Щó ти починúвъ, мій гóлубе! щó ти сподіявъ! говорю́ ёму́.

— А щó я сподіявъ? Бýдешъ вільна,—ótъ щó! бýдешъ вільна, Устúно!

— Вóля, — кажý, — та безъ тéбе!

Такъ міні гірко стáло!

— Вóля! — покрúкне вінъ, — вóля!... Та на вóлі и лúхо, и напáсть — нiщó не страшнé. На вóлі я гóри потоплю́! А крепакý хоть якъ щастúтця, усé добрó на лúхо стáне.

Ажъ ось, заторохтівъ на двóрі візóкъ. Повели́ Прокóпа. Я, въ чімъ булá, схопúлась до ёго на візóкъ. Старá мене́ благословля́е и ёго́: — нехáй вамъ Мáти Бóжа допомага́е, діти! — А слёзи тúхі такъ и біжя́ть зъ очéй ласкáвихъ.

Помчáли насъ. Якъ-то ще пáні не схаменýлась про мéне, наставля́ючи на дорóгу пáна: не пустúла бъ!

Ідемъ мóвчки, побрáвшись за рýки. Я не плáчу, не журю́ся; тільки сéрце моé колóтитця, сéрце моé трепéчетця....

Підъіжджа́емо до міста. Панъ закурівъ коло насъ и вúпередúвъ. Въіхали въ місто. Хýтко проторохтíли ýлицями. Коло висóкого будúнку стáли.

Ви́пустивъ Прокіпъ мою́ ру́ку: — Усте, не журися.

Повели́ ёго́ до приёму Я на рундуці сіла, якъ на гробови́щі.

— Не вдава́йсь у ту́гу, — ка́же Наза́ръ. — Бісъ бі́ду переву́де: одна́ мине́ — де́сять бу́де.

А самъ почáвъ уже́ си́вимъ во́лосомъ, якъ сніжко́мъ, приси-па́тись; розважа́е мене́, а само́го, ви́дно вже, що ніхто не розва́жить.

Коли́ вивóдять мого́ чоловіка... Бóже мій, світе мій! Се́рце въ ме́не заме́рло; а вінъ весе́лий, якъ на Велпкъ-день....

XLIII.

Зоста́лась я зъ чоловікомъ у місті. Перебігла годи́на та́я шви́дко, якъ свята́ и́скра спахну́ла, та до-віку не забу́ду!

За́разъ мого́ чоловіка приручи́ли дя́дькові, москале́ві и́стнёму, изуча́тись військово́і нау́ки. Дя́дько бувъ ста́номъ висо́кий, о́чі чо́рні; воло́сся и вусъ, якъ щоти́на, пу́жятця; хо́дить пря́мо; го-во́рить гу́чно; пово́дитця го́рдо.

Отъ ми ёму́ кла́няемось, а вінъ нічо́го; тільки пону́ро огля-да́е Прокопа. Даé ёму́ Про́кіпъ гро́ші: — вибáчайте, дя́дьку, що ма́ло: крепа́къ не бага́цько розгорю́е.

Дя́дько кашляну́въ, плю́нувъ: — ходімъ!

— Ходімъ на місто, дружи́но моя́, погуля́ймо! — ка́же міні Про́кіпъ.

Та й пішли́.

Хо́димо у́лицями и зау́лками, гуля́емо собі; а вінъ пита́е: — А що́, Усти́но, чи ти чу́есся, що вже ти вільна душа́?

Та й смі́ється, загляда́ючи міні въ вічі.

Хочъ якъ було́ міні невпокійно, хочъ якъ тужи́ло моé се́рденько, а й я всміхну́лась и ніби чогось раділа.

Набрила́ я й ха́тку таку́, що наймала́сь,а гро́шей нема́. Та й добу́ти звідки? Продáти нічого. Я поіхала, — нічо́го не взяла́. Та й не вели́кі ска́рби були́ тамъ у ме́не: кільки сорочо́къ та спід-ни́ць дві, та ще тамъ яка́сь ю́почка та кожуша́ночка. Не до то́го міні було́ тоді, щобъ те забірáти; а по́слі вже па́ні не оддала́. Отъ я й надýмала собі: — Піду́ я поде́нно робúти! — Пора́ди-

лись изъ Прокопомъ, та й вдались до хазяйки, що хату наймала. Своє лихо оповістили,—питаємо:—чи буде ій рада на те, щобъ ми поденно за хату ій сплачували?

— Добре, — каже. — Будуть гроші — оддавати мете поденно; а не будуть, то я й підожду вамъ.

Ми й перебрались до неї въ хату.

XLIV.

Хазяйка наша була удовиця старенька, привітна й ласкава, а що говірка! Росказуе та й росказуе, та все про своє лихо, що ввесь рідъ іхъ звівся, що сама вона въ світі зосталась, якъ билина въ полі. Зідхае разъ-у-разъ, частенько було й сплакне. Та й за нами чимало вона слізъ вилила: якъ було сидимо съ чоловікомъ укупці та говоримо, вона й почне плакати та примовляти, що—ось ми молоденькі, ось ми и хороші—ні врóку: жити бъ та жити, та людей собою веселити... Прикладае та й плаче. Ми вже ій вмовляемо! Хиба тоді ущухне, якъ надійде дядько, та грімне на неї: — зновъ баба кисне!

А вона єго боялась дуже, що такий винъ: ані до єгó заговорити, ані єго спитати.

— Що се за чоловікъ у світі! — каже було стара: — який же винъ грізний та неласкавий — нехай Богъ боронить! Чи винъ ніколи роду не мавъ, чи що такее? Богъ єго зна́е!

Рано-ранісінько схоплюся; біжу на поденщину. Повертаюся пізно. Въ руці въ мене зароблені гроші. Весело поспішаюсь до дому. Ще на дорозі стріне мене чоловікъ; любо та міцно стисне за руку и спитае тихенько: — Чи добре натомилась, Усте?

XLV.

Отъ якось сидимо ввечері: москаль на лаві зъ люлькою, хазяйка коло віконця, а ми съ Прокопомъ оддалікъ. Сидимо мовчки всі; коли у двері хтось стукъ-стукъ; а далі: — здорові були! — гукнуло щось за дверима.

Се жъ Назáръ!

Увійшóвъ и стоїть передъ нáми, стéлю підпирáючи: лю́лька въ зубáхъ; и сивúзна, ти бъ казавъ, у густі кýчери похова́лась.

— Хазя́йці и всімъ неха́й Богъ помага́е!

— Спаси́бі! ми́лости ва́шої про́симо! — вітáе ёго́ стара́.

— Звітки се ти взя́вся, Назáре? — питáе Прокіпъ. — Отъ на́че зъ землі ви́йшовъ!

— Я звітти, — ка́же, — звітки до́брі лю́де мандрівки виглядáють.

Дя́дько поворуши́вся — поглядáе на две́рі.

— А чого́ се кру́тится, па́не моска́лю? Одни́ні віри, — не цура́йся!

Дя́дько все ди́вится на вікна, на две́рі.

— Оввá, яки́й же баски́й! Чи не вітра въ по́лі хо́чешъ пійма́ти?.. Да ти й самъ, бачу́, степови́къ.... Отъ же й не про́буй,— не пійма́ешъ. А лу́чче дай міні лю́льки запали́ти... Якъже вамъ веде́тця тутъ? — питáе насъ. По чо́му въ мі́сті молоди́ці мото́рні та га́рні? — (моргáе на ме́не).

— А въ васъ тамъ я́къ? — питáю въ ёго.

— Якъ?! на ви́бір даю́ть, на людську́ во́лю: хочъ утопи́сь, хочъ такъ загúнь.

— Охъ мині ли́шечко! годи́но моя́! — (зажури́лась хозя́йка).

Дя́дько тільки ву́са покрутну́въ.

— А стара́? — питáю.

— Живе́. Стара́ все перете́рпить. Кля́неться вамъ.

Питáю за се́бе, що́ тамъ па́ні казáла.

— Эге́! було́ за васъ обóхъ па́нові на горішки. — Черезъ твій, ка́же, ро́спускъ двохъ робітникі́въ утеря́ли! Хто жъ ду́рнемъ зоста́вся? — Се все па́ні; а я скажу́: ду́рень не ду́рень, а сто́ячи передъ не́ю, на розу́много й тро́шки не похо́дивъ.

Хазя́йка тимъ ча́сомъ вечеря́ти про́сить. А Назáръ доста́въ изъ-за па́зухи пля́шку горілки и поста́вивъ на столі.

— Ви́пьемо, — ка́же, — по по́вній, бо нашъ вікъ не довгий!... Бува́йте здорóві, въ ко́го чо́рні бро́ви!

А дя́дько: — Що́ се, — ка́же, — за горілка? лу́чче води́ напи́тись, якъ тако́і горілки!

— Коли́ хто схо́че, то напъе́тця й води́, — озва́вся На́заръ.

— Горілочка, здаётця, добра, — каже хазяйка.

— Бодай тому шинкарéві такé життя добре! — одгрімнувсь дядько.

А про те випивъ ищé, ищé й ищé. Випъе и сплюне, налáе и зновъ випъе.

Старá дивуетця та головою хитáе, а далі вже не стéрпіла:— Щó жъ ви такъ ії гудите?

— Не твоé діло, бабо! — гукнувъ дядько: — для приятелівъ пъемó всяку.

— Та на здоровъячко жъ!

— Знайте нашу москóвську добрість! додавъ Назáръ.

Вечéряемо, говóримо; а дядько пье та й пье, та й пье. Зблідъ на лиці и на стілъ схилився. Дивитця на насъ исъ чоловікомъ, та й каже: — Ой! ви, молодята, молодята! не довго житимете вкупці.... Та годі, не журітця!... Пожили, пороскошували — и буде зъ васъ. Буває й такé, що зъ сповитóчку ласки — добра не знаешъ, — вікъ звікуешъ підъ палкою. .. Оттакъ живи!... Безъ роду, безъ плімъя, безъ привіту, безъ совіту, — на всіхъ роскóшахъ!

А стара тоді до ёго: — А дé жъ вашъ рідъ, дядечку? звітки ви сами?

— Съ кантанистівъ! — одказавъ похмурно москаль,— съ тихъ, коли чули, що насъ у халéру поменшало. Роду нема, не знавъ и не знаю.

— А матуся ваша?

— Казавъ: не знаю!... чого дурно роспитувати?

— Оттакеньки и я тепéръ безрідня!—каже хазяйка, хлипаючи.

— Ищé й вонá міжъ людс! — гукнувъ москаль. — Щó твоé лихо!... плюнуть! Онъ лихо, то лихо: що нікого тобі згадати, ніхто й тебé не згадае; нікуди піти, и нігде зостатись. Усі тобі чужі, и все, усé чужé: и хата, и люде, и одежа... *Степовйкъ!* мовлявъ (до Назара)... Такъ, брате! менé зъ степівъ узято... Ну, и славні, мабуть, ти степи були!... Дай, бабо, горілки! випъемо до дна, бо на дні молоди дні!

А въ самóго слёзи котятця-котятця. И смієтця вінъ разомъ, и горілку пъе. Далі вже якъ упавъ на лаву, такъ и заснувъ.

— Ну, по сій же мо́ві та бу́дьмо здоро́ві! — ка́же Наза́ръ.— Проща́й, Прокопе-бра́те!... Та ось, тро́хи не забу́въ. Принісъ я тобі грошенятъ кри́хту: пять карбо́ванцівъ. Пожива́й здоро́въ!

— Спаси́бі, бра́те! Не зна́ю, коли́ вже я приможу́ся тобі верну́ти.

— Га́й, га! аби́ жи́ві були́! Се не па́нськіг ро́ші,—брате́рські:—ни́ми не зажу́рисся. Я собі зароблю́: тепе́ръ я вільний хочъ на півъ-року; зъ соба́ками не пійма́ють.

Та й пішо́въ попрощавшись. Тільки ёго́ й ба́чили.

XLVI.

Го́споди ми́лий! яке́ жъ то життя́ тоді на́ше було́! Хочъ и зъ бідо́ю, хочъ и зъ ли́хомъ, а таке́ жъ то лю́бе, таке́ благода́тне! Ле́гко зідхну́ти, ве́село гля́нути й ду́мати: що́ зароблю́, то все на се́бе; що́ й посижу́ и поговорю́, — нікого́ не бою́ся; робитиму чи ні, — ніхто́ мене́ не присилуе, ніхто́ не займе. Чу́юся на душі й на ті́лі, що й я живу́.

Коли́ такъ, на весні, чу́тка: москалі вихо́дять у похо́дъ!

— Не пра́вда сёму́! — вмовля́ю себе́; а се́рце моє́ одъ ра́зу почу́ло, що пра́вда. А тутъ и нака́зъ: у похо́дъ, у похо́дъ ла́годитись!

Про́кіпъ мене́ разважа́е, дово́дить міні, що се ли́хо дача́сне, що поверну́сь, ка́же, — бу́демо ві́льні.

— Такъ, такъ! — кажу́, — такъ, мій го́лубе!

А се́рце моє́ боли́ть, слёзи ри́нуть.

Вже й день похо́ду наміченій. Пішли́ ми въ ху́тіръ попроща́тись. Панівъ не було́ до́ма; тільки бабу́ся сама́ на господа́рстві. Бабу́сечко жъ моя́ лю́ба! я ії зда́леку на вздві́ръі пізна́ла, а пізна́вши запла́кала. Душе́ю живо́ю вона́ тільки жи́ва була́. Прибіжу́ до не́і, обійма́ю, якъ ма́тіръ рідну.

— Чого́ ти пла́чешъ, моя́ голу́бко? пита́е мене́ сти́ха.

— Оце́ ви тутъ зостаете́съ, у сёму́ пе́клі!

— Та вже жъ тутъ, пта́шко. Тутъ я роди́лась, тутъ я христи́лась, тутъ сиротіла.... тутъ и вмру, моя́ дити́но.

— Та до сме́рти терпітимете?

— И терпітиму, пта́шко.

Поблагослови́ла вона́ насъ, якъ дітей рідныхъ, обдили́ла, чимъ ма́ла. Попроща́лися ми, пішли́.... Та й не разъ, не два оберта́лись, диви́лись. На поро́зі стоїть бабу́ся; навкруги́ ти́ша; скрізь я́сно; съ по́ля вітере́ць віе; зъ гаївъ холодо́къ ди́ше; десь-то вода́ гучи́ть; а ви́соко надъ усімъ гра́е-сия́е ви́шне промія́сте со́нечко.

XLVII.

Провела́ я чоловіка ажъ до Ки́ива. У Ки́іві служи́ти зоста́лась, а вінъ зъ військомъ куди́сь дале́ко на Литву́ пішо́въ.

— Не суши́ себе́ слізьми, се́рденько!—прика́зувавъ.—Я верну́сь... сподіваюся. Сподівайся й ти. Дожида́й мене́!

Дожида́ю.... Що яка́ та слу́жба до́вга! Уже́ сімъ годъ, якъ вінъ пішо́въ. Чи то жъ поба́чу коли́?... У своїмъ селі не була́. Перечу́ла черезъ лю́де, що всі жи́ві. Веде́тця такъ, якъ и першъ вело́ся. Бабу́ся живе́, терпи́ть, а про Наза́ра нема́ й чу́тки. Служу́, найма́юся, заробля́ю. Що на́ша копійка? кро́вью обкипіла! та и́нколи й міні такъ ле́гко, такъ-то вже ве́село ста́не, якъ поду́маю, що аби́ схотіла,—за́разъ и поки́нути ту слу́жбу вільно. Поду́маю та́кеньки — и ро́ку добу́ду. Якось розва́жить мене́, підмо́же мене́ та ду́мка, що вільно міні, що не зв'я́зані ру́ки мої. — Се лихо доча́сне, не вішне! — ду́маю.

То якъ же мині свого́ чоловіка забу́ти хочъ на хвили́нку! Вінъ мене́ съ пе́кла, съ корми́ги ви́зволивъ!... Та мене́ й Богъ забу́де! Вінъ чоловікъ мій, и добро́дій мій. Поздоро́въ ёго́ Ма́ти Бо́жа: — я вільна! И хожу́, и говорю́, и дивлю́сь, — байдуже́ міні, що й е ті пани́ у світі!

Ма́рко Вовчо́къ.

ГОРЮВАННЯ.

Чи до́вго ще бу́ду я на світі спа́ти,
Коли́ все прочну́лось? Ви́дно, ме́не ма́ти
Въ недо́бру годи́ну на світъ породи́ла,
У но́вій коли́сці спа́ти положи́ла...
—»Спи, моє́ мале́ньке, спи́, моя́ дити́но!
Засни́, моє́ лю́бе, — и я одпочи́ну!«
Такъ ма́ти слова́ми сти́ха промовля́ла, —
И дитя́ засну́ло .. та й до́сі не вста́ло....

Ой округи́ но́вимъ ду́хомъ
Усе́ закипі́ло:
Устає́ грома́да на́ша
На вели́ке ді́ло,
Ой устає́, готу́ється,
Си́лу набира́е;
Рі́дна Ма́ти спині́въ кли́че,
Го́лосно гука́е:
—»Го́ді спа́ти! підійма́йтесь
За грома́дське ді́ло:
Кли́че пра́вда васъ свята́я...
Становітця сміло.«
И устаю́ть рі́дні ді́ти,
Якъ ті соколя́та —
—»Йдемо́ ді́ло одбува́ти: —
Привіта́й насъ, Ма́ти!«

А я ще и дóсі сплю́, óчі закри́вши,
Та ажъ плáчу чáсомъ, гóлову схили́вши;
Ой стáвъ би на ділó, на чéсну робóту,
Та вóлі не мáю розігнáть дрімóту.
Що мінí робúти?—молодáя сúла
Мáрне пропадáе; душá занімíла;
Загубúвъ я вíру, загубúвъ надíю, —
Молúвся бъ я Бóгу — молúтись не вмію!

Булó врéмья (не вертáйся,
Лихáя годúно!) —
Тúхо, мóвчки, бідувáла
Мáти Украíна;
И родúвсь пророкъ въ народí,
И стáвъ передъ нáми,
Заговорúвъ правдúвими
Слізáми-словáми,
И роскрúвъ вінъ народнíі
Дáвні домовúни,
И розбудúвъ широкíі
Степú Украíни,
И народу вíщувáвъ вінъ
Вíчню слáву, дóлю,
И благáвъ насъ становúтьця
За прáвду, за вóлю —

И народъ на слóво велúке озвáвся..
Тільки я, нікчéмний, не встáвъ, не підня́вся!
— — —
Чомъ не мáю сúли, чомъ не мáю вóлі
Глянути у вíчі безталáнній дóлі?
Чогó душá нíма якъ тáя могúла?...
Дáйте жъ мінí, дáйте орлóвні крúла!
Розмахнýвъ би íми, розмахнýвъ широ́ко,
У нéбо блакítне злúнувъ би висóко,

Проки́нулись си́ли бъ мої молоди́і, —
И заговори́ли бъ стру́ни віщови́і,
И сло́во правди́ве сказа́ли бъ грома́ді...
А тепе́ръ — нужу́ся, — нема́е пора́ди!
Ги́не моя́ си́ла, се́рце замира́е...
Го́лосно співа́въ би — го́лосу нема́е!

Черніговець Микола́йчикъ Білокопи́тий.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Писать біографію нашего поэта — еще рано; но собирать и печатать матеріалы для нея теперь — прямая обязанность. Шевченко прожилъ свою жизнь такъ своеобразно, что трудовъ въ подборкѣ этихъ матеріаловъ предстоитъ не мало: письменныхъ документовъ о его жизни, сколько мы знаемъ, почти не осталось, за исключеніемъ немногихъ писемъ и извѣстнаго »дневника,« гдѣ мы находимъ свѣдѣнія только о позднѣйшей порѣ жизни поэта. Біографу его прійдется руководствоваться большею частію *преданіями*, собираніемъ которыхъ нужно заняться теперь же, пока еще живы люди, могущіе сообщить ихъ.

Жизнь Шевченка представляетъ собою пять рѣзкихъ эпохъ, безъ всякой послѣдовательной связи межъ собою, и для каждой изъ нихъ приходится собирать матеріалы у разныхъ лицъ: поэтому, собраніе ихъ едва ли можетъ быть сдѣлано однимъ лицомъ; дружное содѣйствіе дѣлу этому всѣхъ, кочу дорога память поэта, необходимо, и только въ такомъ случаѣ можно надѣяться на удовлетворительный результатъ. — Мы обозначаемъ здѣсь эти эпохи, съ нѣкоторыми поясненіями, могущими послужить указаніемъ для собирающихъ свѣдѣнія о жизни Шевченка:

I. 1814—1828. Дѣтство Шевченка, т. е. жизнь поэта на родинѣ, въ его семейномъ кругу.

II. 1828—1838. Жизнь Шевченка при его помѣщикѣ, переѣзды съ нимъ по западной Россіи и пребываніе у маляра Ширяева. — Объ этой эпохѣ изъ жизни поэта мы менѣе всего имѣемъ свѣдѣній; между тѣмъ она едва ли не важнѣйшая изъ всѣхъ въ томъ отношеніи, что въ это время совершалось развитіе творческаго таланта нашего Кобзаря. Главнымъ

источникомъ для описанія этой эпохи послужатъ разсказы Ив. Макс. Сошенка, друга покойнаго поэта, которые мы надѣемся вскорѣ сообщить. Но разсказовъ этихъ слишкомъ недостаточно, и нельзя не пожелать, чтобы тѣ лица, которые имѣютъ возможность уяснить это время изъ жизни Шевченка, особенно позаботились объ этомъ. Особенно драгоцѣнны были бы первыя его поэтическія произведенія, о которыхъ до сихъ поръ мы имѣемъ только темныя свѣдѣнія.

III. 1838—1847. Свободная жизнь Шевченка: пребываніе его въ Петербургѣ, созданіе *Катерины*, *Гайдамакъ и Наймички* и разъѣзды по Малороссіи. Источниками для этой эпохи могутъ послужить разсказы петербургскихъ его знакомыхъ и письма его къ землякамъ. О собраніи и напечатаніи послѣднихъ особенно бы нужно позаботиться.

IV. 1847—1857. Жизнь Шевченка въ ссылкѣ; пребываніе его въ Оренбургѣ и Орской крѣпости, плаваніе по Аральскому морю и, наконецъ, жизнь въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Объ этомъ печальномъ въ жизни поэта времени многое могли бы сообщить его оренбургскіе знакомые. Жизнь въ Новопетровскомъ укрѣпленіи намъ извѣстна изъ его »дневника.«

V. 1857—1861. Освобожденіе Шевченка; пребываніе его въ Нижнемъ Новгородѣ, пріѣздъ въ Петербургъ; поѣздка на родину въ 1859 г., возвращеніе въ Петербургъ; смерть.

Вотъ указанія, по которымъ слѣдуетъ подбирать матеріалы для полнаго описанія жизни Шевченка. Повторяемъ, что подборъ ихъ лежитъ на прямой нашей обязанности, и откладывать его въ долгій ящикъ никакъ не слѣдуетъ, чтобъ имѣть возможность воспользоваться разсказами людей, знавшихъ поэта, пока ихъ воспоминанія не утратили еще свѣжести недавнопрошедшихъ событій.

Для начала, мы представляемъ здѣсь очеркъ первой эпохи, для котораго мы пользовались запискою о дѣтствѣ поэта, сообщенною намъ Варв. Гр. Шевченкомъ, воспоминаніями Ив. Макс. Сошенка и, преимущественно, разсказами сестры поэта, Ирины Григорьевны.

Какъ настоящій очеркъ, такъ и послѣдующіе, которые мы имѣемъ намѣреніе представить здѣсь же, предлагаются преимущественно съ цѣлію—вызвать поправки и дополненія, съ помощію которыхъ можно бы было впослѣдствіи приступить къ составленію возможно-полной и вполнѣ-достовѣрной біографіи славнаго нашего поэта.

I. ДѢТСТВО ШЕВЧЕНКА (1814—1828).

..... Якъ побáчу
Малóго хлóпчика въ селі,—
Мовъ одірвàлось отъ гіллі.
Одно-однісіньке, підъ тúномъ,
Сидúть собі, въ старій рядні́нці,—
Міні здаéтця, що се я,
Що це жъ та мóлодість моя́....

Т. Шевченко.

Дѣдъ Шевченка (со стороны отца), по ремеслу, былъ *швецъ;* отсюда произошла и фамилія его. Родители его были крѣпостные крестьяне помѣщика Энгельгардта; отецъ родомъ изъ с. Керелівки, а мать — изъ с. Моринцовъ (оба села Звенигородскаго уѣзда.)

Женившись, отецъ Т. Гр., по распоряженію помѣщика, переселялся на короткое время (года на полтора) изъ Керелівки въ Моринцы. Во время этого переселенія и родился нашъ поэтъ, въ 1814 г., 25 февраля. Такимъ образомъ, родиною Шевченка было с. Моринцы, а не Керелівка, какъ думали до сихъ поръ (*). Но подросъ и сталъ помнить себя онъ уже въ Керелівкѣ, почему и всѣ дѣтскія воспоминанія его связаны съ этимъ селомъ.

Первые годы дѣтства Т. Гр. прошли незамѣтно. Въ семьѣ его сохранилось преданіе, что Шевченко въ раннемъ своемъ дѣтствѣ любилъ очень ѣсть землю: бывало, не досмотрятъ за нимъ — животикъ у Тараса и вздуетъ, точно въ болѣзни какой; распросятъ и окажется, что онъ земли объѣлся.

О раннемъ своемъ дѣтствѣ поэтъ вспоминаетъ въ одномъ изъ *велико-русскихъ* разсказовъ, (»Княгиня«), писанныхъ имъ въ ссылкѣ. Приводимъ это мѣсто здѣсь.

.... »Передо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломеною крышею и чорнымъ *дымаремъ;* а около хаты, на *причілку*, яблоня съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони — цвѣтникъ, любимецъ моей неэабвенной сестры, моей терпѣливой, моей нѣжной няньки.

(*) Т. Гр. всегда считалъ своею родиною с. Керелівку, что́ можно видѣть и изъ »письма« его къ редактору »Народнаго Чтенія«; но всѣ родные Т. Гр. положительно утверждаютъ, что онъ родился въ с. Моринцахъ.

А у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба, съ засохшею верхушкою; а за вербою стоитъ клуня, окруженная стогами жита и разнаго-всякаго хлѣба; а за клунею, по косогору, пойдетъ уже садъ, а за садомъ—*ливада*; а за ливадою—долина, а въ долинѣ тихій, едва журчащій, ручеекъ, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темнозелеными, лопухами. А въ этомъ ручейкѣ, подъ нависшими лопухами, купается кубическій, бѣлокурый мальчуганъ; выкупавшись, перебѣгаетъ онъ долину и ливаду, вбѣгаетъ въ тѣнистый садъ и падаетъ подъ первою грушею или яблонею, и засыпаетъ настоящимъ невозмутимымъ сномъ. Проснувшись, онъ смотритъ на противоположную гору, смотритъ, смотритъ и спрашиваетъ у себя: — а что́ же тамъ за горою? Тамъ должны быть желѣзные столбы, что́ поддерживаютъ небо. А что́, если бы пойти да посмотрѣть, какъ это они его тамъ подпираютъ? — Пойду да посмотрю! вѣдь это недалеко.—Всталъ и не задумавшись, пошелъ онъ черезъ долину и ливаду, прямо на гору. И вотъ выходитъ онъ за село; прошелъ царину, прошелъ съ полверсты поле; на полѣ стоитъ высокая, чорная могила. Онъ вскарабкался на могилу, чтобъ съ нея посмотрѣть—далеко ли еще до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ. Стоитъ мальчуганъ и смотритъ во всѣ стороны: и по одну сторону—село, и по другую сторону—села, и тамъ изъ темныхъ садовъ выглядываетъ трехглавая церковь, бѣлымъ желѣзомъ крытая; тамъ тоже выглядываетъ церковь изъ темныхъ садовъ и тоже бѣлымъ желѣзомъ крытая. Задумался мальчуганъ; нѣтъ, думаетъ онъ, сегодня поздно, не дойду я до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ; а завтра, вмѣстѣ съ Катрею,—она до *череды* коровъ погонитъ, а я пойду къ желѣзнымъ столбамъ; а сегодня *одурю* Микиту: скажу, что я видѣлъ желѣзные столбы, тѣ, что́ подпираютъ небо.— —И скатившись кубаремъ съ могилы, онъ всталъ на ноги и пошелъ, не оглядываясь, въ чужое село; къ его счастію, встрѣтились ему чумаки и, остановивши, спросили: а куди́ мандру́ешъ, па́рубче?—До-дому!—А дежъ твоя до́ма, небора́че?—Въ Керелівці!—Такъ чогожъ ти йдешъ у Моринці!—Я не въ Моринці, а въ Керелівку йду.—А коли въ Керелівку, такъ сідай на мою *ма́жу*, това́ришу, мы тебе довезе́мо до-дому.« Посадили его на *скриньку*, что́ бываетъ въ передкѣ чумацкаго воза, и дали ему батогъ въ руки, и онъ погоняетъ себѣ волы, какъ ни въ чемъ не бывало. Подъѣзжая къ селу, онъ увидалъ свою хату на противоположной горѣ и закричалъ весело: »онъ де, онъ-де наша хата!« — А коли ти вже бачишъ свою хату, сказалъ хозяинъ воза, то и йди собі зъ Богомъ. И снявши мальчугана съ воза, спустилъ его на землю и, обращаясь къ товарищамъ, сказалъ: »нехай иде

собі зъ Богомъ!«—Нехай иде собі зъ Богомъ! проговорили чумаки, и— мальчуганъ побѣжалъ себѣ съ Богомъ въ село. На дворѣ уже смеркало, когда я (потому-что этотъ кубическій, бѣлокурый мальчуганъ былъ не кто иной, какъ смиренный авторъ сего, хотя и не сентиментальнаго, но тѣмъ не менѣе печальнаго разсказа) подошелъ къ нашему перелазу; смотрю черезъ перелазъ на дворъ, а тамъ, около хаты, на темномъ, зеленомъ, бархатномъ *шпоришѣ,* всѣ наши сидятъ себѣ въ кружкѣ и вечеряютъ; только моя старшая сестра и нянька — Катерина не вечеряетъ, а стоитъ себѣ около дверей, подперши голову рукою, и какъ будто посматриваетъ на перелазъ. Когда я высунулъ голову изъ-за перелаза, то она вскрикнула: »прийшовъ, прийшовъ!« Подбѣжала ко мнѣ, схватила меня на руки, понесла черезъ дворъ и посадила въ кружокъ вечерять, сказавши: »сідай вечерять, прибли́до!« Повечерявши, сестра повела меня спать, и уложивши въ постель, перекрестила, поцѣловала и улыбаясь, назвала меня опять приблудою. Я долго не могъ заснуть; произшествія прошлаго дня мнѣ не давали спать. Я думалъ все о желѣзныхъ сталбахъ и о томъ — говорить ли мнѣ о нихъ Катеринѣ и Микитѣ, или не говорить? Микита былъ разъ съ отцемъ въ Одессѣ и тамъ, конечно, видѣлъ эти столбы: какъ же я ему буду говорить о нихъ, когда я ихъ во все не видалъ? Катерину можно бъ одурить.... нѣтъ, я и ей не скажу ничего; и подумавши еще не долго о желѣзныхъ столбахъ, я заснулъ...«

Воспоминаніе это относится, вѣроятно, къ 5-ти— 6-ти лѣтнему возрасту Шевченка. Странно только, что онъ не говоритъ здѣсь ничего о своей матери, которая въ ту пору была еще жива.

До смерти матери, Шевченко, живя подъ ея крылышкомъ, не зналъ горя. Но со смертью ея (1823 г.), для него начался рядъ тѣхъ житейскихъ невзгодъ, которыя преслѣдовали поэта до самой могилы.

По смерти жены, у Шевченка-отца осталось пятеро дѣтей: Никита, Катерина, Тарасъ, Ирина и Осипъ. Послѣднему было года полтора. Въ крестьянскомъ быту, вдовцу съ такимъ семействомъ жить трудно; необходима женщина, которая бы и по хозяйству *по́ралась* и за дѣтьми присмотрѣла. Поэтому очень естественно, что скоро, по смерти матери, въ семью Шевченковъ вошла мачиха. По народнымъ понятіямъ, образъ мачихи постоянно соединяется съ чѣмъ-то не добрымъ, эгоистическимъ; не добро́ внесла мачиха и въ хату Шевченковъ...

У мачихи были дѣти отъ перваго брака, и отъ нихъ-то маленькіе Шевченки терпѣли особенно много горя; больше всѣхъ доставалось неуступчивому Тарасу, постоянно съ ними ссорившемуся. »Кто видѣлъ хоть издали

мачиху, (говоритъ самъ Т. Гр., въ томъ же разсказѣ »Княгиня), и такъ называемыхъ сведенныхъ дѣтей, тотъ, значитъ, видѣлъ адъ въ самомъ отвратительномъ его торжествѣ. Не проходило часа безъ слезъ и дрики между нами, дѣтьми, и не проходило часа безъ ссоры и брани между отцомъ и мачихой. Мачиха особенно ненавидѣла меня, вѣроятно за то, что я часто тузилъ ея тщедушнаго Степанка...« Ссоры эти, со стороны Тараса, вскорѣ превратились въ ненависть, и вотъ по какому случаю: одинъ изъ сведенныхъ братьевъ укралъ у своего постояльца — солдата три злотыхъ; тотъ оглядѣлся и сталъ ихъ искать. Мачиха изъявила подозрѣніе на пасынка — Тараса; этотъ божился въ своей невинности, но мачиха стояла на своемъ: »гроші украв Тарасъ«. Послѣдній продолжалъ отнѣкиваться; тогда ему связали руки и ноги и розгами, щедро посыпавшимися изъ рукъ его дяди, думали вынудить признаніе..... Отъ боли Шевченко принялъ преступленіе на себя, но когда его развязали и спросили: куда-же онъ дѣвалъ украденныя деньги, маленькій мученикъ отвѣчалъ, что онъ закопалъ ихъ тамъ-то въ саду; когда ему приказали указать мѣсто опредѣленнѣе, Шевченко снова отперся и пытка снова началась... Но ничего больше не добились, и бѣдный пасынокъ брошенъ былъ чуть не замертво. Между тѣмъ, солдата удовлетворить было необходимо, для чего и продали *юпку* покойной матери. Настоящій воръ открылся уже гораздо позже.

Случай этотъ нельзя не признать уважительной причиной той ненависти, которую Т. Гр. питалъ къ своимъ сведеннымъ братьямъ, а отчасти и къ дядѣ, нелюбовь къ которому сохранилъ онъ до смерти.

Вскорѣ за этимъ событіемъ, Т. Гр. былъ отданъ отцомъ къ мѣщанину Губскому на выучку. Грамота ему далась: букварь Шевченко выучилъ очень скоро; только Губскій никакъ не могъ справиться съ своимъ ученикомъ, чтобъ унять его отъ проказъ. Шевченко то и дѣло уходилъ отъ своего учителя и всегда, бывало, напроказничаетъ при этомъ. Отецъ тоже непрасно старался унять его... и умирая (1825 г,) высказалъ, между-прочимъ, замѣчательное пророчество насчетъ будущности сына: »*синові Тарасу изъ мого хазяйства нічого не треба; — він не буде абиякимъ чоловікомъ: зъ його буде або щось дуже добре, або велике ледащо; для його мое наслідство або нічого не буде значить, або нічого не поможе.*« Слова эти очень знаменательны, чтобъ видѣть въ нихъ одну случайность; жаль только, что память родныхъ Т. Гр. не сохранила данныхъ, которые привели отца его къ такому заключенію.

Послѣ смерти отца, Шевченко отданъ былъ въ школу къ сельскому дьяку Бугорскому, гдѣ выучилъ часословъ и псалтырь. Потомъ перешелъ онъ къ священнику Нестеровскому, у котораго выучился писать, и затѣмъ, почему-то, снова возвратился къ Бугорскому. Вѣроятно объ этомъ наставникѣ вспоминаетъ Шевченко и въ »письмѣ« своемъ къ редактору *Народнаго Чтенія* и въ разсказѣ »*Княгиня*«.

У Бугорскаго, какъ и Губскаго, Шевченко, по преданію, учился хорошо, но учитель никакъ не могъ помириться съ его непосидчивостью,— чему впрочемъ и самъ бывалъ причиною, по своей непомѣрной съ нимъ строгости. Тарасъ очень часто бросалъ школу и, обыкновенно, въ это время скитался по разнымъ пустырямъ. Любимымъ убѣжищемъ его въ такихъ случаяхъ былъ садъ односельчанина Шевченковъ— *Жениха*. Здѣсь, въ калиновомъ кустарникѣ, бѣглый школяръ устроилъ себѣ уютное убѣжище отъ школьной розги: очистивъ площадку и высыпавъ ее пескомъ, онъ сложилъ себѣ изъ дерну нѣчто въ родѣ постели и уединялся сюда, когда становилось ему не подъ силу терпѣть школьныя муки (1). Въ этомъ убѣжищѣ Шевченко оставался иногда по нѣсколько дней, при помощи своихъ сестеръ, которыя снабжали его въ такихъ случаяхъ съѣстнымъ и вообще покрывали проказы брата, чтобъ избавить его отъ лишнихъ пинковъ дьяка и мачихи (2).

Какъ проводилъ время Шевченко у Жениха въ калинѣ, объ этомъ сохранилось у него воспоминаніе въ »посланіи къ А. О. Козачковскому«:

---

(1) Ирина Григорьевна, разсказывая намъ объ этомъ, прибавила: «натерпівся-таки Тарасъ у тій школі, — товкли ёго тамъ, якъ того гáмана; часомъ, не витерпе та щó скаже, то всé ёму есть...

(2) Къ сестрамъ Т. Гр. питалъ особенную любовь: онѣ были его *единственными* друзьями дѣтства; съ товарищами своими Шевченко, по преданію, не любилъ водиться и ни къ одному изъ нихъ не привязывался, какъ бываетъ у дѣтей; даже съ братьями — дѣтьми онъ былъ довольно холоденъ. Вся его дѣтская привязанность сосредоточивалась на сестрахъ. Старшая изъ нихъ — Катерина Гр. была нянькою поэта и замѣняла ему, насколько могла, умершую мать. Она умерла въ первую холеру (1830). Самыя нѣжныя отношенія — къ меньшей сестрѣ, Ириѣ Гр., Шевченко сохранилъ до самой смерти. Пріѣзжая на родину, онъ обыкновенно останавливался у нея и при этомъ любилъ бесѣдовать съ ней, кáкъ онъ её выкупитъ, какъ она съ дѣтьми будутъ *вольными*, какъ онъ устроитъ ея жизнь.. Особенно много на этотъ мотивъ говорилъ Шевченко въ послѣдній свой пріѣздъ на родину, въ 1859 г.; но смерть не дала ему исполнить задушевныхъ его желаній.

Давно́ те ді́лось. Ще въ шко́лі,
Таки́ въ учи́теля — дака́,
Гарне́нько вкра́ду пятака́,
(Бо я було́ трохи́ не го́ле —
Таке́ убо́ге) та й куплю́
Папе́ру а́ркушъ; изроблю́
Мале́ньку кни́жечку, — хреста́ми
И везеру́нками зъ квітка́ми
Круго́мъ листо́чки обведу́,
Та й спи́сую Сковороду́
Або »три ца́ріе со да́ри,« (1)
Та самъ собі, у *бурьяні*,
Шобъ не почу́въ хто́, не побачивъ,
Виспівую одинъ та пла́чу...

Въ это же время Шевченко пересталъ стричься, сталъ носить волосы вкружокъ, какъ *у большихъ;* самъ сшилъ себѣ шапку, въ родѣ конфедератки, и всѣми этими «странностями» обращалъ на себя вниманіе не только товарищей своихъ, но и старшихъ...

Подобными же странностями, вѣроятно, вызвалъ Шевченко у отца и тотъ предсмертный приговоръ его, который сообщенъ выше.

Никита Григорьевичь, старшій братъ поэта, попробовалъ-было пріучать его къ хозяйству, но всѣ попытки были напрасны: Т. Гр—чу скоро наскучали эти занятія и онъ, не задумываясь, бросалъ воловъ въ полѣ и уходилъ бродить на свободѣ.

Та́къ прошло дѣтство Т. Гр. Мы видимъ, что маленькій Шевченко со многимъ не мирился въ окружавшей его средѣ и замѣтно выдѣлялся изъ круга своихъ сверстниковъ; все это нужно приписать особенной впечатлительности его природы, которая не измѣняла ему до самой смерти. Съ отроческихъ лѣтъ Т. Гр. выказывалъ уже замѣчательную пытливость ума; съ особеннымъ вниманіемъ прислушивался онъ, какъ его дѣдъ и отецъ поведутъ бывало, въ праздникъ какой, бесѣду о старинѣ. Отецъ Т. Гр. былъ грамотный и, для своей среды, довольно начитанный; бесѣда его отличалась религіознымъ характеромъ: онъ любилъ пересказывать житія святыхъ и разныхъ подвижниковъ благочестія. Другого характера была бесѣда дѣда, живаго свидѣтеля *Коліївщини* (2); всѣ герои этого кроваваго эпизода украинской исторіи были хорошо ему извѣ-

(1) Вирша, сочиненіе Кіевскихъ бурсаковъ, которую они распѣвали на рожественскихъ праздникахъ.

(2) Дѣдъ Т. Гр. умеръ въ 40-хъ годахъ, имѣя отроду до 115 лѣтъ.

стны и о нихъ-то любилъ онъ по праздничнымъ вечерамъ повѣствовать дѣтямъ и внукамъ.

Разсказы дѣда и отца, безспорно, имѣли большое вліяніе на развитіе творческаго дара нашего поэта и не могли не отразиться впослѣдствіи на его произведеніяхъ. Въ эпилогѣ къ «*Гайдамакамъ*» говоритъ объ этомъ самъ поэтъ:

Бува́ло, въ неділю, закри́вши Мине́ю,
По ча́рці зъ сусідомъ ви́пивши *тіéі*,
Ба́тько діда про́сить, щобъ той росказа́въ
Про Коліівщи́ну, якъ коли́сь бува́ло,
Якъ Залізня́къ, Го́нта, Ляхівъ покара́въ.
Столі́тніі о́чі, якъ зо́рі, сія́ли,
А сло́во за сло́вомъ смія́лось, лило́сь:
Якъ Ля́хи кана́ли, якъ Сміла горіла,
Сусіди одъ стра́ху, одъ жа́лю німіли.
И мі́ні, мало́му, не разъ довело́сь
За ти́таря пла́кать. И ніхто́ не ба́чивъ,
Що мала́ дити́на у куто́чку пла́че.
Спаси́бі, діду́сю, що ти захова́въ
Въ голові столітній ту сла́ву коза́чу:
Я іі уну́камъ тепе́ръ росказа́въ — —

Кромѣ разсказовъ дѣда, въ созданіи »*Гайдамакъ*« имѣло участіе, какъ можно думать, и путешествіе маленькаго Шевченка въ Мотронинскій монастырь. Объ этомъ путешествіи покойный поэтъ разсказывалъ Ив. Макс. Сошенку. Въ Мотронинскій монастырь Шевченко ходилъ съ сестрами, *на про́щу*. Монастырь этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ *цви́нтарѣ* его положено много *колі́івъ*, какъ гласятъ о томъ каменныя плиты, находящіяся на нѣкоторыхъ изъ могилъ. Маленькій Шевченко, въ это время уже грамотный, прочитывалъ могильныя надписи, удовлетворяя тѣмъ любопытство какъ свое собственное, такъ и другихъ богомольцевъ, межъ послѣдними не мало нашлось хорошо помнившихъ покойниковъ Мотронинскаго цвинтаря, и они тутъ же дополняли лаконическія надписи своими воспоминаніями о *коліяхъ*. Эти разсказы Шевченко слушалъ съ такимъ вниманіемъ, что память о нихъ сохранилась у поэта до поздняго времени (1).

---

(1) Основою »Гайдамакъ« поэтъ взялъ, какъ извѣстно, мученическую судьбу Мліевскаго титаря; трагическая смерть послѣдняго сохранялась въ памяти его дѣда и другихъ старожиловъ Керелівки со всѣми подробностями, какъ близкаго сосѣда. Степень участія фантазіи поэта въ »Гайдамакахъ« можно видѣть изъ сравненія этого произведенія съ современной запиской о смерти титаря, напечатанной въ Кіевскомъ журналѣ »Руковод-

Съ ранняго дѣтства у Т. Гр. особенно была замѣтна страсть къ рисованью: гдѣ только можно было, на стѣнахъ, дверяхъ, воротахъ, Шевченко постоянно малевалъ, углемъ или мѣломъ. Въ школѣ, когда уже онъ могъ достать бумагу и карандашъ, страсть эта развилась въ немъ еще сильнѣе. Поддерживаемый этой страстью и въ то же время потерявъ терпѣніе—сносить долѣе школьную жизнь, Шевченко бѣжалъ въ м. Лисянку къ діакону—маляру, но и тутъ ему трудно было ужиться, какъ видно изъ автобіографическаго письма къ редактору »Народнаго Чтенія«. Въ томъ же письмѣ Шевченко говоритъ, что изъ Лисянки онъ перешолъ въ Тарасовку, гдѣ думалъ-было пріютиться у другого маляра—дьячка; послѣдній нашелъ Шевченка неспособнымъ къ малярству и тѣмъ заставилъ его возвратиться домой, въ Керелівку. Такъ разсказываетъ самъ Т. Гр.; но сестра его, Ирина Григорьевна, передала намъ подробности этого бѣгства нѣсколько иначе: соскучившись школьною жизнью и въ тоже время чувствуя страсть къ рисованію, Шевченко бѣжалъ отъ Бугорскаго въ с. Хлебновку, славившуюся своими малярами. У одного изъ нихъ Т. Гр. и поселился, и прожилъ здѣсь недѣли двѣ, на испытаніи. Хлебнівскій маляръ нашелъ его способнымъ къ своему мастерству, но боясь отвѣтственности, что держитъ помѣщичьяго мальчика безъ вида, посовѣтовалъ Шевченку выхлопотать сначала нужное свидѣтельство и затѣмъ уже поселиться у него — на ученіе. Т. Гр. отправился въ м. Вільшану, гдѣ жилъ Энгельгардтовъ управляющій—Дмитренко, и сталъ просить вида на проживательство у Хлебнівскаго маляра. Дмитренко, разговорившись съ мальчикомъ и замѣтивъ его бойкость, вмѣсто выдачи свидѣтельства, взялъ Т. Гр. въ число своей прислуги.

Вскорѣ пріѣхалъ на родину самъ помѣщикъ, и участь поэта была рѣшена: онъ поступилъ къ барину въ комнатные *козачки*. Это было въ 1829 г. На этомъ событіи оканчивается первый періодъ жизни Шевченка.

Ал. Лазаревскій.

9 марта 1862 г.
Черниговъ.

ство для сельскихъ пастырей,« 1860 г. Будущій издатель сочиненій Шевченка не долженъ забыть, что у М. М. Л—з—р—аго хранится экземпляръ »Гайдамакъ« значительно исправленный, а въ иныхъ мѣстахъ и совершенно передѣланный, поэтомъ, по пріѣздѣ его въ Петербургъ, въ 1858 г.

УМАНСКАЯ БѢДА

1768 года 20-го іюня.

(Переводъ польской рукописи неизвѣстнаго современника, хранящейся въ Львовской Библіотекѣ Оссолинскихъ.)

Трудно доискаться начала и указать источникъ этого ужаснаго дѣла; однако я полагаю, что не разойдусь съ историками, передающими это событіе потомству, если скажу, что оно произошло отъ особеннаго, распространеннаго въ Украинѣ, отвращенія къ единству съ Римскою Церковью. Въ послѣдніе годы сильнѣе, чѣмъ прежде, владѣльцы украинскихъ имѣній, а еще болѣе епископы и митрополиты уніатскіе, стали возбуждать въ людяхъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, горячую ревность къ защитѣ единства съ Римскою Церковью. Тогда Мельхиседекъ Яворскій, не-уніатъ, настоятель Мотренинскаго монастыря, скрытно предъ тѣмъ дѣйствовавшій, началъ явно и смѣлѣе подговаривать къ схизмѣ и отводить отъ послушанія уніатскому митрополиту простыхъ людей и священниковъ по всей Украинѣ, особенно же въ Смилянщинѣ, Черкащинѣ, Жаботинщинѣ и въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ. Въ слѣдствіе-же особеннаго (здѣсь недостаетъ слова,—можетъ-быть—приказанія?), какъ я полагаю, тогдашняго Переяславльскаго епископа Гервасія Линевскаго, не-уніата, онъ осмѣлился дозволять постройку новыхъ церквей, освящать ихъ и склонять на свою сторону народъ, который почти всегда противился соединенію Церквей. Дѣйствительно, вскорѣ онъ склонилъ къ своимъ цѣлямъ почти всю Смѣлянщину, Жаботинщину и другія смежныя волости тѣмъ легче, что тамъ многіе были связаны родствомъ съ жителями лѣваго берега Днѣпра. Взволнованная чернь начала бунтовать и осмѣлилась бить, изгонять, окровавлять уніатскихъ священниковъ съ явнымъ отказомъ въ послушаніи митрополиту, своему пастырю, и съ большимъ презрѣніемъ не только къ храмамъ Господнимъ, но и къ

святымъ Дарамъ. Тогдашній митрополитъ, Фелиціанъ Володковичъ, видя пораженіе своей паствы, поспѣшилъ, какъ чадолюбивый пастырь, принять дѣятельныя мѣры къ вразумленію погибшихъ, и потому рѣшился прежде всего схватить упомянутаго Мельхиседека, какъ незаконно вмѣшавшагося въ его управленіе, что́ и исполнилъ, заключивъ его въ Радомыслѣ, а потомъ въ Дерманѣ на Волыни. Здѣсь онъ собственноручно написалъ на русскомъ языкѣ и подписалъ добровольное показаніе о томъ, кѣмъ былъ посланъ и подстрекаемъ къ этому дѣлу, о чемъ выше было уже сказано. Но ускользнувъ, ему только извѣстнымъ образомъ, изъ этого заключенія, онъ возвратился въ свой монастырь. Въ это время »національное« войско разсѣяло чернь, возмущенную однимъ козакомъ и собравшуюся въ Смѣлянщинѣ въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ. Упомянутый козакъ и соединенная съ нимъ чернь, за мятежъ противъ церкви и своего господина, были наказаны смертью и заключеніемъ; такимъ образомъ мятежный духъ былъ подавленъ, но не надолго.

Вскорѣ, именно 1767 г., Русскій Дворъ началъ договариваться съ Рѣчью Посполитою Польскою о гарантіи, которая и предоставлена ему Варшавскимъ трактатомъ, заключеннымъ въ 1768 году. Нѣкоторые Поляки, противясь этому трактату и не допуская его исполненія, въ томъ же году и мѣсяцѣ, когда окончился сеймъ, составили въ городѣ Барѣ, находящемся въ Подольскомъ воеводствѣ, конфедерацію, маршалками которой были Красинскій, подкоморій Рожанскій, и Пулавскій, Варецкій староста. Конфедераты вызвали въ Подоль изъ Украины всѣ войска, бывшія въ то время подъ командою Воронича, регименгаря Украинскаго отдѣла войскъ; но не вывели изъ Украины Смѣлянскихъ, Черкасскихъ, Жаботинскихъ, Уманскихъ и другихъ козаковъ, отчасти потому, что сами козаки противились, отчасти и потому, что ихъ господа, обращая свое вниманіе на дальнѣйшія послѣдствія, не позволяли имъ выходить. Такимъ образомъ, открылся къ рѣзнѣ самый удобный случай. Особенно Запорожскіе козаки, числомъ до нѣсколькихъ сотъ, вступивъ въ Польскія границы съ вымышленными указами, будто-бы изданными Россійской императрицей, увѣряли, будто Русскій дворъ имѣетъ такое намѣреніе, чтобы Украинцы, избивъ Поляковъ, Жидовъ и Русиновъ-уніатовъ, освободились отъ всякаго подданства Полякамъ и, присоединившись къ Русскому государству, пользовались большею свободою. По всей Украинѣ ходилъ слухъ, что изобрѣтателемъ этихъ указовъ былъ вышеупомянутый Мельхиседекъ, что́ показывали даже сами чернецы. Тоже самое показали и злодѣи, веденные на смертную казнь. Таково было начало ужаснаго событія въ Уманѣ.

Украинская чернь, возбужденная этимъ способомъ, и всегда дышащая ненавистью къ Полякамъ, отказавшись отъ послушанія своимъ господамъ, въ большомъ количествѣ начала соединяться съ вышеупомянутыми козаками, зачинщикомъ и атаманомъ которыхъ былъ Запорожскій козакъ, по фамиліи Залізнякъ, избранный для этого упомянутымъ Мельхиседекомъ. Онъ былъ прежде сотникомъ въ Запорожьѣ, совершилъ многія грабительства, покражи и убійства, нападая на сосѣднія пограничныя мѣста, и тревожимый совѣстью, отправился, какъ бы на покаяніе, въ Кіевъ и жилъ тамъ при монастырѣ Кіевопечерскомъ. Мельхиседекъ, узнавъ объ этомъ, обратился къ нему, и своими наущеніями, при помощи другихъ чернецовъ, такъ съумѣлъ овладѣть имъ, что онъ принялъ начальство надъ скопившейся сволочью. Это мятежное скопище навело такой страхъ, что помѣщики и жиды изо всѣхъ окрестностей, съ имуществомъ своимъ, собрались для безопасности въ Умань въ такомъ множествѣ, что этотъ городъ, хотя довольно обширный, не могъ вмѣстить ихъ, и потому всѣ улицы, предмѣстія и рынокъ были наполнены ихъ таборами. Однихъ поссессоровъ, кромѣ другихъ помѣщиковъ, можно было насчитать тогда въ Уманѣ около 226, а учащихся, изъ которыхъ немногіе избѣгли смерти, до 400.

Вскорѣ пришло извѣстіе, что Гайдамаки приближаются къ Уманю. Это извѣстіе произвело между собравшимися несказанную тревогу: вѣрныхъ оно побудило приготовляться къ смерти, всѣхъ—скрывать имущества, которыя и до сихъ поръ находятъ въ землѣ. О. Ираклій Костецкій, ректоръ Базиліанскаго монастыря и первый миссіонеръ, о.о. Янъ Левицкій, вице-ректоръ, Илья Магеревичъ, второй миссіонеръ, Епифаній Ляхоцкій, третій миссіонеръ, Либерій Очавскій, Базиліане, рѣшились остаться въ монастырѣ, а всѣ профессора, которыхъ было шестеро, съ согласія своего ректора, скрылись въ Волынь. Оставшіеся утѣшали испуганныхъ, укрѣпляя ихъ въ святой вѣрѣ: исповѣдывали въ продолженіи пятницы, суботы, воскресенья и понедѣльника до восьми часовъ, т. е. 17, 18 и 19 іюня; а въ послѣдній день, т. е. 20-го, въ понедѣльникъ, вмѣстѣ съ другими понесли жестокую смерть.

Прежде нежели началось это ужасное событіе, было донесено въ уманскій замокъ, Младановичу, губернатору Уманской волости, о ненадежности козаковъ уманскихъ, которые находились въ то время въ одномъ отрядѣ подъ начальствомъ Обуха, придворнаго полковника, на границѣ со стороны Новосербіи. Поэтому Младановичъ, давъ предписаніе, чтобы они шли къ Уманю, призвалъ тотчасъ сотника Гонту съ »началами« или офицерами козацкими, для присяги въ вѣрности господину и

городу, что́ онъ и исполнилъ въ ратушѣ въ присутствіи мѣщанъ, обѣщая не измѣнять подъ всевозможными клятвами. Когда было уже навѣрное извѣстно, что болѣе 500 гайдамаковъ находятся въ Соколовкѣ, мѣстечкѣ, лежащемъ недалеко отъ Уманя, и оттуда отправляются къ Уманю, то противъ нихъ отрядили, (оставивъ пѣхоту въ городѣ), всѣхъ конныхъ козаковъ, которыхъ тогда было до семисотъ, полагая въ Гонтѣ всю надежду на спасеніе. При этомъ отрядѣ находились два полковника: Обухъ и Магнушевскій. Во время похода къ Соколовкѣ, Гонта сговорился съ козаками и отказался повиноваться полковникамъ, но помня ихъ услужливость и тѣсную дружбу, позволилъ имъ спасти жизнь бѣгствомъ, хотя и жизнь-то они спасли только за границей, потому что козаки ихъ преслѣдовали, вѣроятно съ тѣмъ, что, когда они будутъ убиты, Умань, ничего не зная объ измѣнѣ и полагаясь на Гонту, тѣмъ легче достанется ему въ добычу. Соединившись съ вышеупомянутыми мошенниками по условію, безъ сомнѣнія прежде заключенному, они подступили къ городу, который, увидя, что бунтовщики окружаютъ палисады и уже́ обагрены кровью жидовъ и христіанъ, застигнутыхъ ими за палисадами, тотчасъ заперъ ворота и снялъ мосты. Шляхта, жиды, пѣхотные козаки, придворный капитанъ Ленардъ съ придворной пѣхотой, число которой простиралось до ста человѣкъ, и собравшіеся для конфедераціи, всѣ обратились къ защитѣ тѣмъ бодрѣе, что у нихъ было все въ готовности къ отраженію, какъ-то: пушки большія и полевыя, до нѣсколькихъ десятковъ штукъ, очень много ружей, довольно пороху, пуль и картечи. Придавало имъ отваги и присутствіе Прусаковъ, которые прибыли въ числѣ 50 человѣкъ для купли лошадей; но они, видя, что готовится битва, и не имѣя на то приказанія, спокойно вышли тѣми воротами, подлѣ которыхъ не было сволочи.

Дѣйствительно, надо думать, что, еслибъ не коварство, то вѣроятно въ Уманѣ не испытали-бы столь ужаснаго бѣдствія: хотя отъ 7 ч. вечера во всю ночь сильно и стремительно штурмовала его сволочь, паля изъ ружей и сгоняя изъ сосѣднихъ деревень толпы людей для рубки и подкапыванія палей, однако, разимая изъ города картечью и гаковницами, отступила, унеся съ собою немало труповъ. Видя, что нельзя достигнуть цѣли силою, она рѣшилась употребить коварство, которое и удалось. Сотникъ Гонта, приблизившись съ другими »началами« къ воротамъ, находящимся въ сторонѣ Грекова лѣска, и разъѣзжая на конѣ,—одинъ бѣлый платокъ, привязанный къ окопечности пики, выставлялъ какъ знакъ мира и безопасности, а другой — послалъ губернатору Младановичу съ увѣре-

ніемъ, что какъ прежде онъ присягалъ въ вѣрности господину и городу, такъ и теперь ничѣмъ не думаетъ обижать осажденныхъ: напротивъ, обѣщаетъ совершенное повиновеніе губернатору, если только добровольно впустятъ его съ козаками въ городъ. Къ этому онъ добавилъ угрозу, что въ случаѣ отказа употребитъ всевозможныя усилія и жестокости для отмщенія. Посланные передавали это просто, но съ такою хитростью, что обманутый губернаторъ не только не приказалъ, но даже запретилъ, какъ утверждаютъ, защищать городъ. Видя въ этомъ вѣрную погибель, осажденные обыватели, не имѣя возможности спасти жизнь, позаботились о спасеніи души, и съ этою цѣлью одни отправились на молитву въ Базиліанскую капеллу, а другіе въ приходскій костёлъ, гдѣ получили общее отпущеніе грѣховъ. Тѣ же, которые не могли тамъ помѣститься, сподоблялись этого таинства отъ Базиліанскихъ священниковъ на рынкѣ и улицахъ. Страшное смятеніе распространилось: страхъ выжималъ слезы и вздохи; всѣ прощались другъ съ другомъ. Наконецъ, послѣ непродолжительнаго спора съ одной стороны между Ленардомъ, капитаномъ, и Марковскимъ, хорунжимъ придворнымъ, которые не соглашались впускать негодяевъ въ городъ и хотѣли дать одновременный залпъ изъ пушекъ и ружей по приближающимся къ воротамъ, и между губернаторомъ съ другой стороны, — ворота были отперты. Гонту, Залізняка и другихъ начальниковъ привѣтствовали хлѣбомъ и солью, которые были выставлены мѣщанами на столѣ по старому обычаю, причемъ присутствовали и главныя должностныя лица. Набралась тотчасъ большая толпа сволочи; немедленно приставлена была сильная стража къ капеллѣ, костёлу и божницѣ жидовской; ратуша окружена со всѣхъ сторонъ, губернаторъ со всѣмъ семействомъ посаженъ подъ строгій арестъ въ домѣ одного мѣщанина, а послѣ совѣщанія Гонты съ Залізнякомъ, продолжавшагося нѣсколько времени, когда Гонта крикнулъ козакамъ: »може, браття, часъ розпочати діло«, начались жестокости, достаточно описать которыя невозможно.

Прежде всего подверглись дикой ярости тѣ, которые находились на рынкѣ. На улицахъ и въ домахъ кололи, рѣзали, убивали, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на лица, ни на плачъ и просьбы; пронзенныхъ пиками младенцевъ бросали вверхъ, на воздухъ или на крыши, а если они падали еще живые, то ихъ губили, подвергая вторично тѣмъ-же мукамъ. Плачъ, крикъ, мольбы наполняли воздухъ; ужасный стонъ издавали матери, которымъ распарывали внутренности, чтобы вынутый изъ нихъ плодъ уничтожить жестокимъ образомъ. Оказали, правда, сопро-

тивленіе этой ярости собравшіеся конфедераты и придворные солдаты, но у нихъ не было хорошихъ предводителей, такъ-какъ недовольный капитанъ Ленардъ тотчасъ послѣ спора съ губернаторомъ скрылся изъ города, и потому, ранивъ выстрѣлами болѣе десятка гайдамаковъ и убивъ нѣсколько десятковъ, сами они всѣ до послѣдняго были перебиты.

Когда не осталось никакого сопротивленія, одни направились въ приходскій костёлъ, другіе въ базиліанскую капеллу. Войдя въ костёлъ, одинъ изъ атамановъ вскочилъ на каѳедру и, безстыдно понося собранную шляхту, издѣваясь надъ обрядами и богослуженіемъ, осыпáлъ богохульственными ругательствами таинства, образá и всю католическую вѣру; наконецъ, когда онъ закричалъ: рѣжьте,—каждый, какъ бѣшеный, бросился на самыхъ почтенныхъ и знатныхъ лицъ. Ксендза Вадовскаго, коммендарія, искололи у алтаря пикою; однихъ обнажали, другихъ разсѣкали топоромъ, по третьимъ застрѣляли, инымъ наносили смерть ножами, пиками и дубинами, вытаскивали за волоса маститыхъ старцевъ и нѣжныхъ дамъ, и публично ихъ насиловали; раздирали младенцевъ... Тоже самое происходило и съ находившимися въ базиліанской капеллѣ: здѣсь ксендза Костецкаго, ректора Уманскихъ школъ, сперва изранили выстрѣлами; потомъ, когда онъ собиралъ съ земли и съѣдалъ выброшенные сволочью, на поношеніе, святые дары, закололи пиками и бросили въ канаву. Отцовъ: Яна Левицкаго, вице-ректора, Илью Магеревича, Либерія Очавскаго и Маевскаго, базиліанъ, вытащили изъ капеллы и, обнаживъ, жестоко били, требуя, чтобъ они указали монастырскую казну и имущества, отданныя помѣщиками въ монастырь на сохраненіе. Не найдя ихъ, потому что они уже были выкопаны въ подвалѣ другими мошенниками, забили упомянутыхъ монаховъ въ колодки, били по головѣ, лицу и спинѣ плетьми, древками пикъ, палками, кололи слегка пиками, и обведя нагихъ съ ругательствами и насмѣшками кругомъ ратуши, уже полумертвыхъ, по заступничеству нѣкоторыхъ мѣщанъ, отдали подъ крѣпкій караулъ въ домъ мѣщанина Игнатія Рогатого. Когда-же приходскій священникъ не уніатской церкви св. Архангела Михаила, пребывающій до сихъ поръ въ схизмѣ за границей, сильно настаивалъ, чтобъ они были убиты, тогда вывели ихъ на улицу и близь вышеупомянутой церкви искололи, оставивъ тамъже тѣлá ихъ на поруганіе.

Неменьшимъ жестокостямъ подверглись жиды, которыхъ въ одной только божницѣ вырѣзали до трехъ тысячъ. Тогда можно было видѣть людей, валяющихся въ собственной крови и умоляющихъ, чтобъ

ихъ кто-нибудь добилъ, изувѣченныхъ, однихъ безъ рукъ, другихъ безъ ушей, окровавленныхъ, бѣгающихъ нагишомъ по улицамъ, которыхъ чернь, собравшаяся изъ сосѣднихъ деревень, лишала остатка жалкой жизни топорами и дубинами. Можно было видѣть, какъ вытаскивали разныхъ лицъ изъ подваловъ, бурьяна, рвовъ и другихъ тайниковъ; какъ убѣгающихъ хватали и сгоняли въ одно мѣсто стадами, какъ самыя женщины, разсвирѣпѣлыя по примѣру своихъ мужей, примѣтя прячущихся, рѣзали и убивали ихъ ножами, серпами, кочергами, заступами, подстрекая и пріучая дѣтей своихъ къ подобнымъ жестокостямъ. Не только расхищали имущество изъ дворянскихъ домовъ и обирали до-нага трупы, но и изъ костёла и базильянской капеллы похищали утварь и украшенія, забирали имущество, отданное помѣщиками на сохраненіе, котораго было не мало, и сносили къ Гонтѣ, какъ въ складочное мѣсто. Одни, сбросивъ свои отвратительныя рубища, переодѣвались въ снятыя съ труповъ платья, другіе, съ презрѣніемъ сидя на алтаряхъ, снимали ходаки и надѣвали сапоги или иную обувь. Когда атаманъ Тыликъ, еще сохранившій въ себѣ нѣсколько страха Господня, уносилъ изъ костёла въ церковь обвязанную антиминсомъ коробочку съ святыми дарами, то ее вышибли у него изъ рукъ и разсыпанные по землѣ святые дары топтали святотатственно ногами, смѣшивая ихъ съ кровью, истекавшею изъ труповъ. Одни ломали распятія и богохульственно плевали на нихъ, другіе, одѣвшись въ ризы, шли развратничать; иные, пробивъ дыры въ дискосахъ, привѣшивали ихъ къ лентамъ и носили на подобіе орденовъ, а изъ церковныхъ сосудовъ пьянствовали.

Сволочь, упившаяся уже невинною кровью своихъ соплеменниковъ и господъ, истребивъ, впродолженіи семи безъ-малаго часовъ, болѣе восемнадцати тысячъ людей разнаго званія, начала въ этотъ день немного успокоиваться, и чтобъ найти причину пощадить остальныхъ изъ согнанныхъ въ одно мѣсто и вытащенныхъ изъ разныхъ тайниковъ, рѣшила крестить ихъ, погружая троекратно всего человѣка въ воду, приготовленную въ чану. Съ этою цѣлью согнали всѣхъ въ церковь св. Николая; но когда старикъ-священникъ не хотѣлъ ихъ крестить, какъ уже крещенныхъ, то его убили палками и отправились къ вышеупомянутому приходскому священнику церкви св. архангела Михаила, и здѣсь рѣшеніе толпы было исполнено. Этотъ свищенникъ, будучи въ томъ заблужденіи, что крещеніе, совершенное священниками, соединенными съ Римскою церковью, не дѣйствительно, охотно взялся исполнить требованіе толпы, хотя этого не одобряли сами приведенныя лица, а нѣкоторыя совсѣмъ не хотѣли

принимать крещенія. Но такихъ было очень мало: едва нашлись три лица, которыя предпочли жестокую смерть вторичному крещенію. Окрещенныхъ сволочь разобрала между собою.

Въ тотъ-же день, когда уже приближалась ночь, нѣсколько человѣкъ, изъ любопытства, начали вламываться въ запертую башню, находящуюся въ городѣ недалеко отъ западныхъ воротъ. Одного изъ нихъ тотчасъ убилъ изъ пистолета Шафранскій, придворный землемѣръ владѣльца, спрятавшійся тамъ со своимъ слугою. Это сильно встревожило негодяевъ, почему одни, пригнавъ мужиковъ, приказали рубить топорами, другіе притащили пушку. Выстрѣливъ изъ нея въ башню, убили только слугу, спрятавшагося подъ крышей, и потомъ бросились съ топорами къ дверямъ. Хотя Шафранскій храбро защищался и убилъ нѣсколько человѣкъ, однако, взятый превосходною силой, былъ изрубленъ.

Пылкая душа Гонты, сдѣлавшись орудіемъ столь большихъ жестокостей и столь великаго бѣдствія, уже была-бы должна умириться, но разъяренная свирѣпость и жажда мщенія, еще не насыщенная гибелью столькихъ людей, не позволила ему забыть о губернаторѣ Младановичѣ, на котораго онъ былъ особенно сильно ожесточенъ по слѣдующей причинѣ. Получивъ извѣстіе о мятежахъ, начавшихся въ Украинѣ, покойный воевода, желая обезопасить Уманщину, за нѣсколько недѣль передъ кровопролитіемъ написалъ къ Гонтѣ письмо, исполненное милостивыхъ выраженій и обѣщавшее оставить за нимъ въ наслѣдственную собственность принадлежавшіе уже ему хутора, отдать двѣ деревни въ пожизненное владѣніе и другія благодѣянія, лишь-бы только онъ въ защитѣ отъ негодяевъ Уманщины, особенно же самого Уманя, былъ вѣренъ, заботливъ и старателенъ. Младановичъ, по зависти-ли, или по презрѣнію, или-же по какимъ-либо другимъ причинамъ, письма этого не отдалъ и даже не показалъ Гонтѣ, который однако узналъ о немъ сперва со стороны, а потомъ нашелъ его между захваченными и снесенными къ нему вещами Младановича. Гонта приказалъ привести его къ себѣ съ женою и дѣтьми и, полный злобы, сказалъ ему слѣдующія слова: »измѣнникъ, ты былъ поводомъ къ этимъ жестокостямъ, ты причина этого кровопролитія (тутъ онъ указалъ на трупы)! Зачѣмъ-же ты, имѣя въ рукахъ письмо воеводы, не показалъ мнѣ его? что-же ты выигралъ этой утайкой?« Потомъ сильно ударилъ его по открытой головѣ татарскою саблей. Палъ къ его ногамъ окровавленный Младановичъ, а приготовленные къ этому козаки тотчасъ изрубили его на мельчайшія части. Жену съ дѣтьми,

заливавшихся горячими слезами и просившихъ помощи, прежде всего обнажили и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, послѣ разныхъ развратныхъ поруганій, искололи пиками. Къ этому самому времени привели одѣтаго въ сѣрую свитку и босаго Скаржинскаго, Уманскаго эконома. Хотя Гонта старался спасти его отъ смерти, однако, по настоянію крестьянъ, которые не разъ были имъ наказываемы, онъ сдѣлался жертвою мщенія, пораженный въ лобъ пулею. Ужасный видъ, какой представляло множество труповъ, *невинно* пролитая кровь, которою *были обагрены земля и стѣны*, также ожидаемый смрадъ отъ труповъ, которые запрещалось закапывать, какъ недостойные нѣдра земли, все это, не позволяя дикимъ умамъ сволочи успокоиться и долѣе оставаться въ городѣ, принудило ее выйти съ добычею на поле, лежащее къ югу отъ города и называющееся Карповка. Тамъ устроили лагерь и, укрѣпивъ его окопами и пушками, приступили къ раздѣленію сволочи на сотни или громады, изъ которыхъ каждая состояла изъ 100 разбойниковъ, и къ назначенію высшихъ чиновъ. Прежде всего, при повторенныхъ нѣсколько разъ выстрѣлахъ изъ пушекъ и ружей, провозгласили гетманомъ Максима Залізняка, полковникомъ Гонту. Ихъ обоихъ наименовали князьями, перваго Смѣлянскимъ, втораго Уманскимъ. Инымъ были розданы другіе чины. Правленіе въ Уманѣ въ это время досталось одному козаку, по фамиліи Уласенку, который потомъ составилъ большія деньги изъ податей цѣлой Уманщины и, предвидя, что сволочь навѣрно будетъ разсѣяна, бѣжалъ въ Валахію. Новоизбранные начальники давали большіе, пышные пиры. Изо всѣхъ окрестностей сдѣланы были большія доставки; меду, вина, водки собрано было около полутораста бочекъ;— ежедневно, въ-продолженіи почти двухъ недѣль, пировали съ крикомъ, возгласами, музыкой и другими развратными увеселеніями. Въ Гонтѣ однако постоянно замѣчали безпокойство, тревогу и замѣшательство. Въ этомъ состояніи онъ не разъ произносилъ такія слова: »сомнѣваюсь, братцы, чтобъ мы могли расшить то, что наварили.« Въ то же самое время произошелъ и дѣлежъ собранной добычи. Изъ сукна, шелковыхъ матерій, мѣховъ, разнаго платья и всякой утвари насыпали болѣе десятка большихъ *куриановъ;* кромѣ денегъ и часовъ, которыхъ было не мало, одного изломаннаго серебра набралось шесть сундуковъ. Залізняку, кромѣ другихъ дорогихъ вещей, досталось три сундука съ серебромъ, которые онъ продалъ въ Кіевъ одному купцу только за девять тысячъ, хотя они гораздо больше стоили. Остальную часть серебра и

лучшей добычи назначили Гонтѣ, прочія-же вещи были раздѣлены между другими, сообразно чинамъ и выказанному въ рѣзнѣ мужеству.

Такъ какъ трупы въ продолженіи трехъ лѣтнихъ дней лежали непогребенными, то нестерпимый смрадъ принудилъ оставшихся въ городѣ мѣщанъ собраться вмѣстѣ и усильно просить Залізняка и Гонту, чтобы трупы были убраны; но какъ трудно было копать ямы, то приказано было согнаннымъ мужикамъ сбросить тѣла въ колодезь, находящійся на самомъ рынкѣ между западомъ и сѣверомъ, въ лѣвомъ углу теперешней ратуши, если обратиться къ востоку. Колодезь былъ глубиною въ нѣсколько десятковъ саженъ, но, не смотря на то, что много труповъ дѣлалось добычею собакъ, колодезь былъ набитъ трупами. Тѣла, находившіяся за городомъ, были оставлены на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ.

Очнувшись отъ опьяненія, какъ-бы отъ летаргическаго сна, сволочь, вмѣсто того, чтобы выйти изъ остервененія и оставить жестокости, составила совѣтъ, на которомъ согласились послать нѣсколько сотенъ въ сосѣднія мѣстечки и деревни для грабежа, разбоя и набора новой толпы, число которой всякій день значительно умножали мужики. Кто больше убьетъ Поляковъ или Жидовъ, тому былъ обѣщанъ высшій чинъ. И дѣйствительно, въ мѣстечкахъ Грановѣ, Теплинѣ, Дашовѣ, Тульчинѣ, Монастырищѣ, Гайсинѣ, Конелѣ, Басовкѣ, Ладыжинѣ и въ смежныхъ деревняхъ, Поляки и Жиды подверглись тѣмъ же жестокостямъ, что и въ Уманѣ. Изъ этихъ мѣстъ большую добычу ежедневно доставляли въ лагерь.

Сотникъ, по фамиліи Шило, съ пятидесятью конными козаками, хорошо вооруженными, и двумя пушками, отправился между тѣмъ въ Балту, мѣстечко, лежащее на Турецкой границѣ. Вырѣзавъ здѣсь Жидовъ и оставшуюся шляхту (многіе бѣжали на Турецкую сторону за рѣку Кодыму) и, захвативъ ихъ имущество, онъ требовалъ у Турецкаго паши выдачи остальныхъ; когда-же ему было отказано, хотѣлъ возвратиться въ лагерь. Этимъ-бы дѣло, вѣроятно, и кончилось, еслибъ Турокъ въ его присутствіи, не знаю по какому поводу, не убилъ Грека. Разгнѣванный этимъ сотникъ, присоединивъ къ себѣ еще столько-же негодяевъ, сколько у него было, сдѣлалъ такую сильную атаку на Турецкую сторону, что, не смотря на долгое сопротивленіе, Турки должны были выступить изъ города, ретируясь медленно съ захваченными лучшими вещами. Хотя одинъ атаманъ и нѣсколько гайдамаковъ были убиты, однако Шило до тѣхъ поръ продолжалъ атаку, пока не овладѣлъ всею Турецкою стороною и не избилъ всѣхъ, которые не спас-

лись бѣгствомъ. Правда, вскорѣ прибыли на помощь Татаре, но не во время, потому что сволочь, нахвативъ бывшихъ подъ рукою пригодныхъ вещей, быстро скрылась. Въ честь прибытія упомянутаго сотника и другихъ, которые въ тоже самое время возвращались въ лагерь съ добычей и набранной отовсюду сволочью, стрѣляли изъ пушекъ и ружей, издавали радостные крики и дѣлали причудливые пиры въ простонародномъ вкусѣ. Но эта радость измѣнилась вскорѣ въ нестерпимую печаль и несчастіе для разбойниковъ, а для страны—въ утѣшеніе.

Въ самомъ разгарѣ увеселеній сволочи, дано было знать Залізняку и Гонтѣ, что Русскій поручикъ, по фамиліи Кривой, прибылъ въ городъ съ 60 Донцами. Это сильно встревожило разбойниковъ, и потому они рѣшились быть осторожными и избѣгать Москалей; но благоразумный поручикъ съумѣлъ дать столько доказательствъ мнимой дружбы, что Залізнякъ и Гонта, убѣжденные въ его непритворности, не только приглашали его къ себѣ на обшіе пиры и посылали значительные подарки, но сверхъ того позволили ему поставить, вмѣсто козаковъ, свои караулы въ городѣ. Чтобы, притомъ, оправдать свои дѣйствія и болѣе укрѣпить образовавшуюся связь съ поручикомъ, они показали вымышленный Мельхиседекомъ указъ Россійской императрицы, увѣряя, что они готовы, по приказанію императрицы, пролить кровь до послѣдней капли, и что поэтому они единодушно рѣшились отправиться въ Бердичевъ для истребленія находившихся тамъ конфедератовъ. Поручикъ все это одобрилъ и обѣщалъ самъ присоединиться къ нимъ съ своимъ войскомъ, которое приближалось, состоя изъ цѣлаго полка карабинеровъ; но предварительно требовалъ удаленія крестьянъ, имѣвшихъ хозяйство, женъ и дѣтей, потому что подобные люди, объяснялъ онъ, не захотятъ перенести военныхъ трудовъ и лишеній, а побуждаемые къ бѣгству привязанностью къ своей странѣ, женамъ и дѣтямъ, ничего не сдѣлаютъ, кромѣ замѣшательства и безпорядка; сверхъ того страна разорится, лишившись людей, занимающихся земледѣліемъ. Это мнѣніе было одобрено, и тотчасъ приказано объявить, чтобы всѣ люди этого рода, а также тѣ, которые не чувствуютъ въ себѣ силъ къ перенесенію всѣхъ случайностей, представляющихся обыкновенно солдату, особенно во время войны, вышли изъ войска и разошлись по домамъ. Дѣйствительно, много мужиковъ послѣдовало этому мнѣнію и выбыло, но несравненно больше осталось. Наконецъ, объявлено было въ лагерѣ, чтобы всѣ готовились въ походъ, вмѣстѣ съ Русскимъ войскомъ, къ Бердичеву. Будто съ этою цѣлью, поручикъ совѣтовалъ, для возбужденія бо́льшаго мужества,

устроить въ предпослѣдній день пиръ, на которомъ сволочь до такой степени напилась медомъ и водкой, что очень мало осталось такихъ, которые были въ-силахъ двинуться съ мѣста. Подстрекали ихъ къ этому и Москали, но сами сохраняли самую строгую воздержность. Когда уже и Залізнякъ съ Гонтой напились порядочно, поручикъ, также притворяясь пьянымъ, въ сопровожденіи Гонты и Залізняка отправился въ свою резиденцію, бывшую въ городѣ. Прибывъ сюда, онъ, послѣ дружескихъ разговоровъ, увѣдомленный, что карабинеры находятся недалеко отъ лагеря, приказалъ Гонту, Залізняка и другихъ, прибывшихъ съ ними, сейчасъ-же заковать крѣпко-на-крѣпко въ кандалы. Остолбенѣли Залізнякъ съ Гонтой, а подскочившіе Донцы прежде всего вставили имъ обоимъ замки въ ротъ, чтобъ они не произвели никакого шума и замѣшательства; потомъ, сильно ударяя ихъ по лицу, оковали обоихъ желѣзными цѣпями. Посаженные въ одно мѣсто, они, качая другъ къ другу головами, оплакивали свою судьбу: приготовивъ ее себѣ вмѣстѣ, вмѣстѣ о ней и сожалѣли.

Когда это происходило съ Гонтою и Залізнякомъ, остальные Донцы съ карабинерами окружили между-тѣмъ со всѣхъ сторонъ лагерь. Это еще не встревожило сволочи, считавшей ихъ своими друзьями, но когда со всѣхъ сторонъ раздались восклицанія, чтобы она тотчасъ положила оружіе, тогда осаулъ Хома, крикнувъ »измѣна«, первый бросился къ оружію и убилъ нѣсколькихъ Донцовъ, но окруженный другими Донцами, вскорѣ и самъ былъ убитъ. Бросились было защищаться и другіе, но пораженные внезапнымъ страхомъ и обезсиленные пьянствомъ, не имѣя предводителей, принуждены были положить оружіе; прочіе-же, которыхъ было гораздо больше, спали пьяные и даже не знали о своей погибели. Имѣя въ готовности довольно веревокъ и колодокъ, Москали приказали мужикамъ, согнаннымъ нарочно изъ имѣнія Городецкаго, близкаго къ Уманю, вязать и набивать колодки; такъ какъ это происходило ночью, то многіе убѣгали, выползая на животахъ подъ лошадьми, но и изъ нихъ многихъ потомъ поймали. Когда веревокъ и колодокъ не достало для такого множества негодяевъ, остальныхъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ и безоружныхъ, карабинеры продержали до утра на мѣстѣ подъ крѣпкимъ карауломъ, а на другой день побросали въ ямы и подвалы. Сначала отобрали лошадей, оружіе, амуницію и всю добычу и доставили къ Русскому полковнику, по фамиліи Нолькину, который прибылъ съ карабинерами. Потомъ приводили къ нему по нѣскольку разбойниковъ, и Заднѣпрянцевъ записывали на од-

номъ спискѣ, а на другомъ, со всѣми приличными подробностями, Украинцевъ. Всѣхъ обдирали до нитки. Наконецъ, Залізнякъ, со всѣми заднѣпровскими товарищами и всею захваченною добычей, былъ отосланъ въ Московскую землю, гдѣ онъ былъ сначала высѣченъ кнутомъ у позорнаго столба, а потомъ отведенъ въ Сибирь, куда сослали и вышеупомянутаго Мельхиседека, который однако вскорѣ былъ возвращенъ въ Кіевъ. Остальныхъ негодяевъ наказывали другими, сообразными съ обычаемъ страны, способами, водя ихъ подлѣ границы Польской. Тѣхъ-же, которые были жителями Польской стороны, отвели въ деревню, называющуюся »Сербы« и лежащую недалеко отъ пограничнаго города Могилева, и отдали Браницкому, обозному, который тамъ стоялъ все время со своею дивизіей. Послѣ допроса, въ той-же деревнѣ, сначала содрали съ Гонты кожу полосами, отрубили ему руки и ноги, вырвали у живого сердце, наконецъ четвертовали. Онъ вынесъ эту казнь такъ-же терпѣливо, какъ и по заслугамъ, приготовившись заранѣе къ смерти самымъ приличнымъ образомъ. Другихъ губили и наказывали разными способами: то отсѣкали головы, то вѣшали, то отрубали лѣвую ногу и правую руку, то драли розгами. Свидѣтелями этой казни были: Каменецъ, Львовъ, Кременецъ, Винница, Житомиръ, Латичевъ и другіе города, гдѣ казнили по семи, пяти и восьми негодяевъ.

Таково событіе 1768 года, такова судьба Украинской черни, которая, сдѣлавшись причиной собственной погибели и погибели стольких соотечественниковъ, не мало повредила вскормившему и взлелѣявшему ее на своемъ лонѣ отечеству и въ томъ отношеніи, что страна потеряла болѣе десятка милліоновъ, такъ-какъ имущество, пріобрѣтенное кровавымъ трудомъ, перешло въ чужія руки.

ПИСЬМА НЕИЗВѢСТНЫХЪ ПОЛЯКОВЪ СЪ ВОЛЫНИ.

(1768)

(Переводъ съ польской рукописи, изъ бібліотеки Оссолинскихъ, во Львовѣ.)

I.

1768 г. іюня 28 дня, изъ Волыни.

За одной некончившейся бѣдою послѣдовала другая, еще болѣе опасная и ужасная: мятежъ крестьянскій внезапно усилился; вездѣ рѣжутъ и убиваютъ шляхту, управителей и всѣхъ католиковъ, также евреевъ и даже уніатскихъ поповъ. Это безчеловѣчіе свирѣпствуетъ не только въ самой Умани, куда для спасенія жизни скрылось много шляхты съ женами и дѣтьми, какъ равно и въ Лысянкѣ, гдѣ умерщвлены шесть францискапскихъ монаховъ и губернаторъ, но и въ Титовѣ; гроза приближается даже къ Пикову. Этотъ же мятежъ распространился въ Паволочи и въ окрестностяхъ; начало крестьянскаго волненія становится замѣтно и въ трехъ миляхъ отъ Полоннаго, т. е. въ Любарѣ и Острополѣ, — что̀ еще важнѣе. Здѣсь, по разнымъ трактамъ, проходятъ огромные обозы шляхты и Жидовъ, спасающихъ только одну жизнь; самъ князь Касперъ (Любомирскій), который даже въ Полонномъ, близь крѣпости, гдѣ находится московскій горнизонъ, не можетъ воздержать и усмирить эту смѣлость крестьянъ, находится въ большомъ смятеніи, не видя средствъ къ предупрежденію приближающагося огромнаго пожара. Одна только надежда — на Московское войско. Слышно, что немедленно имѣли быть командированы (войска) въ Бердичевъ, для гашенія этого огня. Разсказываютъ еще слѣдующія обстоятельства: взявъ въ плѣнъ часть конфедератовъ, въ то время какъ другіе находились въ Барѣ, панъ ловчій (Браницкій) отправился въ Баръ, 16-го настоящаго мѣсяца. Онъ приблизился къ городу не съ цѣлью аттаковать, а только съ желаніемъ привлечь къ себѣ *компутовихъ;* но когда изъ города начали стрѣлять по немъ изъ пушекъ, отступилъ къ Деражни, безъ малѣйшей потери въ людяхъ; ког-

да же генералъ Апраксинъ прибылъ къ Бару со своей командой, 17-го настоящаго мѣсяца, а 20-го на разсвѣтѣ началъ аттаку, и когда, съ другой стороны, уланы живо принялись рубить сваи за́мка, городъ и за́мокъ были взяты въ самое короткое время, какъ говорятъ, въ полчаса. У городскихъ воротъ, откуда *Москва* начала аттаку, помѣщенъ былъ Мѣндзыборжскій гарнизонъ, который защищался мужественно, и оттого потерялъ людей болѣе, чѣмъ другіе. Вообще, всѣхъ убитыхъ и раненныхъ между конфедератами считаютъ около тысячи (1); Москвы тоже довольно: у самихъ воротъ, при входѣ, 82 офицера и много раненныхъ. Конфедератами командовалъ тамъ Звиногродскій мечникъ, панъ Барщевскій. Жители города подверглись грабежу; убито было нѣсколько евреевъ. Ксендзъ Маркъ, Кармелитскаго ордена, арестованъ.

Изъ компутовыхъ, украинскій отрядъ находился въ Барѣ; другіе въ то время стояли въ Могилевѣ; иные отправлены были къ Саврани и Умани. Правда, староста Варецкій велъ компутовыхъ въ Баръ чрезъ Шаргородъ, но какъ скоро велѣлъ имъ отправиться изъ Шаргорода въ Баръ, а самъ межъ-тѣмъ хотѣлъ возвратиться въ Могилевъ, то и они, увидя это и подозрѣвая уже своего маршала, тоже воротились за нимъ въ Могилевъ. Затѣмъ, онъ живо поспѣшилъ къ Днѣстру и, не теряя времени, переправился вслѣдъ, за п. Литовскимъ подчашимъ, на другую сторону, въ Валахію. Многіе, какъ паны Винницкій подстолій Ярошинскій и Трехтымировскій староста Щенёвскій съ женами, и много иныхъ помѣщиковъ, тамъ же, подъ Сорокой, переѣхали еще раньше. Дворовые люди, въ особенности козаччина, одни послѣ пораженія подъ Браталовкой, а другіе узнавъ объ этомъ пораженіи, разсыпались въ разныя стороны. Впрочемъ, часть войска еще оставалась подъ Могилёвомъ. Но, говорятъ, что когда *Москва* направилась къ Могилеву отъ Бара, этотъ конфедератскій отрядъ двинулся отъ Могилева къ Днѣстру, мимо Цекиновки и Ражкова, желая, вѣроятно, направить свой путь въ Татарскіе предѣлы, по тому же берегу (такъ-какъ переправа черезъ Днѣстръ, со стороны Валахіи, военнымъ была воспрещена); но, полагая, что входъ военнымъ Валахія воспрещала по повелѣнію Порты, нужно заключать, что и у Татаръ встрѣтилось бы тоже самое затрудненіе; и потому можно думать, что это компутовое войско, не имѣя ни вождя ни пособія, могло склонить-

(1) Въ Барѣ погибло не болѣе 80 конфедератовъ и много взято въ плѣнъ, вслѣдствіе измѣны сына кастеляна Гизыцкаго; Москвы погибло тамъ до 700 человѣкъ.

ся подъ команду короннаго-ловчаго. Даже говорятъ, будто примиреніе дѣйствительно уже послѣдовало, и если такъ въ самомъ дѣлѣ, то желательно было бы, чтобы теперь компутовое войско, находясь въ повиновеніи у военной комиссіи и назначеннаго регимента, съ помощью Россійскаго войска, отправилось для усмиренія крестьянскаго волненія; хорошо было бы также, чтобы тѣ изъ пановъ, принадлежащихъ къ конфедераціи, которые разбѣжались и которые, бывъ взяты Москвой, уволены, — соединились и разомъ двинулись на усмиреніе мятежниковъ, потому-что разъяренные крестьяне, сообразивъ свои силы, пожалуй, не станутъ слушаться и этой части Россійскаго войска. Слышно было здѣсь о неудовольствіи Малороссійскихъ помѣщиковъ и Сѣчовыхъ козаковъ; еслибы имъ вздумалось возстать вмѣстѣ съ украинскими крестьянами, возстаніе это было бы опасно самой Россіи: освободившись изъ-подъ власти, они могли бы основать какую-нибудь удѣльную область и держаться такъ, какъ и теперь, когда даже сами Поляки, при настоящемъ своемъ положеніи, не въ состояніи усмирить крестьянское волненіе. Въ Полонное приведены сынъ старосты Варецкаго, Звиногродскій подчашій Ортынскій и ротмистръ Кіевскаго ополченія Каменскій, и содержатся подъ секретнымъ арестомъ.

Всякій, кто попалъ въ конфедерацію поневолѣ, освобождается за порукою и квитанціями заинтересованныхъ лицъ. Теперь весь *Русскій* и *Волынскій* край находятся въ большомъ смятеніи, видя и въ тамошнемъ крестьянскомъ сословіи склонность и порывы къ волненію, тѣмъ болѣе, что край этотъ остался почти безъ войска.

Конфедератовъ можно еще здѣсь встрѣтить въ окрестности Бродъ; ихъ преслѣдуетъ Москва; но подъ именемъ конфедератовъ является здѣсь много разной сволочи. Нѣсколько дней тому назадъ, сволочь эта убила, подъ Муравицей, отправлявшагося на подводѣ москаля; проѣзды оказываются также опасными и для помѣщиковъ, и Богу извѣстно, что будетъ дальше, если огонь этотъ не будетъ погашенъ въ самомъ его началѣ.

П. Литовскій-подчашій опасно боленъ, при смерти, на той сторонѣ Днѣстра (*приписано*: по милости Божіей здоровъ).

Г. Воронича съ женой, еще до аттаки Бара, видѣли за Шаргородомъ по направленію къ Могилеву; отсюда не только конфедераты, но и помѣщики переѣхали съ своимъ имуществомъ за Днѣстръ.

II.

1768 г. іюня 28 дня, изъ другой мѣстности Волыни.

Лучше бы мнѣ не быть первымъ вѣстникомъ этихъ бѣдствій, если мои вѣсти будутъ первыми. Сердце твое, преданное дѣлу вѣры и свободы, такъ же какъ и мое, содрогнется, когда ты узнаешь, что надежда наша пала и что ея паденіе повлечетъ за собой гибель нашей вѣры и свободы.

Бѣдствія начались съ Бердичева. Когда Бердичевъ лишился помощи шедшихъ къ нему на защиту, и крѣпость эта была взята (о чемъ я уже писалъ прежде), Москва двинулась всей силой къ Бару. Узнавъ объ этомъ, главныя лица стали думать о своемъ спасеніи и, оставивъ въ Барѣ Барщевскаго, разъѣхались къ Могилеву подъ предлогомъ — собрать въ одно мѣсто войско. Варецкій прибылъ въ Шаргородъ для найма компутовыхъ; послушались и двинулись къ Бару, но когда замѣтили, что онъ самъ повернулъ на Могилевскій трактъ, то и они воротились за нимъ; между-тѣмъ, къ Бару подступилъ Браницкій, но когда начали противъ него стрѣлять изъ пушекъ, ретировался; но какъ скоро прибылъ Апраксинъ, то на Баръ они ударили вмѣстѣ и разрушили ворота, которыя многихъ убили своимъ паденіемъ. Затѣмъ, съ большою силою бросились на штурмъ; несчастный Баръ защищался; но тѣ ворвались одинъ за другимъ и запершихся въ замкѣ взяли насильно. Нашихъ погибло до 500, столько же взято въ плѣнъ. Съ Барщевскимъ при грабежѣ умерщвлено много народа; монастырь уцѣлѣлъ; только Маркъ арестованъ. Наши изъ Могилева хотѣли *(отправиться)* за границу, но ихъ не пустили; несчастные обратились на Егорликъ и Цекиновку, къ Татарщинѣ, но сомнительно, найдутъ ли и тамъ убѣжище. Москва между-тѣмъ ихъ не оставляетъ. Не было тамъ ни австрійцевъ, ни янычаръ, но все-таки мы не вѣрили обѣщанію, данному Портой и напечатанному въ нашихъ газетахъ. Теперь, когда входъ воспрещенъ, мы убѣждаемся, что басурманъ погубилъ насъ, и это потому, что, вѣроятно, получилъ отъ Москвы больше, чѣмъ отъ насъ. Меня удивляетъ, что Бердичевъ былъ въ осадѣ почти три недѣли и Баръ не подалъ ему помощи. Эй, увидишь любезный панъ, что со временемъ въ этомъ дѣлѣ окажется и домашняя измѣна. Помнишь, ты писалъ, что конфедерація эта недолго удержится; не предполагаю, чтобы тотъ, кто писалъ это, способствовалъ измѣнѣ, но только

ее предвидѣлъ. Знаю достоинства старосты Варецкаго, но видно, онъ началъ опрометчиво, на основаніи однѣхъ только надеждъ; должно быть кто-нибудь такой былъ, что подстрекнулъ его.

Конфедератовъ здѣсь въ Волыни находится не малое число; но когда отнято гнѣздо, то ужъ трудно поднять голову, какъ имъ, такъ и Велико-Полянамъ. Браницкій цѣлъ; Стемпковскій не взятъ. Насъ только утѣшали; несчастный нашъ Мартынъ, — что онъ теперь думаетъ? Это все за грѣхи наши! Трудно поднять голову противъ воли Господней. Теперь то осмѣютъ и вѣру и свободу, а можетъ быть и насъ на вѣки упокоятъ.

Изъ взятыхъ въ Бердичевѣ привезены въ Полонное ротмистръ Каменскій, молодой Пулавскій, Здановскій; они заключены во флигелѣ, но могутъ гулять по саду.

Страшнѣе всего, что мятежъ крестьянъ все болѣе распространяется; этимъ огнемъ зажжены Чернѣховъ, Котельна и Паволочъ; въ Любарѣ уже убитъ раввинъ, а при производствѣ обыска, *списы* были найдены почти у каждаго крестьянина; въ Острополѣ было почти тоже. Князь Касперъ Любомирскій велѣлъ поймать Любарскихъ и Острольскихъ *(крестьянъ?)*; они приведены въ Полонное и будутъ примѣрно наказаны, но это не успокоитъ.

Въ Лысянкѣ захвачены Францисканцы; тамъ повѣшены вмѣстѣ шляхтичъ, ксендзъ, жидъ и собака. Крестьяне волнуются уже и въ этомъ захолустьи. Вотъ въ какомъ мы несчастномъ положеніи! Я бѣжалъ бы прежде Волынскаго регистра, но не могу, по этимъ обстоятельствамъ. Одинъ день можетъ сдѣлать все; нужно обдумывать, какъ спасти свою жизнь. Твой Лаврентій, съ нѣсколькими стами конницы, командированъ на усмиреніе мятежей, но этого недостаточно; впрочемъ, когда онъ узнаетъ, что произошло въ Барѣ, то, вѣроятно, возвратится назадъ.

ДО БРАТІВЪ НА ВКРАІНУ.

Хто мене́ не зна́е —
Самъ себе́ пита́е:
Чи то ве́чіръ погаса́е,
Чи ра́нокъ світа́е?

Хто мене́ не зна́е —
Віри не дійма́е,
Що стари́й дідъ го́лосъ ма́е,
Підъ ко́бзу співа́е.

Ой мовча́въ я, бра́ття,
Сло́вомъ не озва́вся,
По́ки Ба́тько украінський
Піснею впива́вся.

Хочъ мовча́въ уста́ми,
Співа́въ я душе́ю,
Та боя́вся зъ нимъ різни́ти
Ко́бзою мое́ю.

Наста́ла годи́на,
Що вся Украіна
Заряда́ла по Тара́су,
Якъ мала́ дити́на.

Наста́ла годи́на —
Ні одна́ люди́на
Не взяла́ся за банду́ру
Мужи́цького си́на.

Задзвони́ли су́мно
По Вкраіні дзво́ни.
Ви́сить мо́вчки старосвіцька
Банду́ра въ комо́рі.

Уже́ жъ на ій стру́ни
Та й пообвиса́ли,
Голосні́йші, вимовні́йші
Вороги́ порва́ли.

Чи до-віку жъ, бра́ття,
Бу́демо мовча́ти?
Благословіть мині ко́бзу
Німу́ю узя́ти!

Підтягну́ я стру́ни
На го́лосъ висо́кий, —
Не сумуй, Тара́се ба́тьку,
Въ моги́лі глибо́кій!

Почіплю́ я, бра́ття,
До стари́хъ струнъ но́ві, —
Не доказуй, загребу́щий,
Зъ Москви́ козако́ві!

Неха́й го́рда шля́хта
Зъ жа́лю омлива́е,
Що коза́къ вельмо́жнихъ пре́дківъ
На судъ визива́е!

Гірко жъ мині та́я
Сла́ва довела́ся,
Що рука́ моя́ зня́лася,
За ко́бзу взяла́ся!

Ой хто мене́ су́дить,
Хто мно́ю горду́е,
Неха́й пра́ву, неха́й щи́ру
Відъ ме́не почу́е.

Сусіде лука́ві,
Загребу́щі ру́ки!
Не до су́ду прийма́ть бу́ду
Одъ васъ тя́жкі му́ки.

Го́ді вамъ у се́рце
Сіяти отру́ту!
Я посіявъ по отру́ті
Крутове́рху ру́ту.

Посхо́дила ру́та
Барвінкомъ хрещатимъ,
Бу́де се́рце застила́ти,
Ра́ни закрива́ти.

Изъ ранъ, мовъ съ криниці,
Рідне сло́во ри́не...
Розлива́йся, рідне сло́во,
По всій Украіні!

Нехай всяке мля́ве
Се́рце стрепене́тця —
И но́вою, здоро́вою
Ду́мою забъе́тця.

Росла́ моя́ ду́ма
Понадъ берега́ми,
Де славе́тний Гарибальди
Би́вся зъ ворога́ми.

Цвіла́ моя́ ду́ма
Надъ водо́ю ти́хо,
Де вікъ че́сний доживае
Ма́ти-Гоголи́ха.

Ой ёго́ жъ то си́ла
Мене́ звеселя́ла
И співа́ти про святу́ю
Во́леньку навчи́ла.

Ой ій жъ то се́рце
Ти́хе-голуби́не
Мене́ вчи́ло тихе́сенько
Пла́кать по Вкраіні.

»Цвіте мій«, мовля́ла,
»Хо́лодомъ прибитий!
Отепе́ръ би тобі, си́ну,
Тре́ба въ світі жи́ти!

»На рідному по́лі,
Си́ну, ти ора́въ би,
Рідну се́мъю ти насу́шнимъ
Тепе́ръ годува́въ би.«

Ой шкода́ намъ, ма́ти,
Про те сумува́ти,
Що сусіде зага́рбали
Изъ рідної ха́ти.

Нехáй изъ чужóго
Хліба розживýтця;
Въ насъ на нúвахъ нóві жнúва,
Дасть Госпóдь, начнýтця.

Ой урóдить жúто —
Бýде всяке сúте;
Занедбáемъ, щó забрано,
Хóлодомъ побúто.

Порóжні засіки
Гáрно налаштýемъ,
Ще й сусідъ своіхъ насýшнимъ
Хлібомъ нагодýемъ.

Хай Німець сміетця
Зъ нáшого звичáю,
Що ми спрáвді хлібомъ-сіллю
Вóрога караемъ. (1)

Ой тимъ ми на свíті
Здáвна держимóся,
Що втеряти тільки прáвду
Одну́ боімóся.

Процвітáе цвітомъ
Дáвняя руіна:
Перехóдить святá прáвда
Відъ бáтька до сúна.

Прáвдо, нáша мáти!
Пóки ще живá ти,
Пóти бýдемъ навкругъ хáти
Своє́ жúто жáти.

П. Кулішъ.

---

(1) Есть послóвиця: *Вóрога хлібомъ та сіллю карай.*

РУССКІЙ ПАТРІОТИЗМЪ (*)

(*Отвѣтъ »Дню.«*)

Заглавіе нашей статьи взято изъ критики, помѣщенной во 2 № *Дня* на статью *Современника*: «Національная Безтактность.»

Слова «Русскій патріотизмъ» имѣютъ свою исторію, и было бы поучительно прослѣдить самый процессъ ихъ образованія и всѣ видоизмѣненія, выработанныя общественной и литературной практикой, съ того времени, когда старая Русь въ первый разъ вступила въ борьбу съ иноземной Русью, до нашихъ дней, когда тупое, пассивное отрицаніе чужого перешло-было въ дѣйствующій, сознанный, принципъ. Но такъ-какъ этотъ трудъ былъ бы только предисловіемъ къ нашей статьѣ, то намъ показалось, сообразнѣе съ нашей цѣлью, опираясь на историческое самосознаніе Русскаго общества, опредѣлить, на-сколько партія, дѣйствующая подъ знаменемъ «Русскаго патріотизма,» способна понять современную дѣйствительность, на-сколько она имѣетъ живого практическаго смысла.

Для нашей цѣли достаточно обсудить тѣ воззрѣнія на Малорусскую литературу, которыя высказаны въ статьѣ *Дня*, направленной противъ Современника, устраняя отъ себя вопросъ о Русинской литературѣ, по поводу которой собственно и возникъ споръ между *Современникомъ* и *Днемъ*, и не касаясь, съ другой стороны, тѣхъ началъ, которыхъ придерживается *День* въ международныхъ, славянскихъ, отношеніяхъ.

(*) Къ этой, живо-почувствованной и задуманной статьѣ молодаго ученаго, такъ и просится эпиграфомъ слѣдующее, вполнѣ-вѣрное, замѣчаніе И. С. Аксакова, *(День, № 21)*, напечатавшаго статью г. Соковенка!!

»Существенное въ народности—не внѣшніе признаки внѣшняго различія, а самыя внутреннія духовныя начала, безъ сознанія которыхъ невозможно возрожденіе.«

На совѣты, которые, въ нынѣшнее время, слышатся только изъ *Дня*, да еще, пожалуй, изъ *Р. Инвалида и Библіотеки для Чтенія*,—тоже инвалида,—Шевченко нѣкогда отвѣчалъ:

...А за ра́ду... спаси́бі вамъ—
За ра́ду лука́ву:
Те́плий кожу́хъ!—тільки щко́ла—
Не на ме́не ши́тий,
А розу́мне ва́ше сло́во
Брехне́ю підби́те...
...Бу́де зъ ме́не, по́ки живу́,
И *мертвого* сло́ва!.. *Ред.*

Но прежде чѣмъ мы высказали свое мнѣніе о Русскомъ патріотизмѣ, пусть самъ г. Ламанскій, авторъ разбираемой нами статьи, говоритъ за себя. Онъ изъясняется въ любви и уваженіи къ Малоруссамъ, но продолжаетъ: «мы не вѣримъ искренности нашихъ земляковъ, когда они толкуютъ о большей преданности и симпатіи къ Малоруссамъ, нежели къ Москалямъ. Разумѣется—и на-оборотъ. Чтобы слова тѣхъ и другихъ были искренни въ этомъ случаѣ, надо, чтобъ Москаль обратился въ Малорусса, и на оборотъ. Своя народность всякому ближе, понятнѣе, симпатичнѣе.« Чрезъ нѣсколько строкъ, онъ, «говоря откровенно, не понимаетъ значенія словъ Малорусскій и Великорусскій патріотизмъ, и допускаетъ только *Русскій патріотизмъ*.»

Сопоставляя эти двѣ мысли, можно подумать, что авторъ, какъ русскій человѣкъ, по пословицѣ, заднимъ умомъ крѣпокъ. Онъ стоитъ за Русскій патріотизмъ, и вмѣстѣ не отрицаетъ того глубокаго чувства народности, которое не истребимо такъ же, какъ невозможенъ фактъ двукратнаго рожденія. Итакъ, по одну сторону мы имѣемъ двѣ народныя стихіи—Великорусскую и Малорусскую, по другую — Русскій патріотизмъ, чуждый народной исключительности, и въ тоже время мирно процвѣтающій рядомъ съ чувствомъ своенародности. Но если г. Ламанскій не хочетъ самъ себѣ противорѣчить, то онъ долженъ ввести въ идею Русскаго патріотизма равновѣсіе народностей, потому-что существованіе своенародности, какъ отрицаніе общенародности, не безопасно для Русскаго патріотизма, въ которомъ не должно быть преобладанія отдѣльной народности. Онъ долженъ избѣгать симпатій къ одной народности, — иначе мы въ правѣ назвать Русскій патріотизмъ фальшивой декораціей, теоретическимъ издѣліемъ отечественной мануфактуры. Посмотримъ, на сколько г. Ламанскій вѣренъ себѣ, на сколько онъ выдерживаетъ это законное требованіе?

Намъ казалось, судя по вышеприведенной выпискѣ, что г. Ламанскій считаетъ Малорусскій патріотизмъ въ Москалѣ невѣроятнымъ и лживымъ фактомъ. Но выходитъ не то. Онъ опровергаетъ автора «Національной Безтактности,» въ томъ, будто «инородецъ становится Малорусскимъ патріотомъ, если хоть сколько-нибудь поживетъ въ Малороссіи,» допуская, однакожъ, Малорусскій патріотизмъ инородца, какъ явленіе случайное, и вооружаясь только противъ всеобщности его. А такъ-какъ случай и исключеніе доказываютъ возможность

и вѣроятность факта, то оказывается, что г. Ламанскій говоритъ самъ противъ себя.

Впрочемъ, это не мѣшаетъ ему такъ группировать факты, чтобы можно было догадаться о крайней безпомощности Малорусскаго народа. Онъ говоритъ: «не упоминая уже объ ополяченіи множества Малорусскихъ семействъ, укажемъ только на ближайшихъ ихъ соплеменниковъ— Великороссіянъ и Поляковъ, которые по-долгу живутъ въ Малороссіи, отнюдь не теряя своей народности. Таковы слободы нашихъ раскольниковъ въ Черниговской губерніи. Такъ издавна живутъ въ Малороссіи не сотни, а тысячи Поляковъ, и не только не обращаются въ Малорусскихъ патріотовъ, но даже стараются ополячить Малороссовъ.» Все это такъ. Но нарушается ли цѣлость народныхъ элементовъ оттого, что личности отрываются отъ народной почвы, и притомъ въ то время, когда въ самомъ народѣ присутсвуетъ живое сознаніе народности—оппозиція противъ народнаго прозелитизма? Мы знаемъ, что многіе изъ Русскихъ по-происхожденію съ трудомъ объясняются по-русски, и что существуютъ цѣлыя тысячи офранцуженныхъ Русскихъ, которые развѣ потому только не французы, что Русскіе подданные. Что же отсюда слѣдуетъ? Только то, что эти нѣкоторые Русскіе выросли въ особенной, тепличной атмосферѣ, а не то, что весь народъ Русскій теряетъ въ этихъ прозелитахъ какія-нибудь существенныя черты своей народности. И потомъ, что удивительнаго, если раскольники и Поляки не смѣшиваются съ Малороссами, которымъ одинаково чуждъ и религіозно-обрядовый фанатизмъ первыхъ и національная исключительность послѣднихъ? Поляки столько же, если не меньше, дѣлаются Русскими, сколько Малороссами, и это не доказываетъ безсилія Русской націи, которая разлагаетъ даже Татарскую народность, не говоря уже о Нѣмецкой, противъ которой не могутъ устоять въ Пруссіи сами Поляки. Наконецъ, если нѣкоторые Малороссы ополячивались у себя дома, то другіе столько же дѣлаются Русскими въ Воронежской губерніи, сколько послѣдніе первыми, и даже совсѣмъ не русѣютъ въ Саратовской и Оренбургской губерніяхъ, какъ о томъ заявлено въ сентябрской книжкѣ *Основы*,—а это-вовсе не такой фактъ, чтобы можно было заключать о податливости Малорусской натуры къ уступкѣ своей народности, если только она не подвергается преднамѣренному и систематическому извращенію.

Но мы бы очень ошиблись, еслибы вообразили, что г. Ламанскій, сознавъ неустойчивость Малорусской народности, оставляетъ ее на про-

изволъ судьбы въ борьбѣ съ Поляками. Онъ великодушно даетъ ей оружіе, выкованное, впрочемъ, не въ Малороссіи. «Въ настоящее время,» говоритъ онъ, «когда для Малой и Великой Руси, обоюдными ихъ усиліями, выработанъ одинъ общій литературный языкъ, Русская литература и образованность, при всей своей недостаточности, все-таки богаче и серьезнѣе Польской. Притомъ же, Малороссіяне значительно многочисленнѣе Поляковъ, между-тѣмъ какъ борьба Поляковъ въ Пруссіи ведется съ могучею національностію, обладающею такими богатствами и сокровищами литературы и образованности, какихъ не имѣютъ не только Поляки но и всѣ Славянскіе народы въ-совокупности. Сверхъ того, въ борьбѣ своей съ Нѣмцами, не опираются, не расчитываютъ Поляки на помощь какого-нибудь соплеменнаго имъ народа.» Здѣсь вѣтеръ крѣпче, и уже можно различать, откуда онъ дуетъ... Желательно было бы знать, на какую это помощь соплеменнаго народа *сверхъ того* могутъ расчитывать Малоруссы въ общественной, а не политической, борьбѣ съ Поляками, кромѣ той моральной поддержки, которую, по увѣренію г. Ламанскаго, даетъ имъ Русскій народъ въ своемъ языкѣ и образованности? И затѣмъ, неужели, кромѣ численнаго перевѣса надъ Поляками, Малоруссы сами-по-себѣ не имѣютъ своихъ духовныхъ средствъ для борьбы съ ними, и всегда съ надеждой и умиленіемъ должны обращать свои взоры туда, гдѣ приготовляются для нихъ силы и орудія издателями Русскихъ газетъ и журналовъ, гдѣ существуетъ Русская литература — арсеналъ готовыхъ понятій и готоваго языка, дружелюбно для нихъ открытый?

Мы не предаемся простодушно лживымъ утѣшеніямъ: мы думаемъ, что для Малорусскаго народа борьба съ Поляками труднѣе, чѣмъ для послѣднихъ борьба съ Нѣмцами. Нѣмцы (Прусскіе) преимущественно дѣйствуютъ общечеловѣческимъ вліяніемъ, которое не поглощаетъ народности, если только она не вывѣтривается въ подражательности, въ погонѣ за чужимъ, безъ внутренняго усвоенія и переработки,—тогда какъ Польская пропаганда идетъ глубже — внутри племенныхъ отношеній. Всѣ богатства нѣмецкой науки и образованности—чужія деньги въ чужомъ карманѣ: ихъ нужно заработать,—между тѣмъ Польская рѣчь сама просится въ Малорусскій словарь, Польскія понятія скрытно пробираются въ Малорусскую жизнь, сколько по праву общеславянскаго происхожденія этихъ народовъ, столько же вслѣдствіе систематической полонизаціи Малорусскаго края. Чѣмъ больше одна народность различается отъ другой, тѣмъ легче каждой изъ

нихъ удержать свои черты, тѣмъ труднѣе стереться ихъ народному образу. Нѣмца легко различить отъ Славянина, но труднѣе пос лѣдне му различить себя отъ своего собрата.—Тѣмъ не менѣе, мы убѣж–дены, что Малорусскій народъ самъ въ себѣ долженъ искать опоры въ тѣхъ случаяхъ, когда посягаютъ на его народную личность, что его языкъ и литература—историческій органъ его личности—единствен–но–прочная сила, на которую онъ можетъ расчитывать, и что гото–выя формы, взятыя извнѣ, на–прокатъ, навязанныя сверху, и потому не сплоченныя органически съ его духовной натурой, такъ-же неудоб–ны для цѣлости ея, какъ и Польская пропаганда, подтачивающая корни ея снизу.

Но Малорусскій языкъ—языкъ селъ, а не цивилизованныхъ го–родовъ, Малорусская литература—созданіе народнаго духа, а не ли–тературнаго цеха... Не правда ли, какая странная претензія — заяв–лять ея права на самостоятельность? Что̀ это за литература, когда ее всю можно взять подъ мышку? И не потому ли только Малорусскій языкъ—не Русскій, что онъ—провинціальный языкъ? Какъ ни стран–ны эти мнѣнія, но онѣ только варіаціи мыслей, изложенныхъ въ статьѣ г. Ламанскаго,—варіаціи, повторяемыя на разные тоны даже въ об–разованномъ Русскомъ обществѣ.

«Мысль о возможности особой Малорусской литературы (а не мѣст–ной словесности) представляется намъ величайшей нелѣпостью...» А впрочемъ «Русины, подобно нашимъ Малоруссамъ, могутъ обрабо–тывать свой языкъ литературнымъ образомъ,» и слѣдовательно—«воз–можна и полезна особая *Малорусская словесность* рядомъ съ рус–ской литературой, Русской наукой и образованностью,» говоритъ г. Ламанскій, —полезна »*для домашняго обихода*,« дополняетъ самъ редакторъ *Дня*, г. Аксаковъ, въ примѣчаніи.

Нельзя высказаться съ бо́льшею наивностію и безцеремонностію и вмѣстѣ съ большимъ отсутствіемъ — логики. Малорусская литература разжалована въ мѣстную словесность. Что̀ жъ это за мѣстная сло–весность, какъ не особая литература? И допуская литературную об–работку Малорусскаго языка, не значитъ ли допускать особую Мало–русскую литературу? Такая спутанность понятій объясняется неловкимъ положеніемъ г. Ламанскаго между очевидностію факта (отсюда эти робкія слова »возможна,« »полезна,« и нудящею потребностію дать мѣсто своей теоріи. *Охота смертная, да участь горькая*..) Но всего забавнѣе этотъ шутовской взглядъ на народную литературу, на-

поминающій намъ того Тургеневскаго героя, который былъ убѣжденъ, что всѣ душевныя потребности Малорусса можно выразить словами: »граé-граé, воропáе.« Много ли, въ самомъ дѣлѣ, различаются слова »для домашняго обихода« отъ »воропáе,«—конечно относительно тона и смысла тѣхъ и другихъ? Глубоко возмущаетъ душу этотъ легкомысленный приговоръ, въ которомъ крайнее неуваженіе къ народу безобразно соединяется съ барскимъ непониманіемъ его силъ, естественности самостоятельнаго развитія—этого единственнаго условія, при которомъ только и возможно народу переступить за черту домашнихъ потребностей—съ правомъ личнаго участія въ общей жизни и вліянія на ея ходъ.

Языкъ науки не сразу создается, точно такъже, какъ и языкъ литературы; но послѣдній упреждаетъ своимъ появленіемъ первый. Сперва—жизнь, а потомъ сознаніе прожитого. Этому закону подчинялись Европейскіе языки, богатые литературой и наукой. Еще въ прошломъ столѣтіи, въ Германіи, классической странѣ науки, латынь господствовала въ школахъ: такъ-недавно передовой народъ мысли создалъ національный органъ ея. Не то было въ Россіи. Не имѣя науки, здѣсь еще въ прошломъ столѣтіи, на живую руку и по заказу, сколотили языкъ науки и нарядились въ него, какъ въ павлиньи перья. Отсюда этотъ рѣзкій историческій контрастъ: тяжолые и медленные шаги Нѣмца и быстрые скачки Русскаго человѣка, склоннаго къ похвальнымъ отзывамъ о собственныхъ успѣхахъ. Смыслъ Русской исторіи таковъ, что еще въ оны дни, вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ языкомъ, перешли на нашу туземную почву готовыя понятія и съ того времени началось раздвоеніе русскаго сознанія, религіозное и общественное реформой Петра, и доселѣ продолжающееся. Кто изъ мыслящихъ Русскихъ людей не замѣчалъ въ себѣ этаго раздвоенія? Мы знаемъ, что червь раздвоенія и даже разтроенія проточилъ насквозь и тѣхъ крѣпкихъ людей, которыхъ у насъ принято называть славянофилами; знаемъ, что они, подъ знаменемъ общеславянскихъ интересовъ (одинъ элементъ), сохраняютъ преобладающія симпатіи къ Великорусскому народу (другой элементъ)—симпатіи, выражаемыя тѣмъ торжественнымъ тономъ, который приличествуетъ надутому риторическому пафосу, а не прямому, практическому пониманію жизни (третій элементъ). Но какъ-только мы сознали историческое зло, то оно перестаетъ быть для насъ слѣпой судьбой, и мы должны овладѣть собой для борьбы съ нимъ. Странно, а такъ выходитъ, что—въ наше вре-

мя—сторонники двоевѣрія—люди, вышедшіе изъ школы Кирѣевскаго и Хомякова, философствовавшихъ о непосредственности и цѣльности русской натуры. Съ проповѣдью о любви къ народу, они хотятъ тянуть его на тѣ подмостки, на которыя сами успѣли взобраться, а то, что онъ говоритъ про себя, они принимаютъ только къ свѣдѣнію. Пусть говоритъ себѣ—«для домашняго обихода». И зачѣмъ ему своя особая литература, когда у него нѣтъ даже грамматики? Мы, люди образованные, имѣемъ ее: намъ литература къ лицу, а съ него довольно и мѣстной словесности!..

Мы говоримъ о Малорусскомъ народѣ, какъ половинѣ одного Русскаго племени и неисключаемъ его изъ общерусской исторіи, хотя и не сливаемъ, подобно г. Ламанскому, его прошедшую жизнь съ жизнію великорусскаго народа до того безразличія, чтобы считать русскій литературный языкъ въ одинаковой мѣрѣ достояніемъ Великоруссовъ и Малоруссовъ. Suum cuique. Всѣ мы хорошо знаемъ, что съ Ломоносова началась свѣтская литература въ Россіи, и хотя онъ оставилъ стихіи церковно-славянскаго языка для парадныхъ случаевъ, для высокаго штиля, но уже это словцо *штиль* показываетъ, что съ его времени, и даже раньше, начали вторгаться въ образованную Русскую рѣчь иностранныя слова; съ другой стороны, и самъ Ломоносовъ принялъ Московское нарѣчіе, и только вооружался противъ такъ называемыхъ *подлыхъ* словъ, долженствовавшихъ, по его теоріи, остаться безъ употребленія,—знаемъ, что въ слѣдствіе особеннаго характера реформъ въ XVIII ст., касавшихся по-преимуществу государства и высшихъ сословій, литература того времени на-столько была народной, на-сколько могло сохранить народность общество, захваченное крутыми реформами, наводненное приливомъ чуждыхъ элементовъ. Народу, недавно только тронутому реформой, Русская Литература и до сихъ поръ почти terra ignota; но все же Великорусскій народъ, среди котораго совершилась реформа древняго книжнаго языка, изъ котораго вышелъ отецъ Русской литературы, находится въ болѣе прямыхъ отношеніяхъ къ ней, чѣмъ Малороссы, издавна говорившіе на своемъ собственномъ языкѣ и не внесшіе народныхъ элементовъ своей рѣчи въ составъ русскаго литературнаго языка. А надъ чѣмъ они *непосредственно* не трудились, того и не хотятъ считать своею *прямою* собственностію, и потому замѣчаніе г. Ламанскаго, что «отказавшись отъ Великорусскаго языка, который въ основѣ своей одинаково принадлежитъ и Малороссамъ, они бы отказались отъ значительной части

своего прошедшаго, своей исторіи»,—само собою ограничивается тѣмъ обстоятельствомъ, что Великорусскій языкъ—и народный и литературный, не есть ближайшій и прямой органъ Малороссовъ.

Что́ касается до самой исторіи, то г. Ламанскій начинаетъ ее издалека,—потому что «Русскій литературный языкъ», говоритъ онъ, «образованъ не со вчерашняго дня и не Ломоносовымъ.» Онъ ссылается на церковно-славянскій языкъ, какъ такую почву, которая обща и Великорусскому и Малорусскому языкамъ, и изъ которой, между прочимъ, возникъ Русскій литературный языкъ. Мы въ правѣ подумать, что между этимъ послѣднимъ и болгарскимъ, сербскимъ и чешскимъ языками нѣтъ существенно — типическаго различія, потому что всѣ они относятся къ церковно-славянскому языку точно также, какъ и литературный Русскій языкъ.

Мы совершенно согласны съ г. Ламанскимъ, что общность церковно-славянскаго языка для Великороссовъ и Малороссовъ — ключъ къ уразумѣнію того факта, что книжный языкъ тѣхъ и другихъ, и послѣ раздѣленія Руси на Великую и Малую, почти одинаковъ. Но былъ ли этотъ книжный языкъ—языкомъ народнаго сознанія? Спустился ли онъ до народнаго міросозерцанія и слился ли съ народною жизнію въ такой степени, чтобъ быть непосредственнымъ и прямымъ ея выраженіемъ? Нѣтъ, жизнь шла своимъ чередомъ, независимо отъ лѣтописей, отъ этого книжнаго воспроизведенія ея. Языкъ лѣтописей—былъ готовый языкъ. И такъ-какъ, по особеннымъ условіямъ Русской исторіи, народъ мало принималъ участія въ его развитіи, то оно шло, такъ-сказать, на поверхности народной жизни, не обновляясь извнутри ея свѣжими силами, и потому шло въ такомъ направленіи, которое не обѣщало будущности. Языкъ лѣтописей—не самородный языкъ, а принятый, но подвергшійся, въ извѣстной степени, туземному вліянію Русской рѣчи. А если такъ, то совершенно справедливо, что Русскій литературный языкъ образованъ не Ломоносовымъ, т. е. что онъ получилъ условное книжное направленіе до Ломоносова.

Для насъ не столько важно то́, ка́къ думали и говорили книжки о народѣ, а то́, ка́къ самъ народъ думалъ и говорилъ о себѣ. Конечно, памятники нашей старины болѣе или менѣе отражаютъ въ себѣ эпоху, но свѣдѣнія, которыя они сообщаютъ историку, никогда не могутъ замѣнить самосознанія народнаго, которое возможно подъ условіемъ самодѣятельнаго народнаго творчества. О народности языка можно судить только по чисто-народнымъ памятни-

камъ. Г. Ламанскій утверждаетъ, что «множество южнорусскихъ сочиненій XVI и XVII в. писаны тѣмъ же языкомъ, какимъ писали въ то время въ Москвѣ, Новгородѣ, Вологдѣ, Поморскихъ городахъ.» Пусть и такъ. Но, именно, это были *сочиненія*, вышедшія изъ головы книжниковъ, а не изъ народнаго сознанія. Справедливо, что «южнорусскіе ученые и писатели, съ конца XVII в. почти до самого Ломоносова, имѣли огромное вліяніе на Русскій языкъ, имѣли, по видимому, всѣ средства образовать Русскій литературный языкъ на Малорусской основѣ». Но если бы они трудились для этой цѣли и не достигли ея—тогда другое дѣло. А то имъ и въ голову не приходило, что существуетъ наука внѣ школы, что можно учиться у народа. Смотрицкій, первый славянскій грамматикъ, написалъ на западно-русскомъ языкѣ предисловіе къ церковно-славянской, а не малорусской, грамматикѣ: сознанія индивидуальности языка не было, и вообще Малорусская образованность XVII и XVIII в. неимѣла прочныхъ корней въ народѣ: въ учебникахъ принято называть ее схоластической. Самъ Ломоносовъ, посѣтившій Кіевскую Академію, не нашелъ въ ея школьной премудрости того, чего искалъ. Поэтому, какъ бы ни велики были услуги Малорусскихъ ученыхъ для Русскаго литературнаго языка, исторически онѣ не обязываютъ Малороссовъ къ принятію навсегда русскаго языка языкомъ школы и науки. Нельзя сказать, чтобы книжная Малорусская образованность XVII в. была внѣ всякихъ солидарныхъ отношеній къ самой жизни народа; но она не была прямымъ и непосредственнымъ выраженіемъ жизни, и вопросы, попадавшіе въ школу изъ жизни, тотчасъ подвергались извѣстнымъ пріемамъ схоластическаго ума, вносились въ общія готовыя категоріи, и затѣмъ уже рѣшались по правиламъ учебника. Безспорно, южнорусскія школы XVII в. защищали религіозные интересы народа, въ то время смѣшанные съ политическими, но защищали далеко не согласно съ простотой и безъискуственностію народнаго воззрѣнія, такъ—что школы походили на присутственныя мѣста, въ которыхъ рѣшались дѣла́ для пользы народа, но безъ всякаго самостоятельнаго участія народной мысли въ самомъ процессѣ рѣшенія. Мы не противъ схоластики того времени; она имѣетъ свою историческую заслугу: и въ непріятельскомъ лагерѣ сражались тѣмъ же оружіемъ. Но дѣло въ томъ, что послѣ того, какъ защита интересовъ народа вручена была школамъ, сами школы не черпали изъ глубины народнаго духа его образовъ и понятій, и не въ укоръ себѣ, выражались такимъ языкомъ,

который, конечно, былъ понятенъ противникамъ и доморощеннымъ начетчикамъ, за то не понятенъ народу. А если южнорусскіе ученые XVII в., по самому складу и направленію своей учености, не были *непосредственными* представителями Малорусскаго народа, то и въ такомъ случаѣ, еслибы они еще до Ломоносова создали Русскій литературный языкъ,—все-таки онъ былъ бы только *посредственнымъ* органомъ для Малороссовъ и, затѣмъ, самостоятельное существованіе ихъ непосредственнаго органа, ихъ литературы, съ ея прошедшимъ и будущимъ, все-таки было бы законнымъ и неприкосновеннымъ правомъ, ими полученнымъ *отъ природы и ихъ собственной исторіи*. Очевидно, путешествія Кіевскихъ и Виленскихъ ученыхъ въ Москву и дѣятельность ихъ тамъ не есть существенное явленіе эпизодъ Малорусской исторіи, на который можно бы было ссылаться въ доказательство того, что Малорусскій народъ участвовалъ своими собственными средствами въ образованіи русскаго литературнаго языка.

Нѣтъ сомнѣнія, что Великорусская и Малорусская народности родственны другъ другу, что между ними дѣйствительно существуетъ взаимное тяготѣніе, доказанное исторіей, но это внутреннее единство всего русскаго племени не исключаетъ народныхъ типовъ, не нарушается существованіемъ у Малороссовъ особаго языка и особой литературы, и можетъ быть мыслимо совсѣмъ не подъ формой quasi—общаго языка, выработаннаго на сѣверѣ, въ Великой Россіи. Всякая попытка ограничить полноправность одной народности есть посягательство теоріи на исторію, теоріи, которая противорѣчитъ сама себѣ, такъ-какъ изъ-за нея выглядываетъ худо-замаскированная народная исключительность. Г. Ламанскій допускаетъ мысль и отрицаетъ выводъ: если есть двѣ Русскія народности, то есть и два Русскіе языка, и должны быть двѣ отдѣльныя и самостоятельныя литературы. Иначе, т. е. съ признаніемъ мысли г. Ламанскаго безъ вывода, произойдетъ такая перестановка понятій: на мѣсто *русскаго патріотизма* будетъ *великорусскій* патріотизмъ. Поэтому, мы считаемъ одинаково фальшивымъ какъ тонъ оракула, въ который впадаетъ г. Ламянскій, утверждая, что Малороссы никогда не создадутъ языка науки и образованности, такъ и тонъ примирителя, замѣтный въ слѣдующихъ словахъ: «по-нашему, одинаково нелѣпо роптать ли на судьбу и обижаться такимъ выводомъ, (что самостоятельная Малорусская литература немыслима), или гордиться имъ и видѣть въ этомъ обстоятельствѣ умственное превосходство Великороссовъ надъ Малороссіянами!»

Такой выводъ существуетъ въ статьѣ г. Ламанскаго, а не въ жизни; поэтому, если и возможны ропотъ Малороссовъ и гордость Великороссовъ, то не иначе, какъ подъ условіемъ крайняго невѣжества тѣхъ и другихъ. Вообще—относиться неуважительно къ проявленію самостоятельной народной силы, и тономъ зловѣщей птицы вызывать изъ будущаго ложные страхи,—дѣло недостойное людей, постоянно заявляющихъ въ печати свое уваженіе и любовь ко всякой Славянской народности,—дѣло, впрочемъ, само себя объявляющее искуственной йдеей общерусскаго патріотизма и общерусскаго славянства.

Г. Ламанскій думаетъ, что »и въ настоящее время, нарѣчіе Великорусское и Малорусское не отличаются между собою *множествомъ* важныхъ и рѣзкихъ особенностей. До конца же XIV в., и даже позже, онѣ были незначительны, если не совершенно ничтожны. Такъ было съ живымъ народнымъ языкомъ.« Мы не возражаемъ противъ послѣдней мысли г. Ламанскаго. Точно, чѣмъ дальше въ глубь исторіи, тѣмъ общѣе и неуловимѣе образъ народа: онъ теряется въ полумракѣ эпической старины. Нѣтъ ничего страннаго, что до XIV, или лучше до XIII в., т. е. до Татарскаго погрома, языкъ, напр., Кіевскаго княжества мало различался отъ языка Новгородскаго и Владимірскаго; а раньше, когда жизнь Руси была сосредоточена въ Кіевѣ и великій водный путь по Днѣпру былъ главнымъ русломъ нашей исторіи, нынѣшніе Великорусскій и Малорусскій языки существовали совершенно слитно, какъ въ зернѣ. Не то́ теперь. Спросите у Великорусскаго простолюдина, какого онъ мнѣнія о хохлѣ? Вотъ онъ странствуетъ по Малороссіи съ Суздальскимъ хламомъ. Онъ пришелъ изъ-за Клязьмы, просвѣщать хохловъ, т. е., какъ онъ выражается, *въ дурацкую землю хлѣбъ пьсть*, и съ этой цѣлью распространяетъ въ этой землѣ поучительныя изображенія такихъ событій, какъ мыши кота погребаютъ и т. п. Часто можно видѣть на ярмаркахъ въ Малороссіи Суздальца, внушающаго неразумнымъ *хохлишкамъ*, что »*Москва—золотая маковка*« и т. д. Тонъ его высокомѣренъ: это чисто народная черта, напоминающая древнюю Русь, не стертая временемъ и даже образованіемъ, чему живой примѣръ Славянофилы. Но такъ-какъ голова его свободна отъ утопическихъ теорій, то онъ навѣрное вамъ скажетъ, что у *хохла и душа хохлацкая*, что онъ не то-что *нашъ братъ—Орловскій или Володимірскій*, что у него и рѣчь не *расѣйская*.

Говоря это, мы, повидимому, ставимъ противъ себя громадный фактъ, именно тотъ, что Шевченко понятенъ Великорусскому простолюдину,

какъ и Малорусскому. Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, Шевченко писалъ на Малорусскомъ языкѣ, а не на Великорусскомъ, по капризу своей натуры, а не по внутренней неотразимой необходимости творчества? Почему онъ ничего не спѣлъ намъ

Про Парашу,
Радость нашу,—

и на приглашенія брать сюжеты изъ великорусской жизни и писать Русскимъ литературнымъ языкомъ, отвѣчалъ:

Те́плий кожу́хъ!—тілько шко̀да—
Не на ме́не ши́тий?

Не ясное ли дѣло, что онъ не хотѣлъ насиловать себя, потому что не хотѣлъ двоиться? Высокое художество всегда искренно, вѣрно жизни: иначе оно не можетъ быть ея воплощеніемъ; иначе оно пустая экзальтація, фальшивая фраза. Слово поэта тогда только проникаетъ нашу душу сладостью и разъѣдающей горечью ощущенія, когда само оно есть жизнь. Сло́ва нельзя оторвать отъ жизни. Ея типичность теряетъ свой цвѣтъ и запахъ на чужомъ языкѣ—потому что этотъ послѣдній выработанъ на чужой почвѣ, и имѣетъ другіе соки. Онъ всегда будетъ, относительно чужого понятія, приставкой, не сплоченной съ нимъ органически.

Я на-сторо̀жі коло іхъ
Поста̀влю *сло́во*. И поні́че
Нена́че сто́птана трава
И ду́мка ва̀ша и слова́.

(Шевченко.)

Этому закону слитности слова съ жизнію подчинилось и великое слово Шевченка, и велико оно именно тѣмъ, что подчинилось ему. Вотъ тайна того громаднаго вліянія, которое производитъ Шевченко не на Малороссовъ однихъ, но на всѣхъ, у кого есть живое человѣческое сердце. Онъ воспроизвелъ жизнь Украины въ блескѣ и сіяніи неумирающей красоты, и въ этомъ смыслѣ онъ поэтъ объективный. Но въ тоже время онъ дитя Украины, кость отъ костей ея и плоть отъ плоти ея, и вмѣстѣ отецъ ея словесности. Такимъ образомъ

1) условіе творче́ства — типъ—и по скольку типична жизнь, по стольку возможно творческое ея воспроизведеніе; 2) между творческою силою поэта и типомъ стои́тъ сло́во: оно, съ одной стороны, есть результатъ, выработанный своеобразною жизнію народа, съ другой сто-

роны—найлучшій матеріалъ для воплощенія ея содержанія въ цѣльный поэтическій образъ.

Выводъ очевиденъ: если Шевченко былъ художникъ, а не писатель только Малорусскихъ стиховъ, то необходимымъ условіемъ его художественнаго творчества былъ 1) типъ, вмѣщающій въ себѣ все своеобразное строеніе жизни и 2) такая рѣчь, такое слово, которое было бы необходимымъ атрибутомъ типа и формулировало всѣ оттѣнки и индивидуальныя черты его.

Такой типъ—Малорусская народность; такое слово—Малорусскій языкъ.

Но самостоятельность Малорусскаго языка, опредѣляясь изъ внутреннихъ законовъ поэтическаго творчества, нисколько не нарушается его общедоступностію для Великоруссовъ—образованныхъ и необразованныхъ. Въ лексическомъ составѣ языка нужно различать двѣ стороны: корни его—до-историческое достояніе всѣхъ народностей, составляющихъ одну семью, и флексіи, приставки и пр.—матеріалъ, выработанный исторіей. Отношеніе первой къ послѣдней такое же, какое существуетъ между канвой и рисункомъ. Очевидно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о языкахъ, близко родственныхъ другъ другу, индивидуальность ихъ опредѣляется главнымъ образомъ историческимъ, а не доисторическимъ, элементомъ. Дать преобладающее значеніе этому послѣднему—значитъ слить два различные языка въ одинъ. Совсѣмъ другое дѣло, если лексиконъ языка мы будемъ разсматривать, какъ созданіе исторіи народной, — хотя, конечно, и этотъ взглядъ долженъ быть ограничиваемъ первымъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы, не нарушая правъ самостоятельности языка, устранить мечтательное убѣжденіе въ его рѣзкой особенности, въ его исключительной натурѣ. Часто случается, что матеріальный составъ слова звучитъ совершенно одинаково и въ Великорусскомъ и въ Малорусскомъ языкѣ, но конкретный оттѣнокъ того же слова — такой въ одномъ, другой — въ другомъ языкѣ, и больше того: одно и тоже слово заключаетъ въ себѣ два различныя представленія въ двухъ различныхъ языкахъ. Таково напр. Малорусское слово »рокъ,« соотвѣтствующее Великорусскому »годъ.« Эпическая связь между ними сразу замѣтна: Славянинъ представлялъ неизмѣнное теченіе времени высшимъ опредѣленіемъ судьбы. Это понятіе и осталось въ Великорусскомъ »рокъ.« Но весь широкій объемъ понятія, по двумъ Русскимъ народностямъ, распался на двѣ части,—такъ-что практическое употребленіе этаго слова въ жизни той

и другой народности очень различно. Родственные языки много имѣютъ такихъ общихъ словъ; но не лексическая сторона ихъ составляетъ индивидуальность языка, а вся сумма своеобразныхъ воззрѣній и представленій, усвоенныхъ словомъ, жизнію и исторіей.

Малорусскій языкъ явился на памяти исторіи, и нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя индивидуальныя черты его были общи и языку того народа, который впослѣдствіи назвался Великорусскимъ, были общи до того времени, пока Русь не распалась на двѣ половины—каждая съ своей особой исторической судьбой, и съ этого времени эти черты начали обозначаться рѣзче и рѣзче по настоятельному вызову исторіи. И такъ-какъ Малорусскій языкъ, кромѣ до-исторической почвы, имѣетъ съ Великорусскимъ и историческую общую почву, и притомъ въ размѣрѣ нѣсколькихъ столѣтій, то, очевидно, этотъ фактъ только усложняетъ трудъ разграниченія двухъ языковъ, но не устраняетъ его. Конечно, если бы исторія была безъ перерывовъ и крутыхъ поворотовъ, мысль о народныхъ типахъ внутри одной племенной семьи, была бы пустой мечтой, чуждой логическаго и практическаго смысла. Но на зло всѣмъ проэктированнымъ началамъ и воззрѣніямъ существуютъ эти типы...

И вотъ предъ нами живая исторія—истинно-народная, Украинская поэзія Шевченка...

Но народный языкъ г. Ламанскій прямо называетъ французскимъ patois, т. е. провинціализмомъ. Непостижимо страненъ этотъ взглядъ привиллегированной образованности на народный языкъ въ наше время, когда не замерли еще послѣдніе звуки поэзіи Шевченка, когда въ этомъ patois великій поэтъ открылъ глубину своеобразной силы, и такимъ образомъ возстановилъ народную личность, упрочивъ ей навсегда свободный и самостоятельный органъ въ языкѣ, на которомъ самъ писалъ. Языкъ—свободный органъ духа: онъ чуждъ аристократизма и всякихъ условныхъ рубрикъ, придуманныхъ цивилизаторами. Его полнота — должна быть полнотой жизни, безотносительно къ кастамъ и раздѣленіямъ, въ ней существующимъ. Поэтому, для насъ одинаково смѣшонъ, какъ шляхетскій гоноръ Поляковъ, обзывающихъ Малорусскій языкъ *хлопской мовой*, такъ и вельможная деликатность Великоруссовъ, употребляющихъ для этой цѣли французское выраженіе, и утверждающихъ, что Малорусскій языкъ навсегда останется языкомъ простонародья, а не школы и образованности. Но не ужъ-то, въ самомъ дѣлѣ, Русскій языкъ имѣетъ монополію быть органомъ на-

уки, проводникомъ образованности? Неужъто Малорусскій языкъ, потому только, что ближе къ сердцу народа—»на этомъ только и основывается вся законность литературнаго Малорусскаго нарѣчія,» говоритъ г. Ламанскій, не лишенъ этого жалкаго, какъ будто вышрошеннаго, права существованія? Не-ужъ-то, кромѣ этого права, у него нѣтъ полнаго права гражданства въ семьѣ Славянскихъ языковъ, утвержденнаго свидѣтельствомъ фактовъ неотразимыхъ?

На всѣ эти вопросы отвѣчаетъ общеславянская, общерусская и, въ тоже время, строго Малорусская поэзія Шевченка. Она результатъ прошедшаго и свидѣтельство настоящаго. И то далекое прошедшее, въ которомъ историкъ ничего не различаетъ, кромѣ темныхъ очертаній, когда Малорусская народность еще не выдѣлилась изъ общаго Славянскаго рода, и то прошедшее, когда она, слитно съ Великорусскою, является однимъ видомъ,—и то, наконецъ, когда она, силою исторіи, обособляется, какъ отдѣльный видъ,—все это вошло въ поэзію Шевченка, какъ въ одинъ общій и широкій потокъ. Она вводитъ Малорусскую народность въ семью Славянскихъ народовъ, какъ индивидуальное цѣлое, какъ живую личность,—личность, слѣдовательно, типически-различающуюся и отъ Польскаго народа и отъ Великорусскаго.

Какому народу она ближе и родственнѣе — это другой вопросъ, Поляки рѣшаютъ его по-своему, Русскіе—по-своему.

Что́ касается до первыхъ, то мы и не трудились бы надъ разоблаченіемъ той громадной исторической лжи, которую они распространяютъ и въ Украинѣ и за границею, еслибы мнѣніе относительно этого вопроса очень уважаемаго нами ученаго не благопріятствовало до нѣкоторой степени польскимъ притязаніямъ. Мы положительно не согласны съ г. Костомаровымъ въ томъ, что въ духовномъ организмѣ Малорусскаго народа больше общихъ сочувственныхъ сторонъ съ Польской націей, чѣмъ съ Великорусской (*), — хотя и не утверждаемъ наоборотъ, т. е. не отрицаемъ его мысли, что Малорусскій типъ не вполнѣ сходенъ съ Великорусскимъ, и что тотъ и другой составляютъ внутри одного племени противоположность гармоніи, — мысли, подтверждаемой имъ различіемъ историческихъ началъ, вы-

(*) Въ статьѣ Н. Ив. Костомарова (Двѣ русскія народности, *Основа, мартъ 1861 г.*) ясно показано, въ чемъ заключается и сходство и *различіе* польской и южнорусской народностей между собою.

Ред.

работанныхъ двумя Русскими народностями. Но Малорусское начало личности и Польское сословное начало, Малорусская демократія и Польская олигархія... что́ тутъ общаго? Сермяжный, сельскій людъ Украины, съ его созерцательной натурой, съ его смѣхомъ, то полнымъ ѣдкаго горя, то наивнымъ и сердечнымъ... что́ тутъ общаго съ бравурнымъ характеромъ Польской націи, гордящейся своимъ сходствомъ съ французскимъ народомъ?

Поки Рось зове́тця Ро́ссю,
Дніпро́ въ мо́ре лле́тця,
Поти се́рце Украінське
Зъ па́нськимъ не зживе́тця.

Что́ касается до Великорусскаго народа, то точки соприкосновенія между нимъ и Малорусскимъ народомъ—это общія воспоминанія изъ первой эпохи ихъ исторической жизни, и въ наше время—общіе интересы—общественные, религіозные и даже научные,—научные, во-первыхъ потому что отношеніе Русскихъ и Малорусскихъ писателей къ общечеловѣческой наукѣ почти одинаково, и Русская литература до-сихъ-поръ только выработала научный языкъ, что́ достижимо и для Малорусской литературы, позднѣе и не безъ успѣха заявившей такія попытки, но таже Русская литература не внесла еще самостоятельнаго вклада въ общечеловѣческую науку, какъ и Малорусская,—во-вторыхъ, потому что до настоящаго времени Русскій научный языкъ остается чуждымъ народу, и стало-быть, въ этомъ отношеніи, и Русская и Малорусская литературы имѣютъ совершенное равенство.

Но если мы чужды національной исключительности, если мы желаемъ развитія всѣхъ силъ, вложенныхъ природою въ одно великое Русское племя, желаемъ, чтобы ни одна изъ нихъ не была запугана и слемана, чтобы задачи, указанныя этому племени исторіей, разрѣшались свободно, естественно и цѣлостно: то, не противорѣча себѣ, мы не можемъ, во имя искуственной идеи, насиловать дѣйствительность, не можемъ брать на себя отвѣтственность предъ цѣлой Руской землей, кипящей разнообразными и богатыми силами,—отвѣтственности за общія цѣли ея, которыя до тѣхъ поръ, будутъ мечтательнымъ идеаломъ, пока мы будемъ упорно отрицать своеобразное стремленіе къ ихъ достиженію. Мы называемъ себя общерусскими патріотами: зачѣмъ же, закрывъ глаза, мы однимъ почеркомъ пера хотимъ вычеркнуть изъ общерусской природы еще одну силу, такъ ярко засіявшую недавно въ поэзіи Шевченка? Зачѣмъ, со злорадымъ чувствомъ, мы представляемъ

Малорусскимъ писателямъ дѣлать свое дѣло для того только, чтобы они сами когда-нибудь горько посмѣялись надъ своимъ трудомъ, а не для того, чтобы этотъ трудъ внесъ новое самостоятельное начало въ общерусскую жизнь? (См. 8 № *Дня*, прим. редакціи къ статьѣ г. Кулиша). Кто мы—друзья, или враги своей родной земли?.. Нѣтъ, долгъ мыслящаго человѣка—встрѣтить новую силу съ уваженіемъ и приводить ее на путь развитія съ благожеланіемъ. Только люди, эгоистически и самодовольно погруженные въ созерцаніе ими изобрѣтенной и любимой идеи, могутъ поступать иначе. Если правда, что Малорусскій народъ въ самомъ строѣ своей духовной природы похожъ болѣе на самого-себя, чѣмъ на кого-нибудь,—что̀ неотразимо доказалъ Шевченко своей поэзіей и Костомаровъ—исторіей (въ статьѣ «Двѣ русскія народности»): то что̀ мѣшаетъ ему понимать и воспроизводить идеалы, присущіе всему Русскому племени, по-своему, и рядомъ съ Великорусской народностью итти къ одной цѣли, только своею дорогой? Вѣдь отъ этого не пострадаетъ полнота общерусской жизни, а развѣ только упадетъ въ цѣнѣ одна нечеловѣчная и древняя, какъ сама Москва, теорія, находящая, къ сожалѣнію, еще и въ наше время, своихъ защитниковъ и почитателей.

Желая мыслить и писать по-своему, Малоруссы не выгораживаютъ себя изъ общерусской жизни. На-столько они еще послѣдовательны и правдивы, чтобы склониться предъ опредѣленіемъ исторіи, которая создала ихъ типическій образъ, и вмѣстѣ, сближая ихъ съ Великорусскимъ народомъ, доказала ихъ кровное братство съ нимъ и, слѣдовательно, единство ихъ общеплеменныхъ стремленій, пока еще невыясненныхъ въ общечеловѣческой жизни. Предъ нами—живое слово и дѣло—понятная для Великорусскаго народа и непереводимая на Великорусскій языкъ поэзія Шевченка. Рѣчь его такъ-разительно сходна съ Русской рѣчью: казалось бы, что̀ можетъ быть проще, какъ читать его по-русски, употребляя русское произношеніе? И для чего писалъ онъ по-Малорусски? А между тѣмъ, каждое слово его—свое, не украденное изъ чужого языка, не вычитанное въ Русскихъ книгахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—въ немъ, этомъ общерусскомъ словѣ съ деревенскимъ, *хохлацкимъ* произношеніемъ, звучитъ такая самородная жизнь, что не внять этому звуку—значитъ не имѣть ушей, или умышленно закрыть ихъ. Это соединеніе двухъ противоположныхъ свойствъ — сходства и различія — и есть въ поэзіи Шевченка свидѣтельство настоящаго,—свидѣтельство той неоспоримой истины, что Малорусскій языкъ, съ

одной стороны, обнимаетъ цѣлый міръ своеобразныхъ понятій и представленій, и, какъ органъ духовной личности народа, строго индивидуаленъ,—съ другой стороны, что этотъ языкъ—общерусскаго происхожденія и состава, что первоначальныя стихіи его принадлежатъ всему Русскому племени, отчего онъ и доступенъ Русскому народу. Это послѣднее свойство его снимаетъ съ его конкретныхъ особенностей ту мертвящую исключительность, которая изгоняетъ изъ слова общій смыслъ и осуждаетъ его на вѣчную неподвижность. Мы очень понимаемъ, что, устраняя себя отъ участія въ общерусской жизни, Малоруссы произнесли бы смертный приговоръ своей словесности—потому что они пошлибы, въ этомъ случаѣ, противъ исторіи,—и знаемъ, что они могутъ жить этой общей жизнію самостоятельно, не прибѣгая къ безполезному и непроизводительному для нихъ займу у другихъ ума и языка. Довольно всѣ мы насмотрѣлись на печальныя послѣдствія того безоглядnаго подражанія, которое породило въ Русскомъ обществѣ тысячи скороспѣлыхъ космополитовъ, имѣющихъ притязаніе понимать все, быть всѣмъ вообще и—въ-сущности, не быть ничѣмъ опредѣленнымъ,—которое внесло въ Русскую натуру противорѣчащіе, непереваримые элементы,—чѣмъ, впрочемъ, иногда пользовался Русскій патріотизмъ для выраженія остроумной догадки, что въ Русскомъ морѣ должны слиться не только всѣ славянскіе ручьи, но и ручьи всемірной цивилизаціи, и въ этой цѣльной, звукоподражательной Русской натурѣ получить свое примиреніе.

Но—*оставимъ мертвыя погребсти своя мертвецы*... Мы думаемъ, что жизнь нельзя вдвинуть ни въ тѣсныя, ни въ широкія рамки,—ни замкнуть ее безвыходно въ сферу чистой индивидуальности, ни лишить ее индивидуальности: пусть лучше она сама извнутри себя раскрывается, и сама себя опредѣляетъ. Поэтому, вопросъ о томъ, какъ и что возьметъ Малорусская литература у Русской науки и образованности, долженъ рѣшиться практически и притомъ самимъ Малорусскимъ народомъ, а никакъ не трибуналомъ Русскихъ патріотовъ, которые не могутъ понять Русскихъ интересовъ на другомъ языкѣ, кромѣ своего собственнаго, и своею исключительностію нарушаютъ равновѣсіе силъ всего Русскаго племени. Эти миссіонеры просвѣщенія, дѣйствующіе подъ знаменемъ народности, забыли, что народъ прежде всего требуетъ отъ своихъ воспитателей уваженія къ его собственному міровоззрѣнію, выработанному вдали отъ школы, и что это именно міровоззрѣніе есть точка опоры, отъ которой должно пойти все его

будущее развитіе. Отрѣшить народъ отъ этой почвы — значитъ раздвоить его натуру, значитъ обезпечить вѣчное существованіе двухъ смѣшныхъ категорій — общества и народа, (какъ будто народъ — не общество, а стадо овецъ), которыя у насъ имѣютъ сословный характеръ. Первая — съ титуломъ образованной, послѣдняя... но всѣ мы знаемъ, какъ въ Россіи называютъ народъ... Къ первымъ будутъ принадлежать или жалкіе и безцвѣтные *перевертні*, наклоняющіеся въ ту сторону, откуда сильнѣе вѣтеръ, или люди, окончательно изсушившіе въ себѣ живую струю народной силы, а за чертою этого привиллегированнаго круга будетъ стоять все тотъ же темный людъ, съ его непонятной думой, съ его честной, отвергнутой душой.

Пусть бы мы еще не знали этого горькаго опыта,—пусть бы не имѣли живого урока...

А впрочемъ,—къ чему намъ урокъ?.. Доктрина на то и существуетъ, чтобы быть выше урока, чтобы учить, взмостившись на риторическія ходули, а не учиться. Бѣлое она можетъ назвать чернымъ, и наоборотъ: для чего ей общее мнѣніе, когда у нея есть свое? Извѣстно, что Шевченко пробовалъ свой поэтическій геній на литературномъ Русскомъ языкѣ: матеріалъ оказался чуждымъ его натурѣ, и его »Тризна« вышла дюжиннымъ произведеніемъ записнаго Русскаго риомача. Казалось бы, послѣ этого, люди, толкующіе о своей любви къ родной землѣ, умолкнутъ, если только прежде у нихъ оставалась хоть тѣнь сомнѣнія на-счетъ того, быть, или не быть Малорусской литературѣ, какъ самостоятельному органу общерусской мысли, развиться ли ей въ полный цвѣтъ самородной жизни, или это ложь, мечта, и она должна зачахнуть, какъ хилое растѣніе, показавшееся на свѣтъ божій въ дурную погоду? Нѣтъ, они все повторяютъ зады, и наперекоръ факту, во-очію совершившемуся, добиваются того, чтобы все своеобразное стушевать и вдвинуть въ одну общую готовую категорію. Право, когда подумаешь, до какой наивности доходитъ иногда эта добродушная навязчивость героевъ Русскаго патріотизма,—такъ и хочется сказать о нихъ: не вѣдятъ они, что́ творятъ. Что́, еслибы, въ самомъ дѣлѣ, Шевченко послушался ихъ? Куда бы дѣвались эти »Наймички« и »Катерины,« и многое, многое другое? Куда бы дѣвалось великое, всеславянское, имя Шевченка? Оно бы распустилось, какъ капля, во всероссійскомъ морѣ. За то Русская литература обогатилась бы лишними виршами и стихосплетеніями, похожими болѣе на вымочки, чѣмъ на живое слово.

Все сказанное нами до-сихъ-поръ достаточно объясняетъ степень различія между нашимъ воззрѣніемъ на Малорусскую литературу и тѣмъ, которое высказано въ статьѣ г. Ламанскаго. Различіе полное: мы стоимъ за естественное, поступательное развитіе Малорусскаго народа извнутри его; Русскіе патріоты, усматривая въ существованіи Малорусской литерартуры фактъ, не подходящій подъ уровень и характеръ обыкновенныхъ явленій Русской исторіи, предлагаютъ обратный путь—сверху внизъ. Не говоря уже о томъ, на-сколько состоятеленъ ихъ взглядъ предъ судомъ самой нелицепріятной критики—жизни,—той, конечно, которая свободна отъ насилія и искусственности,—мы не можемъ раздѣлять его, потому-что строго различаемъ Великорусскую народность отъ Малорусской, различаемъ по праву, нами доказанному. Еслибы та и другая были одно, то не могло бы быть и спора о томъ, долженъ ли Малорусскій народъ подвергнуться синтетической операціи со стороны Русской литературы, какъ Великорусскій. Но такъ какъ Малорусская литература—явленіе—глубоко своеобразное, потому самому, что она идетъ отъ центра къ радіусамъ, а не наоборотъ, какъ Русская,—такъ-какъ она начинаетъ съ объективной ширины народнаго міросозерцанія, на которую должна вступить и Русская литература, въ интересѣ своего дальнѣйшаго и болѣе правильнаго развитія,—и такъ-какъ, съ другой стороны, эта послѣдняя гораздо богаче Малорусской общими понятіями: то обѣ онѣ нуждаются одна въ другой и взаимно себя восполняютъ. Это даетъ Малорусскому народу право быть индивидуумомъ, личностію, и съ другой стороны, вводитъ эту личность, какъ самостоятельную силу, въ общерусскій міръ для общечеловѣческихъ стремленій, успѣхъ которыхъ зависитъ отъ равновѣсія и полноправности обѣихъ народностей. Такимъ образомъ, удѣльное значеніе Малорусской литературы—условіе, sine qua non; иначе—она никогда не проявитъ свойственной ей силы.

Трудно ли понять эту простую и ясную, какъ день Божій, истину—въ наше время, когда народъ призванъ къ самостоятельной жизни, когда въ самомъ обществѣ Русскомъ возникъ запросъ на народную мысль, и оно ждетъ своего обновленія снизу, и когда, въ отвѣтъ на этотъ запросъ, раздался сильный и твердый голосъ пробуждающагося Малорусскаго народа,—сильный, именно, чистонароднымъ тономъ, народной рѣчью?

Но уже тотъ безспорный фактъ, что Малорусская литература имѣетъ общій интересъ, что она живой и самостоятельный членъ обще-

русской мысли, при всей своей индивидуальности и подъ ея охраной, — доказываетъ, что она создается не на пескѣ, а на твердой почвѣ, и въ своемъ настоящемъ имѣетъ прочные залоги будущаго развитія; что она достаточно опредѣлилась для того, чтобы не затереться въ журнальномъ хламѣ, подъ вліяніемъ цивилизаторскихъ внушеній Русскихъ патріотовъ. Сомнѣваться въ этомъ могутъ только они—патріоты-скептики. Но всякому свое: имъ—теорія, намъ—жизнь; имъ—проповѣдь, намъ—дѣло; имъ ораторское искуство до самоослѣпленія и самооглушенія, намъ—зрѣніе и слухъ... Намъ—убѣжденіе, что судьба Украинскаго языка и литературы зависитъ отъ самого народа, который, помѣрѣ своего собственнаго развитія, опредѣляясь изъ внутренней необходимости своей натуры, усвоитъ изъ Русской образованности не то, что̀ дадутъ ему добрые и великодушные люди, а то, на что̀ укажетъ ему его народный геній, съ правомъ, въ свою очередь воздѣйствовать и на Русскую литературу; намъ—убѣжденіе, что сдвинуть міросозерцаніе народа, воплощенное въ его языкѣ, безпорядочнымъ вторженіемъ сверху иныхъ формъ съ инымъ содержаніемъ—Русской образованности съ ея языкомъ, долженствующей быть искомымъ началомъ, а не навязаннымъ извнѣ, — значитъ вообразить себѣ на мѣсто живой народной души грифельную доску, на которой можно писать что́-угодно,—значитъ предложить Малорусскому народу рисковый скачокъ, и такимъ образомъ умножить до безконечности массу тѣхъ умственныхъ калѣкъ, которыхъ и безъ того довольно въ Малороссіи, и которые составляютъ ея больную сторону, ея разлагающее начало.

П. Житецкій.

Кіевъ.
11 декабря 1861 года.

РОКОВИНИ ПО ШЕВЧЕНКОВІ,

місяця лютого, 26-го дня, 1862 року.

Шануючи святу память великого кобзаря, зібралась чесна громада петербурська, въ роковини его смерти, до церкви Введеня, на панахиду. Проспівавши ему вічную память, зазвавъ до себе громадянъ високоповажний земляк нашъ, протоерей Платонъ Ѳедоровичъ Менчицъ. Якъ обнісъ панъ-отецъ усіхъ коливомъ съ кутею, справляючи предковічню славьянську тризну по кобзареві, ставъ тоді посередъ громадянъ П. А. Кулішъ и промовивъ таке слово:

»Шановна громадо!

»Якъ умеръ нашъ батько Тарасъ, зразъ усі заговорили, що бъ то вчинити на ознаку громадськоі до его шанобы? Надумалась громада що-неділі докупи збиратись и по копі въ скарбовню складувати, на підмогу убогимъ братамъ на Вкраіні. Всі ми, шановне товариство, знаемо, що то за вбогий людъ, наші темні брати-хліборобі. Живуть они и досі такъ, наче тільки-що зъ великого потопу вихопились: насилу хатину собі сякъ-такъ складе и тільки-що не заступомъ землю пахае; годящий тесля, ручий коваль де-не-де по селахъ знайдетця, а про столярну роботу хочъ и не згадуй. Бо й справді трудно селянинові свого сина добре навчити якого ремества. Треба дитину въ городъ майстрові на годи завдати, мовъ у яку неволю втирити, а майстеръ ще зъ неі городянина зробить, ушкати, штокати, душею кривити навчить, та й усима звичаями одъ селянъ одрізнить. Отожъ то наші хліборобы не дуже кваплятця дітей своіхъ у ремество вправляти; а тимъ часомъ що-року більше треба людямъ тесель, ковалівъ, столярівъ и иншихъ ремесниківъ по всіхъ нашихъ селахъ. Зважила громада, якъби то воно було добре, колибъ нашъ пахарь мавъ куди оддати дитину до ремесноі науки такъ, щобъ нічого за науку не платити и годами не одбувати: отъ и надумалась збирати грошi про таку народню нужду. вехай би зъявилась хочъ одна безплатня ремесна школа на Вкраіні, то певна була бъ надія, що зъ неі вродилась би и друга и третя й десята. Покинувъ би нашъ сільский людъ городи городянамъ, а въ селахъ мавъ би въ себе свои ремества про господарську нужду. Хто слухае се просте слово зъ розумомъ, тому не треба широко розводити, яка бъ то велика користь була народові одъ сего по-

вого за́сіву. Ска́жемо тільки, що ні пи́шнимъ мавзоле́ємъ, ні солодкоголо́сою хвало́ю не зроби́ли бъ ми на́шому ба́тькові Тара́су такої шано́би, якъ симъ ти́химъ братолю́бнимъ по́двигомъ. Оце́ жъ блага́ю васъ, шано́вне товари́ство, ши́рте ви свою ду́мку святу́ поміжъ земляка́ми и вся́кого до́брого спо́собу добіра́йте, я́къби швидче на́шимъ брата́мъ-хліборо́бамъ допомогти́ въ іхъ вели́кій ну́жді. Не зупиня́йтесь, пано́ве коза́цтво, тимъ, що му́сите мали́мъ ко́штомъ вели́ке діло почина́ти. Тутъ поча́токъ діла більше зава́жить, аніжъ вели́кі гро́ші. Почина́йте зъ мало́го, зъ найме́ншого, тільки не гайте ча́су. Аби́ ва́ша ду́мка ста́лася діломъ, то вже вона́ сама́ за васъ по всій Украіні працюва́тиме. Неха́й нашъ братъ хліборо́бъ зна́е, що дба́е хтось про ёго́ кра́щу до́лю не одни́ми тільки друко́ваними річа́ми. Одного́ сёго́, здае́тця мінї, бу́де, щобъ нашъ мали́й поча́токъ ста́вся вели́кимъ наро́днімъ діломъ.

Яки́ ма́емо до сёго́ ча́су грошові за́соби и звідкіля́ ще іхъ добу́ти, про те и́ншимъ ча́сомъ рахува́тимемъ; а тепе́ръ, ра́ди святбі спо́минки про ба́тька Тара́са, ще знему́ річъ про те, що не всі ми ёго́ ро́бомъ хо́димо. Ма́ло міжъ на́ми таки́хъ люде́й, що слу́жбу своє́му наро́дові вважа́ють найви́счимъ діломъ своімъ, хочъ би довело́сь и въ вели́кій ну́жді ёму́ служи́ти. Скільки ми зна́емо молодиківъ, що ма́рне на чужій чужи́ні пропада́ють, здоро́вья псую́ть, молоди́ми си́лами вя́нуть, а чого́ добива́ютця?... химе́рної пихи́, пікче́мної ця́цьки, або́ гро́шей—того́ жидівського ща́стя!... Ще бъ не та́къ було́ жаль, коли́бъ се були́ людці, якъ-то ка́жуть, *пи́щи ду́хомъ;* а то́ ні! Не оди́нъ би зъ нихъ, підъ случа́й, гербемъ ста́вся, на смерть пішо́въ би, всю худо́бу на свяге́ діло одда́въ би. Чомъ же симъ лю́дямъ не вчини́тись би ти́хими, незна́ними въ исто́рії, гербя́ми добра́ людського? Чомъ би зъ нихъ не обібра́тись хочъ на сей случа́й такому, що сказа́въ би грома́ді: »Отъ вамъ, пано́ве бра́ття, моя́ молода́ си́ла и вся моя́ до́ля! Оддаю́ себе́ на кори́сть людську́, не бажа́ючи ні сла́ви, ні гро́шей за свою́ пра́цю!« И неха́й би таки́й чоловікъ поки́нувъ городя́нські прима́нки, засівъ у яко́му селі и поча́въ мали́мъ грома́дськимъ ко́штомъ вели́ке діло наро́дне робити́: оце́ бувъ би по́двигъ, пра́ведний по́двигъ! Не ди́во бага́тимъ ска́рбомъ трясти́ и зо́лотомъ люде́й підъ свою́ во́лю нагина́ти. Намъ пізвідкіля сподіва́тись гро́шей вели́кихъ: въ насъ одна́ надія—підня́ти духъ наро́дній на підмо́гу наро́днімъ ну́ждамъ, а ду́хъ наро́дній по́ти не підніме́тця, по́ки лю́де просвіще́ні не ввій-

дуть у наро́дню се́мъю рідними брата́ми. Дорі́ка́ють намъ збо́ку—и попра́вді дорі́ка́ють—що ми свій людъ тільки сло́вомъ коха́емо. Якъ же намъ га́ньби сіе́і збу́тися? Одни́мъ тільки — увійти́ въ убо́гу́, неписьме́нну, се́мъю наро́дню рідними брата́ми. Дя́кувати Бо́гові, вже й роспочало́сь таке́ приміръя просвіще́ннихъ братівъ съ те́мними и бага́тшихъ зъ убо́жшими. Чуе́мо зъ Украіни, що вже не въ одному́ селі розу́мна голова́, зна́ючи до́бре, по чімъ ківшъ ли́ха, зна́ючи па́нство й городя́нство,—надъ сільски́мъ лю́домъ, зъ ёго во́лі, ота-ману́е. Почала́ ожива́ти Вкраіна; не скрізь уже́ по се́лахъ тума-ніють лю́де; е́ кому́ щиру пра́вду селя́намъ говори́ти. Оттепе́ръ же то са́ме й пора́, пано́ве товари́ство, ко́жному зъ насъ чужі звича́і ки́дати, па́ньски цяцьки́ занедбо́вувати, на городя́ньскі за́манки не вважа́ти и, хто якъ змо́же, у сільський людъ увихо́дити. Въ сіль-скому бо лю́дові, въ ёго́ незопсо́ваній ище́ нату́рі, вся на́ша під-мо́га на да́льші ча́си. Тільки еди́ною зъ нимъ вели́кою семъе́ю усто́імо ми на своій рідній землі и не попу́стимо ії въ чужі ру́ки.«

Слідо́мъ за нимъ знявъ річъ Вс. П. Кохо́вський ти́ми слова́ми:

»Че́сна грома́до!

»Смерть Тарасова вразила насъ въ саме серце. Всімъ вінъ бувъ дорогий и рідний, всі жъ-то его любили и поважали. Ще за життя его́ ми вже знали, чого́ вінъ сто́іть для Украіни, ще за життя его склали ему ціну.

»Якъ умеръ Тарасъ, ми не знали чимъ лучче его́ помьяну́ти,— и поминаемо ёго́ не такъ якъ иншихъ поминаемо: що одправимо панахиду, попоімо й попопьемо, та й н ігадки до новихъ поминокъ! Ні! Ми заходи́лись укріпить его памьять по всій Украіні — на віки вішні. Заходились постановити ему живи́й, нерукотворний памьят-никъ,—та ще й не одинъ. Гаразду!

»И припечатали сю нашу думку, и оповістили про неі ввесь миръ Украінський. Та й тільки жъ то! Бо, хутко побачили, що ми— сама голота; що нема, и довго не буде, у насъ снаги, наші думки виконати. Вибачте, братчики, за слово: схо́жі ми ста́ли на ту си-ницю Криловську—що похвали́лась море запали́ти. Отъ-що!

»Та я ще такъ думаю. Хочъ би ми мали и багато грошей, хочъ би ми були и незнать–які дуки--богачі, то й тоді бъ наші думки такъ би й остались себі: думками та й годі! Яка зъ насъ громада? Яке слово непохи́бне, правди́ве, изрекли ми за сей годъ? Яке діло зробили одностайне? Якъ ми, у громаді, поводились братъ

изъ братомъ? Яку нашу думку підкріпіли самимъ діломъ?—Э! люде добрі, братй милі! Високо ми літаемъ, та сідаемъ низенько.

»Тарасъ сказавъ гóлосно слово правди—и ніяки муки не примусили его змінить тому слову; и десятилітьня тяжка́ неволя не надломила его, не то що. Тó бувъ чоловікъ! Тó бувъ громадя́нинъ справедли́вий! Тóй любивъ Украíну! А ми що?! Ми тілько гомонимо гарно, а проте, наше слово легшъ одъ пуху; и за вітромъ полетить, коли хто дмухне га́раздъ.

»Хиба жъ ми виконали завітъ Тарасівъ? Йшли ми хиба тоею стежкою, котрою простувавъ Тарасъ?...

»Помьянімъ же, кохані братчики, Тараса тимъ, що слово его приймемъ у саму душу. Переймемъ собі его правду; будьмо одностайні, будьмо рівні! Поважаймо діло громадське; полюбімъ щи́ро Украíну нашу убогу.

»Нехай, по́ки-що, хочъ наша невеличка громада буде нерукотворнимъ, живимъ надгрібкомъ Тарасові. Нехай хочъ ми себе напу́тимо такъ жити, якъ вінъ учивъ и словомъ своíмъ теплимъ и щиримъ, и життéмъ своíмъ довгимъ — бо тяжкимъ.

»Не поснемó жъ, брати моі, надъ ёго́ домовиною, щобъ не довело́сь прокинутьця тоді вже, — якъ »наста́не судъ! Заговó́рить и Дніпро́ и го́ри... «

Чéсний господа́рь, панъ-оте́ць Ме́нчицъ, шанува́въ грома́ду ви́нами, меда́ми и вся́кими наідками. Зага́ялись у ёго громадя́не довге́нько, розмовля́ючи ши́роко про вся́кі грома́дські спра́ви; хто мавъ при собі гро́ші, склада́въ у грома́дську скарбо́вню на наро́дні потребй́зни, щобъ ши́ршало письме́нство и вся́ка до́бра наука на Вкраíні. Після то́го, заспівала грома́да своіхъ старосвіцькихъ пова́жнихъ пісе́нь про ті страше́нні ча́си, якъ наші пре́дки бідува́ли та бідýючи се́рце собі гартува́ли, про ті вели́кі, незабу́ті ча́си, якъ у всіхъ у насъ була́ во́ля и ду́ма еди́на, про ті гіркúі ро́ки, якъ свої своіхъ підко́пували и чужо́му підъ но́ги підверта́ли; заспіва́ла грома́да, вкупі посумува́ла, по́тімъ подякувала че́сному господареві и розійшла́сь, обнови́вшись ду́хомъ висо́кимъ, котóримъ живъ, та й намъ ёго́ завітува́въ, нашъ ба́тько Тара́съ.

По́тімъ надійшли́ до насъ звістки, якъ шанува́ли па́мьять кобза́ре́ву по и́ншихъ грома́дахъ.

У Льво́вському *Сло́ві* сповісти́ли дале́кі на́ші брати́-громадя́не

про́ панахи́ду рокову́ по Тара́севі, облямува́вши смутну́ спо́минку чо́рною печа́тнёю стрічкою. Полта́вська грома́да ви́пустила съ тако́ю жъ стрічкою листо́къ-оповістку, ти́ми слова́ми:

»*Оповістка.*

»25 сёго лютого (февраля), 1-оі години зранку, у Срітенській »церкві, правитиметця, після служби, годова панахида по покійному »Украінському поэтові, Тарасу Григоровичу Шевченкові. Котрі ша»нують талантъ и памьять незабутнёго поэта, завита́ють до Бо»жого храму«.

Харьківська грома́да споряди́ла, на па́мьять сме́рти Тара́совоі, музи́чний и чита́льний ве́чіръ, а що зі́брали съ товари́ства за слухання, те обе́рну́ли на книжки́ про ну́жду про́стого лю́ду. Що-року му́сить вона́, зъ умо́ви своéі, та́къ велича́ти *рокови́ну Тара́сову*, щобъ съ то́го була́ кори́сть убо́гимъ брата́мъ-земляка́мъ. Пра́вили панахи́ду по Шевче́нкові ще Ки́івська грома́да, Чернігівська грома́да и грома́да Катериносла́вська.

Такъ нашъ вели́кий поэтъ, уме́рши, живе́ у вся́кій че́сній душі украі́нській, а ёго́ па́мять оберта́етця на кори́сть бідола́шнёму лю́дові, що вже поча́въ бувъ до землі ни́кнути, мовъ степова́ трава́, ви́бита, ви́топтана, уся́кимъ на́іздомъ непра́вимъ ви́травлена. За сей сумни́й рікъ, що ба́тька Тара́са на світі нема́е, сумна́ Вкраіна голоснійше почала́ ззива́ти у еди́ну се́мью вірнихъ діте́й своіхъ. Схо́дятця порі́знені, черезъ уся́ке лука́вство, небожа́та недільніми *Тарасовими вечорами* и, на вічний спо́минъ ёго́, дба́ють про підмо́гу своімъ брата́мъ, найбілшъ правобочноі над-Дніпрянськоі Украіни, затума́ненимъ ома́ною, заля́канимъ наха́бою, зве́денимъ зъ да́внёго пра́ведного шля́ху наро́днёго. Ще по́рано хвали́тись до́брими вчи́нками на пожи́токъ наро́дній, а вся́ке ба́чить и зна́е, що но́вимъ яки́мся життя́мъ живе́ Украіна після́ Тара́са и що́ тамъ ні ко́ять по воро́жихъ кага́лахъ, що́ ні виду́мують, я́къ би те життя́ зупини́ти,—воно́ ши́рше та ши́рше виявля́етця, кого́ диву́ючи, кого́ се́рдючи, а кого́—то й ляка́ючи. Ляка́етця, звісно, людська́ непра́вда, постерега́ючи, на чімъ стоя́ть розрізнені черезъ не́і діти сла́вноі Украіни: стоя́ть на пра́вді, пра́вдою вони́ себе́ підде́ржують и обороня́ють, одъ еди́ноі пра́вди вся́кого добра́ свое́му наро́дові сподіва́ютця.

Сла́ва жъ тобі, ба́тьку Тара́се, по всі вічні ро́ки, що ти намъ ви́явивъ забу́ту на́шу пра́вду своімъ проро́чимъ сло́вомъ! *Все мине́тця, одна́ пра́вда зостае́тця,* гово́рить послó́вицею нашъ убогій селяни́нъ; а ти ёго́ ти́хий го́лосъ претвори́въ у голосну́, висо́ку и сла́вну, пісню. По́ки світъ–со́нця, по́ти не замо́вкне твоя́ пісня животворя́ща, и бу́де вона́ для насъ ніби стя́гомъ вели́кимъ, ви́днимъ съ кра́ю землі до кра́ю. Усе́ живе́, усе́ правди́ве, усе́ че́сне и до діла гаря́че, збира́тиметця навкруги́ сёго́ славе́тного стя́гу... взна́ють и нашу се́мью по всёму́ світу!

ИЗВѢСТІЕ

ОБЪ ОБѢДѢ, 5 МАРТА 1862 ГОДА, ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, ПО СЛУЧАЮ ГОДОВЩИНЫ СМЕРТИ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

19 февраля, нѣкоторые литераторы вспомнили о Шевченкѣ, какъ замѣчательнѣйшемъ и благороднѣйшемъ явленіи изъ крѣпостнаго сословія, и предложили дружески помянуть поэта въ день его смерти. Съ этою мыслью назначенъ былъ, на 26 февраля, обѣдъ въ *Шахматномъ Клубѣ*, преимущественно посѣщаемомъ писателями, но въ этотъ день, по случайнымъ причинамъ, онъ не состоялся, и былъ отложенъ до 5 марта. Не смотря на то, что объ этомъ обѣдѣ не было извѣщено въ газетахъ, больше 70 человѣкъ, безъ различія народностей, изъявили желаніе въ немъ участвовать: въ числѣ ихъ были не только Украинцы, Великоруссы и Поляки, но и Нѣмцы. Въ концѣ обѣда, одинъ изъ участниковъ *Основы*, наиболѣе обязанной, своимъ началомъ, Шевченку, предложилъ въ память поэта тостъ »за здоровье и благостояніе освобождаемыхъ крестьянъ–братьевъ Шевченка, вся жизнь и поэзія котораго была проникнута заботливой думой объ ихъ участи. Тостъ этотъ былъ встрѣченъ съ особеннымъ участіемъ: ничѣмъ нельзя выразить больше уваженія къ памяти нашего дорогаго Кобзаря, какъ любовью къ живымъ его братьямъ – *крепакáмъ*. Вслѣдъ за тостомъ, почтенное собраніе отъ ближайшихъ друзей Шевченка потребовало слова. Никто не думалъ говорить рѣчи на обѣдѣ и, потому, никто не былъ готовъ достойнымъ образомъ отвѣ–

чать на этотъ вызовъ. Но дружески-настойчивыя требованія продолжались и, благодаря П. А. Кулишу, были удовлетворены; онъ всталъ и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Господа!

«Мы собрались для того, чтобы почтить память украинскаго поэта Шевченка. Къ нашему удивленію, мы, Украинцы, видимъ здѣсь представителей другихъ народностей гораздо больше, чѣмъ соотечественниковъ знаменитаго нашего кобзаря. Но это удивленіе поражаетъ насъ пріятно: мы видимъ, что не для однихъ насъ дорога его память. Почему же именно память Шевченка такъ дорога для всѣхъ народностей славянскихъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ очень легко. Онъ вышелъ изъ той убогой массы, которая до-сихъ поръ прямо или косвенно была лишена правъ гражданскихъ. У представителей каждой народности нѣкоторымъ образомъ лежитъ на совѣсти память о томъ, какъ долго оставался въ забвеніи,, если не въ пренебреженіи, многочисленнѣйшій классъ населенія роднаго края, какъ долго его живыя силы не имѣли возможности развиваться на общенародную пользу.

«Въ наше время, всѣ мыслящіе люди уразумѣли важность самодѣятельности низшаго слоя гражданскаго общества, самаго здороваго слоя, самаго богатаго запасомъ свѣжихъ еще силъ: и потому-то простонародье, къ которому принадлежалъ Шевченко, возбуждаетъ къ себѣ особенную симпатію. Это простонародье не всегда было такимъ, какимъ знаютъ его наши современники. Былъ у него моментъ энергической самодѣятельности,—короткій, но блистательный, моментъ. Къ сожалѣнію, предводители его не соотвѣтствовали тому идеалу добра и правды, который оно глубоко носило въ душѣ своей. Предводители эти уронили его достоинство въ глазахъ сосѣдей и, гоняясь за личными выгодами, довели его до того жалкаго состоянія, въ какомъ оно представляется нашему наблюденію. Но натура этого простонародья не измѣнилась: оно говоритъ тѣмъ же языкомъ, что́ и говорило, свято хранитъ тѣ же обычаи, которыми отличалось и за два вѣка до насъ; а что глубина чувства не измѣнила ему, это всего очевиднѣе изъ того, что оно дало намъ такого талантливаго, такого энергическаго представителя своего въ лицѣ Шевченка. Поэтому-то и самъ Шевченко, съ его самобытнымъ умомъ и талантомъ, съ его глубокимъ чувствомъ, съ его побѣдоносною силою слова, такъ дорогъ каждому представителю какой бы то ни было народности. Поэтому и мы, собравшіеся здѣсь, будучи большею частію далеки между со-

бою по занятіямъ и даже вовсе незнакомы, соединились въ дружеской бесѣдѣ, ради общаго всѣмъ намъ уваженія къ человѣку, который вышелъ изъ низменной простонародной среды и, силою горячей любви къ ней, занялъ высокое мѣсто между поэтами. И такъ, выпьемъ за просвѣщеніе и благоденствіе той убогой массы, для которой жилъ и за которую страдалъ Шевченко!»

Рѣчь г. Кулиша вызвала живѣйшее сочувствіе.—Для большинства Великоруссовъ, вѣроятно, было любопытно услышать, что́ скажутъ, поповоду Шевченка, Поляки, и потому требованія сло́ва продолжались. Вл. Д. Спасовичъ также уступилъ настояніямъ собранія и въ немногихъ словахъ выразилъ ту вѣрную мысль, что хотя еще не настало время вожделѣнной братской любви между разрозненными народностями, но уже приблизилось время для взаимной справедливости другъ къ другу, а это, естественно,поведетъ къ тому, что три извѣстныя народности соединятся въ дружномъ стремленіи къ одной цѣли—освобожденію народа.

Не смотря, однакожъ, на рѣчи гг. Кулиша и Спасовича, общество оставило обѣдъ невполнѣ удовлетворенное: многіе ожидали услыхать, что́ думаютъ Великоруссы о поэтѣ, который, по обширности своихъ идей, по силѣ и высокой правдѣ своей поэзіи, принадлежитъ не одному украинскому, но всему славянскому, міру.

У́СТНЯ МО́ВА ЗЪ НАУ́КИ.

Слово зъ бо́ку.

Живучи́ въ столи́ці, дале́ко одъ Украіни рідної, розважа́емо ми се́рце тимъ, що збіра́емось грома́дами, ніби на вечерни́ці, то въ одного то въ дру́гого земляка́. Тутъ про вся́чину гу́торимо и, скільки на́шої мо́ги, дба́емо про добро́ рідного на́шого кра́ю и ёго́ убо́гого лю́ду. Вбача́е товари́ство, які ми гости́нці подаемо́ на Вкраіну. Хочъ не бага́то, а все жъ кра́ще, ніжъ нічо́го: все жъ таки́ до́брі лю́де ба́чять и сѣрцемъ радіють, що ми іхъ не забува́емо,—не спаніли тутъ живучи́. Поміжъ иншими бесе́дами нашими, знявъ я сло́во про те, що нема́ въ насъ жа́дної нау́ки, рідною мо́вою зло́женої. »Не га́рне діло, пано́ве громадо«, мовля́въ я, »що ми своє́ рідне сло́во лю́бимо, а ніде не прочу́емъ, щобъ у́чено дітей по-на́шому!

Шкода́ жалкува́тись намъ на того́ да на сёго́... Коли́ бъ оце́ за́разъ передъ на́ми була́ така́ шко́ла, въ которій про що́ хочъ говори́ріднимъ сло́вомъ, то не бага́то зъ насъ обібралось би таки́хъ учи́телівъ, що змогли́ бъ ви́словитись по-сво́ёму про вся́ку річъ нау́чню. Не тоді, пано́ве—бра́ття, хорти́ годува́ти, якъ на полюва́ння іхати. Трѣба намъ заздалегідь хочь пома́лу гото́витись. Неха́й оди́нъ візьметця за одну́ нау́ку, а дру́гий за дру́гу, та й помізку́е самъ собі, я́къ би її рідною мо́вою зложити, та, прийшо́вши въ грома́ду, и проговори́ть части́ну яку́, такъ, ніби грома́да—ёго у́чні, а вінъ учи́тель, Ми жъ, слу́хаючи, будемо запи́сувати, противъ чо́го мо́жна змага́тись, коли́ не такъ ви́словився, або́ не туди́ ро́зумомъ ки́нувъ. Отъ и и́ншимъ громади́намъ бу́де нау́ка и сама́ практика.«

Спаси́бі імъ, знайшли́сь такі лю́де, що мене́ послу́хали: змо́вились, кому́ про які ре́чі научні мо́ву въ грома́ді ма́ти, и оце́ високоповажний Володько́ Нечу́я спро́бовавъ свого́ сло́ва — росказа́въ намъ »про дощъ« таки́мъ скла́домъ, якъ ніби ми були́ певчені селя́не. Залюбки́ ми ёго́ слу́хали и проси́ли, щобъ вінъ положи́въ свою мо́ву на папе́ръ, та й подали́ до дру́ку у *Основу*. Неха́й ся мо́ва иде́ по до́брихъ лю́дяхъ на взіръ, я́къ тре́ба вели́ке ді́ло рідної освіти роспочина́ти (*).

П. Кулішъ.

ПРО ДОЩЪ.

(*Спроба*)

Передне слово.

Лучча мині доля судилася аніжъ иншимъ оружнимъ людямъ зъ мого товариства. Замісь муштри щоденної—дали мині школу.

За три роки мавъ я часу придивитись, яка велика жадоба у

(*) Зъ правди́вою ра́дістю уміща́емо ми *спро́бу* (»спи́тъ«, »до́питъ«) високоповажного добро́дія, Володька́ Нечу́і, и сло́во П. А. Куліша́ до украінської грома́ди. Не бага́цько тутъ гово́рено, та бага́то ска́зано; а *розумній голові—до́сить дві слові*.—За ці́ею *спро́бою* ми напечата́емо й и́нши, а на-самъ передъ—в. п. Ст. Д. Но́са, котри́й давно́ вже приложи́въ свое́ знатте народньої мо́ви до нау́чніхъ предме́тівъ. Дай намъ Боже шви́дче того́ ча́су дожда́ти, коли мо́жна бу́де на́шою рідною мо́вою ясно ви́явити усе́, що чу́е и розумі́е душа́ Украінця. *Ред.*

прóстихъ людей до освіти. Найкраща, наймилійша имъ та наука (опрічъ Св. Письма) котора оповідае про землю, сонце, місяць; про те, одчого бувае день и нічъ, літо и зіма, и про воздушні яви, наприкладъ: дощъ, снігъ, и инше.

Учивши москалівъ (жовнірівъ) письменства, ми дбали и про те, щобъ зробити зъ нихъ людей здатнійшихъ для війська, и про те, що якъ вийдуть вони «*у чисту*», щобъ були учителями народу.

Нашою думкою було, щобъ *наукою* мусили вони годуватись до віку; щобъ вже не швендяли по усіхъ усюдахъ випрошуючи и ви-манюючи шматокъ хліба, а булибъ потрібні-люде для громади сільскоі.

Тимъ-то повинні ми були, учивши іхъ письма, вважати на те, зъ якого народу призвано іхъ до війська.

Маючи у школі земляківъ своіхъ, задумавъ я списати для нихъ, нашою мовою, те, що потрібно знати усякій людині.

Подаючи одну изъ моіхъ річей до земляківъ-школярівъ въ печать, маю надію, що дотепнійши, прочитавши сю *спробу*, вкажуть моі помилки. Ще буде лучче, коли вони замісь мого, може недоладнёго слова, підіймуть до народу нашого свое, голоснійше и розумнійше.

Нічого ши́роко річъ розводити про те яке добро той дощъ у насъ. Усякий хліборобъ добре зважывъ, що безъ дощу не буде хліба, а безъ хліба и грошенятъ дасть-Бігъ!

Теперь завчасто доводитця чувати, якъ люде сумуючи жалкують на те, що світъ змінився. «У старовину, кажуть, було не такъ якъ теперъ. И хлібъ тоді родивъ лучче, и дощі частійшъ перепадали... и таки зовсімъ легше жилось хліборобові. А теперъ е, дивись, трохи не що року, засуха; а тутъ ще внадилась сарана, та дорожнета така настала...що лихо та й годі! Не знаешъ, якъ ёго й жити у світі!»

— «Се Богъ милосердний, за гріхі наші, розсердивсь,» додають инші: тимъ Вінъ и посилае засуху та сарану. Звісно, — чоловікъ тільки й обернетця до Бога, якъ ёго лихо спіткае!»

Э, люде добрі, люде добрі! Богъ милосердний—не панъ, а ми Ему не кріпаками доводимось. Се пану можно втішати себе помстою,—а Бога сами жъ ви взиваете милосерднимъ. Богъ—правда. А хибажъ булабъ правда, колибъ Вінъ почавъ насъ карати за те що не такі ми, якъ треба? Що наша сила противъ Его сили? Аджежъ, якъ заведутця битись парубокъ зъ малимъ хлопчикомъ, то чи не-

налаете ви парубка? Ні, люде добрі, и налаете, та ще й прочухана доброго дасте, щобъ не заводився зъ хлопьяткомъ, коли знае, що певно ёго подужае. Такъ чи до ладу жъ воно буде, коли Богъ всемогучий втішатиметця надъ нами помстою такою? Ні, панове, обернімось трошки на себе, та поміркуймо, чи не ми сами винні тому, що світъ такъ змінився, якъ кажуть старі люде?

Занехаемъ до иншоі розмови сарану ту, а поведемо річъ про те, кого обвиноватить треба за засуху, що трохи, мовлявъ, не кожне літо у насъ гостюе?

Може довідаемось міркуючи, чи не брешуть и тиі, що кажуть, буцімъ відьми крадуть зъ неба хмари, та у глечики іхъ заховують?

Попереду подумаймо, відкіля беретця дощъ, та намітимо собі, що у Бога законъ одинъ: що для великого, що для малого. Отъ наприкладъ: візьми у миску води зъ річки и постанови на сонце. Побачишъ, що въ мисці вода випаряетця точнісінько такъ, якъ и въ річці,—якъ и въ морі, коли хочешъ. Нехай постоіть та миска зъ водою довше на сонці — то вся вода въ ій висохне, впьять таки такъ, якъ пересихають и річки одъ тогожъ сонця, у велику засуху.

Усяке бачило, що якъ налити у казанокъ води, та становити ёго на вогонь, то вода нагріваючись, пускае одъ себе пару, и ій все меншае у казаночку. Кудижъ вона пропадае? — Певно що *вода одъ нагріванія беретця парою, и підіймаетця у-гору.*

Наука дозналась, що ся *пара*—тіжъ манесенькі водяні крапельки и що вони *на холоді перероблюютця* вже у більшенькі краплі, мовлявъ, дощові.

Намітимо жъ собі сі два порядки. Якъ би накрити сей казанокъ зъ водою якою покришкою, та подивитись, що у казанку робитця, то побачили бъ, якъ пара, підіймаючись отъ води, сідае на холодну покришку, а потімъ, збігаетця (по звісному вже намъ закону) у крапельки. Далі, сі крапельки дощикомъ падають у той же казанокъ, відкіля взялись парою.

Таке жъ саме вбачаемо и въ лазні. Коли ій натоплять тепло, то вода, що скрізь по долівці порозливана, пускае одъ себе пару. Та пара сідае на холодну стелю, и збігаетця по ій у водяні краплі. Сі краплі все важчають одъ нового пару що прибувае, и коли вже не можуть, одъ своеі ваги вдержатись по-підъ стелею,—то падають на долівку дощичкомъ.

Подивимось, пани-браття, чи не тежъ саме робитця и на землі?

Аджежъ ми собі памітили, що у Бога законъ однаковий що для великого, що для малого.

По великій обширі земноі, опрічъ суходілу, багато води у моряхъ, річкахъ, озерахъ, ставкахъ и решті. Що день Божій, гріе сонечко сю воду. Що жъ зъ нею робитця?

Ми знаемо́ законъ, що вода одъ нагрівання (чи великого те́пла) беретця парою и підіймаетця геть у гору. Повинно й тутъ такъ бути. Підіймаетця и тутъ пара одъ води геть-геть у високу високість.

Наука дознала, що по високій високості холоднійше аніжъ у насъ, на землі (*).

Отъ же, тая пара одъ води, підіймаючись у високості, перероблятця одъ холоду у дощові краплі. Сі краплі такі маненькі, що якъ-би взять одну зъ нихъ, то й окомъ не можна уздріти. По́ки пара парою — то намъ й не можна ii бачити; съ того жъ часу, якъ зъ неі поробились, крапельки, — ми ii вбачаемо и *хмарою* зовемо.

Коли що треба сю появу прирівняти до чого, то вже не до чого иншого ii порівняемъ якъ до тоі пари що зібралась на холодній покрисці надъ казанкомъ, або по-підъ стелею у лазні.

Тамъ ми вбачали, що краплі більшали й важчали — поки, одъ своеі ваги, не падали у низъ. Тутъ, у небі, тежъ саме. Спочатку хмара легесенька и рідесенька; дивлячись зъ землі, ми, кризь неі, вбачаемо й сонце. Далі, вона густіе одъ новоі пари, що прибувае зъ землі—и вже менше пропускае крізь себе світу; тими жъ часами, вона важчае, и спускаетця тихенько на землю. Якъ спустится овсі— тоді ми кажемо: «*дощъ* иде!»

Отъ, може ви, панове-браття, попереду тільки та́къ-собі згодились, що у Бога законъ однаковий що для великого, що для малого; а теперъ уже́ сами вбачаете, що ся річъ справедлива. Якъ у казанку, вода одъ огню википае у пару—такъ и по всій земли вода одъ сонця підіймаетця парою. Якъ тамъ можно повернути ii до-

(*) Що сёму правда—здаюсь на людей що живуть у горахъ. Вони певно помітили, що на низу теплійше чимъ на горі. А ще жъ въ насъ на Вкраіні високихъ дуже гіръ немае; а то е такі сторони, де ніколи зіми не бувае, и де, на височеннихъ горахъ, лежить зъ поконъ-віку снігъ, що ніколи не тане. Вірна, бачте, прикмета що висче піднімаемось по-надъ землею — то все холоднійше намъ буде.

щемъ впьять-таки у казанокъ, такъ и тутъ—вона сама вертаетця зъ високості на землю—дощемъ. Бачте, якъ мудро воно сотворено!

Хіба жъ се річъ доладня, розумна, що буцімъ відьми (коли вони есть) викрадують зъ неба хмари? Не то що хмару викрасти, а ті краплі, що ринуть зъ підъ стелі въ лазні, вони зупинить не зможуть. Ні, не такий господарь на світі порядокъ давъ, щобъ его відьма (коли ії хто бачивъ) перемудровала!

Може мене спитають: яка жъ користь зъ того буде, що ми взнаемо, відкіля той дощъ беретця, и що відьми імъ не орудують? Намъ треба бъ знати, чого у насъ засуха часто бувае, и хто сёму виненъ?

Отъ моя одповідь.

Наука, обраховуючи все, що робитця на землі, помітила таке:

Найбільше дощу падае тамъ, де близько яке море велике, або де лісу багато. Наша свята батьківщина, хочъ и мае на своій південній гряниці *Чорне*, або, по старосвіцькому, *Козацьке* море, алежъ зъ того ще не велика користь усій нашій землі, бо Украіна не маненька палестина.

Губерніямъ такимъ, якъ отъ: Харьківська, Полтáвська, Чернігівська, Київська, та Подолі й Волині, та й самій Галичині (бо й то наша сторона, хочъ и завладавъ ею Німець) дуже далеко до моря. Щóжъ тутъ робить, щобъ и тутъ дощу було більшъ? Алежъ, того Чорного, чи Козацького моря, не перетягнешъ куди схочешъ. Річокъ тутъ хочъ и е, а про те не стількижъ щобъ стало за море. Треба вдатись до лісу, та подумать—погадати, чи доволі его въ насъ?

Старі люде росказують що: »у старовину було більше лісу—а теперъ, кажуть, викорчували его багато. Теперъ, кажуть, зовсімъ мало лісу. »Правда. Отъ, наприкладъ: у Харьківській губерніи, зъ північної сторони, якъ повирубували лісъ—такъ и холоднійшъ стало, бо Московському вітрý нема більшъ упину, и наносить вінъ часто въ Украіну московській холодъ. У Чернігівщині ще держитця лісъ—та й то, здаетця, тимъ, що его було тамъ и надто, то не встигли вирубати... А въ Київській губерніи, Канівщині, по Черкащині, Чигиринщині, та й навкруги Кúіва и туди далі икъ

Сквúрі и Паволочі, ще недавнёго чáсу, въ Колíївщину, пише Липоманъ, що лісъ займавъ мало не третину всíї землі.

Отъ у старовину, якъ було більше лісу, то й води у нáсъ на Вкраíні більшъ удержувалось у землі. Лісъ ховавъ ту воду одъ спеки У лісахъ були криниці, дзюркотали струмені, наповняючи рíчечки й рíчки водою, а теперъ, якъ лісу стало мало (опрíчъ пíвночної сторони Чернігівщини), то дежъ тій воді держатись? Змоче дощикъ дрíбний землю, вдаре на íї ясний та гáрячий промінь соняшний,— и знову вся земля суха, бо сама трава, або й хлібъ, не захистять землю одъ спеки. Йде наша вода—тá вода що дае зростъ хлібові, у пару, а вітеръ пívденний и жене ту пару, що літа, у Московщину. Йдуть тамъ дощі густо—бо лісу багато, а ми зостаемось съ засухою, що добре заробили, нікчемно й безпотрібно порубавши свій лісъ. Буде ще гірше нашимъ дітямъ и унукамъ, аніжъ намъ, коли ми не схаменемось, та не почнемъ знову розводити лісъ, та берегти, якъ око, всяку деревину. Вже й теперъ криниці засипáютця, рíчки міліють:—що жъ буде, приміромъ кажучи, роківъ черезъ сотню?

Гарно виглядають наші хатки білі поміжъ деревомъ зеленимъ; любо завернути до нашого селянина у вишникъ, що по–за хатами. Алежъ пора намъ заглянути на наши лани та степи: чи не треба бъ и тамъ по троху деревину садовити? Тоді бъ, здаетця, нашимъ нащадкамъ нічого було бъ на насъ жалкувати—а спасибі бъ сказали. Не знали бъ вони такоі зáсухи якъ ми зазнаемо.

Ми не даемо землí напитись до схочу — та й бажаемо, щобъ вона намъ наше зерно вертала у двадцятеро. Нехай не дають чоловікові напитись якъ схоче—то чи багато вінъ напрацюе? А землí точнісінько такъ потрібна вода—якъ и чоловікові.

Отъ, не обрахувавши діла сёго якъ слідъ, ми и Бога зневажаемъ, кажýчи, що се Вінъ, розсердившись, посилае на насъ засуху. Ні, панове браття: Вінъ давъ нáмъ мізóкъ у голову, давъ волю робити що схочимо. Чи судъ, чи карность—ми вже сами собі даемо. Якъ несхочемо гараздъ подумати,—та необачно, на нівець, або не по правді, щонебудь зробимо—то намъ и погано на світі жити. Отъ якъ и теперъ. Оце судъ справедливий; а що кажуть, буцімъ одъ Бога намъ тяжко жити—то не правда; бо Богъ не втішае себе помстою. Пóраемся ми сами на зéмлі, и *що сіемо—те й жнемо; що придбали—те й маемо; орали ми мілко, посіяли рідко—уро-*

дився въ насъ дідько; плюнули ми въ колодязь — ажъ ось и води треба напитись; якъ гукали—такъ намъ и одгукуется.

Володько Нечуя.

у 11 д. міс. Студень
р. Б. 1861,
у Петербурсі.

ОТВѢТЪ МОСКОВСКОМУ «ДНЮ»

НА ПОМѢЩЕННУЮ ИМЪ ВЪ № 23 СТАТЕЙКУ Г. СОКОВЕНКА:

О степени самостоятельности Малорусской литературы.

Московскій *День* не перестаетъ безпокоиться о существованіи литературы, возникшей не изъ тѣхъ началъ и побужденій, что̀ его родная россійская словесность. Въ 23 № своемъ онъ опредѣляетъ «степень самостоятельности» этой литературы. Правда, редакторъ устраняется, въ выноскѣ, отъ участія въ сужденіяхъ своего сотрудника, но вѣдь выборъ сотрудника зависѣлъ отъ него, и если *День* выгородилъ себя выноскою отъ отвѣтственности за недобросовѣстность своего помощника, то всё–таки подлежитъ обвиненію въ невѣжествѣ относительно предмета, о которомъ идетъ дѣло въ его статейкѣ. До сихъ поръ невѣжество въ *хохлацкомъ* языкѣ и въ томъ, что̀ *хохлы* печатаютъ, считалось дѣломъ естественнымъ, и россійскіе литераторы, касаясь этого предмета, какъ–будто съ умысломъ коверкали наши выраженія; если же хотѣли прослыть всевѣдущими, какъ напримѣръ Бѣлинскій, то объясняли своей публикѣ, что *жінка* или *жінца* значитъ жена (*). Теперь *народность*, сдѣлавшись модньмъ словомъ даже и для московскаго *Дня*, готоваго накинуть свою сѣть на всю Славянщину, не дозволяетъ проходить съ пренебреженіемъ мимо явленія, которое съ каждымъ годомъ дѣлается болѣе и болѣе выразительнымъ,—и вотъ, къ услугамъ Москвичей, являются люди съ украинскими фамиліями, печатаютъ статейки въ московскихъ изданіяхъ и даютъ право редактору *Дня* говорить: «это ихъ *домашній* споръ; мы устраняемся отъ участія въ немъ; это споръ между *своими*»; т. е., иными словами: «ужъ если Малоруссы сами признаютъ или отвергаютъ что-нибудь въ своей литературѣ, такъ это дѣло рѣшеное». Такъ поступалъ и князь

(*) См. *Сочиненія* Бѣлнскаго, томъ 5-й.

Велико–Гагинъ во времена Черной Рады. Такъ поступалъ и князь Голицынъ при избраніи на гетманство Мазепы. Можно бы указать множество примѣровъ такой истинно-московской политики; но оставимъ въ сторонѣ Москву и потребуемъ на судъ того, кто сослужилъ ей службу.

Господинъ этотъ называется Григоріемъ Соковенкомъ. Фамилія оканчивается на *ко*,—значитъ несомнѣнный Малоруссъ. Ему и книги въ руки! Но бѣда въ томъ, что книги–то эти онъ едва по складамъ разбираетъ. Мы могли бы указать природныхъ Великоруссовъ, которые основательнѣе г. Соковенка знаютъ языкъ нашъ и яснѣе (или, пожалуй, честнѣе) понимаютъ основанія нашей словесности. Для этого не нужно родиться непремѣнно въ какомъ–нибудь Гадячѣ, или Чигиринѣ: для этого надобно имѣть только любовь къ предмету и здравый смыслъ въ головѣ. У г. Соковенка, очевидно, нѣтъ ни того, ни другого. У него есть только смѣлость—выдавать себя за знатока украинскаго языка и украинской словесности, а московскому *Дню*, по–видимому, ничего другого и не нужно отъ дешеваго представителя Украины. Г. Соковенко опирается на авторитетъ Бѣлинскаго и подкрѣпляетъ его авторитетомъ г. Аѳанасьева–Чужбинскаго (*), а рядомъ съ нимъ ставитъ О. Б....аго. Намъ извѣстно, кто пишетъ иногда подъ этимъ именемъ: это — авторъ *Украінськихъ Казокъ*; но мы не знаемъ за нимъ никакого отступничества. Лучше бы г. Соковенко сослался на г. профессора и академика Срезневскаго: онъ же, кстати, въ качествѣ члена академіи наукъ, направлялъ полезную дѣятельность г. Аѳанасьева–Чужбинскаго по украинской лексикографіи.

Прежде всего, г. Соковенко доказываетъ, въ своей статейкѣ, тождество украинскаго языка съ великорусскимъ посредствомъ сходства многихъ словъ въ томъ и другомъ. (Казалось бы, достаточно одного такого филологическаго пріема, чтобы уничтожить, въ глазахъ редактора, всякую вѣру въ выводы г. Соковенка). Какъ знатокъ дѣла, онъ навязываетъ намъ слѣдующія слова: *стритыть*, *брыться*, *возъ*, *грамотный*, *болный*, *строгый*, *гря́сно*, *гришно́*, *стыдно́*, *смотрившы*! и т. п. Имя г. Максимовича упомянуто при этомъ авторомъ статейки какъ нельзя больше кстати. Жаль намъ имени Ос. Макс. Бодянскаго, который пойманъ въ ту же московскую сѣть. Г. Соковенко выдалъ имъ слѣдующій печатный аттестатъ: « Они, какъ знатоки дѣла и въ

(*) Знаніе дѣла и добросовѣстность отношенія къ нему г. Аѳанасьева–Чужбинскаго указаны въ разборѣ его *Поѣздка въ Южную Россію*. (*Отечественныя Записки*, 1862, январь).

«особенности Малороссійскаго языка, будучи при томъ сами природ-«ными Малороссами, постоянно отзывались и отзываются о Малорус-«скомъ языкѣ не какъ о самостоятельномъ или отдѣльномъ, а какъ «о нарѣчіи или части Великорусскаго языка; вслѣдствіе чего находятъ «нераціональнымъ и вреднымъ дѣлу общаго интереса принимать уча-«стіе въ дѣтской—безполезной игрѣ обособленія Малороссійскаго язы-«ка». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что г. Максимовичъ, переложивъ псалмы Давидовы и *Пѣснь о Полку Игоревѣ* на украинское нарѣчіе, убѣдился собственнымъ опытомъ, что нераціонально и вредно принимать участіе въ развитіи украинскаго языка, что это съ его стороны дѣтская игра;—но чѣмъ Ос. Макс. Бодянскій заслужилъ одинакій почетъ съ г. Максимовичемъ, объ этомъ знаетъ только московскій *День*, усвоившій наслѣдственное искусство устраняться отъ такъ-называемаго *домашняго* спора между *своими*.

Служа усердно Москвѣ, въ качествѣ знатока украинскаго языка и украинской словесности; г. Соковенко объявляетъ, что Шевченко, въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, началъ–было замѣтно отдаляться отъ господствующаго говора во всей Малороссіи, и только въ послѣдствіи обратился къ настоящему и вѣрному народному языку, особенно въ своихъ послѣднихъ думахъ. (Поэтому–то, вѣроятно, такъ и полюбила вся Украина, отъ профессора университета до неграмотнаго пахаря, первые звуки Шевченковой кобзы.) Но послѣднія думы Шевченка, напечатанныя въ *Основѣ*, по нашему, далеко слабѣе первыхъ его произведеній, и ужъ не встрѣтишь въ Украинѣ неграмотныхъ людей, которые бы, услышавъ ихъ въ чтеніи, затвердили такъ, какъ напримѣръ стихи:

Кохáйтеся, чорнобриві,
Та не зъ Москалями,
Бо Москалі чужі лю́де,—
Ро́блять ли́хо зъ ва́ми.

По смыслу статейки г. Соковенка, это должно́ быть оттого, что Шевченко обратился наконецъ къ настоящему и вѣрному народному языку. Да́,—именно оттого!.. Г. Соковенко утверждаетъ, что значительнѣйшая часть произведеній Шевченка только въ немногихъ случаяхъ отличается языкомъ и оборотами, нѣсколько оригинальными, а потому и неудобопонятными для каждаго, незнакомаго съ мѣстными идіомами (Шевченко, видите ли, уклонился тутъ отъ настоящаго украинскаго

языка, тождественнаго съ великорусскимъ); всѣ же остальныя мѣста слово въ слово могутъ быть переложены на великорусскій языкъ... Да́, г. Соковенко! вы справедливо ссылаетесь на г. Гербеля, которому не стоило никакого труда переложить *Кобзаря* на языкъ собственныхъ *Отголосковъ* и превратить Шевченкову кобзу въ великорусскую балалайку. Публика, для которой вы пишете, находя такъ–много осязательно–общаго между языкомъ Шевченка и г. Гербеля, теперь ужъ окончательно увѣруетъ, что украинскій языкъ тождественъ съ великорусскимъ, а судя о достоинствѣ поэзіи Шевченка по звукамъ Гербелевой балалайки, можетъ отвести ему какое заблагоразсудится мѣсто въ ряду своихъ стихотворцевъ: не посмотритъ она на филологовъ, которые давно ужъ перестали считать украинскій языкъ частію великорусскаго. Что̀ для нея значитъ, можетъ быть, вовсе невѣдомый ей Миклошичъ, когда вы ей рекомендуете гг. Аѳанасьева–Чужбинскаго и Максимовича? Одинъ составилъ превосходный словарь Малорусскаго *нарѣчія* (который академія наукъ совѣстится оканчивать печатаніемъ); другой отлично понялъ непонятную *Пѣснь о Полку Игоревѣ* и воспроизвелъ ее въ стихахъ, свидѣтельствующихъ о глубокомъ знаніи того же *нарѣчія*. Оба оказали россійской словесности услугу незабвенную, показавъ дѣломъ рукъ своихъ скудость языка украинскаго, разжаловавъ его въ нарѣчіе и самимъ правописаніемъ уподобивъ его языку Богдановича, Хераскова и другихъ своихъ учителей.

Съ одинаковымъ знаніемъ дѣла переходитъ г. Соковенко отъ писателя къ писателю въ украинской литературѣ. «Главнѣйшая заслуга г. Марка Вовчка (говоритъ онъ) состоитъ въ томъ, что по его стезямъ пустились многіе повѣствователи жизни народной: Гонна–Барвинокъ–Номысъ (sic), Нисъ, Глѣбовъ, Мордовцевъ и друг.» Почему же? какъ бы вы думали?... Потому, что «доставляя намъ живые матеріалы, добытые изъ устъ народа, они фактически свидѣтельствуютъ намъ о тождествѣ Малорусскаго нарѣчія съ языкомъ Великорусскимъ»!!

Наконецъ, г. Соковенко коснулся и моихъ незначительныхъ писаній, отзываясь о нихъ съ похвалами; но похвалы эти такого рода, что я считаю долгомъ оправдываться отъ нихъ передъ обществомъ, которому служу, и протестовать противъ московскаго *Дня*, который тискаетъ уже другую статейку, подъ видомъ похвалы извращающую характеръ моей дѣятельности и дающую читателямъ ложное понятіе о ея направленіи. Ужъ лучше грубая брань, чѣмъ этакія похвалы! Какъ бы низко ни думали читатели *Дня* о достоинствѣ моихъ писаній,—бѣда

невелика; но редакторъ *Дня* долженъ понимать, что, при настоящемъ значеніи слова, перетолковывать, подъ благовиднымъ предлогомъ, характеръ и направленіе писателя-Украинца значитъ отнимать у него то, чего онъ защищать не можетъ. Неужели примѣръ *Русскаго Вѣстника* такъ заразителенъ въ Москвѣ? Молчаніе мое, на извѣстную выходку этого журнала для человѣка честнаго должно быть краснорѣчивѣе полу-отвѣта. Московскому *Дню* мы еще отвѣчаемъ, и какъ онъ ни странно до–сихъ–поръ велъ себя относительно насъ, Украинцевъ, но мы не хотимъ допустить мысли, чтобъ онъ желалъ нашего молчанія и не боялся напомнить намъ стихъ Пушкина:

Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ! (*).

П. Кулишъ.

20 Марта 1862.
Петербургъ.

(*) Эти слова не каждому понятны безъ предыдущихъ стиховъ, которые такъ–часто намъ, Украинцамъ, приходятъ на память:

Когда твой другъ, на гласъ твоихъ рѣчей,
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ,
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдёрнетъ съ содроганьемъ,
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою,—
Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ...»
Ужель ты правъ? Ужели ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье:
Но если ты святую дружбы власть
Употребилъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ,
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И, соннаго, врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай,—не трать пустыхъ рѣчей—
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО СЪ ЮГА.

Безъименныя письма, какъ видно, нынѣче въ модѣ. Какая – то, судя по письму, очень почтенная дама, не–украинка, но «горячо-любящая и уважающая украинскій народъ», удостоивъ меня заочной бесѣдой объ украинской литературѣ, желаетъ получить мой отвѣтъ черезъ *Основу*. Она относится строго къ украинской словесности и находитъ ее далеко несоотвѣтствующей потребностямъ народа. Прежде всего, я долженъ сказать, что рѣчь моя объ этомъ предметѣ не можетъ быть такъ широка, какъ, напримѣръ, рѣчь Московскаго *Дня*, или *Русскаго Вѣстника*. Достойная моя корреспондентка должна была имѣть это въ виду, вызывая меня на печатный отвѣтъ.

Дѣля патріотовъ на нѣсколько разрядовъ, она причисляетъ меня, *отчасти*, къ разряду *патріотовъ–немножко-эгоистовъ*, на томъ основаніи, что будтобы я, «желая быть *самобытнымъ*, изобрѣлъ *свое* правописаніе.»

Оправдываюсь. До появленія моего въ печати, было изобрѣтено нѣсколько правописаній: значитъ—всѣ изобрѣтатели были *немножко-эгоисты*. Не отвергая истины, что всякій человѣкъ немножко - эгоистъ, скажу однакожъ, что, еслибы меня удовлетворило которое–нибудь изъ украинскихъ правописаній, то я не погнался бы за самобытностію, которой, притомъ, и невозможно основать на особомъ правописаніи.

»Мои наймички (говоритъ далѣе моя противница) смѣются, когда я имъ читаю *какъ написано*.«

Онѣ смѣются надъ неправильнымъ чтеніемъ,—но вовсе не надъ правописаніемъ, въ которомъ стóило бы вамъ только замѣтить два–три правила, и вы не смѣшили бы вашихъ наймичокъ. Вѣдь не читаете же вы по-французски, какъ написано, да и по–русски не говорите *добраго, дурнаго!* и не произносите буквы *о* вездѣ, гдѣ она написана, а вѣроятно, *а*каете отлично!

Вы говорите, что направленіе украинской литературы— *цвѣточное* и что оно не даетъ »истиннаго знанія.«

Не распространяясь о многихъ причинахъ трудности дать украинской литературѣ приложеніе реальное, скажу, что всего только года два прошло съ того времени, какъ убѣжденіе въ необходимости развитія украинскаго языка, въ смыслѣ элемента жизненнаго, перестали (конечно, далеко не всѣ) считать нелѣпостію. Погодите уп-

рекать насъ; взгляните на исторію другихъ литературъ и сравните наше положеніе съ положеніемъ другихъ обществъ. Да и что́ вы такъ гнѣваетесь на «цвѣточность» нашей литературы? Ни одинъ плодъ не является прежде цвѣту. Между цвѣтомъ бываетъ много пустоцвѣту, но пустоцвѣтъ окажется только впослѣдствіи. Еще рано заподозрѣвать нашу цвѣточность въ ея жизненной несостоятельности; вы присвоиваете себѣ права́ еще несуществующаго поколѣнія. Притомъ же, мы не ограничиваемъ нашей дѣятельности однимъ литературнымъ цвѣтоводствомъ. По мѣрѣ возможности, мы даемъ нашему народу и то, что́, по-вашему, для него нужнѣе. Вы забываете о Галиціи, гдѣ школьное преподаваніе и судопроизводство идутъ на общедоступномъ южнорусскомъ языкѣ. У насъ въ украинской литературѣ преобладаетъ (отчасти и по-необходимости) направленіе беллетристическое, у нихъ—реальное. Ни то, ни другое не останется безъ плодотворныхъ послѣдствій. Обмѣняться не долго, лишь бы открылась матеріальная возможность. Чего недостаетъ въ ихъ языкѣ, то́ есть у насъ; чего у насъ недостаетъ, есть у нихъ. Работая кждый въ-одиночку, обѣ части южнорусскаго народа созидаютъ свое слово, какъ главнаго двигателя жизни. Скучно со стороны смотрѣть, какъ медленно идетъ это дѣло; множество неблагопріятствующихъ обстоятельствъ наводятъ на мысль о его безнадежности. Но мы, которые смотримъ на дѣло не изчужа, которые отдаемъ на него жизнь, не видя и не понимая, какъ употребить ее достойнѣе,—мы не считаемъ его безнадежнымъ уже по одному тому, что оно основано на желаніи себѣ и другимъ праведнаго добра.

Изъ этихъ словъ вы видите, что я не ношу розовыхъ очковъ, которыя вы совѣтуете мнѣ сбросить. Я слишкомъ хорошо вижу, въ какомъ незавидномъ положеніи находится вопросъ, ради котораго потратилъ я лучшіе годы жизни. Если хотите знать правду, то я даже и не надѣюсь дожить до новаго, лучшаго его положенія; но я глубоко убѣжденъ, что въ немъ заключено будущее благо многихъ честныхъ людей, и для достиженія этого блага разсчитываю на силу вещей, на общественную нравственность, на духъ и потребности времени, а вовсе не на какія-либо «энергическія и талантливыя личности». Вообще мы, какъ единицы, можемъ сдѣлать мало. Успѣхъ нашихъ дѣйствій зависитъ отъ степени уразумѣнія силы вещей. Полагаясь на эту силу, мы смотримъ на себя, какъ на служилые органы, посредствомъ которыхъ болѣе или менѣе оправдывается инстинктъ общественной жизни. Не вамъ

произносить судъ надъ тѣмъ, что́ сдѣлаетъ и чего не сдѣлаетъ украинская литература. Ваше дѣло только знать, что́ она сдѣлала и ка́къ сдѣлала. Сдѣлала она—по количеству—мало и развитіе ея далеко неразностороннее; но какая же литература въ самомъ началѣ своемъ не была малою, слабою и неудовлетворявшею всѣмъ требованіямъ жизни? Порадуемся тому, что сдѣланное ею сдѣлано разумно и честно.

Вы говорите, что «малороссійская литература *слишкомъ* изящна... слишкомъ эстетична... слишкомъ мягка для могучихъ рукъ селянина... Она неспособна къ возбужденію молодыхъ умовъ къ правильной самодѣятельности, къ правильному развитію».

Кто же вамъ сказалъ, что наша литература существуетъ *только* для поселянъ? Мы къ поселянамъ не принадлежимъ, но находимъ удовольствіе въ чтеніи Квитки, Шевченка и лучшихъ, первыхъ разсказовъ Марка Вовчка, все равно какъ находимъ удовольствіе въ художественныхъ картинахъ природы украинской. Надѣюсь, вы не найдете ничего предосудительнаго и безполезнаго въ эстетическихъ наслажденіяхъ, и конечно позволите богатымъ поселянамъ достигать до такого благосостоянія, чтобы, наравнѣ съ нами, находить время для изящныхъ удовольствій и быть для того довольно образованными.

Но, независимо отъ эстетическаго достоинства, наша, *слишкомъ* изящная, по вашему выраженію, литература имѣетъ и практическое значеніе: она знакомитъ образованныхъ, достаточныхъ, людей съ нашимъ простымъ народомъ, отъ котораго они отстали, вводитъ ихъ въ его внутренній міръ, уясняетъ имъ матеріальныя и моральныя его потребности, возбуждаетъ любовь и уваженіе къ нему,—ту любовь и уваженіе, безъ которыхъ неосуществимы надежды на лучшее будущее. Если бы наши паны заблаговременно поняли значеніе украинской литературы, если бы они приняли къ сердцу ея честныя внушенія и сообразовали бы съ ними свои дѣйствія, то—безъ сомнѣнія—многія затрудненія, возникшія нынѣ въ гражданскихъ и хозяйственныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и поселянами, были бы давно устранены или улажены.

Съ этой стороны, украинская литература несомнѣнно оказала дѣйствительную услугу обществу, оцѣненную всѣми честными людьми; а для многихъ изъ насъ,—для людей, непонимающихъ отечества безъ народа, пользующагося правомъ свободно устроивать свое благосостояніе,—она была единственнымъ душевнымъ пріютомъ: разочарованные въ нравственной состоятельности образованной части общества, мы радостно

встрѣчались съ *простыми*, честными людьми, мы отдыхали сердцемъ въ ихъ обществѣ, которое носитъ въ себѣ несомнѣнные залоги возрожденія, и больше и больше убѣждались, что ему стóитъ посвятить все наше время, всѣ наши труды. Въ этомъ простомъ обществѣ, ежечасно занятомъ думою о насущномъ хлѣбѣ и самозащищеніемъ,—по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, еще слабо сознана потребность образованія;—между поселянами мало грамотныхъ, а слѣдовательно и читателей и покупателей: подумайте же, откуда намъ было взять средства на изданіе *учебныхъ* книжекъ для народа, безъ надежды, что изданіе окупится? Средства есть у *господъ*, а господа пока слишкомъ собой заняты, и о народномъ образованіи огромное большинство ихъ даже не думаетъ. Общества грамотности возникали въ Одессѣ, въ Харьковѣ, Полтавѣ; отъ нихъ можно было ожидать помощи, но они еще не получили утвержденія. Наши собственныя средства—средства пишущей и сочувствующей общенародному дѣлу братіи—слишкомъ и слишкомъ ограничены. Вотъ причина, отчего многія начинанія и даже оконченные труды на пользу народа не увидѣли и долго еще не увидятъ свѣта, (развѣ, можетъ быть, вы, узнавъ обо всемъ этомъ, убѣдите кого-нибудь изъ людей богатыхъ подѣлиться частицей своего достатка съ тѣмъ народомъ, который такъ долго содѣйствовалъ и будетъ содѣйствовать ихъ благосостоянію). Все это, и многое другое (о чемъ я долженъ умолчать) слѣдовало бы вамъ принять въ соображеніе: тогда вы не только не упрекнули бы насъ, за малополезность нашихъ трудовъ, но можетъ быть, даже подивились бы и тому, чтó до-сихъ-поръ сдѣлано.

О возбужденіи «молодыхъ умовъ къ *правильной* самодѣятельности», скажу, что можетъ быть, не все то въ вашихъ глазахъ правильно, т. е. разумно, чтò мы находимъ разумнымъ. Напримѣръ, изъ статей гг. Рыльскаго и Антоновича вы можете убѣдиться, что эти молодые умы развиваются и дѣйствуютъ въ направленіи указываемомъ украинскою словесностію. Многіе очень не глупые и даже ученые люди находятъ, что они пошли по ложной дорогѣ. Мы напротивъ, думаемъ, что оставленная ими дорога была ложною. А вы чтó скажете? Но вѣдь гг. Рыльскій и Антоновичъ не одни. Вы сами указываете на цѣлый кружокъ подобныхъ имъ лодей, существующій у васъ передъ глазами. Откуда взялся этотъ кружокъ? Его прежде не было. Вы же называете его кружкомъ *развитыхъ людей*. Вѣдь не однѣ вы сѣтуете, что развитые люди увлекаются идеею украин-

ской литературы. Нѣкоторые заявляютъ свои жалобы печатно, оградивъ себя отъ опроверженій весьма искусно-придуманными формами; а другіе идутъ еще далѣе, да какъ далеко—если бъ вы знали! Если бъ вы знали, какъ далеко заходятъ другіе въ своемъ благородномъ энтузіазмѣ, вы бы, можетъ быть, посовѣстились кой-чего въ вашемъ письмѣ. Но письмо ваше написано—по всему видно—съ добродушнымъ намѣреніемъ обратить меня на путь истины, на тотъ путь, который вы видите,—съ того пути, котораго вы *не видите*. Благодарю васъ за это, и въ доказательство отвѣчаю вамъ по мѣрѣ возможности.

П. Кулишъ.

12 февраля, 1862.
Петербургъ.

НЕТЯГА.

Безъ свити, и босий,
И хліба нема,
И люде те бачуть—
Та кажуть: дарма!

Збірщики послідню
Корову цінують,
Хатина безверха,
Сусіди глузують;

У хижу загляне́шъ—
У засікахъ пусто,
И заросла нива
Свиріпою густо.

И самъ я дивуюсь,
Що звівся ні-на-що...
А змолоду бувъ же
И я не ледащо!

Колись и для мене
Играли музики,

Топта́ли дівча́та
Нера́зъ черевики́;

Нера̀зъ чорнобри́ві
Слёзи утира́ли,
Якъ мене́ въ доро́гу
Се́стри споряжа́ли;

Коли́сь поважа́ли
И мене́ сусіди,
Якъ справля́въ бенке́ти,
Роди́ни й обіди;

Коли́сь и відъ ме́не
Ишли́ паровиці—
Степо́мъ розлега́лось:
»Ой не ходи́, Гри́цю...«

И мині́ коли́сь-то
Догожа́ла до́ля...
Та все́ пройшло́ ма́рно...
Його́ свята́ во́ля!

Ой ки́ну я ли́хомъ
Объ зе́млю сиру́ю;
Помьяну́ на цей разъ
До́леньку лиху́ю;

Потягну́ степа́ми,
А ко́су на пле́чі...
Прощай, родино́нько,
Й весе́лиі ре́чі!

Гей, бра́ття-нетя́ги,
Уда́римо въ ко́си—
За на́ми-пана́ми
Ніхто́ не голо́се!

В. Куликъ.

ДО-ДО́МУ!

Дале́кая доріженька
Гадю́кою вьётця...
Зно́ву се́рце оживае
И зно́ву сміётця.
Ой окру́гі хурто́вина
Пла́че, завива́е,
А на душі я́сне со́нце
Мені зно́ву ся́е.—
Зъ дале́кого, чужо́го кра́ю
До-до́му зно́ву завіта́ю
И ма́тіръ рідну—Украіну
Поба́чу зно́ву;—одъ себе́,
Мовъ нерозу́мную дити́ну,
Не прожене́ мене́... Тебе́—
Поба́чу зно́ву, мій ти ра́ю,
Мій ба́тько рідний—степъ безъ кра́ю!
И на тебе́, Дніпро́—ді́ду́сь,
Погля́ну зно́ву; подивлю́сь
На ті роско́шня, ті доли́ни,
Де тільки мрію́ть домови́ни
Дітей коза́чіхъ,—ті моги́ли,
Де сплять наро́дні на́ши си́ли
И—на́че сло́ва пра́вди ждуть...
Нема́ ёго́?—літа́ иду́ть,
Прохо́дять ма́рно...
Украіно!
Моя́ не́не ми́ла!
Даси́ мені се́рце но́ве
И но́вую си́лу,
Щобъ зъ брата́ми за ту пра́вду
Односта́йне ста́ти,
Братівъ моіхъ меньшихъ, бі́днихъ—
Ро́зуму навча́ти,— —
Щобъ изъ ни́ми на́ше да́вне
Ли́хо одбува́ти;
Щобъ изъ ни́ми щи́римъ се́рцемъ

Го́спода благати...
И розийдетця та хма́ра,
И біля вико́нця
Ми у своїй рі́дній ха́ті
Діждемо́ся со́нця.

Черніговець Миколайчикъ Білокопитий.

ПЕРЕГЛЯДЪ УКРАІНСЬКИХЪ КНИЖОКЪ.

Скарбъ, библіотека для любителей русскаго и малороссійскаго чтенія. Выходъ 1. Кіевъ. 1859. Въ 16-ю д.; стр. 329, 15 и 18.

Разокъ Намиста, Михайла Юркевича. С.Пб. 1861. Въ 12-ю д. стр. 41.

Мотря Кочубеивна, драма въ 5 годынахъ, мовою мирною, зложення Марка Онука. Годына перша. Кыивъ. 1861. Въ 24-ю д. стр. 47.

Се таки́й *Скарбъ*, що знайшо́вши ёго́, не зна́тимешъ, де діти́... хиба́ тільки поки́нешъ: неха́й ще хто зна́йде та зновъ поки́не. На друго́му листо́чку надруко́вано: *Мѣшокъ стиховъ и торбынка вѣршей.* Зве́рху въ сёму́ мішку́ яки́йся П. Базиле́вичъ похвали́въ стиха́ми Бо́га, та такъ же нечума́зно похвали́въ, на́че голо́дний вовкъ середъ сте́пу. П. Б—чъ прибра́въ собі до смаку́ ще и́ншу пра́цю: рубону́въ стиха́ми про сла́вную Россію, та якъ рубону́въ! Ось слу́хайте:

Обширна славная Россія,
Двѣ части свѣта обняла.
Что̀ передъ ней края чужіе?
Она пространна и свѣтла.

Ба́чте! ка́жуть, що въ насъ на Вкраі́ні тро́хи розу́мних людей. Де́ тобі тро́хи! За ни́ми нікуди́ й не протовпи́ся, — ажъ земля́ одъ нихъ сто́гне, не то що́! Онъ яки́й *Скарбъ* надрукува́ли! ажъ су́мно. Та не журі́тесь, шано́вне товари́ство: тутъ и пона́шому де-що попи́сано. Яки́йся д. *Лысько́* ви́мудрувавъ акро́стихъ: *Жіночки бажа́ю.* Дру́гий хтось росказа́въ віршами про *салда́цький патре́тъ*, такъ, на́че спра́вді що́ почу́халось объ ёго на я́рмарку, або́ пъяне́ до ёго поточи́лось, якъ опа́сувався Кузьма́ Трохи́мовичъ. А то́ ще въ тому́ жъ *Ска́рбі* надруко́вано по́льску по́вість Крашевського по-моско́вській. Про не́і нічо́го не ска́жемо, тільки що заняла вона́ 329 страни́чокъ,

а на Скарбъ оста́лось 69. Підъ кіне́ць надруко́вано въ Ска́рбі то се, то те по-моско́вській и на́звано *лоскутнымъ рядомъ*. Тамъ зна́йдете таке́ диво, що: »истый Малороссъ, или Крымчакъ, не любитъ никакого труда, разумѣется если онъ родился и выросъ въ своей хатѣ.« Оди́нъ, мовля́въ, такий уда́вся, що якъ за́сне, то спить су́тки и дру́гі на́че ме́ртвий, що притьмо́мъ жінка захо́дитця хова́ти и попа́ прикли́че. Тоді вінъ лупъ очи́ма, та й не-га́дки. Отъ які репяхи́ ро́дить нашъ славе́тний Ки́ївъ! Пожи́влятця люби́телі чита́ння!

Розго́рнемо дру́гу кни́жечку, чи не поле́гшае. Га́рно ся кни́жечка прозива́етця: *Разо́къ Нами́ста*. Чи до́бре жъ се нами́сто,—таке́ що зъ ро́ду въ рідъ перехо́дить и довіку съ ціни́ не спаде́, чи, мо́же, скло жидівське, або́ нанизаний на ни́точку горо́хъ про дітську и́грашку? На поча́тку кни́жечки заспівавъ добро́дій Миха́йло Юрке́вичъ *до Шевченка*. Про що́ жъ вінъ заспіва́въ? Летівъ, ка́же, високо оре́лъ та й нази́ривъ ни́жче се́бе гусе́й, спусти́вся на гусака́, вда́ривъ та й сівъ за сво́ю трапе́зу, а гу́си полетіли собі. Отта́ке-то, мовля́въ

»Оттаке́-то на сімъ світі
Пти́цямъ пти́ця ро́бить...
Якъ захо́че попоїсти,—
Слабішу й коро́бить.«

А що́? хиба́ не га́рно? Се жъ те са́ме, що каза́въ Шевче́нко:

»Оттаке́-то на сімъ сві́ті
Ро́блять лю́дямъ лю́де:
Того́ вяжуть, того́ ріжуть,
Той самъ себе́ гу́бить...«

Ище́ й підпи́сано, щобъ зна́ли, коли́ співа́въ но́вий поэтъ до старо́го поэта: »1852 р. ноября 24.«

Чомъ, спра́вді, не співа́ти по гото́вому сліду?—Шевче́нко співавъ про топо́лю:

»Станъ висо́кий, листъ широ́кий,—
На́ що зеленіе?
Кругомъ по́ле, якъ те мо́ре
Широ́ке, синіе,« —

а но́вий поэтъ співа́е про кленка́:

»Висо́кий станъ та тоне́нький
Къ не́бу простягну́вся,
Широ́кими листо́чками
Уве́сь одягну́вся.«

Кленóкъ буває крáще топóлі,—якъ до кленкá. Шевчéнко посадúвъ свою́ топóлю середъ пóля, а нóвий поэтъ—свій кленóкъ на могúлі:—показнíйше. И справ̀ді е такé въ нóвого поэта, що й не снúлось Шевчéнкові: е въ ёго дýмки *зелéні*. У Шевчéнка есть тілько »дýми, рожéвиі квіти,« та й гóді, а тутъ онъ якé дúво! До чóго-то чоловíкъ не додýмаетця, ккъ зáчне чýхати потúлицю? Мóже, тількы днівъ зó два й посúдівъ панъ Михáйло Юркéвичъ надъ своімъ *Кленкóмъ*, та й е цáцька зъ зелéними дýмками!

А тó ще е въ ёго козáкъ съ *курчáвимъ* ýсомъ и синёóка дівчúна:—гáрна пáра, та ніякъ не мóжна розібрáти, щó зъ нéю стáлося. Ишлú, кáже, пóлемъ—

»Йшли по пóлю, мовъ би манá,
Обнявшися двóе.
Де ділися?... Богъ іхъ знáе!...
Про те мовчúть пóле.«

»Такъ, кáже, на свíті все дíетця.« Ні, дáлебі, не такъ! На свíті хочъ трóхи розумнíйшъ дíетця, ніжъ у сихъ вíршахъ химéрнихъ. Морóка намъ зъ сими вíршами! Нá що іхъ вúдумано компонувáти? Святé ділó—прòза: щó схóчешъ, те й скáжешъ; а тамъ мóже бъ и повернýвъ чоловíкъ мізкомъ по-лю́дськый, такъ навіжéнна жъ риома не слýхае; отъ и вихóдять такі вірші якъ оці:

Не роскáзуй же, дівчúно,
Чого́ сéрцемъ нýдишъ,
Не роскáзуй дóбримъ лю́дямъ,
Бо ти себé згýбишъ!
Хібá скажú тому́ хлóпцю,
По якóму стýка...

се, бачъ, сéрце стýка по хлóщеві,—нáче довбéшка, абó-що.

Читáючи *Разóкъ Намúста*, неразъ прихóдилось намъ питáти въ поэта: щó бо се ви, панúчу, хóчете сказáти? Говоріте спрóста, то ми й зрозумíемо, и гаразд̀ воно̀ бýде:—такъ куди́! До чумáцькоі дорóги вінъ такъ озивáетця:

»Чумáцькая доріженька,
Спочúнь на часóчокъ,
Бо вже гòри напинáють
Рожéвий вінóчокъ!«

Чóмъ же се такъ? чомъ не говóрить по-лю́дськíй нашъ поэтъ, а все якось извúсока займáе? Мáбуть, чи не того́, що ні про щó гаразд̀

ему́ говори́ти; бо й самъ вінъ, посередъ кни́жечки своє́і, призна́вся; ка́же:

»У ду́мки заглянешъ свої запові́дні!—
Ажъ сміхъ розбира́е, які вони́ бі́дні!

Такъ на́ що жъ папіръ псува́ти, коли́ такъ? Лу́чче бъ ви де́рево по Вкраіні сажа́ли, ніжъ на чужи́ні украінські вірші друкува́ли. Тамъ скрізь го́ло, скрізь зли́дні, а ми тутъ виспівуемо про кленківъ, то про козаківъ съ *курча́вими* ву́сами, та зъ-нечѣвъя псуемо́ рідну мо́ву, не навчи́вшись ії до́бре въ тихъ люде́й, що ждуть відъ насъ підмо́ги не сло́вомъ, а діломъ. Мо́же, и́ноді й сло́во ста́не імъ у пригоді, та не таке́ якъ оці ві́рші:

»Бува́ло й такée,
Що цуръ и каза́ти,—
На дво́рі нудьгу́ють,
Нудьгу́ють и въ ха́ті.«

Або́ оці:

Стояла грушка молода,
Старимъ покійничкомъ привита.

Перебра́вши ввесь *Разо́къ Нами́ста*, не знайшли́ ми въ ему ні зе́рнятка годя́щого. Коли́ й попада́лось яка́ до́бра зерни́на, то съ чужо́го нами́ста. Ото́, ма́буть, начита́всь пани́чъ *Кобзаря́*:—»ке й собі напишу́!..« Ой, пани́чу, пани́чу! коли́бъ ви зна́ли, якъ гли́боко въ мо́рі расту́ть кора́лі, що зъ нихъ нами́сто ни́жетця! Отъ же ще гли́бше на дні души́ людськóі затаїлися поэти́чні ре́чи, що ни́ми, мовъ дорогі́ми кора́лями, людська́ ду́ма закраша́етця. Коли́ не вмієте́ спуска́тися въ ту глибиню́ таемни́чу,—шкода́ ва́шоі пра́ці—віршо́ване нами́стечко низа́ти! (*)

(*) Отъ же, у в. п. М. Юркéвича есть такé зéрнятко, що булó бъ жáлко, якъби воно́ загуби́лось. Нечáсто довóдилось намъ знахóдити, въ стихахъ письмéнного—*подражательнаго* — склáду стільки теплá, якъ отъ у цімъ *Гóмінí*:

Гóмінъ, гóмінъ на Вкраíні:
»Скóро вóля бýде«;
Виглядáють зо всіхъ краївъ
Тýю вóлю лю́де;

Виглядáють, я́къ сóпечко
На зéмлю погля́не,
Виглядáють, я́къ и тéмно
Надъ землéю стáне;

А загля́немо жъ ищé въ трéтю кни́жечку. Се, якъ ба́чите, дра́ма, та ще й мо́вою не про́стою, а мірною зло́жена. По́ки не ви́йшла вся вона́ (бо се тільки актъ пе́рвий), не ма́емо ми пра́ва ані хвали́ти ії ані гу́дити. Инша річъ—мо́ва. Мо́ва въ сій кни́жецці куме́дна. Добро́дієві Ма́рку Ону́кові здаéтця, що тільки підба́въ у моско́вську мо́ву ы та на́шихъ украінськихъ кінчиківъ, то й бу́де по на́шому. Ось якъ у его дієві лю́де гово́рять:

»Одинъ тилько мелькнувъ для мене місяць,
Зо дня окончання мого учення,—
И рій товарищивъ моихъ завзятыхъ,
Зъ-за книгъ, изъ-за пысьма, и зразу вмчавъ
У школу удали й одвагы,—мыгомъ.«

Здаéтця намъ, що, по тако́му почáткові, не бага́то зна́йдетця охо́чихъ до чита́ння *Мо́трі Кочубе́ївни́*. Ми не ва́жимось ввіхо́дити въ колю́чий віршови́й чагарни́къ, а погляда́ючи на его скра́ю, ду́маемо: що коли́ спра́вді Богъ даé чоловікові кебéту до писáння, то пе́рше всего даé ему́ га́рне, вимовне́ сло́во. Трапля́ютця лю́де, що, ма́вши га́рне, вимовне́ сло́во, не ма́ють пра́ведного тала́нту; а сёго зъро́ду ми не чува́ли, щобъ чоловікъ, ма́вши пра́ведний тала́нтъ поэти́-

---

Вигля́дають, піджида́ють,
Якъ и місяць зійде...
Изъ яко́го золото́го
Вона́ кра́ю при́йде?

Піджида́ють, викрика́ють,
Щобъ не заблуди́лась,
Щобъ зъ нові́ доріженьки
Вона́ та й не зби́лась.

Де́ жъ ти, во́ле, забари́лась,
У яко́му кра́ю?...
Чи ти зъ Бо́гомъ размовля́ешъ,
У свято́му ра́ю,

Чи зъ царя́ми, чи зъ пана́ми
Ти за толкова́лась,
Чи до вільнихъ до пташечо́къ
Щи́ро привяза́лась? (?)

Де́ ти, во́ле дорога́я,
Безсо́нная ду́мко?...
Де літáешъ, соколівно, (?)
Но́ева голу́бко?...

чній, не мавъ вимовно́го сло́ва. Тимъ-то кладемо́ на висо́ку поли́цю у вся́кий складъ *Мо́трю Кочубе́ївну*, та й не жалкува́тимемо, що, мо́же, воно́ що-не́будь доте́пне, а ми й не прочита́ли: не́вне дурни́ця

П. Кулішъ.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(въ книгѣ, подъ заглавіемъ *Исторія Русской литературы*, П. Петраченка. *Варшава*. 1861 г. въ 8-ю д. стр. 144).

Книжка, подавшая поводъ къ настоящей замѣткѣ, и сама по себѣ, и по отношенію къ «Основѣ» можетъ возбудить лишъ интересъ отрицательный и условный. Нося громкое названіе *исторіи русской литературы*, она есть не что иное, какъ весьма сжатая компилляція общихъ фразъ и извѣстныхъ мнѣній о русскихъ писателяхъ, мнѣній, заимствованныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, какъ напримѣръ—чтенія о словесности Давыдова и сочиненія Бѣлинскаго).

Коло Бо́га споко́нъ-віку
Ти усе́ вита́ешъ;
Коло ца́рівъ, коло панівъ
Ща́стя-до́лю ма́ешъ;

Ща́стя й до́лю ти розно́сишъ
По цілому світу...
Погля́нь на насъ! и ми́ жъ лю́де,
Хочъ и но́симъ сви́ту!...

А ми бъ тебе́, нашу ду́мку,
Въ пісня́хъ проспіва́ли, —
И въ молитва́хъ, що за те́бе,
На колінка бъ ста́ли,

Заспіва́ли бъ: неха́й го́мінъ
Розда́стця по світу,
Що й ті ві́льні тепе́ръ ста́ли,
Що носи́ли сви́ту!

А въ молитва́хъ, що за те́бе—
Дя́кували бъ Бо́гу.
Що во́ленька не мину́ла
Й на́шого поро́гу. *Ред.*

О сочиненіи г. Петраченка нѣчего былобы говорить, особенно въ *Основѣ*. Но въ концѣ ея находится *Краткій историческій очеркъ украинской литературы*, который, самъ по себѣ, не долженъ быть пропущенъ безъ вниманія въ украинскомъ учено-литературномъ вѣстникѣ. Нельзя не поблагодарить г-на Петраченка за мысль дать мѣсто, въ исторіи русской литературы, и литературѣ украинской, но нельзя и не сознаться, что исполненіе этой мысли весьма неудачно, въ чемъ, конечно, убѣдится безпристрастный читатель изъ слѣдующаго обстоятельнаго и правдиваго отчета.

Послѣ нѣсколькихъ фразъ объ украинской литературѣ (*Общій взглядъ*),—о языкѣ и народной поэзіи (*Украинскій языкъ, сказки и пѣсни*),—состоящихъ изъ повторенія нѣкоторыхъ мѣстъ изъ *Записокъ о Южной Руси*, г. Кулиша и статьи Гоголя «о малороссійскихъ пѣсняхъ,» читаемъ:

«Печатная украинская литература начинается отъ глубокой древности. Есть *отрывки* на украинскомъ языкѣ у Нестора, Кирилла Туровскаго, въ словѣ о полку Игоревѣ, въ поученіи Мономаха, въ Литовскомъ Статутѣ, въ письмахъ Мазепы Китнера Кочубея Богословы 18-го вѣка писали проповѣди на украинскомъ языкѣ, но этотъ языкъ, какъ смѣсь съ книжнымъ великорусскимъ, совершенно разнится отъ живаго народнаго азыка. Первое произведеніе, написанное чисто украинскимъ языкомъ. *Энеида*, Котляревскаго. Эта пародія заинтересовала украинцевъ своимъ шутовствомъ, и еще болѣе оттолкнула было просвѣщенныхъ отъ мужицкой рѣчи.»

Нѣтъ, на-оборотъ: *Энеида* Котляревскаго пріохотила къ народному языку даже тѣхъ грамотныхъ во всѣхъ слояхъ общества, кто или мало зналъ, или чуждался его: доказательство тому, что эта пародія, будучи печатаема въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, расходилась по Малороссіи въ огромномъ множествѣ списковъ и попадалась и у селянъ, и у горожанъ, и у полу-панковъ, и у пановъ. Авторъ *Очерка украинской литературы* вовсе не упомянулъ о двухъ драматическихъ произведеніяхъ Котляревскаго:—*Наталка-Полтавка* и *Москаль-Чарівникъ;* вѣрныя дѣйствительности, они, въ продолженіе нѣсколькихъ десяткокъ лѣтъ, и даже въ наше время, возбуждали смѣхъ и слезы зрителей не только въ провинціальныхъ, но и въ столичныхъ театрахъ. Не говоримъ уже, о томъ, что первый народный украинскій писатель заслуживалъ болѣе сочувствія и внима-

нія со стороны претендента—быть первымъ оффиціальнымъ историкомъ украинской литературы.

За такимъ *началомъ* исторіи украинской литературы, *продолженіе* ея ограничивается именнымъ перечнемъ украинскихъ писателей.

«Вслѣдъ за Котляревскимъ, являются многіе писатели и изыскатели украинской народности: князь, Цертелевъ, Гулакъ-Артемовскій, Максимовичъ, Срезневскій, Гребенка, Забѣла, Бодянскій и другіе,» (т. е.— и только!?!) Минуя ихъ, мы обратимся къ Квиткѣ, какъ первому писателю, положившему первое начало украинской литературы.»

Непосредственно за приведеннымъ выше упоминаніемъ семи именъ, слѣдуетъ статья о *Квиткѣ*, состоящая изъ біографіи его въ тридцати строкахъ, извлеченной изъ сочиненія г. Данилевскаго «Основьяненко, С.-Пб. 1856,» и сокращенной перифразировки мыслей, г. Кулиша о *нѣкоторыхъ* повѣстяхъ Квитки изъ его приложенія къ изданнымъ имъ повѣстямъ Квитки, подъ заглавіемъ: Григорій Квитка (Основьяненко) и его повісті. Слово на новий вихоДъ Квітчиніхъ повістей) С. П. Б. 1858»; говоримъ *нѣкоторыхъ*, ибо г. Петраченко пропустилъ какъ повѣсти, писанныя по велико-русски, такъ равно и драматическіе произведеніе Квитки. Не лишнимъ будетъ здѣсь замѣтить, что повисти, также какъ и драматическія произвиденія, на русскомъ языкѣ, не потому только слабѣе писанныхъ по украински и ниже таланта Квитки, что писаны не родной рѣчы, но и потому, что украинскія изображаютъ самостоятельную жизнь народа, установившуюся вѣками и сохранившуюся въ чистотѣ, тогда-какъ въ великорусскихъ рисуется, если можно такъ выразится, *перелицованная* жизнь общества, которому у насъ некогда было установиться. И такова участь всѣхъ бывшихъ и будущихъ опытовъ изображать современную жизнь нашу, внѣ почвы чисто-народной, питающей *живыхъ* людей: въ нихъ неизбѣжно являются или каррикатуры, или олицетвореніе производительныхъ сочинительскихъ мечтаній.

Стихами Шевченка изъ его посланія къ Основьяненку (*Кобзарь*, 1860, стр. 45) авторъ *очерка украинской литературы* переходитъ къ самому Шевченку. Статья о немъ наполнена автобіографіей его въ письмѣ къ редактору *Народнаго Чтенія* (1860 г.), да нѣсколькими стихами Шевченка, съ такой характеристикой его поэзіи:

«Она выражаетъ не только настоящее и прошедшее народа, но далеко проникаетъ и въ будущее. Въ настоящемъ она ищетъ идеи и

матеріаловъ для вдохновенныхъ созданій, а въ будущемъ выполненія идеи или осуществленія ея».

Во вступительномъ общемъ взглядѣ на украинскую литературу, г. Петраченко выражается о ней такъ:

«Глубоко проникая встарь, она выводитъ идею прошедшей народной жизни изъ тумана глубокой древности и приводя ее по живому свѣжему и сильному организму современной жизни, далеко загляды-ваетъ въ будущее».

Слѣдовательно—черта, характеризующая поэзію Шевченки, не есть непосредственная ея особенность, а общее свойство всей украинской словесности, которое не могло не быть угадано имъ какъ великимъ національнымъ поэтомъ, а какъ самобытнымъ геніемъ-художникомъ воплощено типически. Но и здѣсь не мѣшаетъ добавить, что украинская словесность, какъ выраженіе жизни народной, будучи *воспоминаніемъ* ея минувшаго и гаденіемъ *грядущаго*, не представляетъ полной картины ея *настоящаго*, по самой простой прмчинѣ: насто ящая наша жизнь еще не сложнилась вполнѣ, существенные элементы ея, разложившись вслѣдствіе предшествовавшихъ историческихъ обстоятельствъ, находятся въ броженіи, и пока не установится это броженіе, они не могутъ соединиться въ цѣльность народнаго тѣла.

Двадцатью строками о Маркѣ Вовчкѣ, повторяющими слова г. Кулиша въ предисловіи къ народнымъ оповіданнямъ Марка Вовчка (Спб. 1858 г.) и семью строками о П. А. Кулишѣ (вмѣсто которыхъ не лучше ли было бы хоть въ кратцѣ перечислить, чѣмъ обязана ему украинская литература), заключается *краткій историческій очеркъ украинской литературы*. Да́, черезъ чуръ ужъ *краткій*, что́ можно было видѣть и по числу страницъ; а въ какой степени, притомъ, *неудовлетворительный*—явствуемъ изъ настоящаго отчета.

Не распространяясь болѣе объ *очеркѣ украинской литературы* г. Петраченка, нельзя не пожалѣть, что онъ,—въ намѣреніи послужить,—быть можетъ, даже повредилъ дѣлу, за которое взялся, представивъ украинскую литературу въ слабомъ и невѣрномъ свѣтѣ. Нельзя, по этому, не пожелать, чтобы знатоки дѣла потрудились составить, на первый разъ, хоть *библіографическое обозрѣніе* украинской литературы (*), въ обширномъ значеніи этого слова, разумѣя

(*) Усердно просимъ объ этомъ почтеннаго г-на Н. М., библіографическія и историко-литературныя свѣдѣнія котораго многимъ давно извѣстны. *Ред.*

сочиненія о Малороссіи вообще во всѣхъ отношеніяхъ, историческіе источники и матеріалы, изслѣдованія языка и народной поэзіи, сборника народной поэзіи и стародавней письменности, произведенія современной украинской словесности, писанныя на народномъ языкѣ и писанныя на великорусскомъ литературномъ языкѣ, въ духѣ украинской народности... Существеннымъ качествомъ и отличительнымъ достоинствомъ этого обозрѣнія должны быть *полнота и отчетливость*. Это былъ бы, такъ сказать, *инвентарь* нашего умственнаго благосостоянія, въ которомъ оцѣнка должна быть произведена съ строгимъ безпристрастіемъ, независимо отъ личныхъ мнѣній и предубѣжденій. Такое обозрѣніе, будучи пригодно для повѣрки пройденнаго нами умственнаго нашего развитія, послужитъ путеводнымъ руководствомъ для незнакомыхъ, но желающихъ познакомиться, съ нашей литературой. Для будущихъ же историковъ ея и современныхъ критиковъ, обозрѣніе это будетъ драгоцѣннымъ *справочнымъ указателемъ*, безъ котораго правильныя работы ихъ немыслимы. Инвентарь нашъ выйдетъ не такъ богатъ, какъ у другихъ: но, быть можетъ, окажется, что мы сравнительно, далеко не бѣдны качествомъ своихъ произведеній, и болѣе обязаны дорожить *тѣмъ, что имѣемъ*.

И. М.

Январь 1862 г. *с. Карабиновка.*

ИЗВѢСТІЕ О ЮЖНОРУССКОМЪ СЛОВАРѢ Г. ШЕЙКОВСКАГО (*).

Въ прошломъ году »Кіевскій Телеграфъ« объявилъ о приготовленіи къ изданію этого словаря и мы ждали его съ нетерпѣніемъ, чувствуя настоятельную потребность въ подобной книгѣ. Г. Шейковскій исполнилъ свое обѣщаніе очень скоро: въ концѣ прошлаго же года появился первый выпускъ южно-русскаго словаря,, съ которымъ мы и хотимъ познакомить здѣсь читателей «Основы».

Въ книгѣ г. Шейковскаго, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе правописаніе. Не говоря о томъ, что пора бы уже намъ остановиться на чемъ нибудь одномъ, а не *выдумывать* для каждой книги

(*) *Опытъ южно-рускаго словаря. Трудъ К. Шейковскаго. Т. I, выпускъ первый: А—Б. Кіевъ. 1861. 8-го XVII и 224 (двойн.) стр.*

болѣе или менѣе мудреные значки, неимѣющіе историческаго смысла и очень затрудняющіе читателей, о правописаніи г. Шейковскаго мы должны сказать, что въ *искуственности* написанія словъ онъ пошелъ едва ли не далѣе г. Гатцука... Изъ обложки словаря видимъ, что авторъ его—кандидатъ историко-филологическаго факультета, слѣдовательно болѣе или менѣе спеціалистъ въ славянской филологіи; поэтому, было бы очень интересно узнать, на какихъ *историческихъ* основаніяхъ онъ создалъ свое правописаніе? Сами мы до этого не добились и, да извинитъ г. Шейковскій, если во всѣхъ этихъ значкахъ и новыхъ буквахъ мы видимъ пока лишь одну суету... (*).

Въ предисловіи авторъ объясняетъ тотъ путь, которому намѣренъ слѣдовать при изданіи своего труда и объясняетъ такъ, что мы можемъ пожелать ему только полнаго успѣха... Заключается это предисловіе фразой: «Знаю, что г. Кулишъ и К° напустится на мой словарь, придумаетъ (*такъ*!) много недостатковъ, выищетъ много промаховъ и пр. и пр. Но я напередъ говорю, что не считаю г. Кулиша компетентнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ: онъ мало знаетъ южно-русскій языкъ, чтобы не сказать болѣе». Затѣмъ слѣдуетъ выноска, въ которой г. Шейковскій продолжаетъ полемизировать противъ г. Кулиша въ томъ же неприличномъ тонѣ и, главное, безъ всякихъ *осязательныхъ* основаній... Какъ непріятно читать это заключеніе, особенно въ такой почтенной книгѣ, какъ словарь; невольно, напоминаетъ оно многое изъ сказаннаго г. Костомаровымъ въ «Словѣ о Сковородѣ»...

Не принадлежа къ К° г. Кулиша, если таковая дѣйствительно существуетъ, мы, тѣмъ не менѣе, обязаны сказать, что въ словарѣ г. Шейковскаго есть «много недостатковъ» и «много промаховъ».

Главный недостатокъ этой книги заключается въ томъ, что она неполна; но винить за это автора нельзя: онъ могъ собрать только 36 т. словъ и издаетъ ихъ, сознавая впрочемъ (стр. X), что этимъ запасомъ не исчерпывается еще все достояніе языка; пропущенное могутъ дополнить и другіе, лишь бы было почему дополнять. Заслуга

(*) Въ 1860 г. г. Шейковскій издалъ *азбуку для народа* («Домашняя наука», въ 2-хъ брош.), напечатанную съ тѣми же мудреными буквами и значками: спрашивается, для чего она издана? Не говоря объ ученикахъ, ни одинъ учитель не можетъ осмыслить ея особенностей, слѣд. не можетъ и объяснить ихъ; почему, разумѣется, книжки эти и останутся безъ употребленія.

начинанія останется все-таки за г. Шейковскимъ, а съ нею и благодарность людей, чувствующихъ потребность въ родномъ словарѣ. Мы можемъ только замѣтить, что лучше было автору не торопиться изданіемъ своего труда, а похлопотать еще годъ другой о его дополненіи; тогда, между прочимъ, не было бы такихъ странностей, что въ *первомъ* выпускѣ печатаются и дополненія къ нему (186 словъ на 1087).

Другой недостатокъ словаря важнѣе и въ немъ авторъ уже виноватъ: объясняя слова, г. Шейковскій не руководствовался никакой опредѣленною для того нормой, какъ бы слѣдовало это сдѣлать, и потому объясненія его лишены всякой пропорціональности, въ ущербъ внутреннему достоинству словаря: одни изъ этихъ объясненій кратки до того, что даютъ о предметѣ только смутное понятіе; другія—безъ нужды, очень растянуты и заключаютъ въ себѣ много лишняго. Укажемъ примѣръ тѣхъ и другихъ: *адамашокъ–родъ матеріи*. Какой —не объяснено. *Богородиця*—между прочими значеніями, *капишонъ*, но какой капишонъ и при какой одеждѣ—тоже необъяснено; иной, пожалуй, подумаетъ, что тутъ разумѣется капишонъ у дамскихъ бурнусовъ. *Богословъ—семинаристъ*. Неужели всякій семинаристъ называется богословомъ? *Бублыкъ — бубликъ* и опять никакихъ объясненій. *Бровко—названіе собаки. Буда—шатеръ, крытая повозка* и т. д. Между тѣмъ, при другихъ словахъ находимъ объясненія, состоящія изъ цѣлыхъ страницъ; да и то собственно не объясненія, а пѣсни, иногда ровно ничего невыясняющія; напр. при словѣ *бісовскый*, безъ всякихъ объясненій, приведена цѣлая пѣсня, говорящая только въ послѣднемъ стихѣ, что разумъ Виговскаго былъ бѣсовскій... При сл. *бухылы*, къ объясненію совершенно достаточному, прибавлены еще зачѣмъ то и стихи Руданскаго. Тоже сдѣлано и при сл. *буселъ:* приведена цѣлая дума Руданскаго, а самое слово объяснено невѣрно; г. Шейковскій говоритъ, что буселъ *(боцянъ, чорногузъ, лелека)* значитъ цапля, между тѣмъ какъ это только одинъ видъ цапли—*аистъ*, если зоологи причисляютъ его къ роду цапель. При нѣкоторыхъ словахъ, напр. *браміты*, г. Шейковскій входитъ въ лишнюю полемику съ покойнымъ Шимкевичемъ, которая занимаетъ цѣлую страницу; при малоупотребительномъ и извѣстномъ только въ одной мѣстности словѣ *будівля* приводятся двѣ длинныя пѣсни, уже разъ напечатанныя (Lud Ukraiński), безъ всякихъ объясненій, которыя необходимы, если ужъ автору, не-у-мѣста, пришла охота говорить о народной космогоніи. Кромѣ того, въ объясненіяхъ г. Шейковскаго находимъ

фразы, лишенныя всякаго значенія, напр. при словѣ *бондаривна*, замѣчено: «объ одной бондаровнѣ есть въ народѣ очень хорошія пѣсни». Если авторъ разумѣетъ тутъ пѣсни объ извѣстной *Немирівнѣ*, то долженъ былъ это объяснить, а безъ того, на такое его замѣчаніе можно сказать, что у народа много есть хорошихъ пѣсенъ, только пользуясь ими, при словарныхъ объясненіяхъ, нужно умѣть выбирать дѣйствительно нужное...

Этихъ указаній, думаемъ, достаточно, чтобы получить о книгѣ г. Шейковскаго болѣе или менѣе вѣрное понятіе.

По первому выпуску словаря, должно сдѣлать такое заключеніе объ этомъ трудѣ: если онъ будетъ продолжаться въ тѣхъ же рамкахъ, то это будутъ только *матеріалы* для южнорусскаго словаря, а никакъ не словарь, ни даже «опытъ» его...

Послѣднія страницы (177 — 224) книги г. Шейковскаго заняты «Приложеньемъ», заключающимъ въ себѣ: *собственныя имена и названія мѣстностей*. Ему предпослано слѣдующее объясненіе: «на помѣщеніе въ словарь собственныхъ именъ, и особенно фамилій, я наведенъ былъ словаремъ Юнгмана. Я придаю особенную важность помѣщенію южнорусскихъ фамилій въ словарѣ: изъ такого словаря видно будетъ какія южнорусскія фамиліи ополячились (?). При замѣчательныхъ въ какомъ нибудь отношеніи фамиліяхъ сдѣланы краткія біографическія замѣтки. Если о какомъ нибудь дѣятелѣ есть народная пѣсня, то она тоже приводится. Изъ названій мѣстностей вошли въ словарь преимущественно тѣ, которыя упоминаются въ народныхъ пѣсняхъ, хотя встрѣчаются иногда и другія. Знаю, что словарь мой въ этомъ отношеніи представляется далеко не полнымъ; но я считалъ лучшимъ хотя положить начало этому труду, чѣмъ совсѣмъ оставить въ сторонѣ это дѣло.« И затѣмъ начинается: *Абрамовичъ*= ова, е (фамилія) *Авдотка* = Явдоха. *Авраменко*, ова, е (idem).(?) *Авраменчыха*, ж. р. ы = жена *Авраменка*. *Агавка*, вця, вочка (ум.)= Агафія. *Агарскый*, а, е =магометанскій, турецкій. *Агаранэ*, мн.= турки, магометане. *Адам*, м. р. а=Адамъ. *Адамовичъ*, ова, е (фамилія). *Азовъ*—названіе города (и затѣмъ дума о побѣгѣ 3 братьевъ, изъ собранія Максимовича). *Азовскый*, а, е. *Аксак*. м. р. а (фамилія) около 1618 г. Аксак. былъ кіевскимъ земскимъ судьею. Кромѣ этого извѣстно еще нѣсколько Аксаковъ. *Аксамітово*, с. р. а названіе села, принадлежавшаго Шептаковской волости. Въ 1761 г. въ немъ было 43 двора, принадлежавшихъ Разумовскому. *Алескандров-*

ка, ж. р. ы = названію деревни (*напротивъ, мѣстечка и значительнаго*), находящейся въ Черниг. губерн. *Алещенко*, м. р. а (фамилія). *Алтыновка*, ж. р. ы = названіе села. Изъ универсала гетм. Апостола 1728 г. видно, что оно сначала принадлежало Батуринской ратуши; послѣ владѣлъ имъ гетм. Скоропадскій, отдавшій его «сотныц'ці Ды(ь)яковс'кій» *Анан*, м. р. я, ніо, нцю, нечко (ум.)=Ананія. Анастаевич, ова, е (фамилія). *Андрей*, ейко, ціо, ічко = Андрей. *Кумэ-Андрею! небуд'те свынею*! (посл.). Наканунѣ св. Андрея Первозваннаго (29 ноября) почти во всей Южно-Руси дѣвушки гадаютъ о замужествѣ...« Начинается перечень гаданій, который долженъ быть отнесенъ въ самый словарь, какъ этнографическій очеркъ. Выписки этой, кажется, довольно, чтобы получить понятіе о задуманномъ г. Шейковскимъ словарѣ собственныхъ именъ и названій мѣстностей. Въ немъ мы видимъ большой и послѣдовательный «промахъ». Что́ имѣлъ въ виду г. Шейковскій, печатая это приложеніе, мы рѣшительно не понимаемъ и послѣ выписаннаго предисловія: географическій словарь южнорусскаго края? Въ такомъ случаѣ, по его началу, мы видимъ, что онъ не заключаетъ въ себѣ и одного перечня украинскихъ мѣстностей, не говоря уже о нужныхъ объясненіяхъ, безъ которыхъ полный ихъ перечень—будетъ трудъ безполезный. Можетъ г. Шейковскій хотѣлъ представить намъ генеологическій списокъ украинскихъ фамилій, но для того, чтобы онъ удовлетворилъ своему назначенію, нужно, ни болѣе ни менѣе, какъ пересмотрѣть архивы депутатскихъ собраній тѣхъ губерній, гдѣ живутъ Украинцы...

Авторъ конечно, согласится съ нами, если мы скажемъ, что въ трудахъ, имѣющимъ предметомъ «собственныя имена и названія мѣстностей,» главное дѣло заключается въ *полнотѣ* и *точности фактовъ*; а если такъ, такъ чему же могутъ послужить его 208 словъ (А—Бох.), надерганныя изъ разныхъ книгъ, безъ всякой системы и безъ всякой опредѣленной цѣли?

Вотъ что́ мы сочли нужнымъ сказать о книгѣ г. Шейковскаго, дабы дать о ней понятіе людямъ, интересующимся предметомъ.

Печальна судьба украинскаго словаря!..

13 марта 1862 г. Черниговъ.

Б. Лазаревскій.

ВІСТІ.

ПО ПОВОДУ РАЗМЕЖЕВАНІЯ.

Черезполостность такого рода явленіе, которое вытекаетъ изъ самого характера нашего народа. Сынъ, основывая свое семейство, большею частію отдѣляется отъ отца,—основываетъ особенное хозяйство и, на основаніи народной справедливости, получаетъ изъ *дідизни*, то есть изъ наслѣдственнаго семейнаго имущества, долю, равную съ остающимися невыдѣленными дѣтьми. Затѣмъ уже онъ совершенно независимъ отъ отца и не имѣетъ уже никакого права, при жизни отца и неотдѣленныхъ сыновей или ихъ нисходящихъ, на *дідизну* и батькивщину, т. е. на семейственное имущество. *Відрізана скиба відъ хліба—вже її назадъ непритулишь*, говоритъ народъ. Послѣ смерти родителей дѣти почти никогда не остаются въ общемъ владѣніи наслѣдственнымъ имуществомъ и почти всегда раздѣляются, на основаніи того воззрѣнія, что *два коти въ однімъ мішку* (*або на однімъ салі*) *непомирятця*. Вотъ и возникаетъ дробленіе. Это дробленіе земли и вообще хозяйственныхъ средствъ ведетъ къ тому, что нѣкоторые непремѣнно должны продать или *застáвить* частицу земли. Законъ, воспрещавшій отчужденіе козачей земли лицамъ некозачьяго сословія, понизивъ цѣнность козачьей земли, не удержалъ впрочемъ перехода ея къ лицамъ другихъ сословій. Земля переходила подъ видомъ полюбовной мѣны (переходнаго средства къ уничтоженію черезполосности) и посредствомъ заставы къ лицамъ другихъ сословій. Простолюдинъ прибѣгалъ къ мѣнѣ только въ томъ случаѣ, если нужно было достать денегъ. Онъ давалъ большее количество земли и получалъ деньги и небольшое количество земли. Землю онъ получалъ какъ придаточное, для того только, чтобы существовалъ фактъ мѣны, чтобы совершить актъ на простой бумагѣ и избѣжать уплаты крѣпостныхъ пошлинъ.

Застава (закладъ)—это самая грубая форма кредита. Должникъ

передаетъ заимодавцу владѣніе землею, обезпечивающею долгъ, и за проценты передаетъ ему право пользоваться, извлекать доходы съ нея. Заимодавецъ владѣетъ и пользуется ею, какъ своею собственностью, пока эта земля не будетъ выкуплена самимъ кредиторомъ или его наслѣдниками, хотя бы самыми отдаленными. Народъ не допускаетъ въ этомъ случаѣ давности, какъ способа пріобрѣтенія права собственности. Но на практикѣ весьма и весьма рѣдко случаются факты выкупа заставленной земли. Деньги взяты не на развитіе хозяйственныхъ силъ; онѣ нужны или на непроизводительныя, но по обычаю необходимыя траты, напримѣръ, чтобы *отбуть весілля*, или на поддержаніе хозяйства пришедшаго въ разстройство по несчастнымъ случаямъ, какъ то: неурожаю, падежу скота. Прибавьте еще то, что въ обезпеченіе долга и за проценты, — отъ должника отходитъ къ заимодавцу земли цѣнностію вдвое больше суммы, взятой въ долгъ. Это-то все лишаетъ должника и его наслѣдниковъ возможности выплатить когда-нибудь долгъ и получить назадъ заставленную землю.

Посредствомъ дробленія наслѣдственныхъ земель, посредствомъ мѣны, посредствомъ заставы, возникла черезполостность.

У мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ тоже самое; ихъ земли дробились, части ихъ продавались, пріобрѣтались другія части. У болѣе значительныхъ владѣльцевъ менѣе черезполостности, хотя у ихъ крестьянъ зе́мли большею частью черезполосныя.

Многія значительныя помѣщичьи имѣнія образовались изъ покупки у мелкопомѣстныхъ и наоборотъ, дробясь между наслѣдниками, по милости черезмѣрной роскоши и расточительности, разстраивались и продавались по частямъ.

Народу черезполосность выгодна. Система трехпольнаго хозяйства необходима нашему народу, состоящему изъ мелкихъ собственниковъ. Безъ *толоки* имъ нельзя обойтись: иначе имъ невозможно содержать скота, въ теченіи пяти мѣсяцевъ.

Раздробленность и разбросанность, по народному воззрѣнію, еще выгодна тѣмъ, что если не уродитъ на одномъ кускѣ по той причинѣ, что этотъ кусокъ низменный и въ мокрое лѣто на немъ хлѣбъ вымокнетъ, за то на другомъ, болѣе высокомъ, можетъ уродить; въ сухое же лѣто—наоборотъ. Если градъ побьетъ хлѣбъ на одномъ кускѣ, за то на другомъ кускѣ хлѣбъ можетъ уцѣлѣть. Кромѣ того, черезполосность доставляетъ нѣкоторое удовольствіе пахарю. Собираясь орать, онъ снаряжается въ дорогу, беретъ бочку воды для напованія скота и

для своей кухни, беретъ дровъ, казанокъ и всѣ принадлежности походной кухни, а также катрягу (пахарскій шатеръ) и уѣзжаетъ на цѣлую недѣлю въ поле: выоретъ одинъ кусокъ—переѣзжаетъ на другой, лежащій на значительномъ разстояніи отъ перваго куска. Эти маленькія странствованія какъ-нельзя-больше въ украинскомъ духѣ.

Когда пронеслась молва о размежеваніи, въ народѣ пробудились нѣкоторыя опасенія. Опасаются, чтобъ паны не отмежевались въ отрубныя дачи, и такимъ образомъ не лишили бы ихъ значительной части толоки.

По Положенію о размежеваніи, владѣльцы, имѣющіе въ Полтавской губерніи болѣе 150-ти десятинъ полевой земли въ генерально-обойденной дачѣ, непремѣнно вымежевываются въ отрубныя дачи. Владѣлецъ, имѣющій отъ 50 до 150, можетъ быть отмежованъ въ отрубную дачу, но не лишается права оставаться въ дачѣ общаго владѣнія. Владѣлецъ, имѣющій менѣе 50 десятинъ, тоже можетъ быть отмежованъ въ отдѣльный участокъ,—но не иначе, какъ въ томъ мѣстѣ дачи, хотя бы и на границѣ ея, гдѣ это вымежеваніе не будетъ стѣснительно для мелкихъ собственниковъ, остающихся въ общемъ владѣніи, равно и для тѣхъ, которые имѣютъ болѣе хозяйственной единицы (т. е. 50 дес.).

Конечно, очень многіе владѣльцы воспользуются правомъ, которое даетъ имъ Положеніе о размежеваніи, тѣмъ болѣе, что послѣ эмансипаціи нужно будетъ измѣнить систему хозяйства. Слѣдовательно количество толоки уменьшится и опасенія народа въ этомъ случаѣ напрасны.

Тѣ, у которыхъ въ теченіи одной, двухъ и болѣе земскихъ давностей находятся во владѣніи заставленныя земли, опасаются, чтобъ отъ нихъ не были отобраны эти земли. Эти опасенія напрасны, потому-что межевыя коммиссіи не будутъ разбирать вопроса о правѣ собственности.

По поводу размежеванія, въ народѣ родилось предположеніе, что будетъ уничтожена подушная подать, а вмѣсто нея будетъ платиться подать съ десятины удобной земли. Народъ понимаетъ бо́льшую равномѣрность послѣдней подати сравнительно съ первой.

Черезполосность для нашего панства была хорошимъ средствомъ прихвачивать частицы чужихъ земель: давала средство *вкошуватьця*, въорюватьця, какъ говоритъ народъ, и породила безконечное множество разорительныхъ тяжбъ. Мужички иногда бывали пойманы *въ спашу* и

платились за это такъ, какъ хотѣлъ поймавшій. Между панами спашъ тоже часто давалъ поводъ къ тяжбамъ, и такихъ дѣлъ, какъ дѣло о свиньѣ, гусяхъ и т. п., очень много.

По Положенію, размежеваніе Черниговской и Полтавской губерній должно производиться на основаніи дѣйствительнаго безспорнаго владѣнія.

При рѣшеніи споровъ о границахъ, первое правило—десятилѣтняя давность владѣнія до изданія Положенія о размежеваніи т. е. до 27 октября 1859 года. Слѣдовательно, не принимаются споры отъ тѣхъ, кто въ теченіи десяти лѣтъ не подалъ искового или явочнаго прошенія, или хотя подалъ, но дальнѣйшаго ходатайства по дѣлу, въ теченіи 10 лѣтъ, не имѣлъ, или, по рѣшеніи дѣла, въ теченіи 10 лѣтъ не владѣлъ тою спорною землею и не просилъ привести рѣшенія въ исполненіе. Если владѣнію безспорному не прошло 10 лѣтъ, то при рѣшеніи споровъ принимаются во вниманіе акты и документы, совершенные законнымъ порядкомъ, въ такомъ только случаѣ, если въ нихъ показаны извѣстныя мѣры, или живыя урочища, или другія, принятыя обычаемъ, признаки.

Если же принадлежность спорной земли не доказана ни давностію, ни актами, то споръ рѣшается показаніями понятыхъ (1) о дѣйствительности владѣнія.

Если же такого показанія не будетъ, или если и прежде былъ споръ, то спорныя мѣста раздѣлять по отношенію къ безспорнымъ (2).

За возбужденіе недоказанныхъ споровъ взыскивается съ виновныхъ по 1 руб. съ каждой спорной десятины.

---

(1) Въ подобномъ случаѣ, конечно, раціонально рѣшать споръ посредствомъ понятыхъ. Но если взять во вниманіе, что понятые, участвуя въ безконечно-частыхъ повальныхъ обыскахъ, пріучены земскою полиціею къ лжесвидѣтельству и клятвопреступничеству, (мы сами неразъ были свидѣтелями, что понятые показывали такъ, какъ угодно было спрашивающему чиновнику и потомъ просили *на могорычъ* у того, въ чью пользу показали), то сомнительно, чтобы эти показанія были хорошаго качества. Если члены межевой коммиссіи хотятъ добиться правды, то должны, при каждомъ спросѣ понятыхъ, пробудить въ нихъ совѣсть и какъ сами не предупреждать отвѣтовъ, такъ не позволять и спорящимъ дѣлать тоже.

(2) Что значитъ—по отношенію къ безпорнымъ? Отдается ли въ этомъ случаѣ на соображеніе рѣшающихъ споръ? Намъ кажется, что тутъ рѣшается споръ по большему или меньшему вѣроятію, вытекающему изъ соображенія мѣстностей.

Межевая коммиссія состоитъ: изъ предсѣдателя, по выбору отъ дворянъ, и членовъ: 2-хъ по избранію дворянства, 2-хъ по избранію козаковъ, уполномоченнаго отъ палаты государственныхъ имуществъ и члена отъ межеваго вѣдомства.

По дѣламъ городскимъ, гражданъ и духовнаго вѣдомства, приглашаются въ коммиссію. по первымъ двумъ—мѣстный градской голова, а по послѣднимъ—депутатъ отъ духовнаго управленія, которые, въ этомъ случаѣ, пользуются правомъ голоса, наравнѣ съ прочими членами коммиссіи.

Едвали у насъ удастся полюбовное соглашеніе при размежеваніи. На долю коммиссіи выпадетъ обязательное размежеваніе.

Коммиссія, поэтому, должна состоять изъ людей дѣятельныхъ и способныхъ соблюсти выгоды каждаго, чтобы своими дѣйствіями не породить тысячи жалобъ. О степени подготовленности и познаній членовъ можно заключить изъ 102 ст. Положенія, которая говоритъ: «При обязательномъ межеваніи, коммиссіи руководствоваться: а) желаніями владѣльцевъ, заявленными при несоставившихся полюбовныхъ соглашеніяхъ; б) съёмкою и вычисленіями межевыхъ чиновъ; в) хозяйственнымъ описаніемъ земель и произведенными, на основаніи его, таксаціею и регулированіемъ; г) правилами для межеванія полевой, луговой и лѣсной земли, выгоновъ и проч. Члены, посланные коммиссіею при партіяхъ межевщиковъ, должны быть всегда на мѣстѣ работъ, нетолько въ качествѣ наблюдателей, но и принимать дѣятельное участіе въ самомъ межеваніи. 41 статья говоритъ: «Для большаго же успѣха въ полевыхъ работахъ, коммиссіи назначаютъ къ партіямъ нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ или кандидатовъ, поручая имъ принять особенное участіе въ разъясненіи и прекращеніи возникающихъ споровъ, въ устраненіи препятствій, встрѣчаемыхъ партіею отъ неисполненія землевладѣльцами своихъ обязанностей, и т. п., въ составленіи хозяйственнаго описанія земель, экономическихъ примѣчаній, и наконецъ при соглашеніяхъ.» Если члены не будутъ въ состояніи удовлетворить этимъ условіямъ, тогда все будетъ дѣлаться межевщиками.

Если избранные въ коммисіи люди будутъ бездѣятельны или неприготовлены къ дѣлу, тогда произойдутъ самыя плачевные результаты.

Будутъ многіе, особенно мелкіе, собственники обижены, поступитъ на коммисію пропасть жалобъ, размежеваніе будетъ длиться и длиться, слѣдовательно, въ теченіи долгаго времени, собственники будутъ платить на содержаніе межевыхъ учрежденій, долго и много рабочихъ

рукъ будетъ отрываться отъ полевыхъ занятій, потому что какъ при генеральномъ, такъ и при спеціальномъ, межеваніи должны быть постоянные понятые.—Выгода каждаго требуетъ, чтобъ были избраны лица, способные удовлетворить условіямъ, вытекающимъ изъ трудности дѣла.

Мы не знаемъ кто избранъ козаками, но увѣрены, что они долго трактовали о томъ, кого выбрать и, руководимые хотя темнымъ представленіемъ о важности межевой дѣятельности, выбрали людей, пользующихся общимъ довѣріемъ, если, конечно, при выборѣ было устранено начальническое вліяніе. О выборахъ предсѣдателя и кандидата, 2–хъ членовъ и кандидатовъ, изъ дворянъ, въ нашемъ уѣздѣ, мы поговоримъ подробнѣе. Назначено было собраніе дворянъ на 14 декабря; 14 декабря начали собираться въ уѣздный судъ, и уже были принесены ящикъ и шары, какъ одинъ изъ тузовитыхъ дворянъ попросилъ подать оповѣщенія, изъ которыхъ оказалось, что большая часть дворянъ неоповѣщена. Оповѣщеніе поздно было сообщено становыми приставами и, по милости ихъ, не ко всѣмъ дошло во-время. На этотъ разъ выборы не состоялись. Многіе изъ присутствующихъ перешептываньемъ изъявляли неудовольствіе: неспособные понять законности отстрочки собранія, они видѣли произволъ тузовитаго барина. Многіе изъ дворянъ разошлись по столамъ наводить справки о ходѣ своихъ многоразличныхъ тяжбъ; другіе занялись пріятными разговорами. Предводитель объявилъ, что еще собраніе не закрыто и немедленно было прочтено дворянамъ предложеніе взять подрядъ на продовольствіе войскъ. Послѣ прочтенія, нѣсколько голосовъ сказало: *не хотимъ;* тѣмъ дѣло и кончилось. Затѣмъ предводитель просилъ дворянъ внести слѣдуемыя съ нихъ на корпусъ деньги. Тутъ–то вышеупомянутый тузовитый баринъ и многіе другіе подняли бурю.

— Съ чего намъ платить! Мы разорены, крестьяне вышли изъ повиновенія! У меня не былъ снятъ хлѣбъ! Мировые посредники не исполняютъ своей обязанности, не употребляютъ зависящихъ отъ нихъ мѣръ и т. п.—Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ спросилъ, какихъ это мѣръ не употребляютъ посредники. Тутъ затрещалъ, побагровѣвъ, одинъ изъ дворянъ: »въ вашемъ распоряженіи штрафы, въ вашемъ распоряженіи арестъ, въ вашемъ распоряженіи розги.» Кто–то отозвался: »какія тамъ розги! Двадцать розогъ—что это для мужика значитъ!»—«Этого, батинька, отозвалась таже сердитая трещетка, «никто считать не будетъ: сколько хотите, столько и влѣпите!» — Одинъ недоучившійся юноша, въ-продолженіе всего разговора, твердилъ: «по моему мнѣнію

мировой посредникъ имѣетъ такое же значеніе, какъ штатный смотритель уѣздныхъ училищъ.»

Назначено новое собраніе дворянъ на 10-е января и оповѣщеніе послано чрезъ земскую полицію и, для лучшаго достиженія цѣли, чрезъ сельскихъ старостъ.

Ст. 21 Положенія о размежеваніи требуетъ только двухъ условій для того, чтобы имѣть право избирательнаго голоса въ выборахъ лицъ въ межевую коммиссію:

Нужно принадлежать къ дворянскому обществу того уѣзда, гдѣ учреждается коммиссія и имѣть тамъ поземельную собственность. Лицъ, имѣющихъ такія качества, въ нашемъ уѣздѣ до 500, въ выборахъ же участвовало 90 съ небольшимъ. Изъ этого уже видно, на-сколько понимаема была дворянами важность выборовъ.

Собраніе открылось принесеніемъ присяги. Присяга была принесена съ должнымъ благоговѣніемъ, что́, впрочемъ, непомѣшало поступить совершенно противоположно тому, въ чемъ клялись.

Родство, кумовство, кліентство—вотъ пружины управляющія избирателями; дворяне, предъ каждыми выборами, подъ страшною клятвою, обѣщаютъ все это забыть.

Пока не начались выборы, по разнымъ угламъ шли толки. Толковали обо всемъ, а главными предметами разговора были: эмансипація, предстоявшіе выборы, а отчасти юридическія размышленія, безъ которыхъ наши дворяне не остаются ни на часъ. Эмансипація возбуждала въ говорившихъ желчь, злобу или самыя элегическія обращенія къ невозвратно-прошедшему; что́ касается до выборовъ, то разговоръ о нихъ состоялъ изъ рекомендацій другъ другу предложенныхъ къ выбору лицъ; другъ передъ другомъ выхваляли того или другого и чаще всего слышалось: *заслуженный человѣкъ*,—человѣкъ съ вѣсомъ,—у него есть сила въ Петербургѣ,—богатъ, согласится безъ жалованья служить, и т. п. аттестаціи.

Дворяне наши вообще безкорыстны; они не думаютъ о своемъ интересѣ. У нихъ на первомъ планѣ необыкновенно благородное стремленіе—почтить выборомъ лицо, стяжавшее значительный чинъ на поприщѣ служенія Марсу, или на поприщѣ мирнаго гражданскаго служенія. Одна награда для нихъ — это внутреннее довольство тѣмъ, что вотъ у насъ де какіе тузы служатъ по выборамъ. Мнѣ случалось слышать такія рѣчи: — Вотъ бы выбрать N!..—Почему именно? спрашивалъ я!.. Собесѣдникъ таращилъ глаза, изумляясь моему вопросу

и совершенно искренно отвѣчалъ: «да вѣдь онъ генералъ!!» Вотъ съ такими–то понятіями приступаютъ многіе къ выборамъ.

Право участія въ этихъ выборахъ, какъ мы выше сказали, разширено до крайнихъ предѣловъ, и тутъ-то обнаружилось кліентство—тоже до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Тутъ мы вспомнили недавнопрошедшія времена, когда не одни стодушные (мы употребляемъ тузем–ное выраженіе) участвовали въ выборахъ.

Въ тѣ времена формировались отряды шляхты и совершали путешествіе на счетъ своихъ патроновъ въ губернскій городъ. Если патронъ не оставался побѣдителемъ на выборахъ, то шляхтѣ приходилось иногда возвращаться въ домы свои на собственныхъ ногахъ и съ пустымъ желудкомъ. Эти прекрасные нравы привиты намъ *рѣчью посполитою* и, съ ея легкой руки, они еще и до сихъ поръ не изчезли.

Послѣ составленія списка избирающихъ приступили къ самоу избранію. Начали предлагать балотироваться разнымъ лицамъ, начиная съ самыхъ почетныхъ и заслуженныхъ. Толпа стоитъ и зѣваетъ, а два или три болтуна упрашиваютъ того или другаго балотироваться.

Особенно комиченъ былъ слѣдующій фактъ. Г–нъ полковникъ, назовемъ его хоть Телятенкомъ (*), упрашиваетъ вышеупомянутаго тузовитаго барина, положимъ Цибулевича, баллотироваться, и говоритъ отъ всѣхъ: *дворяне васъ просятъ*. Цибулевичь отвѣчаетъ: *»не хочу. Я служилъ дворянству 12 лѣтъ и что заслужилъ?«* Сдѣлайте одолженіе, продолжаетъ Телятенко: мы васъ просимъ! Господа, просите же! прикрикнулъ г–нъ Телятенко, обращаясь къ публикѣ. Нѣсколько голосовъ откликнулось просительно. Телятенко настаивалъ, Цибулевичь далъ честное слово, что не будетъ балотироваться. Тогда Телятенко попробовалъ указать на обязанность. «Вы не имѣете права отказываться отъ службы по выборамъ.» Цибулевичь съ гордостію прикрикнулъ: «какъ я не имѣю права отказаться? Я старъ, и притомъ 12 лѣтъ служилъ дворянамъ. Имѣю право, и отказываюсь» Сказавъ это, онъ пошелъ въ другую комнату, съ гордостію, принявъ осанку индѣйскаго пѣтуха, напутствуемый нѣсколькими голосами, говорившими: *увольняемъ*.

(*) До начала выборовъ г–нъ Телятенко ораторствовалъ, что люди, предлагающіе свои услуги, незаслуживаютъ, чтобъ ихъ выбрали. Одинъ молодой человѣкъ заспорилъ. Споръ привелъ къ тому, что молодой человѣкъ сказалъ: «Я не полагаю благородства въ извѣстномъ количествѣ чиновъ». Это показалось г–ну Телятенку до того глупымъ, что онъ разкланялся съ молодымъ человѣкомъ и ушелъ саркастически-улыбаясь.

Балотировка должна быть тайною. Но, по милости того, что у дворянъ совершенно неразвита способность организаціи и порядка, вся публика подошла къ столу и съ любопытствомъ наблюдала за движеніемъ руки, бросавшей шаръ. Какой нибудь г-нъ Сѣнцо или Зѣйды стоитъ возлѣ стола и диктуетъ, вполголоса, куда класть шаръ, прибавляя аттестацію балотирующагося, состоявшую у него въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя мы уже разъ приводили. Если г-нъ Сѣнцо замѣчалъ, что, вопреки его диктовки, клали шаръ налѣво, то ворчалъ: *это недобросовѣстно*. Г-нъ Сѣнцо такимъ образомъ былъ живая Censura morum. Послѣ каждой балотировки онъ подходилъ къ избранному, поздравлялъ и твердилъ ему: «неизбиральныя положены вамъ людьми, непонимающими или недобросовѣстными.» Онъ поздравлялъ, въ лестныхъ выраженіяхъ, даже тѣхъ, кому клалъ черный шаръ. Выборы длились, дворянскіе желудки тощали: тогда дѣло пошло на курьёзъ.

Выбранныхъ въ члены поздравили. Вдругъ балотируется нѣкогда бывшій исправникъ, о которомъ не было объявлено, что онъ будетъ балотироваться,—и что́ же оказывается? Онъ перевысилъ шарами и будетъ членомъ, а одинъ изъ поздравленныхъ—кандидатомъ.

Въ нашихъ мѣстахъ вамъ всякій скажетъ, что въ началѣ выборовъ, дворяне уже слишкомъ переборчивы, а въ концѣ, позабавившись и поотощавъ, черезъ-чуръ неразборчивы. Вотъ какова обстановка бывшихъ выборовъ. И вся эта безурядица, эта тина не находитъ оппозиціи.

У насъ есть и университетскіе люди; не говорю о тѣхъ, которые бросали университетъ, какъ только представилась возможность предаться деревенскому кейфу, во всѣхъ отношеніяхъ пріятному, при существованіи крѣпостнаго права, кейфу, выражавшемуся такъ: *Прошка, трубку, Филька, водки, Федька, Машку мнѣ позвать*. Я объ этихъ не говорю. Есть люди подготовленные къ полезной дѣятельности; но они не составляютъ тѣсной ассоціаціи, которая могла бы быть свѣтлымъ лучемъ въ этомъ темномъ царствѣ. Одни изъ нихъ, видя всю нравственную удушливость окружающей атмосферы, заключились въ четырехъ стѣнахъ, курятъ трубку, читаютъ книги и отъ времени-до-времени съ горя *огорчаются*. Другіе, болѣе состоятельные, вращаясь въ кругу свѣтскихъ причудъ, какъ-то сами немножко позаразились ими и пріобрѣли способность, не возмущаясь душой, проводить нескучно время въ этой средѣ и какъ-то чуждо стоять относительно своего хотя бы собрата по наукѣ, но, который, увы, неимѣетъ никакого финансоваго при-

даточнаго къ своему умственному и нравственному капиталу. Третіе опомѣщичились въ полномъ смыслѣ слова. То общее всѣмъ студентамъ, тѣ прекрасныя стремленія, которыми проникнута жизнь въ университетѣ, забыты или лучше сказать заснули, давъ мѣсто пищеваренію и апатіи. При такомъ отсутствіи разумной оппозиціи, рутина имѣетъ полный просторъ для дѣятельности. Если окончившій университетъ, но небогатый, желаетъ служить по выборамъ, онъ прежде долженъ пройти путь смиренномудрія, заискивать у каждаго, долженъ льстить и лгать. Вотъ причина, почему большая часть окончившихъ университетъ ѣдетъ въ столицу искать тамъ службы и, вообще, ищетъ службы по назначенію, а не по выборамъ. Нельзя не одобрить того, что мировые посредники не по выборамъ отъ дворянства. Дворяне смотрятъ на посредниковъ какъ на защитниковъ помѣщичьихъ интересовъ, и не только не одобряютъ, но клевещутъ и марaютъ личность тѣхъ, которые дѣйствуютъ честно, по закону и совѣсти. Печально—но это такъ.

Въ заключеніе скажемъ, что молва одобряетъ выбраннаго въ предсѣдатели; о членѣ, бывшемъ исправникѣ, говорятъ люди понимающіе: «добрый человѣкъ, но положительно неспособенъ къ этой должности;» о другомъ избранномъ въ члены гласитъ молва, что онъ человѣкъ честный, но больной, занятъ своимъ хозяйствомъ и, наконецъ, едва ли будетъ способенъ къ этому дѣлу, привыкши къ болѣе покойной и комфортной жизни.

Увидимъ, какова будетъ дѣятельность коммиссіи. Дай Богъ, чтобъ избранные исполнили свое дѣло какъ слѣдуетъ. Признаемся, мы сомнѣваемся. Но—что будетъ—то будетъ.

УКРАИНСКІЙ СПЕКТАКЛЬ ВЪ ЧЕРНИГОВѢ,

12 и 15 февраля.

Въ 1857 г., на масляной, въ м. Немировѣ (Подольской губерніи,) въ залѣ тамошней гимназіи, сыграна была, съ благотворительною цѣлью, *Наталка-Полтавка*, оперетта Котляревскаго, исключительно воспитанниками этой гимназіи. Подъ рукой у распорядителей ученическимъ театромъ не было никакой партитуры, а потому надо было ее составить. Любитель и знатокъ народныхъ пѣсень, А. В. Марковичъ, съ помощью М. А. Марковичъ, подобралъ къ сочиненнымъ для піесы

пѣснямъ мотивы изъ лучшихъ народныхъ пѣсень, сообразно ходу піесы, характеру лицъ и метру стиха, изрѣдка передѣлывая послѣдній для счастливо-подобраннаго, въ другихъ отношеніяхъ готоваго, народнаго мотива. Составленныя такимъ образомъ мотивы для пѣсень Наталки (18 номеровъ) были испробованы передъ М. А. Туловымъ, который достойно оцѣнилъ ихъ и далъ ходъ дѣлу. Бывшій капельмейстеръ прекрасной музыки почетнаго попечителя гимназіи, графа Болеслава Потоцкаго, даровитый Іоганъ Ляндверъ, составилъ партитуру для всего оркестра (14 инструментовъ), искусно пользуясь при составленіи ея всякимъ замѣчаніемъ сообщившаго ему ноты для голосовъ, и небольшую увертюру съ нѣсколькихъ пѣсень, вошедшихъ въ оперетту. Изрѣдка звучали и знакомые изъ прежней партитуры мотивы, но превосходно оркестрованные, явились въ новомъ блескѣ. Наталка и Терпелиха, благодаря любви, знанію и истинно народному вкусу М. А. Марковичъ, вышли на сцену въ костюмахъ блистательныхъ и вѣрныхъ народности. Костюмировку остальныхъ лицъ и другіе труды по режисерству принялъ на себя И. П. Дорошенко. Обученіе ролей по произношенію и декламаціи пришято было на себя А. В. Марковичемъ. Успѣхъ піесы былъ безпримѣрный. Слышенъ былъ въ рядахъ женщинъ громкій плачъ послѣ нѣсколькихъ пѣсень; въ концѣ піесы раздались крики восторга. Въ томъ же году, послѣ годичнаго акта, повторился этотъ же спектакль и многіе должны были уйти и уѣхать, не находя въ большой залѣ мѣста ни для одного глаза. На масляной, въ слѣдующемъ году опять повторилась Наталка и были предлагавшіе 10 руб. ср. за входъ и не могли быть за многолюдствомъ впущены въ залу. Съ этою-то партитурою Наталка была дана въ Черниговѣ *товариствомъ, кохаючимъ рідну мову, на підмогу убогимъ студентамъ нашої губерні*, въ понедѣльникъ и, по настоянію публики, повторена въ четвергъ. (*) Можно смѣло сказать, что «Наталка» еще никогда не была

(*) О представленіи *Наталки-Полтавки* общество было оповѣщено превосходно-напечатанными афишами — чуть ли не впервые — на украинскомъ языкѣ. Передаю афишу слово-въ-слово: »Черніговъ, съ дозволенія начальства.

Въ понеділокъ, 12 февраля,
на тутéшнимъ теáтрі,
на підмóгу убóгимъ студентамъ нáшої губерніи,
товари́ствомъ, кохáючимъ рідну мóву,
представлятиметця;

такъ съиграна. «Наталка» въ томъ видѣ, какъ она обыкновенно давалась, на человѣка знакомаго съ нравами и съ народной музыкой, производила тяжелое впечатлѣніе. Съ одной стороны, извращенный канцеляризмомъ украинскій характеръ Вознаго, съ другой стороны—безнадежная сентиментальность Наталки, Терпелихи, Петра, Миколы, и гаерство Выборнаго; однимъ словомъ полное извращеніе народной жизни,—было необходимыми качествами Наталки. Этому способствовали: во-первыхъ, самый текстъ Наталки; во-вторыхъ, исполнители, для которыхъ нравы нашего народа *terra incognita* и которые воспитались на мелодраматизмѣ нашихъ провинціальныхъ театровъ; въ третьихъ, партитура Ядличка съ ея отличительнымъ признакомъ—*романцовостію*, если такъ можно выразиться. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляло многихъ, которымъ больно видѣть на сценѣ извращенными самыя нѣж-

---

I.

НАТА́ЛКА-ПОЛТА́ВКА,

опере́тта И. П. Котляре́вського, у трёхъ поділахъ;

Лиця:

Ната́лка . . . . . О. Н. Шрамче́нківна.
Терпели́ха . . . . . П. Ѳ. Глібова.
Петро́ . . . . . Г. И. Пали́вода.
Мико́ла . . . . . С. Д. Нісъ.
Во́зний. . . . . М. А. Кольчевський.
Ви́борний . . . . . П. Г. Борсукъ.

Діетця підъ Пілтавою.

II.

А. В. Ма́рковичъ чита́тиме »Ву́си,« повістку Ол. П. Стороже́нка.

III.

Зати́мъ, товари́ство співа́тиме наські пісни:

1) Ой не пу́гай, пу́гаченьку! (у-двохъ).
2) Ой Моро́зе—Моро́зеньку! (гуртова́).
3) Ой коти́лося та ясне́е со́нце.
4) Ой по горі, по горі вівча́рь вівці ганя́е (гуртова).

Передъ починомъ теа́тру, музи́ки гра́тимуть увертю́ру зъ Ната́лки-Полта́вки, зло́жену Иваномъ Ля́новеромъ.

Почне́тця у 7 часівъ ве́чора.

Ціна:

Ложи: сере́дня 15 карбо́ванцівъ; ли́терні, у-низу́, 10 карб.; нумерні: у-низу́, 8 карб.; у-горі, 6 карб.; *крісла*: пе́ршого ря́ду, 3 карб.; дру́гого и третёго, 2 карб.; четве́ртого и пья́того, 1 карб.; *місця за кріслами*, 75 коп.; *галлерея* 30 коп.

Биле́ти продава́тимутця у И. П. Дорошенка, а въ день представленія *у театрі*.

ныя стороны народной жизни, самыя задушевныя мелодіи,—протестовать противъ постановки этой оперетты.

Все это было устранено при постановкѣ Наталки въ Черниговѣ. Былъ выправленъ текстъ. Вялая роль Миколы передѣлана С. Д. Носомъ; исполнителями были знатоки народной жизни и народной музыки, такъ-сказать спеціалисты; партитура, какъ мы уже сказали, та, съ которою Наталка съ такимъ огромнымъ успѣхомъ была играна въ Немировѣ. Такимъ образомъ, Наталка явилась возродившимся фениксомъ. Конецъ второго дѣйствія, очень вялый, былъ лучшимъ мѣстомъ оперетты. Съ одной стороны, несчастная вдова и любящая мать, принужденная горестными обстоятельствами выдать свое дитя за нелюба,—съ другой стороны, дочь, для счастія матери готовая пожертвовать собою, своею любовью къ Петру, до-того психически вѣрно и вѣрно народности были представлены нашими Наталкою (г—жа Шрамченко) и Терпелихою (г—жа Глѣбова), что каждый былъ не зрителемъ совершающагося на сценѣ, а человѣкомъ близко стоящимъ и принимающимъ участіе въ совершающемся явленіи народной жизни.

Роль Наталки выполнена съ удивительною простотою, наивною скромностью и глубокимъ, чуждымъ экзальтаціи, чувствомъ. Роль Терпелихи, очень трудная во многихъ мѣстахъ, исполнена поразительно вѣрно дѣйствительности. Возный (г—нъ Кольчевскій) былъ очень комиченъ. Сентиментальная роль Петра, благодаря игрѣ Г. И. Паливоды и прекрасному исполненію пѣсень его симпатическимъ голосомъ, не казалась вовсе сентиментальною. *С. Д. Нісъ*, въ ролѣ Миколы, олицетворилъ бурлачество. Бурлачество у него явилось фазою угасшей запорожской жизни, чѣмъ и есть на самомъ дѣлѣ. Что́ же касается пѣсень, пропѣтыхъ С. Д. Но́сомъ, то едвали кто можетъ соперничать съ нимъ въ исполненіи бурлацкихъ пѣсень:—это извѣстно здѣсь всякому. Одинъ офицеръ сказалъ намъ: «*все великолѣпно: только* ***Носъ*** *былъ совершенный бурлакъ.*» Роль *Выборнаго* исполнена господиномъ ***Борсукомъ*** такъ, какъ еще она никогда и нигдѣ не исполнялась; предъ нами былъ не шутъ, какимъ обыкновенно являлся до-сихъ-поръ Выборный, а лицо дѣйствительно почтенное. Каждый жестъ, каждое движеніе дышали дѣйствительностію.

Однимъ словомъ, исполненіе *Наталки*, въ Черниговѣ, равнялось тому впечатлѣнію, какое производитъ дорогая сердцу дѣйствительность. Черниговъ отстоялъ *Наталку*, которая готова была потонуть въ Летѣ, и поддержалъ ея право на долгое существованіе.

Въ этотъ же вечеръ былъ прочтенъ разсказъ Стороженка *Вуси*, а во второй—*Закохàний чóртъ*. Оба спектакля заключены были пѣніемъ. На сцену являлось, съ разныхъ сторонъ, 18 человѣкъ въ народной одеждѣ; но этого нельзя было назвать костюмировкой: казалось, каждый былъ въ своей обыденной одеждѣ. Вся группа была необыкновенно живописна.—Пѣсня: *Ой не пýгай, пýгаченьку*, была пропѣта вдвоемъ; затѣмъ пропѣли гуртомъ: *Ой Морóзе-Морóзенко; Ой по горі, по горі вівчáрь вівці ганяе*, съ незамѣтнымъ переходомъ къ пѣснѣ—*Ой мати, мати, мати*: подъ конецъ послѣдней пѣсни, нѣкоторые *пішлú у танець*... Публика пришла въ восторгъ. Вызовамъ и просьбамъ—повторить—не было конца. Кричали: *добре... спасибі... гарно... ей-же-Богу, гарно... громадо-громадо,.. ще разъ... остатній разъ, и т. п.*

Однимъ словомъ, восторгъ, произведенный спектаклемъ, былъ чрезвычайный. Куда бы вы ни показались, вездѣ были слышны восторженныя похвалы, всюду напѣвались мотивы изъ *Наталки*. Спектакль не произвелъ впечатлѣнія только на тѣхъ немногихъ, на которыхъ непроизводитъ впечатлѣнія ничто народное, почитаемое мужичьимъ, *моветоннымъ;* но для такихъ—*законъ не писанъ*.

Нельзя не упомянуть объ усердіи А. В. Марковича. Съ его только энергіей можно было вышколить до-крайности плохую музыку и довести ее до изряднаго исполненія.

Благодаря знанію народности К. В. и Г. П. Галаганъ, костюмировка Наталки была блистательно-хороша и вѣрна. Постоянно присутствуя при репетиціяхъ, они много помогли дѣлу своими совѣтами. И. П. Дорошенко былъ режиссеромъ и завѣдывалъ хозяйственною частію.

На маслянной же, въ Кіевѣ, два раза дана была *Наталка* въ прежнемъ видѣ и, не смотря на недостатокъ текста и партитуры, и на несовсѣмъ удовлетворительное исполненіе, все-таки произвела впечатлѣніе.

Такъ-какъ Наталка-Полтавка сдѣлалась библіографическою рѣдкостью, то большую услугу оказалъ бы тотъ, кто издалъ бы ее въ томъ видѣ, какъ она была поставлена въ Черниговѣ, съ прекрасною партитурою Ландвера.

Павло.

ДЕ-ЩО ЗЪ ГА́ДЯЧА.

(21 января 1862).

Всякий зна, якъ тру́дно бідному чоловікові своїхъ дітокъ вчи́ти. Не тілько по се́лахъ, и по городáхъ те́жъ са́ме: хоть би и радъ хто, Бо́же якъ радъ, віддáти свою́ дити́ну учи́тьця, да віддáти нікуди. Отáкъ и въ насъ, у Гáдячі: хло̀пцівъ—ще не тáкъ: на те́ повіто́ве и приходське́ учи́лища; а дівчáтъ? отто́ зъ ни́ми ли́хо! Не тільки про́стому наро́ду,—куди́! и не ду́же заміжни́мъ лю́дямъ вчить іхъ не мо́жна:—нігде. Бо хочъ и е въ на́шімъ повіті, въ с. Ри́марівці, пансіёнъ же́нський, да тамъ одно́ панство у́читця. Де́ жъ тамъ бідному чоловікові взять со́тні півтори́, щобъ заплати́ть у го́дъ за вче́ннэ дочки́? Ну, звісно — паны́ своїхъ до́чокъ тамъ и вчать, па́нські до́чки и вче́ні, а на́ші ніпричі́мъ зостаю́тця... И на душі у насъ ще тя́жче, ще ду́жче боли́ть се́рце, якъ гля́нешь на дити́ну, котре́ й захо́чуетця вчи́тьця—и вчи́лося бъ, та ба́! Бувъ, пра́вда, и въ го́роді пансіёнъ, де трохи де́шевше бра́ли, чімъ въ Ри́марівці, да всёго́ тільки три го́ди. Учи́тельша за́міжъ ви́йшла—вінъ и розвали́вся. И бідний хочъ не вчи́.

Отъ, щобъ зроби́ть по́мічъ біднимъ, щобъ и іхъ до́чокъ було̀ де́ вчить, заду́мали відкри́ть *кожноднёвню жёнську шко́лу*.

Сказáти вамъ, я́къ це було́: зібрáлась торікъ на икза́менъ въ повіто́ве учи́лище че́сна грома́да: батьки́, щобъ послу́хать, чому́ сини́ іхъ за-рікъ навчились, и дру́гі. Якъ скінча́ли икза́менъ, учителі й объяви́ли за шко́лу. Взяли́сь да́ромъ учи́ти по 3 часи́ въ день — *зако́ну Бо́жому*, *чита́ти*, *писа́ть* и *чоти́рі спра́ви зъ ариѳме́тики*. Къ тому́жъ жінки́ учителі́въ по 2 часи́ въ день—*шить* и *вишива́ть*. Для то́го жъ, щобъ вчити, тре́ба и хáти, де помісти́ть шко́лу, тре́ба й папіру, книжо́къ и для шиття́ де́-чого. Вони́ й постанови́ли: брать на це́ зъ ко́жної дівчини одъ *коповика́* до *двохъ карбо́ванцівъ*,—бідна—дешéвше, а багáтша—зъ тиі більше,—и, якъ бу́де учи́тьця чоти́рі, *пьяту* зъ са́михъ бідні́шихъ прийма́ть безъ пла́ти. (То́бъ-то, що́ зоста́нетця відъ чотирёхъ, на те́ пьяту вчить). Ціна́ хочъ и дорогéнька, та що̀ робúть? Всёго́ на пе́рвий обзавідъ тре́ба, да и взять нігде, и гро́шей ні копійки нема́е. Та дорога́, не дорога́,—а все-таки́ була́ бъ поле́гкість біднимъ лю́дямъ: де́сять, пьятна́дцать, чи нехáй и два́дцять карбóванцівъ у годъ ле́гше заплати́ть, чімъ півтори́—со́тні... Спаси́бі й за це́! Не одно́ се́рце, почувши объ шко́лі, мо́же, всміхну́лось, не оди́нъ, мо́же, сказáвъ: »*ще не вме́рла на́ша*

ма́ти!..« Ну, а були́ й такі, котрі каза́ли:—що вони́ ви́думали за шко̀лу? що зъ не́і бу́де пу́тнє. Наро́дъ тільки *послу́тили*, а ії мо́же й *відкри́ть не дозво́лять*... Коли́ такъ: ма́буть зна́ли злі язики́, що віщува́ли!—посла́ли проше́ние (такъ мині са́ми учителі каза́ли), щобъ дозво̀лено було̀ відкри́ть ії, на таки́хъ умо́вахъ, якъ я ви́шче ска-за́въ;—та що̀ зъ то́го, що посла́ли?—*Непідходяща*, ка́жуть, вона́ підъ дру́гі, що відкрива́ють по министе́рству наро́днёго просвіще́нія,—*непідходя́ща*—а тимъ и *відкри́ть не мо́жна*... Отаке́-то!.. Така́, ма́буть, до́ля на́ша; хоть що̀ й пу́тнє заду́маемъ зробить, то й ска́жуть: »непідходя́ща ва́ша ду́мка,—не бу́де по-ва̀шому!..«

Учителі, получи́вши таке́ розріше́ние, причи́слели ії до школъ по *духо́вному відомству*. Було́ у ній вже 7 учини́ць, а тепе́ръ тілько 6, а да́лі по о́дній зменша́тиметця—зменша́тиметця, и чере́зъ півро́ку оди́нъ по́минъ зоста́нетця, що була́ въ Га́дячі же́нська шко́ла. Не зна́ю, якъ другімъ, а мині такъ здае́тця...

Ось у насъ—у Га́дячі—новина́: охо́тники, якъ и торікъ, змо́вились та й зігра́ли, оце́ на святка́хъ, два *спекта́клі*. На пе́рвімъ гра́ли: *Школьный учитель, Что́ имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ*, а на дру́гімъ—*Карьера* и *Сатана́ въ бо́чці, або́ кумъ мі-ро́шникъ*. Зібра́ли, за оби́два, карбо́ванцівъ 230. Воно́ и більше мо́жна було́, коли́бъ ха́та, де́ гра́ли, просторні́ша, а то въ ній всёго-на́-всёго поміща́лось 100 дзи́гликівъ.

До́бре діло! Дя́ка на́шимъ щи́римъ громадя́намъ, що ду́мають не тільки объ собі, а и объ дру́гихъ... До́бре діло!.. Але́—що́ се я?.. не одно́ добре́ діло, а дво́е: одно́—спекта́клі у насъ показа́ли,—бо, мо́же, хто окро́мъ куме́дій, що и́ноді приїжда́ на я́рмарокъ, більшъ нічо́го не ба́чивъ изъ тия́трівъ, — а дру́ге — зарóблені гро́ші повернули впять на библіо́теку. Мо́же, якъ би други гра́ли, то сказа́ли бъ: — за що́ ми да́ромъ трудились? — за спасибі?.. — и грошеня́та въ кише́ню, та й ділу кіне́ць; або́ погуля́ли бъ на нихъ такъ, що держи́сь! (Бо въ насъ,—скажу́ не въ ла́йку й не въ укіръ,—ду́же голи́нні до гуля́ння! Чу́тка—оце́ неда́вно підписку відкри́ли, щобъ вечери́нку зада́ть на *славу*!..) Мо́же бъ, *други* й прогуля́ли, а на́ші щи́рі громадя́не—ні: »неха́й,« ка́жуть,—гро́ші ці на библіо́теку,—відъ то́го по́льза бу́де не одни́мъ намъ, а всему го̀родові« и що̀ зросхо́дували, а то карбо́ванцівъ 165 досталось на ви́писку журна́лівъ. Спаси́бі!...

Иванъ Кивайголова.

ВІСТІ ЗЪ КРЕМЕНЧУГА.

Ще ні разу не доводилось прочитать намъ ні одного слова у вашій *Основі* про Кременчугъ. Думаючи, що, може, мій листъ не буде лишній и визве придатнійшихъ людей на розмову, пишу тільке те, що вспівъ дознати прихваткомъ.—Одъ Полтави до Кременчуга стовповимъ шляхомъ щитаетця 113 верстъ; стоіть вінъ біля самісенького Дніпра, а супротивъ его на тімъ боці Дніпра стоіть посадъ Крюковъ. Кременчугъ городъ великій, да не чепурный; будинки почорніли, вапна на іхъ пооблуплювалась, криши пообдирались, а хазяинамъ и гадки мало. Бачте—все ніколи, народъ *комерческий*. Коли прочують, що іде хто-небудь *важний*,—отъ—полиція гукне,—на главній херсонскій улиці підметуть, підмажуть, підбілять на живу нитку та й годі; а проіхавъ *важний*, пішло зновъ усе на старий ладъ.—Декотрі улиці вимощені камнемъ, да вимощені безъ толку: каміння покладено такими здоровенними кусками, що ні іхать, ні ходить гораздъ не неможна. Черезъ Кременчугъ проведено телеграфъ на Київъ, Полтаву, Екатеринославъ и Миколаівъ:—се діло дуже добре, та не для всіхъ. Разъ мині довелось бачити, якъ одинъ бідний купець трічі перемінявъ депешу. Принісъ разъ — не приймають черезъ те, що написано не *сегодня*, а севодні; переписавъ вінъ, подае—зновъ не принимають, черезъ те, що написано *цены*, а не цѣны: треба було въ трейте переписувать. Ну да сее ще не велика біда.—Отъ лихо на переправі! звісно що у літку черезъ Дніпръ переіздять мостомъ, а весною и въ осени містъ знімають и перевозять на байдакахъ, на поромахъ и на дубахъ.—Се сама пекельна пора для біднихъ людей—особливо для чумаківъ; иноді сутокъ двое або трое стоять да ждуть, поки-то іхъ перевезуть. Ще ідучи зъ Кременчуга легше, а вже якъ ідуть зъ Крюкова въ Кременчугъ,—тоді, просто, хочъ плачъ! Не знаю вже черезъ що, чумаки прозвали крюковську переправу *аплічівською*. Переправа, бачте, тутъ казенна, а обходитця гірше простоі. Сама менша плата по злотому одъ чумацькоі хури. Не скажу вже, хто забірае гроши за переправу, а самъ бачивъ чумака, котрий дававъ по сороківці одъ хури, а зъ его правили *по дві*: торговався вінъ два дні, а на трейтій зъедналисъ на злотого. Не даромъ уже самі полиціанти пору переправи зовуть своіми жнивами...

Саме місце, на котрому стоіть Кременчугъ,—указало, чимъ повинні перебиватьця кременчужці. Хліборобство тутъ не зъ руки,

а торгъ ведетця гарно, особливе лісомъ. Краще всіхъ торгуе деревомъ купець Вітковъ, чоловікъ гарний и, хочъ Москаль, а чесний. Кроме лісного, ведетця гарний торгъ хлібомъ у зерні, и лёномъ. Лавокъ у городі зъ крашниною, зъ бакаліію, погрібівъ зъ винами—сила силюща, а *шинкамъ* и ліку нема; що ступінь, той шинокъ. Шинкують жиди и поштують народъ, замісь горілки въ 25 град., перевареною водою, заправленною горілкою.—Воно й краще: більше випьють и пьяні не будуть. Фабрикъ съ турецькимъ тютюномъ у Кременчузі пять, а путня зъ іхъ тілько одна—караіма Дурунчи. Такъ само и гостинниць ажъ шість, а дотепної нима ні одної. Зимою (якъ теперъ) у хатахъ холодно,—хочъ вовкомъ вий, істи нема нічого путнёго, а гроши деруть такъ, що ажъ пучки знать.

Черезъ те, що Кременчугъ городъ торговий,—люде живуть у ёму всякиі: украінці, москалі, німці й жиди; здаетця, що послідніхъ найбільшъ. Куди глянешъ, де не повернешся—усюди стирчить жидъ. И не диво! Сей безпритаманний народъ зъ-роду не привикъ добувать хлібъ потовою працею; ему все колибъ легко дойшлось. Инчий жидъ при здоровьі, а трудитця не хоче: візьме на коповика сірниківъ, вакси, мила и швендяе цілий день; виникае по всімъ дворамъ, и на-силу, на-силу заробить сороківку. Соромъ ему нанятьця улицю мести и *чесно* заробить гроши: куди! ёму краще на зводи, да на переводи піти.

Наши кременчузькі украінці тожъ стали знікчемнюватьця,—цураютця свого латаного, а хватаютця за чуже хапане. Одні стали наровить на московський ладъ и закидувати въ речахъ на *а*; другіі наконці приточують—*съ* и силкуютця вийти або въ міщанство, або въ панство; и виходять зъ іхъ якись перевертні: ні Богу свічка, ні чорту ладанъ.

Е въ Кременчузі громадська безплатня книгарня; у ій до 2000 книжокъ; заведена вона ще въ 1859 р., а й досі не одкрита, такъ якъ слідъ,—хочъ городська купецька громада и положила давать, щороку на книгарню 200 карбованцівъ. Первимъ роботникомъ на діло книгарні бувъ и е Петро Ивановичъ Стронинъ. Ему жъ треба сказати спасибі и за недільні школи—хлопьячу й дівочу.—Школи сі одкриті въ осени 1860 р.—При своіму початку, вони мали всего тілько 25 карб., котрі подаровавъ городський голова Посниковъ, чоловікъ щиро прихильний до народнёго блага. Послі, зимою, грали спектаклі и зібрали для школъ більше 600 карбованцівъ; зъ іхъ

500 оддали одному надежному чоловікові: вінъ и платить що-року школамъ 50 карб. проценту. Скілько записано у школахъ дівчатъ и хлопцівъ—не звісно; бо у школахъ нема записної книжки: спершу вона була, да діти побачивши, що іхъ записують, злякались, подумавши, що іхъ поберуть у москалі, и перестали ходить у школу.—Дівоча школа иде краще: учитця у ій 35–45 дівчатъ; учительниць вісімъ. У хлопьячій—учениківъ бувае 25—30; учителівъ більше 6 не бувае. И не диво! зъ повітового училища тілько два учителі ходить вчить у школу, а другі по неділямъ лежники справляють.

У *комерческімъ* Кременчузі, громада недуже прихильна до школъ. Есть такиі панії, що изъ тіхъ котрі ходять учити въ школу насміхаютця и дорікають *прогресситками*. Бридко на душі становитця, якъ згадаемъ що у нашъ вікъ е ще оттакі голови. Найбільша потреба убачаетця тутечки у дівочому училищі, хочъ би 3–го разряду. Для хлощівъ есть–таки приходьске и повітове училище, а для дівчатъ тілько два *пенсіоні*, у котріхъ дорого беруть и біднімъ людямъ туди хочъ и носа не показуй. Кажуть, що дівочого училища не буде потіль, покіль не заведетця городський банкъ. А про сей банкъ ведетця *переписка* літъ більше *десяти*: и гроши есть у Думи, и горожане бажають, да ба! то *проэктъ* не такъ написаний, то те, то друге,—та й зупиняе добре діло.

Отъ—и все, що дознавъ я про Кременчугъ. Хіба сказать ще де–що про *клубъ*. Нема ще шести неділь, якъ у Кременчузі завели клубъ, а вже химерна штука вишла. Одинъ панъ дуже бувъ розремствовавсь за те, що громада зібрала старшиною невеличкого чиновника, здаетця *колежського секретаря*. Ну, ще бъ дарма, якъ би посердився собі підъ нісъ та й годі, а то ставъ порочити *чесного* чоловіка не за що!.. А отъ—ище добра вістка: тутешні офицери (кавалеристи) зібрали міжъ собою 100 карбованцівъ на підмогу біднимъ студентамъ.

Александеръ Переходовець.

21 декабря 1861 р.
Кременчугъ.

ПИСЬМА ИЗЪ-ПО-НАДЪ ДЕСНЫ И СЕЙМУ.

II.

4 марта.

Мы замѣтили, что прошлый мясоѣдъ число крестьянскихъ свадебъ въ нашемъ куткѣ было очень незначительно; это объясняется тѣмъ, что въ теченіе прошлаго года, съ апрѣла по ноябрь, перевѣнчалось изъ временно-обязанныхъ столько, сколько и въ три года прежде не вѣнчалось. Къ 1862-му г. оставались большею частью только дворовыя дѣвушки, задержанныя подъ разными предлогами, паніями и панночками. Но и въ этомъ году имъ не посчастливилось: въ январѣ мѣстное губернское присутствіе постановило, что дворовыя дѣвушки, желающія выйдти за мужъ, должны за мѣсяцъ впередъ объявить о томъ помѣщикамъ. Это постановленіе, нераспространенное межъ крестьянами въ свое время, помѣшало многимъ *на рушникъ стати*. Поэтому поводу не мало было случаевъ и смѣшныхъ и грустныхъ. Вотъ одинъ изъ послѣднихъ: у жены одного не очень заможнаго, но великаго саномъ пана, была горничная дѣвушка, давно уже порывавшаяся выйдти замужъ за сосѣдскаго лакея; но барынѣ не хотѣлось разстаться съ ней и, удерживаемая горничная продолжала сидѣть въ дѣвкахъ. Наконецъ, въ прошлый мясоѣдъ, женихъ рѣшился жениться въ что́ бы то ни стало. Приготовились къ свадьбѣ, условились съ священникомъ, покончили всѣ приготовленія, какъ слѣдъ; оставалось—сѣсть, да поѣхать къ вѣнцу. Пріѣхали за невѣстой, разрядилась она и только-что сѣла въ сани ѣхать въ церковь, какъ является помѣщикъ и, силою губернскаго постановленія, заставляетъ невѣсту выйдти изъ саней и продолжать прежнюю службу еще мѣсяцъ... Нечего было дѣлать, отложили свадьбу (только не на одинъ мѣсяцъ, потому что дѣло было передъ масляной), но каково было откладывать её? Были и другіе подобные случаи, да нѣтъ охоты ихъ разсказывать.

Въ томъ самомъ уѣздѣ, гдѣ случился разсказанный казусъ, услыхали мы и отрадныя вещи: въ имѣніи, состоящемъ изъ 2600 душъ, введена уставная грамота, *подписанная* уполномоченными отъ крестьянъ. Это фактъ большой важности для нашего кутка; на приглашеніе крестьянъ—принять участіе въ составленіи грамоты, они отвѣчаютъ обыкновенно: нехай ще подивимся, якъ люде робитимуть, тоді и ми... Теперь, примѣръ 2600-тъ душъ долженъ подѣйствовать на цѣлый околотокъ, тѣмъ болѣе, что подобные факты быстро распространяются

межъ крестьянами. Эти же 2600 душъ, чрезъ нѣсколько дней по подписаніи уставной грамоты, прислали къ посреднику выборныхъ, прося его ходатайствовать у помѣщика о переходѣ на оброкъ. Помѣщикъ согласился и чрезъ нѣсколько дней дѣло объ этомъ было кончено. Переходъ на оброкъ еще важнѣе подписанія грамоты: теперь нельзя уже сомнѣваться, что какъ помѣщики, такъ и крестьяне должны предпочесть оброкъ издѣльной повинности, которая при мѣстномъ урочномъ положеніи, очень требовательномъ, поведетъ только къ бо́льшему ожесточенію обоихъ сословій. Оброчное состояніе избавитъ помѣщика отъ кропотливаго и труднаго контроля крестьянскихъ работъ, а крестьяне, вмѣстѣ съ нимъ, получатъ скорѣйшую возможность—жить самостоятельно. Къ-сожалѣнію, межъ помѣщиками не мало еще такихъ, которые ратуютъ за издѣльную повинность, конечно, боясь разстаться съ остающеюся тѣнью помѣщичьей власти...

Въ томъ же таки уѣздѣ на дняхъ совершился еще болѣе утѣшительный фактъ: крестьянское общество, болѣе 300–тъ душъ, согласилось принять отъ помѣщика въ даръ—четвертной надѣлъ и тѣмъ члены его изъ временно–обязанныхъ, стали крестьянами–собственниками. Согласіе это мы назвали утѣшительнымъ фактомъ въ томъ отношеніи, что при существующемъ недовѣріи крестьянъ къ помѣщикамъ и подобныя сдѣлки удаются не совсѣмъ–то легко. Въ Конотопскомъ уѣздѣ, отличающемся хорошимъ качествомъ своихъ земель, одинъ помѣщикъ предлагалъ крестьянамъ подобную сдѣлку, имѣя въ виду обоюдную пользу, и получилъ отказъ. »Будемъ ждать слушного часу!« отвѣчаютъ обыкновенно крестьяне въ такихъ случаяхъ. Любопытно, что когда эти 300 душъ подписали свое согласіе на принятіе помѣщичьяго дара, то одинъ изъ нихъ подошелъ къ посреднику и таинственно просилъ его: »теперъ же вже ви насъ защищайте, коли лучитця яка біда!« На вопросъ посредника—о какой бѣдѣ онъ говоритъ, крестьянинъ отвѣчалъ: »да кажуть же, що хто візьме даромъ землю, такъ якъ ми, то тіхъ не будуть ні хрестить, ні причащать...« Нелѣпость подобныхъ слуховъ лучше всего говоритъ о той довѣрчивости, съ которою крестьяне слушаютъ разныхъ бродягъ, распускающихъ подобныя вѣсти изъ–за какой–нибудь *чвертки*. Нечего и говорить, что любопытство крестьянъ, относительно обстоятельствъ ихъ освобожденія, велико; удовлетворять его чтеніемъ постановленій губернскаго присутствія, по безграмотству, они не могутъ: поневолѣ приходится довольствоваться новостями, сообщаемыми устно. Значитъ, и за эту излишнюю

довѣрчивость обвинять крестьянъ нельзя, а нужно посильнѣе заняться распространеніемъ грамотности.

Съ конца 1860 г., обученіе грамотѣ крестьянскихъ дѣтей у насъ значительно подвинулось: по распоряженію мѣстнаго архіерея, въ каждомъ приходѣ учреждены были школы, обученіемъ въ которыхъ должны были заняться священники и другія лица приходскаго причта. Вотъ числовыя данныя объ этихъ школахъ по 1861 г.

Новгородсѣверскій уѣздъ:	школъ	68,	учащихся	мальчик.	1404,	дѣвоч.	189
Глуховскій	—	—	55,	—	—	1054,	—	135
Мглинскій	—	—	63,	—	—	835,	—	133
Стародубскій	—	—	77,	—	—	847,	—	112
Новозыбковскій	—	—	50,	—	—	819,	—	134
Остерскій	—	—	51,	—	—	624,	—	160
Черниговскій	—	—	48,	—	—	602,	—	125
Сосницкій	—	—	61,	—	—	572,	—	136
Суражскій	—	—	33,	—	—	532,	—	144
Козелецкій	—	—	46,	—	—	525,	—	146
Конотопскій	—	—	41,	—	—	558,	—	105
Кролевецкій	—	—	38.	—	—	587,	—	59
Нѣжинскій	—	—	49,	—	—	515,	—	120
Борзенскій	—	—	38,	—	—	511,	—	99
Городницкій	—	—	41,	—	—	519,	—	72
Въ губерніи	—	—	759.	—	—	10,504,	—	1769 (*)

Въ прошломъ году всѣ эти цифры повысились, но, сколько намъ извѣстно, на процентъ очень незначительный. Главное затрудненіе при распространеніи сельскихъ школъ, заключается въ недостаткѣ для нихъ помѣщеній; изъ вышеприведенной цифры школъ, 645 помѣщались въ домахъ и квартирахъ священниковъ. Сколько намъ случалось посѣщать сельскія школы, почти вездѣ приходилось слышать жалобы на тѣсноту, какъ главную замедляющую причину увеличенія числа учениковъ. И дѣйствительно, священнику трудно помѣстить у себя болѣе 20, 30 душъ да и тѣ размѣщаются такъ, что поневолѣ мѣшаютъ другъ другу. Въ этомъ же неудобствѣ заключается причина и медленности при первоначальномъ обученіи. Но это все еще ничего передъ тѣмъ неутѣшительнымъ фактомъ, что въ числѣ обучающихся, число дѣтей временно – обязанныхъ крестьянъ самое незначительное; главная масса

(*) Данныя эти взяты нами изъ черниг. епарх. извѣстій 1861 г., № 10. Кромѣ *приходскихъ* школъ, въ Черниговс. губ. въ 1860 г. находилось еще 65 школъ заведенныхъ палатою государств. имуществъ, въ которыхъ училось мальчиковъ 2109, а дѣвочекъ 243.

школяровъ принадлежитъ козачьему сословію. Нерѣдко можно встрѣтить, что въ школѣ человѣкъ въ 20,30–ть—нѣтъ ни одного изъ временно–обязанныхъ. Спрашивая послѣднихъ—почему они не отдаютъ дѣтей въ школы, обыкновенно слышишь такія разсужденія: »на що намъ отдавать іхъ въ школу? Богъ зна, що ще зъ сёго буде, а якъ хлопець дома, то вінъ и скотъ напоіть и гній викидае зъ хлівцівъ; все–таки зъ его робота е,—не даромъ хлібъ ість.« Главная же причина, сколько мы понимаемъ, этого равнодушія къ грамотности, заключается въ томъ, что жизнь временно–обязанныхъ крестьянъ въ настоящее время находится въ какомъ–то колебательномъ состояніи; они не успѣли еще прійдти въ себя, послѣ вѣковаго почти сна, а потому естественно, они не могутъ пока дать себѣ отчетъ—что́ для нихъ полезно и что́ вредно, а намъ не вѣрятъ...

Обученіе въ школахъ ведется на манеръ старинный: азбука, часословъ и псалтырь. Много можно бы сказать противъ этого направленія, но это ни къ чему не поведетъ; пока сельскими учителями будутъ лица изъ духовнаго сословія—часословъ и псалтырь пребудутъ нерушимы; свѣтскихъ же учителей намъ долго еще прійдется ждать...

Не лишнимъ считаемъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе о нашихъ школахъ: обученіе чтенію, во всѣхъ почти школахъ, производится по славянскому букварю и затѣмъ уже дѣти переходятъ къ чтенію книгъ петровской печати. Мы по опыту знаемъ, что дѣти механизмъ чтенія скорѣе схватываютъ по послѣдней и потому гораздо полезнѣе *начинать* съ послѣдней же: во–первыхъ, на обученіе чтенію по петровской печати теряется времени гораздо менѣе, чѣмъ по славянской; во–вторыхъ, выучившись читать по первой, дитя переходитъ къ чтенію по второй очень легко; между тѣмъ, если оно начинаетъ съ славянской, то переходъ къ петровской для него гораздо затруднительнѣе, слѣдовательно, опять связывается съ лишнею тратою времени. Желательно бы, чтобъ это замѣчаніе, по провѣркѣ на опытѣ, было принято тѣми, кому вѣдать надлежитъ.

Окончивъ письмо, мы вспомнили, что забыли сказать о повтореніи въ одномъ изъ нашихъ уѣздовъ исторіи, бывшей съ г. Шиповымъ; только тутъ мотивъ былъ другой: дворяне просили предводителя передать свою должность кандидату на томъ основаніи, что *маршальское ничего–недѣланіе* теперь несовременно. Удовлетворена ли была просьба—намъ неизвѣстно.

Ал. Ми́хченко.

ИЗЪ Г. ТАРАЩИ, (КІЕВСКОЙ ГУБ.).

I.

Разскажу вамъ кое–что о жизни нашего городка и вообще этой мѣстности. Нынѣшній годъ былъ довольно благопріятенъ для здѣшняго края въ матеріальномъ отношеніи, а, пожалуй, и въ нравственномъ, такъ-какъ теперь обѣщано, въ опредѣленномъ и недалекомъ срокѣ, полное освобожденіе крестьянъ. Но вообще эта мѣра, вначалѣ принята здѣсь не совсѣмъ такъ, какъ бы слѣдовало ожидать. Помѣщикамъ кажется, что ихъ раззорили, хотя, въ–сущности, новое положеніе больше для нихъ полезно, чѣмъ вредно.—Крестьяне смотрятъ на освобожденіе какъ–то недовѣрчиво, и не ожидаютъ отъ него значительной перемѣны къ лучшему: такъ ужъ они привыкли къ тому, что «*обіцяв*ъ *панъ кожу́х*ъ, *та й сло́во ёго́ тепле*«; да притомъ хотя они частью и вѣрятъ этимъ обѣщаніямъ, но это не удовлетворяетъ ихъ: они желали и ожидали гораздо больше, не входя въ то, будетъ ли это выгодно и удобно для другихъ сословій.

Разскажу вамъ одинъ слышанный мною случай, довольно вѣрно выражающій взглядъ крестьянъ на освобожденіе: въ первый день чтенія манифеста одинъ крестьянинъ ѣхалъ въ мѣстечко на базаръ изъ деревни, въ которой небыло церкви, и потому не читали еще манифеста, о которомъ онъ уже однако слышалъ, и встрѣтилъ своего знакомаго, уже возвращавшагося оттуда, и везшаго между другими покупками завязанный горшокъ съ чѣмъ–то. »А що тамъ? ка́жуть, во́ля?« спросилъ его встрѣтившійся.—Та во́ля.—»А де–жъ вона́?«—А ось въ горшку́, та ще й завязана... —Случай этотъ едва–ли достовѣренъ, но таковъ, или почти таковъ взглядъ на этотъ предметъ здѣшнихъ крестьянъ. Конечно, со временемъ, когда всѐ устроится, они увидятъ свое освобожденіе въ иномъ свѣтѣ. Но теперь, и въ нѣкоторой степени не безосновательно, во многихъ имѣніяхъ крестьяне предпочитаютъ нынѣшнее переходное состояніе будущему свободному: тогда они должны будутъ отбывать повинность за землю деньгами, а теперь работаютъ одинъ день въ недѣлю на панщинѣ и другой, такъ–наз. *сгонный*, т. е., обязательный, но съ платою за него по 20 к. с. Эту панщину отбываетъ одинъ мужчина изъ каждой хаты, а женщина по дню въ недѣлю.

Объ образованіи здѣшняго народа нечего много и распространяться, развѣ перечислять quasi—училища и восхищаться сочувствіемъ

нашего общества къ народному образованію, котораго, т. е. сочувствія сказать правду, намъ кажется, очень немного. Есть, напримѣръ, у насъ воскресная школа. А спросите, кѣмъ она открыта?— Офицерами квартирующихъ здѣсь войскъ, и можно почти навѣрное сказать, хотя такое признаніе очень печально, что съ выходомъ отсюда войска едва–ли удержится и школа. При томъ же она и теперь приноситъ не слишкомъ много пользы, такъ какъ въ ней преподаваніе идетъ не на народномъ, а на русскомъ языкѣ. При открытіи школы поднялись было одинъ или два голоса въ пользу украинскаго языка, но большинство учредителей не согласилось на это. А вѣдь, кажется, какая мысль можетъ быть проще той, что всякій поймет и усвоитъ чтобы–то ни было только тогда, когда ему будутъ преподавать и объяснять на языкѣ, вполнѣ ему понятномъ, слѣдовательно на томъ, на которомъ онъ говорилъ. Впрочемъ гг. офицеровъ можно извинить тѣмъ, что многіе изъ нихъ не знаютъ хорошо украинскаго языка, но съ другой стороны отчего–бы хоть нѣкоторымъ, знающимъ, не преподавать на родномъ языкѣ?

А вотъ ужъ кого нельзя извинить ничѣмъ, такъ это наше высокопочтенное общество. Почти всякій изъ здѣшнихъ постоянныхъ жителей знаетъ болѣе или менѣе народный языкъ, почти всякій можетъ удѣлить 2—3 часа въ недѣлю на пользу общую, но... у нихъ, видите–ли, много своего дѣла: преферансъ, толки, переливанье изъ пустаго въ порожнее и т. п. Да и вообще здѣсь очень мало сочувствія къ родному для бо́льшей части народу и его литературѣ. Еще часто можно слышать выраженія въ родѣ: «помужицки,» «мужицкій языкъ», «po–chłopsku», и т. п.

Но мое письмо приняло уже довольно значительный объемъ, и потому кончаю его. Въ слѣдующемъ письмѣ я намѣренъ коснуться нѣкоторыхъ другихъ сторонъ здѣшняго быта и изложить здѣшніе толки и мнѣнія о покойномъ Шевченкѣ и вообще здѣшніе взгляды, довольно оригинальные, на него самого и его дѣятельность.

II.

Мнѣ только–что сообщены однимъ моимъ знакомымъ свѣдѣнія о состояніи нѣсколькихъ сельскихъ школъ въ Чигиринскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ, а я, въ свою очередь, сообщаю ихъ вамъ, полагая, что они не лишены нѣкотораго интереса. Всѣ подобныя училища,

какъ и вамъ вѣроятно извѣстно, открыты, въ началѣ прошедшаго года, приходскими священниками, вслѣдствіе указа Кіевскаго митрополита. Теперь разскажу о трехъ школахъ, о которыхъ я получилъ точныя и подробныя свѣдѣнія, за достовѣрность которыхъ ручаюсь.

Въ с. *Журавкѣ* (Чигиринскаго уѣзда, имѣніе графа Бобринскаго), школа помѣщается въ общественномъ (громадскомъ) домѣ, отопленіе же для нея, въ зимнее время, даетъ помѣщикъ. Учениковъ обыкновенно бываетъ человѣкъ до двадцати. Но если бы кто спросилъ, что́-же они успѣли узнать за годъ своего ученія, то отвѣчать довольно трудно. Нѣкоторые успѣли выучить азбуку, конечно, по старинному, — азъ, буки, и т. д., а премудрости складовъ еще узнать не было времени и не хватило силъ преподавательницы.

При этомъ должно сказать еще, что крестьяне въ этомъ селеніи вообще народъ зажиточный, и очень хочется имъ воспитывать дѣтей своихъ какъ слѣдуетъ. Это видно изъ того, что недавно у нихъ явилось желаніе устроить у себя школу для дѣвочекъ, своими собственными средствами. Они предлагали одной дамѣ принять на себя должность учительницы, обѣщая собрать до 200 р. ежегоднаго жалованья, но она не могла въ то время согласиться на ихъ предложеніе, по своимъ обстоятельствамъ. Впрочемъ можно надѣяться, что эта мысль будетъ въ скоромъ времени приведена въ исполненіе. Худо только то, что они, сознавая важность первоначальнаго образованія, не могутъ давать его своимъ сыновьямъ. Они сами очень недовольны своей школой и говорятъ: —та чого-жъ вони тамъ вчатця, що за годъ не знають «буки-азъ-ба.»

Въ с. *Матусовѣ* (Черкасскаго уѣзда, имѣніе г. Орлова), въ большомъ селеніи, двѣ церкви и два прихода, а потому и двѣ школы. Хотя онѣ недалеко одна отъ другой, но разстояніе между состояніемъ той и другой неизмѣримое. Одна, въ приходѣ церкви св. Димитрія, составляетъ очень пріятное исключеніе изъ множества другихъ. Священникъ этого прихода—человѣкъ образованный и видѣвшій свѣтъ, самъ занимается ежедневно со своими учениками. Но какъ для него одного это было-бы затруднительно, то онъ поручаетъ первоначальныя занятія съ ними обыкновенному сельскому грамотѣю, изъ отставныхъ солдатъ, конечно, подъ своимъ постояннымъ надзоромъ. Въ этой школѣ учащіеся успѣли уже столько, что священникъ могъ составить изъ нихъ довольно порядочную пѣвческую.

Зато другая школа, въ томъ же селѣ, съ избыткомъ уравновѣши-

ваетъ своими недостатками достоинства первой. Единственный преподаватель въ ней тоже отставный солдатъ, котораго всѣ знанія ограничиваются умѣньемъ читать и немножко писать. Онъ здѣсь лицо вполнѣ безответственное и безконтрольное.

Я буду стараться всѣми силами собирать по-больше такихъ свѣдѣній, и самъ, и отъ другихъ (разумѣется людей достовѣрныхъ), и немедленно сообщать ихъ вамъ. Теперь мнѣ сообщены еще нѣкоторыя свѣдѣнія, но очень неполныя, и потому откладываю сообщеніе ихъ до пополненія. Да, я еще забылъ упомянуть объ одномъ случаѣ: однажды мой знакомый, сообщившій всѣ эти свѣдѣнія, будучи во второй (т. е. худшей) школѣ въ Матусовѣ, началъ объяснять ученикамъ начатки священной исторіи; а почтенный преподаватель слушалъ-слушалъ, и наконецъ сказалъ: «Ишь ты! а я такихъ диковинъ еще и не слыхивалъ!»

«Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!..»

ИЗЪ—ВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(*26 января 1862*).

Прошлый годъ, въ іюнѣ, я писалъ въ вашу *Основу* о вещахъ самыхъ безотрадныхъ. Но если жизнь и представляла тогда печальныя явленія, за то природа умѣряла негодованіе своимъ величіемъ, роскошью, красотой и нѣгой, которыми такъ обильно обливала, со всѣхъ сторонъ, пораженнаго и умиленнаго зрителя...

Прошло полгода. Я опять въ Малороссіи, опять въ той же мѣстности. Опять таже жалкая среда давитъ душу и сердце, опять тѣ же старческіе недуги одолѣваютъ несчастную среду, больную, уже и безъ того, хроническими, неизлѣчимыми болѣзнями, противъ которыхъ, кажется, существуетъ одно вѣрное средство—смерть... Да, она *сухоре́бриця!* Она, вѣдь, не разъ, оказывала услуги нашему обширному отечеству... Я сегодня въ жолчномъ расположеніи духа, и отъ моихъ пожеланій не поздоровится. Мнѣ та́къ и чудится, что надъ могилами нашей породы будетъ расти болиголовъ и чертополохъ, мычать рогатый скотъ, хрюкать одичалая свинья... если мы во́-время не одумаемся.

Смятеніе, обуревавшее лѣтомъ головы здѣшнихъ старцевъ, въ той же степени, кажется, царствуетъ въ нихъ и понынѣ. Словомъ, дѣйствующія лица тѣже, что и были; перемѣнилась только обстановка. Вмѣсто роскошной, всеоживляющей растительности, глазамъ нашимъ представляются сплошныя массы глубокихъ снѣговъ, да обнаженные лѣса съ вершинами, покрытыми инеемъ. Снѣгъ немилосердно и неустанно валитъ сверху и рвется снизу, по цѣлымъ суткамъ, такъ что глазъ не различаетъ, за четверть версты, никакихъ предметовъ; дороги убійственныя, приводящія въ ужасъ и смятеніе душу человѣка, и сокрушающія самые крѣпкіе желудки и ребра. Мрачныя, тоскливыя, бѣлесоватыя пустыни, по которымъ, какъ пятна, *мрѣютъ* села; свистъ вѣтра, завыванье волковъ, карканье глупыхъ воронъ—и больше ничего... Тоска, смертная тоска! Завидую я вамъ, сидящимъ въ теплѣ, за каменными стѣнами и невѣдающимъ, что́ творится въ лѣсахъ дремучихъ, степяхъ безбрежныхъ, поляхъ опустѣлыхъ...

Но къ дѣлу, къ дѣлу!

Вы хотите знать, конечно, многое,—все. Какъ идетъ крестьянское дѣло, какъ межевое, какъ хозяйство, образованіе народа, сколько гдѣ заведено школъ, чему въ нихъ учатъ, чѣмъ интересуется общество высшаго круга (аристократія), къ чему оно стремится, какія у него планы и проч. и проч.? Боже мой! Да на столько вопросовъ отвѣчать почти-невозможно. Невозможно потому, что на большую часть изъ нихъ нѣтъ и отвѣтовъ.—Какъ, нѣтъ отвѣтовъ?—Да такъ, нѣтъ—и вся недолга! Вы думаете, что такъ—вотъ, пришелъ, посмотрѣлъ—и знаешь все, все ясно, какъ день? Какъ бы не такъ! Нашли дураковъ! Да, вѣдь еслибъ дѣйствительно было такъ, такъ, послѣ такой несообразности, девять десятыхъ этого общества до того скверно бы стало, что хоть сквозь землю тутъ же и провалиться! Нѣтъ-съ, оно совсѣмъ не такъ! А вотъ какъ. Примѣрно, вошли вы въ комнату, гдѣ совершенно темно, темнѣе даже, чѣмъ ночью. Сдѣлавши два шага, вы во что то хватились лбомъ: звенитъ. Чтобы это такое? Вы протягиваете впередъ руки, изъ предосторожности и любознательности. Оказывается, что это голова, человѣческая голова Стало быть, тутъ есть люди, думаете вы, и не ошиблись. Люди, точно, тутъ есть, и даже много ихъ.—Ну, слава Богу! теперь я буду знать, гдѣ я,—продолжаете вы размышлять, обрадовавшись человѣческому обществу.—Господа, начинаете вы очень вѣжливо, какъ прилично человѣку порядочному:—извините... я бы хотѣлъ знать...—А ты

хотѣлъ бы знать!..—раздается нѣсколько голосовъ. Потомъ, шумъ усиливается... вы едва разбираете отдѣльныя слова, междометія, восклицанія, поминаніе нѣкоторыхъ родственниковъ... Потомъ... потомъ вы уже ничего не можете разобрать. Все сливается въ какой-то неопредѣленный гулъ и рокотъ. Въ недоумѣніи, вы спѣшите поскорѣе убраться изъ этого общества, и ищете выхода. Наконецъ попали. Вы на чистомъ воздухѣ; отплевываетесь и открещиваетесь и благодарите Бога за спасеніе жизни. Я васъ встрѣчаю и спрашиваю: Разскажите, что́ тамъ дѣлается?

— Ничего не дѣлается, мрачно отвѣчаете вы. Я совершенно понимаю вашъ отвѣтъ, и прекращаю разспросы.

Основываясь на этомъ, и вы не спрашивайте меня о нѣкоторыхъ щекотливыхъ предметахъ, а довольствуйтесь тѣмъ, что́ моей милости заблагоразсудится сообщить.

Сообщу, прежде всего, что было нѣсколько мировыхъ съѣздовъ, на которыхъ рѣшено много вопросовъ, весьма удовлетворительнымъ образомъ. Какіе это вопросы? усматривается изъ губ. вѣд. за прошедшій и текущій годы. Былъ, между прочимъ, замѣчательный съѣздъ с — го уѣзда, въ селеніи Х — хъ, по случаю несогласій тамошнихъ крестьянъ съ ихъ помѣщицей. У меня нѣтъ ни охоты, ни времени сообщать вамъ всѣ подробности его. Скажу только, что когда члены его стали разъѣзжаться, то хозяйка дома грозила доносомъ.

Нѣкоторые помѣщики стараются сойтись съ крестьянами на добровольныя сдѣлки; но удается это очень немногимъ. Крестьяне недовѣрчиво смотрятъ на всякія предложенія, и подозрѣваютъ въ нихъ обманъ. Прежняя ложная мысль, что черезъ 2 года земля будетъ ихъ, еще не оставлена ими.

Межеванье, по-случаю зимы, отдыхаетъ на лаврахъ, пожатыхъ, въ лѣтнее время, на болотахъ, поляхъ и прочихъ угодьяхъ. Зато образуются новыя коммиссіи, въ уѣздахъ, гдѣ еще не начиналось размежеваніе. Выборы членовъ, въ эти коммиссіи, заслуживаютъ особеннаго вниманія, и потому, я намѣренъ поговорить о нихъ подробнѣе. Прежде всего, замѣчу, что на эти коммиссіи, должно быть, положено заклятіе, по крайней мѣрѣ, въ той мѣстности, о которой я пишу, и суждено имъ состоять изъ членовъ, рѣшительно неспособныхъ къ движенію и ко всякой другой дѣятельности, или по совершенной преклонности лѣтъ, или по необъятной тучности. Вотъ, на выдержку, одинъ уѣздъ. Выборы, разумѣется, открываются блестящею рѣчью

г. предводителя дворянства, въ которой онъ, самыми яркими красками, описываетъ важность дѣла, возлагаемаго на коммиссію, и полагаетъ, что, для достиженія своей цѣли, коммиссія должна состоять изъ умныхъ и честныхъ дѣятелей, посвятившихъ себя этому дѣлу; словомъ,—замѣчаетъ г. предводитель—изъ людей молодыхъ. За симъ, приступаютъ къ выборамъ, во-первыхъ, предсѣдателя. Выбирается, разумѣется, самъ г. предводитель.

Удовлетворяетъ ли онъ тѣмъ требованіямъ, о которыхъ только что говорилъ самъ съ такимъ краснорѣчіемъ? Удовлетворяетъ. И удовлетворяетъ трояко: 1, потому, что онъ предводитель, 2, потому, что его выбрали гг. дворяне и 3, потому, что ему нужны 2000 р., для поправленія своихъ обстоятельствъ. И такъ, коммисія уже имѣетъ главу; нужно еще туловище. Баллотировка продолжается. Всѣмъ извѣстны условія, составляющія хорошее туловище: оно должно плясать подъ ту пѣсню, которую затянетъ голова. Баллотируются люди молодые; и, какъ негодные, уже потому, что не слѣпы, не нѣмы и не глухи, всѣ выѣзжаютъ изъ ящика на вороныхъ. Эта продѣлка повторяется, примѣрно, съ двадцатью человѣками. Остается два старца, пережившіе почти три поколѣнія. Просятъ ихъ баллотироваться; они, сначала, отказываются; но, послѣ усиленныхъ просьбъ дворянъ, соглашаются. Предводитель заявляетъ, что они могутъ и отказаться послѣ, оставаясь въ кандидатахъ. Жребій падаетъ на убѣленныя сѣдинами главы. Предводитель опять повторяетъ, что, буде они желаютъ, могутъ остаться въ кандидатахъ. Но бѣловолосые отвѣчаютъ, что не желаютъ сдѣлать непріятность высокопочтенному дворянству своимъ отказомъ. Итакъ, великое дѣло совершено: межеваніе поведутъ, не знаю только впредъ или назадъ?

А вотъ, другой примѣръ, разсказанный мнѣ очевидцемъ. Поѣхалъ онъ тоже на выборы въ другой уѣздъ, но попалъ туда почти подъ конецъ, да и выбирали тамъ не полную коммисію, а одного члена въ сосѣдній уѣздъ. Очевидецъ этотъ, которому я вполнѣ вѣрю, разсказываетъ такъ: Попалъ я, говоритъ, въ совершенно незнакомое общество. Двѣ небольшія комнаты были биткомъ набиты въ дворянскихъ мундирахъ господами, являющимися обыкновенно на всѣхъ дворянскихъ выборахъ. Шумъ былъ страшный: кричали всѣ, и ничего нельзя было разобрать. Какой-то господинъ стоялъ у стола, около предводителя, и неистово выкрикивалъ фамиліи, стоявшія на очереди. Названная нѣсколько разъ особа, наконецъ, оставляла споръ,

подходила къ столу и клала шаръ. Между тѣмъ, составились отдѣльныя кучки, необращавшія вниманія на выборы, и вовсе горло спорили между собою. Сначала, они церемонились въ выборѣ выраженій; но послѣ, восклицанія, въ родѣ слѣдующихъ, оглашали обѣ комнаты: — Вы, М. Г., свинья! «Нѣтъ, это вы поступаете по-свински!» — Вы ограбили меня и жену мою! «Неправда! я облагодѣтельствовалъ васъ обоихъ!»—Скажите, пожалуйста, почему вы неразсчитаетесь съ подрядчикомъ? «Вы сами прежде разсчитайтесь.»—Да у меня дѣло объ этомъ есть.» «За вами грѣшки есть, вотъ-что!» «Ну, батенька, если дѣло дойдетъ до грѣшковъ, такъ я и въ рыло вамъ дамъ!» — Нѣтъ, братъ, стой! ты подлецъ! Что ты сдѣлалъ съ моей кобылой? Забылъ, небось!—И т. п. Предводитель всячески старался успокоить разходившуюся публику, и предлагалъ разныя средства, напримѣръ: идти спорить подъ лѣстницу и проч. Ничто не помогало. Я полагаю, что, безъ рукопашнаго боя, необошлось бы, еслибъ тотъ же господинъ не провозгласилъ, что членъ и кандидатъ выбраны. Всѣ смолкли. Предводитель воспользовался случаемъ, попросилъ слова, и началъ читать какую-то бумагу. Это былъ проектъ о сокращеніи числа мировыхъ посредниковъ. Г. предводитель полагалъ, что, по введеніи уставныхъ грамотъ, четыремъ посредникамъ нечего будетъ дѣлать, и что достаточно оставить одного. Причина такого предложенія заключалась въ общемъ безденежьи и трудности добывать деньги. Дружно крикнули всѣ: «довольно, довольно одного! долой трехъ!» Чей-то голосъ, очевидно въ насмѣшку, крикнулъ: всѣхъ долой! Больше всѣхъ настаивалъ на одобреніи проекта какой-то отставной генералъ, который, говорятъ, и самъ мѣтилъ въ посредники; но совершенно неожиданно былъ вычеркнутъ изъ списка. Проектъ былъ одобренъ къ представленію высшему начальству.

Выйдя изъ собранія, прибавляетъ разсказчикъ, я все-таки не зналъ, кто выбранъ въ члены и кандидаты.

Чтобъ заключить этотъ отдѣлъ моего письма, я разскажу вамъ слѣдующую штуку.

Въ нѣкоемъ уѣздѣ нашей губерніи, дворянство не имѣло собственнаго помѣщенія, для своихъ собраній; а мѣсто было въ городѣ славное, большое. Вотъ, и задумалъ предводитель этого уѣзда такую штуку: собрать съ дворянъ деньги и построить домъ. Сказано — сдѣлано. Разсылаются повѣстки о сборѣ. Нашлись, разумѣется, такіе, которые и не дали ни копѣйки: такимъ и напоми-

нанія не было. Но большая часть дворянъ дала деньги. Приступили къ постройкѣ. Надо же случиться несчастью: недоконченный домъ сгорѣлъ. Ну, сгорѣлъ—и сгорѣлъ. На то воля Божія! Дѣятельный предводитель не могъ, однако, оставаться спокойнымъ, при видѣ такой неудачи и ущерба общей пользѣ. Что дѣлать? Собрать опять деньги? Пожалуй, никто и недастъ! Скверно; надо выдумать новую штуку. Выдумалъ. При первомъ удобномъ случаѣ, предложилъ дворянамъ продать мѣсто. Дворяне согласились, можетъ быть, изъ опасенія, чтобъ не пришлось опять давать деньги на это мѣсто. Предводитель назначилъ, по собственному выбору, уполномоченнаго на оцѣнку и продажу. Выборъ, конечно случайно палъ на человѣка, не внушающаго особеннаго довѣрія дворянамъ, за то готоваго повиноваться слову предводителя. Одинъ изъ дворянъ попробовалъ замѣтить, что выборомъ уполномоченнаго слѣдовало бы распорядиться всему сословію, а не одному человѣку. Согласитесь сами, что это была дерзость, почти оскорбленіе и личности и званію предводителя. Не обидѣться ему нельзя было. Онъ и обидѣлся. Дворянство, вѣроятно, изъ деликатности, не хотѣло прибавлять, къ частному оскорбленію, оскорбленія цѣлымъ сословіемъ, и порученіе осталось за тѣмъ же лицомъ. Втихомолку совершилась оцѣнка и продажа. И дворянству сообщено было только, что мѣсто, принадлежавшее ему, пріобрѣтено г. предводителемъ за 400 р. с.! На что и совершена законная крѣпость.

Все, стало-быть, совершилось къ обоюдному удовольствію, и больше желать нечего. Такъ, вѣдь, нѣтъ же! Есть такіе злорадные люди, которые не только думаютъ, но и говорятъ, что дѣло это сдѣлано нечисто.

Заглянемъ теперь въ жизнь частную; но только на минуту: мнѣ некогда.

Мало интереснаго она представляетъ. Уставныя грамоты, грозною тучею, висятъ надъ головами хозяевъ и приводятъ ихъ сердца въ совершенное сокрушеніе. Близость срока ихъ представленія ужасаетъ всѣхъ; а между тѣмъ, никто не думаетъ о составленіи ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность пробудится въ послѣдніе дни, и грамоты будутъ написаны къ 24 марта.

Тишина и вялость жизни поражаютъ тѣхъ, которые знаютъ, какъ шибко жили и прежде наши помѣщики, какіе баснословные обѣды великолѣпные балы задавали они, какъ неистово играли въ карты. Теперь же всѣ попрятали носы и посвистываютъ... Денегъ нѣтъ,

вотъ наша бѣда! Куда ни повернитесь,—нигдѣ ихъ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Даже поговорорка есть: *Який же бъ вінъ бувъ панъ, колибъ у ёго грошї були,* или такъ: *що-то за панъ, що повна кишеня грошей*! Да, въ настоящее время, трудно безъ денегъ: концовъ съ концами не сведешь. А будь они теперь—были бъ и въ будущемъ. И то, и другое и десятое можно сдѣлать съ деньгами.

Много способствуетъ этой тишинѣ отсутствіе военныхъ людей, приводящихъ уѣздное общество во вѣчный восторгъ и сокрушающихъ нѣжныя сердца прелестныхъ дѣвъ нашихъ.

Школы у насъ не заводятся; никто почти и не хлопочетъ о нихъ. Да, правду сказать, и селяне не показываютъ большого сочувствія. Отцы отговариваются, подъ разными предлогами, учить дѣтей.—У мене одно—треба скотину доглядать.—А у мене хочъ и двое, такъ я іхъ у майстрі хочу віддати, чи въ кравці, чи въ шевці, и т. п. Грустно! Знаю я еще одну благую мечту: сельскій банкъ. Сельскій банкъ—сущее благодѣяніе для жителей, платящихъ рубль за рубль шинкарямъ и жидамъ. Но когда о немъ заговорили, то полное равнодушіе было отвѣтомъ. Видно, еще не время; или подъ вьюги да морозы не йдетъ въ голову ничто доброе.

Подождемъ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ, КОРЕННАЯ, ИЛЬИНСКАЯ ЯРМАРКИ 1861 г.

Екатеринославская Петро-павловская ярмарка съ каждымъ годомъ принимаетъ все бо́льшее значеніе. Тамъ не торгуютъ *мануфактурными* Великорусскими товарами подобно другимъ Украинскимъ ярмаркамъ; главную торговлю на этой ярмаркѣ составляетъ шерсть. Многіе изъ овцеводовъ находятъ продажу въ этой ярмаркѣ болѣе для себя выгодною, нежели въ другихъ ярмаркахъ (Троицкой и Ильинской) потому-что ярмарка эта у нихъ почти дома,—провозъ не составляетъ большихъ расходовъ и потери времени,—да къ тому же, въ случаѣ непродажи по предположенной цѣнѣ, продавцу не стоитъ значительныхъ расходовъ отвезти ее домой до болѣе благопріятнаго времени. Многіе изъ ненуждающихся помѣщиковъ даже не вывозятъ на ярмарку своей шерсти, а имѣютъ одни образцы и по нимъ продаютъ съ условіемъ

сдать товаръ покупателямъ на мѣстѣ. Разничная торговля нашла себѣ здѣсь хорошій пріютъ для сбыта панскихъ товаровъ, вслѣдствіе-чего нѣкоторые изъ Харковскихъ торговцевъ постоянно выѣзжаютъ на эту ярмарку.

Пользуясь свѣденіями г. Иткина, который такъ хорошо знакомъ съ торговлею шерсти на всѣхъ Украинскихъ ярмаркахъ, сообщаю вамъ слѣдующее. *Перегона* на Петропавловской ярморкѣ было привезено на площадь до 85 т. пуд.; *образцовъ* было на 15 т. пуд. Шерсть, которой были только образцы, продана на мѣстѣ. *Грязной* было привезено 25000 пуд.

Продано перегона:

въ Пруссію, Австрію и Францію. .	13	т. пуд.
— Одескимъ торгов. домамъ . .	9	» —
— Московскому дому (Ценкеръ) .	4	» —
— Моечникамъ Бѣлгород. и Хар. .	5	» —
— Спекулянтамъ для Полтав. Ильинской ярмарки .	25	» —
Не продано и отправлено въ Полтаву на Ильинскую ярмарку	17	» —
Куплено польскими фабрикантами . . .	15	» —
Клинцовскими (черн. губерн.) . . .	2	» —

Цѣны на перегонъ 13 до 15 рубл. высшаго сорт. 16 до 18 руб. (противъ прошлаго года дешевле $1^1/_2$ и 2 рубл. за пудъ).

Грязная продана Харьковск., Бѣлгородскимъ и Изюмскимъ моечникамъ отъ 7 р. 50 до 9 рублей.

Русской шерсти было 5 т. пуд.; продана черная 2 р., бѣлая $2^1/_2$ рубл. за пудъ.

Шпанской овчины было до 5 т. пуд.; продана низкая отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ рубл., лучшая отъ 6 до $6^1/_2$ рубл. за пудъ.

Немогу не упомянуть здѣсь о Коренной ярмаркѣ, которая хотя и не принадлежитъ къ числу нашихъ украинскихъ ярмарокъ, но имѣетъ съ ними тѣсную связь. Въ этомъ году ярмарка была хороша для торговцевъ мануфактурными бумажными товарами. Воскъ, котораго здѣсь было до 10 т. пуд., противъ Вознесенской ярмарки значительно поднялся, доходилъ до $21^3/_4$ рублей сер. за пудъ. Сахарники, наши бѣдные сахарники, спустили еще цѣну на свой товаръ. Цѣны были слѣдующія:

Бобринскаго . . .	8 р.	40 к.
Яхненко	8 »	30 —
Ротермунда. . . .	8 »	30 —

Браницкаго. . . . 8 р. 10 —
Потоцкаго . . . . 8 » 10 —
Неннингера. . . . 7 » 80 —

По случаю большаго скопленія сахара, заводчики сахарные принуждены были продавать на довольно длинные сроки, которые не понраву многимъ нашимъ заводчикамъ. На этой ярмаркѣ, въ прежніе годы, дѣлывались большіе покупки будущаго сала, но этотъ предметъ съ каждымъ годомъ здѣсь становится слабѣе; даже огромнѣйшій пожаръ, бывшій въ Лондонѣ не задолго передъ ярмаркой, дѣла сальнаго не оживилъ.

Сахарными песками торговали хорошо; цѣна доходила до 6 р. 30 коп., но количество онаго бываетъ здѣсь небольшое.

Вскорѣ за Петропавловской и Коренной наступаетъ обыкновенно Ильинская въ Полтавѣ, которая, по характеру своему, есть самое полнѣйшее воспроизведеніе понятія нашего Малоросіянина о ярмаркѣ. Здѣсь вы найдете отъ самыхъ дорогихъ мѣховъ, брильянтовъ, атласа, да «свитъ и чобітъ простыхъ,» услышите заѣзжую »Одарочку,« Лазаря и стукъ «шевца», подколачивающаго »ухналями» подтоптавшіяся «чоботы». Прекрасная по своему мѣстоположенію конная площадь представляетъ собою самую оживленную картину: табуны лошадей, огромнѣйшіе ярусы шерсти, Малороссійскаго табаку, сырыхъ кожъ, овчинъ, возы съ полотномъ, шитымъ товаромъ, сапогами, балаганы съ полушубками, бичевой, незатѣйливыя временныя зданія трактировъ, «ренсковыхъ» погребовъ, «ведерныя продажи», разгульныя звуки шарманки и пѣсни подгулявшихъ извощиковъ, которые уже сложили кладь и ждутъ отправки шерсти или другихъ товаровъ, жгучее солнце, пыль и голосъ лебезящихъ евреевъ, Ворскла, окаймляющая площадь, какъ-то особенно манитъ освѣжиться въ ея кристальной водѣ; за Ворсклой чумаки отогнавшіе скотъ на пашу, въ-сторонѣ разведенный огонекъ... все даетъ вамъ знать, что здѣсь кипитъ жизнь положительная. Рыцарями этаго поля являются Москвичи, Калужане и особенно отличающіеся крѣпкимъ закаломъ Бѣлгородцы, Обоянцы и отчасти (Рыльскіе).

Ярмарка въ городѣ—мануфактурная—не имѣетъ тѣхъ удобствъ, какія мы встрѣчаемъ на конной — необыкновенное стѣсненіе въ помѣщеніяхъ, деревянные ряды, за исключеніемъ Зеленскаго и Карпова, на каждомъ шагу огонь, противъ котораго не приняты никакія мѣры осто-

рожности, заставляютъ всякаго торговца призадуматься надъ своимъ рискованнымъ положеніемъ. Печальный примѣръ такого неудобства былъ въ 1858 году — въ ¼ часа уничтоженъ былъ посудный рядъ, причемъ многіе потеряли все свое состояніе. Ничто не возбуждаетъ такого тяжелаго сожалѣнія, какъ потери отъ огня — достояніе накопленное часто истинными трудами и лишеніями, мгновенно предъ вами обращается въ кучу пепла.

Межъ торговцами давно идутъ толки о переводѣ Ильинской ярмарки въ Харьковъ, или, вѣрнѣе выразиться, о замѣнѣ ея болѣе пространнымъ срокомъ Успенской въ Харьковѣ. Толки эти перешли уже въ самое дѣло: отъ нѣкоторыхъ торговцевъ, которыхъ наиболѣе интересуетъ Харьковъ, поступила просьба... Очень сожалѣемъ, что подобныя ломки совершаются у насъ не прямымъ путемъ общаго обсужденія, а особенными для этого уловками:—грустный фактъ! Кажется, пора бы намъ измѣниться. Мы далеки оттого, чтобы произнести рѣшительный приговоръ надъ тѣмъ, что ярмаркѣ выгоднѣй быть въ Полтавѣ, но просимъ обратить вниманіе на то́, что съ переводомъ Ильинской изъ Ромна въ Полтаву, торговля на конной площади увеличилась въ пять или шесть разъ. Къ чему отнести такую рѣзкую разницу? не кроются ли въ этомъ условія мѣстности, времени? При бѣдности точныхъ статистическихъ данныхъ, рѣшить этого нельзя, но при тщательномъ обслѣдованіи этого вопроса, рѣшить нетрудно. Пожелаемъ же мы всѣмъ, кому близко это дѣло, безкорыстнаго и истинно-полезнаго для торговли обсужденія и исхода.

Количество привезенной на ярмарку шерсти простиралось до 300 т. пуд. Бывшіе передъ ярмаркой сильные дожди испортили дороги, отчего шерсть, да и другіе товары, опоздали на нѣсколько дней. Впрочемъ, и покупатели не торопились: до 21 числа, почти не было сдѣлано никакихъ дѣлъ съ шерстью. Покупатели упирались, но большая часть продавцовъ, хотя съ пониженіемъ цѣны (противъ Троицкой), все-таки продали. Нѣкоторые же изъ сильныхъ овцеводовъ хотѣли устоять на своемъ и партій у нихъ осталось до 35 т. пуд.

Цѣны слѣдующія:

перегонъ помѣщичій 12 р. 75 к. до 14 р. 75 к.
перегонъ помѣщ. лучш. сорта. . . до 16 р.
обножки. . . . . отъ 8 до 9 р. 75 к.

Кожи сырыя, которыхъ послѣ Крещенской бываютъ здѣсь глав-

ныя партіи, шли хорошо—особенно среднякъ. Бычья 7 руб., яловка 5 руб.

Табакъ Малороссійскій проданъ цѣнами, судя противъ продажи въ Ромнѣ, не высокими.

Воскъ—количество около 5 т. пуд.—прошолъ цѣнами настоящими—отъ 20 р. 75 к. до 21 р. 75 к.

Зайца (русака) количество 200 пач. (100 т. шт.). Товаръ этотъ уже давно не въ ходу—продавцы желали получить 22 р. 20 к.

Косица, *грива* требовались очень хорошо.

Майка (шпанская муха) безъ требованія, цѣна упала до 16 р. 15 к. количество 1000 пуд.

Холста и *полотна* здѣсь бываетъ до 1000 возовъ (возъ 3 т. арш.) среднее полотно 85 и 90 руб. за тысячу; десятка 70 руб. за тысячу — торговали хорошо.

Сапога шитаго до 500 возовъ (возъ 200 паръ) цѣна 1 р. 80 к. (прошл. годъ 1 р. 60 к.).

Полушубковъ бѣлыхъ бываетъ здѣсь весьма много — торговали хорошо и высокими цѣнами: то, что́ стоило въ прошломъ году 4 р. и 4 р. 50 к., теперь продали до 6 р. 49 к.

Сахаръ продавался недорого, но все-таки лучше чѣмъ въ Коренной—пески въ цѣнѣ (противъ Коренной) упали, но здѣсь бываютъ такъ же партіи незначительныя.

Бумажнымъ недорогимъ товаромъ торговали хорошо — расторговались рано.

Бумажными средними, сукнами, недорогими шелковыми, торговали порядочно.

Шелковыми высокими, *серебряники*, *мѣховщики*, *виноторговцы*—дурно.

Бакалейщики и москотильщики торговали такъ же нехорошо.

Желѣзными товарами и скобяными торговля здѣсь съ каждымъ годомъ падаетъ, по случаю дороговизны провозовъ. Хорошіе торговцы по городамъ получаютъ прямо на мѣста.

Еврейскій рядъ—галантерейный—торговалъ нехорошо, такъ какъ товаръ этотъ не составляетъ предмета необходимости, а скорѣе прихоти, — *игольными же* товарами (для простаго народа) торговали хорошо.

Изъ представленнаго мною поверхностнаго очерка, ясно что пред-

меты потребленія нашего поселянина въ ходу, а предметы потребленія другихъ классовъ начинаютъ падать.

Шерсть падаетъ, какъ мнѣ кажется, вслѣдствіе предстоящаго измѣненія Кяхтинской торговли и Американской междоусобицы. Изъ Пруссіи и другихъ мѣстъ не требуютъ въ Америку шерстяныхъ издѣлій.

1861.

О. Незбудій.

СОВРЕМЕННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

»19-е февраля 1861 г.« и его послѣдствія. Общій очеркъ денежной неурядицы на югѣ.—Теорія Прудона.—Административная децентрализація.—Самоуправленіе въ Землѣ Войска Донскаго.—Поучительное рѣшеніе волостной сходки.—О обнародованіи рѣшеныхъ крестьянами дѣлъ.—Два противоположныхъ взгляда наодинъ и тотъ же вопросъ, какъ образчикъ отношеній къ народу.—Срокъ представленія уставныхъ грамотъ кончился.—Общій взглядъ на поведеніе крестьянъ и *мужицкая* логика.—Какъ поступаютъ помѣщики желающіе выкупа.—Рѣчь Кіевскаго гражданскаго губернатора.—Донское крестьянское дѣло.—Козаки́, помѣщики и крестьяне.—Школы.—Необходимость устройствадѣйствительно-народныхъ училищъ.—Письмо г. Конисскаго о преподаваніи на малорусскомъ языкѣ.—Школа народныхъ учителей въ Харьковѣ.—Охлажденіе общества.—Блестящая трескотня словъ и нуль въ результатѣ.—О невмѣшательствѣ гражданскихъ лицъ въ дѣла духовныхъ училищъ.—Сельскія библіотеки.—Преобразованные статистическіе комитеты.—Коренныя и поверхностныя преобразованія.—Новороссійскій Университетъ.—О допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій.—Спектакли.—Стремленіе къ національности.—Студентскіе украинскіе хоры.—Сельскохозяйственныя новости.—Харьковскія шелковыя плантаціи.—Оптовые винные склады.—Акцизъ съ табаку.—Вновь открытые пласты каменнаго угля.—Желѣзная дорога въ Землѣ Войска Донскаго.—Русское общество Пароходства и Торговли.—Механическія заведенія на югѣ.—Разныя извѣстія.

19 февраля исполнилась годовщина уничтоженія *навсегда* крѣпостной зависимости крестьянъ, но еще рано торжествовать побѣду правды надъ кривдой; еще долго придется думать о томъ, какими способами выйти намъ на прямой путь къ благосостоянію, какими способами устранить вредъ и замѣшательство, неизбѣжно возникающія вслѣдствіе измѣненія издавна-существовавшихъ сословныхъ и имущественныхъ отношеній. Мы твердо увѣрены въ одномъ, что положено великое и плодотворное начало,—что путь къ благосостоянію намѣченъ, что настоящая сумятица въ общей жизни русскаго народа такъже мало похожа на хаосъ, какъ и взоранная нива: залежь приподнята; безразлично и случайно покрывавшая ее растительность сдвинута съ

мѣста; но борозды уже готовы, земля взрыхлена и ждетъ только здороваго сѣмени и дождя, чтобъ обнаружить свою плодотворность. Такимъ представляется намъ современное состояніе нашего общества. Многое въ немъ возбуждено, поднято и двинуто для участія въ движеніи общечеловѣческой жизни; но ничто еще не разрѣшено, ничто не докончено, не опредѣлено; не разрѣшенъ крестьянскій вопросъ, ставшій уже вопросомъ общесословнымъ, общенароднымъ,—не разрѣшенъ и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ финансовый. Но это такіе вопросы, рѣшеніе которыхъ, по своей жизненной настоятельности, съ каждымъ днемъ приближается къ окончанію, и потому, несмотря на всю затруднительность нынѣшняго общественнаго положенія, мы спокойно готовимся къ будущему. Въ нашемъ народѣ слишкомъ много жизненныхъ силъ, и затрудненія не только не убиваютъ ихъ, а, напротивъ, возбуждаютъ его къ большей дѣятельности, и настойчиво вызываютъ существенныя преобразованія—общественныя и хозяйственныя.

Куда бы мы ни заглянули, вездѣ у насъ явленія современной жизни возбуждаютъ двоякое впечатлѣніе: съ одной стороны—опасеніе за послѣдствія и исходъ, съ другой—отрадная надежда ввиду несомнѣннаго пробужденія и сознанной потребности разумныхъ улучшеній. Обзоръ самихъ явленій ясно это показываетъ.

Въ областныхъ извѣстіяхъ чаще всего встрѣчаются жалобы на необычайное и повсемѣстное возвышеніе цѣнъ на всѣ почти предметы потребленія, возвышеніе промѣна и задѣльной платы; отъ этого, нужда въ деньгахъ ощущается достаточными сословіями сильнѣе, нежели рабочими.

Богатѣйшіе, изъ кишиневскихъ, напримѣръ, помѣщиковъ искали передъ святками—кто 500, кто 700 р., предлагая чуть не рубль на рубль—и не могли найдти. Посылая на базаръ рублевую бумажку и покупая на 60, 70 к. товару, платили за промѣнъ 7, 8 к. с. И подобныя явленія, повторяемъ, повсемѣстны на югѣ; облегченіе посредствомъ выпущенныхъ нѣкоторыми торговыми домами, въ народъ *маркъ*, далеко недостаточно. Вотъ слово-въ слово письмо Каменецъ-Подольскаго корреспондента: «еслибы кто-нибудь спросилъ, что́ насъ тревожитъ въ настоящую минуту, и какой предметъ можетъ быть для насъ ахилессовой пятой, то мы бы не запинаясь отвѣтили: недостатокъ денегъ, повсемѣстное безденежье, нужда въ мелочи, за которую берутъ размѣну 10 к. ср. съ рубля. Капиталовъ совершенно нѣтъ. Въ настоящее время, продажи имуществъ

съ аукціона остаются безъ покупателей, никто изъ капиталистовъ не является и лучшія помѣстья Подольской губерніи, оцѣненныя *въ-половину* противъ ихъ цѣнности, не находятъ себѣ покупателей и никто не является на аукціонъ. Открывшаяся Крещенская ярмарка, или *Контракты* въ Кіевѣ, должна была послужить лучшимъ барометромъ финансовой атмосферы края, и она показала, что дѣла крайне-плохи. При самомъ ея открытіи всѣ боялись за сколько-нибудь сносный исходъ ея, и если потомъ дѣла нѣсколько поправились, то далеко не въ такой степени, чтобы можно было успокоиться. Въ настоящіе контракты, знаменитый домъ братьевъ Яхненка и Симиренка, у которыхъ финансовый кризисъ уменьшилъ, въ прошломъ году, кредитъ *на полтора милліона р.*, прекратили окончательно платежи, и это отзовется, если уже не отозвалось, далеко во всѣ четыре стороны на закладчикахъ. Считаютъ, что банкротство *семи* только главнѣйшихъ домовъ простирается до 25 милліоновъ руб. ср., о меньшихъ же домахъ и упоминать нѣчего. А между тѣмъ, огромныя помѣстья Подольской губерніи, еще за мѣсяцъ до ярмарки, пользовались кредитомъ, и никто не предполагалъ, что онъ дойдетъ въ Кіевѣ до нуля. Въ Одессѣ, кромѣ ржи, съ прочими хлѣбами и саломъ плохо. Къ новому году общій *запасъ* хлѣба простирался тамъ до 1.567.000 четвертей, то-есть *вдвое* противъ минувшаго года. Частный дисконтъ, въ Одессѣ, возвысился до 2% въ мѣсяцъ,—и вотъ уже два мѣсяца, какъ въ дѣлахъ господствуетъ совершенный застой. Одинъ изъ тамошнихъ капитальныхъ домовъ вынужденъ былъ запродать большую партію лучшей пшеницы по 7 р. 50 к., хотя самъ заплатилъ за нее съ осени далеко дороже. Мелкопомѣстные влаѣльцы, которыми такъ богатъ нашъ край, просто не знаютъ что дѣлать, куда дѣваться отъ этой моровой язвы, еще только-что начинающейся, и хотя правительство опредѣлило на нихъ 1,256,674 р., но врядъли и эти деньги выведутъ ихъ изъ критическаго положенія. Кстати, замѣтимъ, въ какомъ размѣрѣ распредѣлены эти деньги по губерніямъ:

на Полтавскую	губернію	опредѣлено. . .	498,674.
— Черниговскую	—	— . . .	284,174.
— Харьковскую	—	— . . .	190,762.
— Херсонскую	—	— . . .	73,216.
— Волынскую	—	— . . .	69,696.
— Екатеринославскую	—	— . . .	33,064.
— Кіевскую	—	— . . .	44,132.

— Подольскую — — . . . 41,360.
— Таврическую — — . . . » 616.

Это пособіе врядъ–ли выведетъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ изъ затруднительнаго положенія; и это понятно, какъ понятно, напримѣръ, то, что сколько бы сверху мы ни подрѣзали дерева,—оно все будетъ расти, пока не дойдемъ до самого корня. Ко всѣмъ этимъ даннымъ изъ области чисто–денежнаго міра присоединяются слышимыя отовсюда жалобы, напр., на появленіе сусликовъ, на падежъ овецъ въ Крыму, на упадокъ солянаго промысла тамъ же... Словомъ, еслибъ мы захотѣли приводить въ-подробности всѣ имѣющіяся у насъ подъ–рукою, доказательства крайней неурядицы въ денежномъ и промышленномъ мірѣ, то, въ нашей лѣтописи, ни для чего другого и мѣста не было бы:—такъ они многочисленны и разнообразны...

Врядъ–ли можетъ занимать теперь вопросъ, куда же, наконецъ, дѣвались деньги, хотя мы и можемъ привести нѣсколько краснорѣчивыхъ цифръ, взятыхъ нами изъ »Сѣв. Пчелы«, въ которой на предложенный вопросъ прямо отвѣчаютъ: «за-границу». Дѣйствительно, за послѣдніе четыре года акціонерными обществами переплачено заграницу 23,300,000 р., да сюда еще присоединяются расходы нашихъ путешественниковъ, уплата процентовъ и погашеніе по билетамъ государственной коммиссіи погашенія долговъ; покупка и платежъ за товаръ, привозимый контрабандою,—такъ–что всего выйдетъ 277,300,000 р. А если предположить, что таможенныя показанія не могутъ заключать въ себѣ казенныхъ заграничныхъ затратъ по разнымъ вѣдомствамъ, то, полагая, что, въ послѣдніе четыре года на заграничные расходы морскаго и военнаго министерствъ, а также главнаго управленія путей сообщенія и почтоваго, издерживалось ежегодно по 4,000,000 р., то за время, нами разсматриваемое, эти расходы составятъ 16 милліоновъ р., и въ окончательномъ результатѣ мы получимъ слѣдующую цифру уплаты заграницу въ послѣдніе четыре года: *двѣсти девяносто три милліона, триста тысячъ р. ср.* Цифра, дѣйствительно, громадная и, пожалуй, наводитъ на сознаніе необходимости усилить вывозную торговлю, но все–таки намъ не того нужно. Это все равно, какъ еслибы передъ голоднымъ человѣкомъ стали разсуждать о томъ, куда онъ дѣвалъ свой хлѣбъ и деньги, а самъ остался безъ ничего. Намъ нужны прямыя указанія, какъ выйдти изъ этого труднаго положенія и предотвратить ожидаемыя бѣдствія. Намъ, помимо всякихъ искусственныхъ регламента-

ціи и отрѣзыванья верхушекъ, слѣдуетъ добраться до корня, на него взглянуть и повѣдать добрымъ людямъ, что́ нужно дѣлать.

Южный край, отъ природы весьма богатъ, такъ-что еслибъ его оставить, напримѣръ, на произволъ судьбы, то онъ не умеръ бы съ голода. Въ самомъ дѣлѣ, хлѣбопашество, овцеводство, скотоводство могли бы находиться здѣсь въ очень цвѣтущемъ состояніи, а если въ таковомъ не находятся, то на это есть очень много чисто-внѣшнихъ причинъ, устранить которыя всегда возможно. Все дѣло въ томъ, ка́къ смотрѣть на вещи; съумѣйте каждую изъ нихъ поставить на свое мѣсто и тогда уже произносите надъ ними судъ вашъ; иначе онъ будетъ ошибоченъ и уже по этому одному не вѣренъ, одностороненъ.

... Въ прошломъ году, кажется, вышла новая книга Прудона, подъ названіемъ Théorie de l'impôt. Написана она по поводу предложеннаго Швейцаріей конкурса, для болѣе правильнаго устройства финансовой системы и преимущественно системы налоговъ, хотя, замѣтимъ мимоходомъ, швейцарское правительство и безъ того лучше чѣмъ кто нибудь ведетъ свои финансовыя дѣла. При денежной неурядицѣ, книга эта представляетъ огромный интересъ... Однимъ изъ главнѣйшихъ основаній, покрайней мѣрѣ рѣзче другихъ бросившихся намъ въ глаза, въ теоріи Прудона — это, во-первыхъ, общій взглядъ его на налогъ, который разсматривается у него какъ мѣна, обмѣнъ, въ которомъ одну сторону составляетъ государство, налагающее подать, а другую—цѣлое общество въ лицѣ частныхъ лицъ, платящихъ ее. Это—исходное положеніе теоріи Прудона, весьма вѣрно, и мы примемъ его къ свѣдѣнію... Разсмотрѣвъ всѣ существующія теоріи, Прудонъ приступаетъ, наконецъ, къ своей и останавливается, прежде всего, на довольно общемъ положеніи, именно—на необходимости возможно-большаго *ограниченія государственныхъ расходовъ*. Затѣмъ онъ указываетъ на *правительственную децентрализацію*, какъ на средство для этого ограниченія и наиболѣе правильнаго распредѣленія налоговъ между разными мѣстностями. Правительственная децентрализація совсѣмъ не то, что́ національная. Первая всегда предполагаетъ возможность дѣлать разнаго рода распоряженія, не дожидаясь разрѣшенія съ вершины бюрократически-административной лѣстницы. При такой децентрализаціи каждая мѣстность будетъ болѣе заботиться о своихъ интересахъ и будетъ менѣе шансовъ на существованіе возможности обѣдненія однѣхъ провинцій насчетъ другихъ. Правительственная децентрализація, само собою разу-

мѣется, предполагаетъ возможно-бо́льшее развитіе самоуправленія, при которомъ является возможность и въ каждой отдѣльной провинціи или мѣстности наблюдать за правильнымъ распредѣленіемъ повинностей между отдѣльными членами. Оно же, это самоуправленіе, представляетъ всѣ данныя для развитія промышленности во всѣхъ родахъ и видахъ, словомъ—является однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ поправленія финансовъ страны, въ которой всѣ отдѣльныя мѣстности участвуютъ въ общихъ государственныхъ издержкахъ. Поэтому-то два приведенныя нами положенія составляютъ у Прудона необходимѣйшее условіе всякой коренной финансовой реформы. Ратуя противъ централизаціи правительственной или административной, Прудонъ стоитъ за централизацію *національную*, народную, при которой развивается національное единство, общность интересовъ и которая не мѣшаетъ существованію подлѣ себя административной децентрализаціи. Это двѣ вещи нисколько не мѣшающія одна другой. Даже можно больше сказать: именно, административная разъединенность необходимо условливаетъ собою національное единеніе, естественный союзъ, искреннюю, равноправную дружбу.

При разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, наше правительство признало важность административной децентрализаціи: въ общественныхъ крестьянскихъ управленіяхъ мы видимъ первыя попытки осуществить ее на дѣлѣ, попытки, которыя, конечно, составляютъ только шагъ къ дальнѣйшему развитію этой, въ высшей степени плодотворной, мѣры.

Въ настоящее время, идеалъ самоуправленія больше чѣмъ гдѣ нибудь осуществленъ у насъ въ Землѣ Войска Донскаго, именно въ станичномъ управленіи, гдѣ общественныя дѣла рѣшаются или, по крайней мѣрѣ, рѣшались *сборомъ*, то-есть при участіи всего общества. Это самоуправленіе выработано исторіею и существовало нетронутымъ до 1835 г., когда появилось Положеніе объ управленіи Войска Донскаго,—по которому дѣло считается рѣшенымъ, когда подписано $^2/_3$ голосовъ наличныхъ гражданъ станицы. При составленіи Положенія, конечно, имѣлась въ виду благая цѣль: устранить могущія случаться злоупотребленія,—а вышло совсѣмъ другое, оттого, что Положеніе пришло извнѣ и составлено подъ вліяніемъ чисто-теоретическаго взгляда, безъ должнаго вниманія къ дѣйствительной сторонѣ мѣстнаго быта. Что́ же вышло? Такъ-какъ не всѣ граждане могли являться на сходки, а между тѣмъ вопросъ проходитъ только большинствомъ двухъ-третей голосовъ, то станичные правители просто вербуютъ го-

лоса небывшихъ на сходкѣ и почти всегда перевѣсъ, въ ущербъ общественнымъ пользамъ, остается на ихъ сторонѣ. Вредъ такого порядка былъ понятъ, но не исправленъ. Дѣла раздѣлили на двѣ группы: для одной, назначенъ сборъ *общій*, для другой—*частный*, посредствомъ введенія выборныхъ депутатовъ, которые и стали рѣшать принадлежащія имъ дѣла, но все-таки не въ пользу общества, а своихъ личныхъ цѣлей, держа сторону станичныхъ правителей, отъ которыхъ они ожидали себѣ великихъ и богатыхъ милостей. Вещь, разумѣется, понятная... Введеніемъ этихъ депутатовъ убиты коренныя права страны—хозяйничать у себя дома, уничтожено общественное значеніе *сборовъ*, и вся власть перешла въ руки правителей... Теперь учрежденъ «комитетъ для составленія проекта *новаго* Положенія о Донскомъ Войскѣ». Этимъ новымъ проектомъ окончательно уничтожается станичный сборъ введеніемъ депутатовъ, числомъ отъ 40 до 100, и однимъ изъ поводовъ этой перемѣны представлено «равнодушіе общества къ дѣламъ общественнымъ, шумъ и безпорядки на сборѣ, а чрезъ то—необдуманное и неспокойное рѣшеніе дѣлъ». На это можно отвѣтить, что вѣдь рѣшались же прежде запутанные вопросы и рѣдко кто оставался недоволенъ подобными рѣшеніями. Зачѣмъ же преобразовывать, если нѣтъ къ тому настоятельной надобности? Дѣйствительно, было бы желательно, чтобы вопросы рѣшались большинствомъ присутствующихъ гражданъ, а не наличныхъ во всей станицѣ,—но вѣдь это совсѣмъ другое дѣло. Вотъ въ какихъ словахъ выражаетъ общее желаніе замѣтка, напечатанная въ Донскихъ Вѣдомостяхъ (№ 9): «мы желаемъ, чтобы *станичные сборы остались станичными сборами*, а были уничтожены наросты позднѣйшаго времени: депутаты, вмѣшательство окружныхъ генераловъ и всѣхъ вообще начальствъ во внутреннее распоряженіе станичнымъ хозяйствомъ... Желательно также было бы, чтобы комитетъ не спѣшилъ слишкомъ рѣшеніемъ этого вопроса... Слѣдовало бы передать рѣшеніе его на судъ публики, *публиковать его*, напечатавъ въ Донскихъ Вѣдомостяхъ. Особенно слѣдуетъ сдѣлать это въ настоящемъ случаѣ, когда уничтожаются учрежденія, существовавшія сотни лѣтъ и въ принципѣ своемъ вполнѣ соотвѣтствующія настоящему требованію времени. Если комитетъ любитъ свою родину, дорожитъ благосостояніемъ края, своею исторіею, и серьёзно занятъ своимъ дѣломъ, то онъ сдѣлаетъ это». И вѣрно сдѣлаетъ, потому что подобными вопросами играть нельзя и рѣшать ихъ келейно—непрактично и опасно. Правительство (можно

положительно утверждать) не хочетъ безусловнаго, безосновательнаго уничтоженія тѣхъ началъ—можетъ быть и не вполнѣ совершенныхъ—на которыхъ зиждется все общественное зданіе; мы говоримъ — *не хочетъ;* скажемъ даже болѣе: оно, напротивъ, *желаетъ* развитія *самоуправленія*, какъ это можно видѣть изъ разныхъ постановленій послѣдняго времени. Бояться ошибокъ, неудачъ — нечего—не только въ Землѣ В. Д., но и тамъ, гдѣ обычное народное право подавлено было крѣпостнымъ правомъ. Вмѣсто всякихъ разсужденій, припомнимъ одинъ своеобразный случай. Кіевской губерніи, въ селѣ Андреевкѣ, «при удаленіи отъ должности экономa, одинъ крестьянинъ предъявляетъ, на мірской сходкѣ, претензію въ неуплатѣ занятыхъ у него экономомъ 25 р. сер. Экономъ призналъ справедливость долга и заплатилъ; казалось бы дѣло покончено, но міръ рѣшилъ иначе, и взятые у экономa деньги приговорилъ возвратить не крестьянину, а помѣщику, и черезъ старшину представилъ ихъ въ экономическую контору на томъ основаніи, что имъ и всему міру извѣстно, что крестьянинъ N, вслѣдствіе займа эконому денегъ, пользуясь его расположеніемъ въ видѣ процентовъ въ теченіи полутора года, никакихъ общественныхъ работъ и парядовъ не отбывалъ, слѣдовательно, пользовался свободой отъ повинностей незаконно, во вредъ интересамъ помѣщика, который, по ихъ мнѣнію, и долженъ получить эти деньги, какъ вознагражденіе за ущербъ, сдѣланный ему злоупотребленіемъ экономa и недобросовѣстностью крестьянина.« Этотъ случай передавалъ корресподенту самъ помѣщикъ, г. Лопухинъ, и потому въ истинности его нельзя сомнѣваться. Эти послѣднія слова мы написали для тѣхъ, которые незнакомы съ народомъ; кто знаетъ его хоть сколько нибудь, тотъ повѣритъ и безъ приведеннаго свидѣтельства... А сколько подобныхъ фактовъ пропадаетъ въ неизвѣстности, тогда какъ на такія рѣшенія, на эти суды, слѣдовало бы обратить все вниманіе: за ними необходимо слѣдить какъ можно прилежнѣе, потому что, при рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ, крестьяне не руководствуются никакимъ положительнымъ законодательствомъ, которое только стѣснило бы ихъ; въ весьма-слабой степени дѣйствуетъ и обычное право, почти исчезнувшее подъ произволомъ помѣщика,—такъ-что имъ только и приходится руководствоваться чутьемъ правды. Какой нибудь, напримѣръ, доктринеръ, посѣдѣвшій въ тяжбахъ юристъ, привязанный къ мертвой буквѣ закона, ни-за-что бы не оправдалъ вышеприведеннаго крестьянскаго рѣшенія; да, если угодно, оно и не-

справедливо—юридически. Но вы чувствуете здѣсь что-то свѣжее, молодое, не рутинное, не забитое формалистикой; крестьянинъ, не получившій ожидаемыхъ денегъ, былъ, навѣрное, недоволенъ сперва рѣшеніемъ, но потомъ увидѣлъ, что онъ самъ неправъ, заговорила совѣсть и онъ замолчалъ... Любопытно и во многихъ отношеніяхъ весьма поучительно было бы прослѣдить, часто-ли обманываетъ народныхъ судей это чутье правды... Кажется (если не ошибаемся), г. Сабанѣевъ предлагалъ записывать и обнародовать всѣ, рѣшаемыя крестьянами, дѣла... Это было бы въ высшей степени полезно для уразумѣнія народнаго духа, который до сихъ поръ неуловимъ и невидимъ для весьма многихъ.

Подобныя рѣшенія чрезвычайно важны; отъ нихъ зависитъ степень довѣрія къ разуму и сердцу народа со стороны лицъ, раздѣленныхъ отъ него историческими обстоятельствами; они же, во многихъ случаяхъ, показали бы, на сколько мы, *образованные*, отступили отъ прямоты чувствъ, понятій, взглядовъ на многое въ жизни... общественной и частной. Въ настоящую минуту намъ приходитъ на мысль—сравнить взгляды двухъ губернскихъ присутствій (одного изъ малорусскаго края, другаго — великорусскаго)—*кіевскаго* и *смоленскаго*—на одинъ и тотъ же вопросъ. Одно волостное правленіе обращалось въ смоленское присутствіе съ весьма уважительной и удобоисполнимой просьбой: отпечатать для него (волостнаго правленія) Высочайше утвержденныя Положенія со всѣми распоряженіями по крестьянскому дѣлу и разные уставы, извлеченные изъ Свода Законовъ и, притомъ, по возможно-дешевой цѣнѣ. Казалось бы, просьба весьма разумная, а если и нельзя было ее выполнить, то отчего не отвѣтить добропорядочно: — *нельзя* потому-то и потому.. Нѣтъ, губернское присутствіе вооружается Сводомъ Законовъ, принимаетъ просьбу правленія величественно и сурово и отвѣчаетъ: «имѣя въ виду (не правда ли,—отъ этого *имѣя въ виду* на васъ такъ и повѣяло холодомъ)—имѣя въ виду, съ одной стороны, всю *несообразность* подобнаго требованія, а съ другой,—что *вообще волостныя правленія не имѣютъ права входить непосредственно ни съ какими представленіями* въ губернское присутствіе, поручить мировому посреднику 3 участка Бѣльскаго уѣзда, *внушить* (извѣстно—на то́ начальство) волостному правленію, чтобы оно впредь *не позволяло себѣ* (ужасъ!) дѣлать подобныхъ представленій и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить ему, что настоящее ходатайство его оставлено безъ послѣдствій». Даже намъ страшно... каково же бѣднымъ крестья-

намъ?!.. Посмотримъ теперь, какъ поступило *кіевское* присутствіе, принявъ въ разсмотрѣніе представленіе мироваго посредника 1 участка Липовецкаго уѣзда, о томъ, могутъ-ли общественныя крестьянскія управленія сноситься съ присутственными мѣстами установленнымъ общимъ порядкомъ, то-есть, отношеніями или рапортами, или же требованія свои обязаны они объявлять какъ частныя учрежденія, то-есть прошеніями и объявленіями на гербовой бумагѣ, съ уплатою, при посылкѣ чрезъ почту, посылочныхъ денегъ? Оно постановило, что *общественныя крестьянскія управленія*, по касающимся ихъ дѣламъ, *могутъ входить въ сношеніе съ присутственными мѣстами, посредствомъ представленій* на простой бумагѣ. На основаніи же ст. 369 т. XII Устава Почтоваго, всѣ правительственныя и судебныя мѣста и, вообще, всѣ казенныя учрежденія пользуются правомъ отправлять по почтѣ письменную корреспонденцію за присвоенною каждому мѣсту и учрежденію казенною печатью безъ платежа вѣсовыхъ пошлинъ. Слѣдовательно, и крестьянскія общественныя управленія, при посылкѣ черезъ почту по служебнымъ дѣламъ корреспонденцій, имѣютъ право воспользоваться тѣми правами и преимуществами, которыми пользуются, по силѣ приведеннаго узаконенія, всѣ прочія правительственныя и судебныя мѣста.

Читатели ожидаютъ услышать отъ насъ кстати объ уставныхъ грамотахъ... Срокъ состоянія и представленія ихъ кончился безвозвратно. Къ прошлому мѣсяцу у насъ была приготовлена вѣдомость о числѣ уставныхъ грамотъ за все время ихъ составленія, но теперь она не годится. Теперь все уже покончено; по добровольному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками грамотъ составлено немного, а потому невозможно признать прочнымъ явленіемъ тѣ условія, которыхъ одна изъ двухъ заинтересованныхъ сторонъ не подтвердила. Подписываніе уставныхъ грамотъ было камнемъ преткновенія для крестьянъ въ имъ соглашеніяхъ съ землевладѣльцами... Сколько обвиненій падало съ одной стороны, сколько жалобъ и выраженій недовѣрія слышалось съ другой!.. Кто же дѣйствитвительно правъ и кто виноватъ? Мы не оправдаемъ и не обвинимъ ни тѣхъ, ни другихъ... Однихъ—потому, что ихъ недовѣріе къ людямъ ничѣмъ не кушвшимъ права на него, вполнѣ понятно, — боязнь ихъ очень естественна, — податливость всякаго рода слухамъ въ ихъ пользу неизбѣжна; другихъ—потому, что трудно и почти невозможно сбросить съ себя разомъ прививку историческихъ преданій; что хотя крѣпостное право отмѣнено навсегда,

но оно окончательно уничтожено только на бумагѣ, въ законѣ, въ гражданскихъ отношеніяхъ, въ гражданской правоспособности, а въ жизни частной все тѣ же люди, подверженные могущественной силѣ недавняго преданія, тѣ же взгляды, тѣ же понятія, только развѣ немного измѣнившіяся,—да и то, большею частью, по приказанію. Все—такъ естественно, все—такъ въ порядкѣ вещей. Обвиняютъ крестьянъ за ихъ упорство, за нежеланіе сходиться съ помѣщиками; прослѣдимъ же въ самыхъ короткихъ словахъ дорогу, по которой двигалась *мужицкая* логика; мы увидимъ, что она рѣдко сворачивала съ пути, чему и многимъ изъ насъ не худо бы поучиться. Крестьянинъ слышалъ (не читалъ, конечно, самъ, но слышалъ отъ многихъ), что вся усадебная земля, на которой засталъ его манифестъ, (за извѣстный выкупъ) принадлежитъ ему—и онъ ужъ никому ея не уступитъ, а при нарушеніи сознаннаго права идетъ жаловаться посреднику, надѣясь получить отъ него удовлетвореніе и выражая этимъ свою вѣру въ правительство. Но что же это за *случный часъ*, котораго всѣ такъ ожидаютъ, и что главнѣйшимъ образомъ мѣшаетъ, или мѣшало, подписанію уставныхъ грамотъ? Что это за минута, свѣтящая издали невидимымъ свѣтомъ? Логика крестьянъ тутъ не споткнулась:—она на своей прямой дорогѣ, и вотъ какимъ образомъ: «крѣпостные люди получатъ *въ свое время* полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей,» гласитъ манифестъ; далѣе: «какъ новое устройство не можетъ быть произведено вдругъ, то требуется для сего времени *не менѣе двухъ лѣтъ*, а до означеннаго времени долженъ быть сохраненъ существующій нынѣ порядокъ». Двумя же годами означенъ срокъ и для введенія уставныхъ грамотъ. Въ головахъ крестьянъ, помимо всякихъ подробностей, остались рѣзче другихъ эти положенія, составляющія *суть* новаго устройства ихъ быта, въ-особенности это рѣзкое, часто встрѣчающееся—*два года*. Крестьяне знаютъ, что они, по Положенію, въ свое время получатъ полную волю,—что это время должно быть не раньше, но и не позже двухъ лѣтъ, и что, наконецъ, до истеченія этого срока все остается въ прежнемъ положеніи. Ясно теперь, почему они по большей части не поддаются на предложенія помѣщиковъ подписать уставныя грамоты, не принимаютъ никакихъ льготъ, видя въ этихъ послѣднихъ хитро-устроенную ловушку. А тутъ еще отъ нихъ требуютъ, чтобъ они подписывали грамоты... Какъ же не повѣрить слухамъ, что подписавшіе какія бы то ни было бумаги, снова закабалятъ себя на вѣки-вѣчные... Вотъ и *случный часъ*: и загадка разгадана, и твердая логика.

Впрочемъ, многіе помѣщики понимали и понимаютъ общее настроеніе крестьянъ; они умѣютъ обращаться съ народомъ, хорошо успѣли узнать, что́ ему нужно, и народъ начинаетъ довѣрять имъ. Въ имѣніяхъ такихъ помѣщиковъ грамоты составлены давно по добровольному соглашенію и, навѣрное, не будутъ раскаиваться въ этомъ ни паны, ни крестьяне, которые, можетъ быть, не разъ слышали отъ своихъ сосѣдей названіе *дурней*, (что́ дѣйствительно и оправдывалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ); тѣмъ не менѣе дѣло улаживалось къ обоюднымъ выгодамъ, хотя не безъ нѣкоторыхъ не избѣжныхъ уступокъ со стороны землевладѣльцевъ. Замѣчательно, что вѣрнѣе всего дѣйствовала на крестьянъ прямота и откровенность помѣщиковъ, и въ этомъ случаѣ нельзя не указать на весьма интересный фактъ, сообщенный газетою «День». Одинъ изъ помѣщиковъ Земли Войска Донскаго пріѣхалъ въ свое имѣніе — съ цѣлію написать уставную грамоту. Окончивъ надѣлъ, убѣдивъ, повидимому, крестьянъ въ огромныхъ преимуществахъ оброка передъ издѣльной повинностью, онъ приготовилъ грамоту. Крестьяне подтвердили, что написано все такъ, какъ говорено, что они всѣмъ довольны; но лишь только дошло дѣло до подписей — они назадъ: «на те́ ще нема́ слу́чного часу». Узнавъ, что́ это за случный часъ и чего крестьяне боятся, помѣщикъ призвалъ на другой день крестьянъ, да прямо и говоритъ имъ, что вотъ, молъ, вы оттого-то и оттого-то не подписываете грамоты. »Чтобъ доказать вамъ, что все это неправда, — давайте, напишемъ въ грамотѣ особый пунктъ, такъ: если грамота будетъ имѣть такую силу, что тотъ, кто ее подпишетъ, будетъ попрежнему крѣпостнымъ, то считать эту грамоту незаконною и крестьяне вольны уничтожить ее. Согласны?» Тѣ сначала удивились, потомъ поднялся глухой шумъ, перешедшій мало-по-малу въ громкій говоръ. Крестьяне сказали, что потолкуютъ громадою—и кончилось тѣмъ, что на другой день грамота была подписана, а помѣщикъ выпровоженъ изъ деревни съ хлѣбомъ-солью, да съ благодарностью за ласку. Такимъ же точно путемъ этотъ помѣщикъ достигъ соглашенія и въ другой своей деревнѣ.—Большая часть помѣщиковъ, какъ слышно, желаетъ выкупа, особенно въ степныхъ губерніяхъ. Такъ-какъ многіе изъ нихъ не могутъ поступить подобно г. Бутовскому, который договоромъ о продажѣ и покупкѣ земли подарилъ крестьянамъ пятую часть суммы, слѣдуемой за надѣлъ (6,600 р.) и когда крестьяне не согласились, по неимѣнію денегъ, уплатить оброчные за первую половину года (990 р.), то перевелъ плату на

обязательство — выкосить лѣтомъ 400 десятинъ сѣна, обѣщаясь съ своей стороны дать имъ лѣсъ для постройки (такъ-какъ хаты подлежатъ переносу) собственные подводы, солому для крышъ, кирпичъ для печей: — такъ-какъ, повторяемъ, большая часть помѣщиковъ не въ-состояніи этого сдѣлать, то они думаютъ расчитаться относительно пятой части суммы, взносимой крестьянами, посредствомъ работъ. Вотъ какъ расчитываютъ нѣкоторые изъ нихъ: мужской рабочій день оцѣненъ лѣтомъ въ 40 к., а зимою 20, т. е. круглымъ счетомъ въ 30 к., а женскій 15, слѣдовательно вмѣстѣ 45, а каждый порознь $22^1/_2$. По этому счету день работы ста душъ (50 мужскихъ и 50 женскихъ) оцѣнивается круглымъ счетомъ въ 22 р. 50 к. Если теперь крестьяне захотятъ выкупиться и не могутъ внести пятой части выкупа,—они могутъ эту часть отработать въ три года, работая помѣщику по одному дню въ недѣлю. Неизвѣстно, насколько будетъ удобенъ подобный расчетъ въ практикѣ, а на бумагѣ онъ кажется и выгоднымъ, и удобопримѣнимымъ.

По поводу неподписыванія уставныхъ грамотъ, нельзя не вспомнить о рѣчи, сказанной кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ волостнымъ старшинамъ. Отсылая любопытныхъ къ 5 № «Кіевскаго Телеграфа», мы здѣсь замѣтимъ только, что народъ не понялъ содержанія рѣчи, произнесенной по-великорусски и *потомъ уже* переведенной на малорусскій языкъ. Такимъ путемъ понапрасну тратится передъ народомъ много словъ, которыхъ онъ не понимаетъ, не смотря на все свое желаніе...

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ другимъ вопросамъ, необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе на крестьянскомъ вопросѣ, и снова въ Землѣ Войска Донскаго, гдѣ онъ представляетъ очень много характеристическихъ и довольно исключительныхъ сторонъ, имѣющихъ поэтому большой интересъ для читателей. Мы сказали «довольно исключительныхъ» по отношенію къ обширной русской территоріи, почти на всемъ пространствѣ которой общее положеніе слило во-едино всѣ разнообразныя частности вопроса, не представлявшія слишкомъ рѣзкихъ особенностей; совсѣмъ не то было въ Войскѣ Донскомъ: здѣсь рядомъ съ крестьянствомъ существовало козачество, внесшее въ жизнь идею равенства и братства. Пользуясь обширными территоріями, станицы принимали приходившихъ на Донъ крестьянъ, которые и селились въ станичныхъ юртахъ; пока не утвердилось окончательно крѣпостное право, офицеры, хотя даромъ пользовались готовыми силами, но не были *помѣщиками* въ

томъ смыслѣ, какой мы обыкновенно придаемъ этому слову. Но раздѣленіе мало-по-малу совершалось и козацкая община осталась одна; по поводу начавшихся ссоръ за поземельныя довольствія между козаками и пришедшими крестьянами, явилось въ 1836 г. Положеніе объ управленіи Войскомъ Донскимъ—и вотъ до сихъ поръ продолжается отдѣленіе помѣщичьихъ земель отъ козачьихъ. Дѣла межевыхъ коммиссій идутъ медленно, помѣщики туго переселяются на вновь отводимыя имъ земли, а козаки тѣснятъ крестьянъ. Безурядица страшная и вѣрно не скоро кончится. Собственно *крестьянское дѣло* по начертанному правительствомъ плану подвигается медленно, потому что, дѣйствительно, чего можно требовать отъ волостнаго управленія, когда область его простирается на 60, 70 верстъ? Или какъ могутъ составлять сельскія общества небольшое количество крестьянъ, которое разбросано на такомъ большомъ пространствѣ? Какъ составляются уставныя грамоты, можно видѣть изъ попадающихся въ *Днѣ* данныхъ, которые мы приведемъ сейчасъ (День № 19, стр. 15): «не могу и приблизительно опредѣлить, какимъ количествомъ земли пользовались крестьяне до обнародованія Положенія»; или «нельзя измѣрить, какое пространство земли занято крестьянскими усадьбами, потому что онѣ разсыпаны между козачьими усадьбами»; или «не могу опредѣлить, въ какомъ мѣстѣ долженъ быть назначенъ крестьянскій надѣлъ, потому что крестьяне пользуются землею съобща съ козаками и проч.» Словомъ—путаница. Помѣщикъ, не зная, гдѣ ему придется получить землю по новому размежеванію, не можетъ продать въ казну своего имѣнія. Крестьяне, не переселившіеся еще съ станичныхъ юртъ, не могутъ понять, какимъ образомъ они получатъ скоро отъ 3 до $4^1/_2$ десятинъ на душу, когда теперь на каждаго изъ нихъ приходится около 30—50 десятинъ,—*теперь*, говоримъ, потому, что прежде, когда не было притѣсненій со стороны козаковъ, приходилось еще больше. »Въ одномъ изъ необмежеванныхъ округовъ, пишетъ корреспондентъ, «у меня есть имѣніе, предназначенное къ переселенію, состоящее изъ 22 крестьянъ, и пользующееся пространствомъ земли въ въ 12 верстъ въ длину и 7 верстъ въ ширину». Понятно, съ какою охотою будутъ они переходить въ другое мѣсто, гдѣ, взамѣнъ прежняго раздолья, имъ прійдется пересѣсть на какихъ-нибудь четыре десятины...

Тѣ же, какъ и вездѣ, слухи волновали и донскихъ крестьянъ. «Поэтому (Моск. Вѣд. №35, стр. 278), въ имѣніи Себрякова дабы крестьяне имѣ-

ли истинное понятіе о своемъ дѣлѣ, всѣ свѣдѣнія о ходѣ его сообщались вотчинному конторщику (крѣпостному того же имѣнія), съ тѣмъ, чтобы онъ разсказывалъ ихъ крестьянамъ, такъ-что никакое извѣстіе не было скрываемо отъ нихъ». *Чистая воля* опредѣляется тамъ такимъ образомъ: «помѣщиковъ царь сошлетъ на Амуръ, земля ихъ отдана будетъ крестьянамъ, у которыхъ кромѣ властей, ими самими выбранныхъ, никакого начальства не будетъ». На Дону любопытно то, что не одни крестьяне понимали такимъ образомъ волю: одинъ помѣщикъ узнавъ, что полученъ манифестъ о свободѣ, отправляется на гумно къ крестьянамъ и говоритъ: «довольно работать, братцы! бросайте работу—вы вольные».—Не смотря на высказанный взглядъ крестьянъ, касательно воли, они не выказали какихъ-нибудь враждебныхъ отношеній къ помѣщикамъ, напротивъ, отличались какою-то заботливостью и вѣжливостью. Такъ, въ Орѣховой, они представили благодарственный помѣщику адресъ, въ которомъ, благодарили его за мельницу, только что выстроенную и, по ихъ понятіямъ, долженствующую поступить въ ихъ владѣніе. «Въ Даниловкѣ они распахали землю, даже луга помѣщика, засѣяли своими сѣменами его пашни, взяли экономическіе плуги и проч.—и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ всѣ должностные бросили экономію, они прислали къ управляющему имѣніемъ караульныхъ, «чтобы кто не расхитилъ барское добро: еще отвѣчать за него будешь.» Крестьяне недовольны были иногда только чиновниками, старавшимися возстановить у нихъ порядокъ: они все ждали чистой воли, которая, по ихъ (ложному) понятію, должна быть непремѣнно черезъ два года. Но—вотъ роздали имъ «Положеніе»—и ужъ возились же они съ нимъ! Постоянно перемѣняли чтецовъ, такъ-что дошли до мальчиковъ, едва умѣвшихъ читать но чистой воли не дочитались. Тогда нелюбовь къ «Положенію» развилась у нихъ до такой степени, что они перестали совсѣмъ читать его и грозились застрѣлить конторщика, какъ получатъ чистую волю, за то, что тянетъ господскую руку.

Крестьяне села Староселья, напротивъ, до такой степени укрѣпились, при помощи умнаго и грамотнаго старосты, въ вѣрѣ въ Положеніе, что не поколебались въ ней и тогда, когда сосѣди стали называть ихъ *крѣпостными* и *собственными помѣщика крестьянами*. Они изъявили желаніе перейдти въ собственники, но безъ ссуды отъ правительства и вотъ-какъ мотивировали они свое нежеланіе: «съ казной страшно имѣть дѣло: будетъ неурожай или другое какое бѣдствіе, а въ 49 лѣтъ ихъ много будетъ; помѣщикъ-то нашъ

проститъ уплату, а казнѣ знай плати: — этакъ и дѣти наши не дождутся окончанія дѣла». Съ новаго года они хотятъ перейдти на оброкъ.

«Каждый желаетъ себѣ лучшаго,» замѣчаетъ корреспондентъ (М. В. № 35, стр. 280) «по своимъ личнымъ понятіямъ: крестьянамъ хочется до-Годуновскихъ временъ;—козакамъ хочется чтобы ихъ атаманы тянули руку козаковъ, а не войска; помѣщикамъ — чтобъ ихъ собственность была обезпечена получше, чѣмъ теперь: «земли, дескать, получили бы тогда свою настоящую цѣну и недоразумѣнія крестьянъ, до-сихъ-поръ не входившія въ расчеты экономистовъ, не разоряли бы насъ»; чиновникимъ—чтобы государство составляли они, да *темные* люди только ...

Переходимъ къ народному образованію, къ школамъ...

На воскресныя школы мы смотримъ какъ на учрежденіе временное, имѣющее цѣлью—подготовить народъ къ дальнѣйшему образованію, дать извѣстное направленіе его пробужденнымъ силамъ;—эти школы имѣютъ значеніе, слѣдовательно, только первой попытки, и сами по себѣ не могутъ представлять достаточнаго ручательства для успѣховъ народнаго образованія уже потому одному, что отворяютъ свои двери только разъ въ недѣлю. Конечно, въ нихъ тысячи, десятки тысячъ, выучились грамотѣ, но вѣдь знаніе одной грамоты не представляетъ собою конечной цѣли... Такъ-называемыя сельскія школы... онѣ, конечно, необходимы, и въ январьской Лѣтописи, мы радовались ихъ распространенію, хотя и замѣтили, что цифра сама по себѣ не представляетъ ничего положительнаго, вѣрнаго, опредѣленнаго. Мы стояли на самой крайней точкѣ и думали, что если нѣтъ отъ этихъ школъ большой пользы, то ужъ ни въ какомъ случаѣ и вреда нѣтъ. Но вотъ мы прочитали письмо кіевскаго помѣщика, г. Еремеева, помѣщенное въ журналѣ Комитета Грамотности, въ которомъ онъ положительно говоритъ, что между этими школами есть много такихъ, которыя *скорѣе отобьютъ охоту отъ ученья, чѣмъ привлекутъ къ нему*. Это ужъ совсѣмъ неутѣшительно... Во многихъ мѣстахъ обучаютъ по церковно-славянски, по старинной буквенной системѣ, то-есть это значитъ: глаголь, онъ—*го*; слово, покой, онъ—спо, *госпо*; добро, иже, ди—*господи*; Ангелъ, Ангельскій, Архангельскій... А мы ужъ, было, пропѣли вѣчную память этой системѣ... Но вѣдь еще не то встрѣчается; такъ напр. изъ села Голубичи, Черниговской губ., пишутъ, что тамъ развитъ въ сильнѣйшей степени формализмъ, уваженіе къ внѣшности, *солдатская дисциплина!!*. Тамъ же наставники употребляютъ *уч-*

нівъ (мѣстное названіе учащихся) для работы на огородахъ, заставляютъ ихъ возить воду, учатъ приносить отъ родителей *жмени жита* и кормятъ имъ своихъ кабановъ, да еще въ награду за это обѣщаютъ давать каждому, *по куску сала*... Какъ же тутъ не отбить охоту—если не у мальчиковъ—ходить въ школу, то у родителей—посылать дѣтей туда, гдѣ растлѣваютъ нравственность и убиваютъ молодыя силы дитяти... Богъ съ ними, съ такими школами!.. Ихъ намъ совсѣмъ не надо!.. Впрочемъ, строго судя, отъ нихъ и требовать невозможно многаго. Извѣстно, что почти всѣ онѣ открыты по приказанію, что сознаніе необходимости ихъ устройства родилось не въ средѣ лицъ, имѣющихъ самое близкое отношеніе къ дѣлу, а явилось *извнѣ*, пришло *сверху* въ видѣ предписанія, не исполнить котораго почти нѣтъ никакой возможности. Вслѣдствіе этого и появлялись такіе грустные факты, доказывающіе, что тамъ нѣтъ настоящаго дѣла, гдѣ имъ руководитъ внѣшняя причина; что тамъ нѣтъ пользы, гдѣ нѣтъ такого дѣла... Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости еще въ прошломъ году (№ 4) говорили, что многія изъ школъ заведены только на бумагѣ; что дѣти, разъ собранныя и поименованныя въ первоначальномъ спискѣ, отмѣчались дѣйствительно учащимися и на будущее время, такъ-что усердный статистикъ, на основаніи *оффиціальныхъ* данныхъ, могъ бы восторгаться обиліемъ несуществующихъ школъ и выводить отсюда разныя характеристическія черты извѣстной мѣстности...

Кромѣ того, и *дѣйствительно-существующія* школы страдаютъ отсутствіемъ извѣстной организаціи, состоящей, конечно, не въ необходимости имѣть извѣстное число скамеекъ, снабженныхъ внизу полками для книгъ, а вверху красиво вдѣланными чернильницами и проч. и проч.,—нѣтъ, мы говоримъ собственно о преподаваніи, которое теперь зависитъ отъ личнаго, неразвитаго взгляда преподавателя и потому идетъ, по большей части, весьма плохо... Слѣдовательно, и отъ сельскихъ школъ, при ихъ настоящемъ устройствѣ, нельзя ожидать чего-нибудь прочнаго, много обѣщающаго. Они тоже существуютъ и имѣютъ смыслъ какъ временная мѣра, какъ переходъ къ дальнѣйшимъ, болѣе правильнымъ, занятіямъ...

Что же оказывается изъ всего этого? То, что народу негдѣ учиться... Можетъ быть укажутъ на уѣздныя и приходскія училища? но о нихъ можно сказать почти тоже самое по отношенію къ земству. Хотя преподаваніе въ нихъ идетъ, говоря вообще, значительно лучше,

хотя программа ихъ значительно шире и система точнѣе, но первое и самое главное ихъ неудобство заключается въ томъ, что они существуютъ въ городахъ, такъ-что мальчики, кромѣ занятій въ училищѣ (на что́, конечно, нужно извѣстное время въ теченіи дня) должны употреблять много времени на путешествіе туда и обратно; а извѣстно, какъ много значатъ въ хозяйствѣ и эти маленькія руки, какое подспорье составляютъ онѣ въ сельскихъ работахъ и, значитъ, какъ неудобно лишаться этихъ рукъ на продолжительное время... А вѣдь извѣстно также, что прежде чѣмъ о грамотѣ думать, необходимо позаботиться о томъ, чтобъ было что́ ѣсть... Притомъ же и программа этихъ училищъ далеко не соотвѣтствуетъ тѣмъ потребностямъ, какія возникаютъ въ народѣ въ послѣднее время... Изъ всего сказаннаго вытекаетъ самая прямая, самая существенная, насущная необходимость: учрежденія *настоящихъ народныхъ училищъ въ деревняхъ и селахъ*.

Главнѣйшая, первоначальныя ихъ цѣль должна состоять въ томъ, чтобы пріобрѣтенныя знанія сейчасъ же прилагались къ дѣлу, чтобы это знаніе не представлялось ученикамъ такъ-называемымъ «искуствомъ для искуства», а имѣло бы практическій смыслъ. При скудномъ запасѣ у насъ учебныхъ книгъ, особенно на родномъ языкѣ, при отсутствіи сельскихъ библіотекъ, подобное представленіе очень возможно, а слѣдовательно возможна и опасность надоѣсть ученикамъ мертвенной сухостью, однообразіемъ... Преподаваніе въ школахъ должно прежде всего соотвѣтствовать первымъ надобностямъ народа; мы обязаны работать не ради одного только «удовольствія работы», — у насъ должна быть прямая цѣль, къ которой можно приблизиться только при помощи образованія.

Народныя училища должны учреждаться по мѣрѣ того, какъ будутъ выясняться послѣдствія новыхъ законоположеній. У народа будетъ теперь досуга гораздо больше. Панщины нѣтъ, свой трудъ, своя польза,—свои должны быть и училища. Поднятіе уровня нравственнаго чувства въ народѣ, чувства личнаго достоинства, еще не убитаго крѣпостнымъ правомъ, имѣющаго такое важное значеніе въ успѣхахъ производства, слѣдовательно и экономическаго благосостоянія, должно стоять на первомъ планѣ... Эти училища, для людей, надѣленныхъ отъ природы способностями, но находящихся въ особенномъ положеніи, (ибо, какъ *земледѣльцы*, они должны жить съ дѣтства въ селахъ, вдали отъ городовъ), будутъ открывать прямую, широкую

и свободную дорогу впередъ. Вѣдь идти на-проломъ, какъ шелъ напримѣръ, Шевченко, можетъ только тотъ, у кого такія гигантскія силы, какими надѣленъ былъ поэтъ нашъ... А сколько гибнетъ силъ неразвитыхъ, или дурно направленныхъ, хотя и съ богатыми задатками, оттого только, что трудно пробиваться впередъ. Вспомнимъ *Грицька маляра*, котораго такъ живо изобразилъ Н. Ив. Костомаровъ (*Основа*, 1861 г.) Разумѣется не слѣдуетъ *навязывать* эти училища: надо дѣйствовать такъ, чтобы потребность въ нихъ возникала прямо изъ народа; нашимъ дѣломъ будетъ тотчасъ же удовлетворять эту потребность, по крайней мѣрѣ помогать народу на этомъ пути. Это не утопія, не мечты только. На нѣкоторыхъ *волостныхъ сходкахъ* положено открыть подобныя школы: значитъ, народъ понимаетъ самъ дѣло...

Указавъ на главныя стороны этого существенно-важнаго предмета, обратимъ предварительно вниманіе, во-первыхъ, на способъ преподаванія по отношенію къ языку; но вмѣсто насъ пусть говоритъ г. Конисскій, котораго письмо изъ Полтавы читано въ засѣданіи *Комитета Грамотности* и напечатано въ *Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества* за мартъ мѣсяцъ (стр. 79): «Населеніе здѣшней мѣстности говоритъ языкомъ, совершенно отдѣльнымъ отъ великорусскаго, а потому *съ жадностью читаетъ книги на малороссійскомъ языкѣ*; но бѣда въ томъ, что на этомъ языкѣ нѣтъ тѣхъ именно книгъ, которыхъ требуетъ народъ... Ученики воскресныхъ и другихъ народныхъ школъ, берутся за книги великорусскія, но, читая ихъ безъ объясненія, *ничего не понимаютъ*....» такъ-что имъ постоянно надо прибѣгать къ помощи учителя. Неудобства преподаванія не на родномъ языкѣ очевидны и не требуютъ дальнѣйшихъ поясненій. Г. Конискимъ достаточно ясно высказано, чего не достаетъ въ нашихъ школахъ и вотъ это-то неудобство надо прежде всего постараться устранить при устройствѣ новыхъ народныхъ школъ.

Теперь—гдѣ же взять учителей?

Вопросъ, дѣйствительно, чрезвычайно-важный и потому-то онъ въ такомъ ходу въ литературѣ. Высказано уже нѣсколько предложеній о назначеніи въ сельскіе учителя окончившихъ курсъ въ семинаріяхъ, но еще не получившихъ священническаго мѣста; предполагается назначить имъ жалованье и вообще смотрѣть на ихъ занятіе не какъ на самопожертвованіе, но какъ на обязанность, отчетливое исполненіе которой является, такимъ образомъ, обязательнымъ. Были нѣкоторые

случаи, доказывавшіе, что отъ такихъ учителей можно ожидать нѣсколько бо̀льшаго, чѣмъ отъ священниковъ, обремененныхъ обыкновенно семействомъ, заботами о собственномъ хозяйствѣ и проч. Это понятно. Крестьяне иногда до-того привязывались къ этимъ учителямъ, что не хотѣли отпускать ихъ отъ себя, когда тѣмъ открывались священническія мѣста и оставляли ихъ у себя на мѣсто прежнихъ священниковъ. Подобное назначеніе, дѣйствительно, представляетъ много удобствъ, потому что, кромѣ главной своей цѣли, тѣсно связано съ вопросомъ объ отношеніяхъ духовенства къ народу.

Мы говорили, что на нѣкоторыхъ волостныхъ сходкахъ и мировыхъ съѣздахъ Харьковской губерніи положено было открыть сельскія школы и нѣкоторыя крестьянскія общества нарочно нанимали для себя учителей. Вслѣдъ за этимъ, нѣсколько частныхъ лицъ отозвались на такое важное дѣло, и, при содѣйствіи начальства учебнаго округа, рѣшились учредить *школу для народныхъ учителей* въ Харьковѣ, на слѣдующихъ основаніяхъ: преподаваніе и учебныя пособія будутъ даровыя; поэтому волость, или общество, желающее приготовить себѣ учителя, беретъ на себя только содержаніе молодаго человѣка, котораго оно посылаетъ въ Харьковъ, назначая ему не менѣе 6 р. въ мѣсяцъ. Обученіе продолжается два года, считая по 10 учебныхъ мѣсяцевъ въ году. Такимъ образомъ, приготовленіе каждаго учителя будетъ стоить всего 120 р. ср. (Если положимъ, что каждыя двѣ тысячи душъ мужскаго пола пошлютъ отъ себя одного учителя, то сборъ на его содержаніе придется съ души 3 коп. ср. въ годъ). Желательно, чтобы поступающій въ школу былъ грамотный, и не моложе 15 лѣтъ. Преподаваніе, по возможности, самое простое и ясное, будетъ заключаться въ слѣдующемъ: 1) законъ Божій; 2) русскій языкъ; 3) ариѳметика; 4) понятія объ общихъ явленіяхъ природы и о жизни животныхъ и растеній; 5) географія и новѣйшая исторія —Для навыка въ преподаваніи, будущіе учителя будутъ практиковаться въ воскресныхъ школахъ или въ школахъ постоянныхъ, открытыхъ въ городахъ. Преподаватели школы народныхъ учителей берутъ на себя обязанность и надзора за учениками. Вспомнимъ имена благородныхъ людей, принявшихъ на себя безплатное преподаваніе въ школѣ: священникъ Тимофей *Павловъ*; учитель 2 гимназіи *Парфеновъ*; учитель 1 гимназіи *Ладовскій*; профессоръ *Бекетовъ*; профессоръ *Потебня*.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ извѣстія, есть ли уже ученики для

новой школы. Не увѣдомитъ ли насъ кто нибудь, какъ о числѣ учениковъ, такъ и о методѣ и успѣхахъ преподаванія.. Мы горячо, всею душою сочувствуемъ этому благому предпріятію.. *Часъ добрый!*.

Не правда ли, при такихъ огромныхъ успѣхахъ распространенія школъ, при столь очевидно-сознанной пользѣ ихъ нашимъ народомъ, какъ-то странно встрѣчать извѣстія, что тамъ-то и тамъ-то, напримѣръ въ нѣкоторыхъ городахъ, даже совсѣмъ нѣтъ школъ. А между тѣмъ такихъ городовъ еще много. Возьмите хоть Заславль, бывшій нѣкогда *столицею* княжества Изяславскаго... Уѣзднаго и приходскаго училища тамъ нѣтъ, женской и воскресной школы также нѣтъ, нѣтъ и школы при церкви. Правда, во многихъ мѣстахъ вамъ скажутъ, что чуть не въ каждомъ селѣ есть школа, но вы не вѣрьте, потому что начальники ихъ ограничиваются только подачею вѣдомости о числѣ учениковъ; вѣдомость всегда пишется на бѣлой бумагѣ, рубрика о ходѣ и степени образованія переполнена приличными фразами, а на дѣлѣ—такъ только питейныхъ заведеній много, а школъ—и со всѣмъ нѣтъ.

Вообще, въ этотъ разъ, попадавшіяся намъ извѣстія о школахъ по большей части неутѣшительны; такъ, напр., во *2-й харьковской воскресной школѣ* число учителей все уменьшается, а вмѣстѣ съ ними и число учениковъ. Матеріальныя средства плохи. Съ 26 ноября въ школу пожертвовано *два гривенника*. Какъ при этомъ извѣстіи упоминается объ охлажденіи публики къ школамъ, — такъ и въ отчетѣ другой *харьковской* же *школы* (*женской*), за второе полугодіе, читаемъ: «Распредѣленіе пожертвованій по времени заставляетъ опасаться охлажденія общества къ этому учрежденію, потому что пожертвованія дѣлались только *въ первое время* существованія школы, а за все второе полугодіе поступило *только десять рублей*, между тѣмъ какъ число ученицъ постоянно возрастало и «можетъ быть, еще увеличится, и средствъ потребуется болѣе». Въ первое полугодіе ученицъ въ этой школѣ было maximum 45, во второе же 184. Въ концѣ отчета совѣтъ прибавляетъ, что въ теченіе всего года ученицами не было принесено ни одной жалобы на то, чтобы хозяева запрещали имъ посѣщать школу.

Въ извѣстіяхъ изъ *Херсона*, встрѣчаемъ чрезвычайно любопытный фактъ. Въ числѣ жертвователей тамъ были и евреи—братья Леонъ и Борисъ Чудновскіе, купеческія сыновья. 4 ноября 1860 года они препроводили въ канцелярію губернатора три стопы бумаги, четыре дю-

жины карандашей и двѣсти перьевъ въ пользу школы при самомъ пышномъ, трескучемъ отзывѣ, напечатанномъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ; вотъ его начало: «Вѣковая тысячелѣтняя исторія евреевъ (замѣчайте, откуда начинаютъ по поводу присланныхъ карандашей и перьевъ) служитъ самымъ краснорѣчивымъ, неопровержимымъ свидѣтельствомъ, что ихъ нормальное и недужное состояніе всегда зависѣло отъ степени образованія тѣхъ народовъ, среди которыхъ они проживали... Израиль, долго томившійся подъ гнетомъ вѣковыхъ катастрофъ, стоялъ на томъ градусѣ тепла или холода, какой показывалъ термометръ мѣстности... Великіе индивидуумы, поборники свѣта и истины, являлись во всѣхъ вѣкахъ съ самой сѣдой старины, но напоръ блистательныхъ идей индивидуальности сокрушался о гранитъ чувствъ и понятій народовъ». Рѣчь эта, продолжающаяся все также торжественно, по всѣмъ правиламъ риторики, наконецъ замыкается обѣщаніемъ: *ежемѣсячно* жертвовать по $^1/_2$ стопы бумаги, 1 дюжинѣ карандашей, 2 дюжины грифелей и 100 перьевъ — (вѣроятно, для того, чтобы повысить температуру мѣстности). Дѣло хорошее; да только съ тѣхъ поръ прошло больше года, но ни одно изъ обѣщанныхъ жертвованій не поступило въ канцелярію. Вѣроятно, не представилось надобности повышать температуру... Не забудьте, что обѣщаніе это было даже напечатано въ губернскихъ вѣдомостяхъ... Вотъ—какъ поступаютъ *братья Чудновскіе*, которые, какъ видно изъ ихъ воззванія, хоть риторикѣ да все таки *учились*. И какъ много такихъ *братьевъ Чудновскихъ*!

Но довольно о школахъ. Въ настоящей лѣтописи намъ хотѣлось бы еще упомянуть *о сельскихъ библіотекахъ*, чтобъ закончить довольно длинный обзоръ народнаго дѣла. Отсутствіе библіотекъ въ селахъ весьма ощутительно какъ для крестьянъ, такъ и для священниковъ, гдѣ имѣются церкви. Синодъ, по доходящимъ до разрѣшенія его дѣламъ, о проступкахъ духовныхъ лицъ *противъ должностей и благоповеденія*, предписалъ епархіальнымъ архіереямъ особенно строго наблюдать за нравственностью лица, поступающаго въ священники. Намъ кажется, что указанные пороки пріобрѣтаются уже по вступленіи въ духовное званіе, особенно тѣми, которымъ приходится жить въ селахъ при отсутствіи всякой духовной дѣятельности:—читать нечего, потому что самому выписывать журналы и книги нѣтъ никакой возможности. Прежде сельское духовенство хоть земледѣліемъ занималось; теперь же, съ назначеніемъ жалованья, священники, обыкновенно, отдаютъ землю въ

наемъ, такъ-что самимъ, въ свободное отъ службы время, рѣшительно нѣчего дѣлать. Но въ тоже время и крестьяне, выучившіеся грамотѣ, очень скоро забываютъ ее по недостатку кшигъ для чтенія; нѣкоторые и купили бы себѣ что-нубудь — да дорого, потому что отъ Петербурга далеко. Вотъ, напр., тотъ же г. Конисскій сообщаетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ мальчикъ со слезами просилъ у столичнаго книгопродавца продать ему поэму Шевченка, за 25 к., объясняя, что она дороже и не стоитъ, потому что на книгѣ напечатано: цѣна 25 к. ср., но книгопродавецъ все-таки не согласился продать менѣе 55 к.,—разница въ 30 коп.! Такимъ образомъ устройство народныхъ библіотекъ представляло бы чрезвычайную пользу. Вопросъ—откуда взять деньги на первоначальную выписку книгъ—весьма удоборазрѣшимъ, если само духовенство обратитъ на него вниманіе, Дѣло въ томъ, что при церквахъ всегда имѣются въ запасѣ такъ-называемыя *церковныя деньги*, хотя, обыкновенно, въ небольшомъ количествѣ. Нельзя ли ихъ употребить первоначально на выписку книгъ и журналовъ, которыя бы выдавались крестьянамъ за незначительную плату; а священникъ, пожалуй, за хлопоты по раздачѣ книгъ могъ бы пользоваться чтеніемъ безплатно. Такимъ образомъ здѣсь является еще и третья выгода: одна часть чистаго дохода могла бы идти на увеличеніе средствъ библіотеки, а другая — въ пользу церковныхъ суммъ, которыя вообще плохо пополняются жертвованіями и лежатъ мертвыя, безъ пользы, безъ всякаго движенія. Что расходъ на выписку книгъ и журналовъ покрылся бы съ перваго же разу — объ этомъ говорить нечего; а если разсчитывать на частныя пожертвованія, на крестьянскія складчины, то дѣло Богъ знаетъ на сколько времени оттянется.

Излишне было бы говорить о необходимости распространенія статистическихъ свѣдѣній. Польза и огромная важность ихъ сознана всѣми; статистика перестала быть теперь наукой мертвой, сухой, неподвижной. Дѣло въ томъ, что часто самыя разнообразныя явленія находятся между собою въ такой связи, такъ взаимно обусловливаютъ другъ друга, что иногда по одному, или по нѣкоторымъ изъ нихъ, можно утверждать опредѣлительно и обо всѣхъ остальныхъ, хотя бы эти послѣднія были и совсѣмъ недоступны нашимъ наблюденіямъ. Возьмемъ примѣръ изъ записки, читанной дѣйствительнымъ членомъ преобразованнаго статистическаго комитета въ Кишиневѣ, г. Егуновымъ (Бессар. Областн. Вѣд. № 6 и 7): «поло-

жимъ, что о какомъ нибудь округѣ или уѣздѣ мы не знаемъ ничего болѣе, какъ только то, что въ немъ истребляется ежегодно до милліона штукъ разныхъ звѣрей и птицъ. Фактъ этотъ, по-видимому, не изъ обильныхъ; однако такова сила взаимопричинности общественныхъ явленій, что вдумываясь въ него, примѣняя къ нему общеупотребительные пріемы мышленія—наведеніе, соображеніе, умозаключеніе, мы находимъ, что за нимъ скрывается цѣлый рядъ другихъ однородныхъ: извѣстно, что гдѣ много звѣрей и птицъ, тамъ 1) мало людей, 2) много болотъ, лѣсовъ и водъ,—а гдѣ ихъ много, тамъ климатъ ложденъ быть суровъ и влаженъ, слѣдовательно неблагопріятенъ успѣхамъ земледѣлія, тамъ поэтому въ качествѣ главныхъ промысловъ населенія возможны только звѣриная и рыбная ловля; гдѣ эти промыслы господствуютъ надъ другими, тамъ немыслимы успѣхи гражданственности и образованности, слѣдовательно немыслимо широкое разнообразіе потребностей; гдѣ мало потребностей, тамъ не можетъ быть ни обилія, ни разнообразія средствъ, вызываемыхъ ихъ удовлетвореніемъ; тамъ нѣтъ раздѣленія труда, слѣдовательно не возможны ни значительныя мануфактуры, ни обширная торговля, не возможны ни удобныя средства сообщеній, ни большіе города; а при такихъ условіяхъ на всемъ быту мѣстнаго населенія должна лежать печать младенчества со всѣми его хорошими и дурными сторонами. Мало того—на основаніи все той же цифры, мы съ большимъ вѣроятіемъ можемъ утверждать, что самые глаза у этого населенія должны быть немного прищурены и очень зорки, ибо извѣстно, что вѣчное исканіе дичи, вѣчная погоня за звѣремъ такъ именно дѣйствуетъ на органъ зрѣнія».

Областные *статистическіе комитеты* существуютъ у насъ съ 1835 года, но съ тѣхъ поръ большая часть не заявила ничѣмъ дѣльнымъ своей дѣятельности, потому-что врядъ ли она и была полезна при той организаціи, которая существовала до настоящаго времени. Члены комитетовъ были люди служащіе, занятые *своимъ* дѣломъ и смотрѣвшіе на статистическія работы, какъ на занятіе постороннее, неважное, которымъ и заниматься-то нѣкогда. Кромѣ того, комитеты не имѣли средствъ вознаграждать своихъ членовъ и потому дѣло дѣлалось, что́ называется, спустя рукава, такъ что часто можно было услышать выраженіе: «*сочинять статистику*». Статистическіе комитеты, при составленіи общихъ отчетовъ изъ мѣстныхъ или уѣздныхъ донесеній, обыкновенно разлагали не-

достающія или излишнія тысячи и даже сотни тысячъ десятинъ на различныя графы по своему усмотрѣнію... Вслѣдствіе такихъ и подобныхъ небрежностей выходили, да и выходятъ, частію смѣшныя, частію весьма грустныя послѣдствія. О послѣднихъ мы не будемъ упоминать по разнымъ причинамъ, а на первыхъ нѣсколько остановимся. Такъ напр. (Журн. Минист. Госуд. Имущ. № 1, стр. 37, 38, 39) Подольская губернія, по тамошнимъ статистикамъ, *постоянно сжимается*... Не правда ли, это любопытно? Губернія постоянно сжимается!.. Дѣйствительно, по статистикѣ ксендза Марганскаго (1823 г.) въ губерніи считалось 38,220 верстъ, 3.974,900 десят.; по Швейцеру (1844—45) 37,443 верст. и т. д. — все уменьшилось. Читатель, встрѣчая цифры въ печати, и замѣчая въ нихъ измѣненія изъ года въ годъ, вѣроятно полагаетъ, что эти колебанія суть слѣдствія статистическаго прогресса, то-есть исправленія старыхъ плановъ новыми размежеваніями; но кто знакомъ съ дѣломъ поближе, тотъ знаетъ, что эти колебанія суть всего чаще проявленія чистѣйшаго произвола сводчика итоговъ различныхъ цифръ. Вотъ напримѣръ новѣйшія оффиціальныя свѣдѣнія о земляхъ различнаго наименованія въ Подольской губерніи:

	По отчет. губ. статис. комит.	По отч. губ. чертежной.	По воен.-стат. обозр. 1848 г.
подъ лѣсами	575,332	713,805	720,668
— пашнями . . .	1.787,635½	2.177,057½	2.489,531
— пастбищами и выгонами	157,289	289.618	145,241
— усадьбами	258,142½		196,930

И такъ далѣе... Мы не выписываемъ всѣхъ имѣющихся у насъ подъ руками цифръ, все въ подобномъ же родѣ. Да, онѣ должны были наконецъ показать, что прежніе комитеты никуда не годятся, что шутить статистикой нельзя, и что поэтому необходимо преобразованіе. Въ Бессарабской области преобразованіе комитета совершилось послѣ Херсонскаго и Таврическаго. Въ обновленномъ видѣ комитеты снабжены денежными средствами и имъ приданъ характеръ учено-административный; изъ дѣлопроизводства комитетовъ изгнаны всѣ канцелярскіе обряды, а протоколы каждаго засѣданія дозволено печатать и критиковать въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Задачей этихъ учрежденій поставлено точное изученіе края «для болѣе правильнаго направленія всѣхъ дѣйствій и соображеній губернскаго начальства». Къ участію въ работахъ призваны не только лица оффиціальныя, но и частныя,

свѣдущія, конечно, въ дѣлѣ, и желающія, какъ говорится, принести свою посильную лепту и проч. Наконецъ «душею комитета» сдѣланъ особый секретарь, конечно съ необходимыми познаніями, съ сравнительно—хорошимъ жалованьемъ, зависящій единственно только отъ начальника губерніи... Такъ всюду проникаетъ духъ преобразованій съ легкой крестьянской руки. Конечно, онъ будетъ проникать все въ большую и большую массу общества, касаясь тѣхъ насущныхъ вопросовъ, безъ предварительнаго разрѣшенія которыхъ всѣ другіе ни къ чему не поведутъ... Когда нѣтъ почвы, то нѣтъ и дѣла, потому что на воздухѣ корабли не строятся:—это всему міру извѣстно.

Преобразованія хороши тогда, отъ нихъ можно ожидать чего–нибудь дѣльнаго въ такомъ только случаѣ, когда они вызываются самою жизнью, внутреннею сознанною потребностью. Возьмите хоть, напримѣръ, преобразованіе Одесскаго Лицея въ университетъ: здѣсь цѣлая страна, самая жизнь заявляетъ требованіе перемѣны. Но что́ касается до перевода его изъ Одессы въ Николаевъ,.. эта мѣра едвали принесетъ пользу уже потому, что аудиторіи будущаго николаевскаго университета надолго останутся пусты. И вотъ отчего: извѣстно, что большая часть студентовъ—пролетаріи. Они живутъ, что́ называется, изо дня въ день, уроками и другими работами, которыя даже въ Одессѣ, (не говоря уже о Кіевѣ, Харьковѣ) всегда почти можно достать, но ихъ не найти въ Николаевѣ. Этотъ городъ былъ недавно довольно значительнымъ по населенію, но теперь (послѣ войны, послѣ переведенія флота) число жителей въ немъ уменьшилось чуть–ли не на половину... Дѣйствительно, воздухъ въ немъ хорошъ, прямыя широкія улицы,—но вотъ, всѣ почти его достоинства, которыя никакъ не даютъ Николаеву преимущества передъ Одессою въ правѣ обладанія новороссійскимъ университетомъ... А между тѣмъ будущій университетъ долженъ, во-первыхъ, самъ пріобрѣсть особый *мѣстный* характеръ, а потомъ—сообщить самой странѣ извѣстный оттѣнокъ, такъ-что роль, которую могъ бы онъ занимать при разумномъ устройствѣ, должна быть чрезвычайно важна... Говорятъ, что при устройствѣ университета новороссійскаго въ первый разъ осуществится желаніе правительства—учреждать университеты въ малолюдныхъ городахъ (это было высказано гдѣ-то совершенно частнымъ образомъ) на томъ–де основаніи, что будетъ меньше развлеченій для студентовъ и, слѣдовательно, больше вѣроятности на успѣхъ ихъ занятій. Это чистѣйшее заблужденіе, показывающее только крайнее незнакомство съ дѣломъ. Обращаясь къ западнымъ

университетамъ, мы находимъ подтвержденіе нашихъ словъ примѣрами. Въ самомъ дѣлѣ, вспомните, напримѣръ, объ университетахъ Галльскомъ, Іенскомъ, Геттингескомъ. Слава ихъ померкла, а наслѣдниками явились: Лейпцигскій, Берлинскій, Вѣнскій — университеты, помѣщающіяся въ большихъ городахъ... Да можно и не прибѣгать къ примѣрамъ. Вѣдь студентъ немного пріобрѣтаетъ собственно въ университетѣ;.. ему необходимо общество, жизнь: они его развиваютъ, учатъ. Доводя начало уединенія до крайности, можно наконецъ утверждать, что университетъ лучше всего построить на какихънибудь безлюдныхъ островахъ... или пожалуй, въ университетъ обратить какой–нибудь корабль, вывести его въ море — и пусть себѣ онъ качается на волнахъ; съ появленіемъ льда, университетъ возвратится въ пристань, студентовъ и профессоровъ распустятъ на вакаціи, а съ началомъ плаванія снова сборъ на корабль, снова въ море! (Вѣдь это былобы и послѣдовательно и поэтично... Занимайся тамъ сколько душѣ угодно! Но стóитъ только вообразить себѣ существованіе подобнаго университета, чтобы понять всю его нелѣпость. Однообразіе губитъ человѣка, особенно въ молодые годы, необходимо требующіе разнообразія впечатлѣній... А при отсутствіи средствъ удовлетворять этой потребности, непремѣнно среди молодежи разовьется пьянство, картежъ, и многое другое, еще худшее... По этимъ соображеніямъ такъ единодушно признанъ вредъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, на которыя будетъ нѣсколько походить университетъ въ маленькомъ городкѣ. Укажутъ намъ, можетъ–быть, на Оксфордкій университетъ, гдѣ чуть не весь городъ занимаютъ одни студенты съ профессорами, но вѣдь то—Англія... Да и тамъ, впрочемъ, только въ двухъ университетахъ сохранилась эта отжившая старина, и сами Англичане уже видятъ, что противъ рожна трудно прати—противъ духа времени то-есть.—Говорили еще, что въ Николаевѣ есть удобное зданіе, обсерваторія, библіотека... Но на это можно отвѣтить вопросомъ: университетъ–ли устраивается ради зданія или зданіе ради университета? Мы предложили подобный вопросъ одному господину... онъ подумалъ... и возразилъ: »но, вѣдь, согласитесь, что зданіе безъ университета можетъ существовать, а университетъ безъ зданія не можетъ...» А, если такъ, то разумѣется — и толковать нечего... охотно соглашаемся...

Заговоривъ объ университетѣ, мы необходимо должны остановиться на весьма важной, хотя и запоздавшей нѣсколько, новости. Но о хорошихъ вещахъ толковать никогда не поздно.

Въ *Кіевскомъ* университетѣ, по случаю заявленнаго одною дѣвицею желанія слушать въ немъ лекціи по медицинскому факультету для полученія степени лекаря, въ совѣтѣ университета обсуждали весьма интересные вопросы о томъ, могутъ–ли вообще лица женскаго пола быть допускаемы, по всѣмъ факультетамъ, къ слушанію университетскихъ лекцій, совмѣстно со студентами? могутъ ли лица женскаго пола быть допускаемы къ испытанію на ученыя степени, и какими правами, въ случаѣ выдержанія экзамена, онѣ должны пользоваться?

Совѣтъ кіевскаго университета рѣшилъ *единогласно*, что лицъ женскаго пола можно допускать къ слушанію лекцій по всѣмъ факультетамъ на томъ основаніи, на какомъ допускаются всѣ вольнослушающіе. Но, относительно предоставленія женщинамъ ученыхъ степеней, нѣкоторые полагали, что такъ–какъ права, которыя можетъ дать ученая степень, недоступны, при нынѣшнемъ государственномъ порядкѣ, для женщинъ, то и производство испытанія лицамъ женскаго пола, для полученія ими степени, было бы излишне. Другіе же выразили мнѣніе, что женщины не только могутъ допускаться къ испытанію на всѣ ученыя степени разныхъ факультетовъ, *но и должны пользоваться*, если испытаніе оказалось удовлетворительнымъ, *всѣми правами, присвоенными полученной степени*. Почти въ томъ же смыслѣ рѣшенъ вопросъ о женщинахъ, ищущихъ образованія, и въ *харьковскомъ* университетѣ,—покрайней мѣрѣ—на самомъ дѣлѣ; а, напримѣръ, въ *московскомъ* — совершенно въ противоположномъ смыслѣ.—Честь и слава Югу! Видно, что у насъ не было теремовъ,—видно, что въ нашемъ краю были героини, которыя, наравнѣ съ козаками и мѣщанами, защищали крѣпостные валы отъ непріятеля и бросались въ пропасть съ дѣтьми на рукахъ, лишь бы не достаться врагамъ... Да, въ Украинѣ женщина издавна занимала достойное мѣсто въ семейной и общественной жизни: оттого и взглядъ на женщину у насъ иной.

Наконецъ-то наступаетъ пора, когда женщина выходитъ изъ-подъ тяжелаго ига, которое тяготѣло надъ нею столько вѣковъ! Наконецъ-то мы, незванные, непрошенные опекуны и владыки торжественно развязываемъ руки своей рабѣ и отпускаемъ ее на волю... Привѣтъ и поклонъ Кіевскому университету!... Теперь и совѣсть не станетъ такъ упрекать, когда зайдетъ рѣчь о свободѣ, объ уваженіи къ человѣческой личности... Въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной или, лучше сказать, между женщиной и обществомъ, часто проявлялось полное рабство, проявлялся деспотизмъ во всемъ своемъ безобразіи... И тѣмъ ужа-

снѣе былъ онъ, что на сторонѣ угнетенныхъ не было никакихъ средствъ къ защитѣ отъ этой всемірной стачки половинниковъ человѣческаго рода, отъ поголовнаго ихъ возстанія противъ предоставленія гражданскихъ правъ женщинѣ. Отвратительный эгоизмъ, поддерживаемый всеобщимъ убѣжденіемъ, что женщины созданы только для *насъ*, для удовлетворенія *нашихъ* потребностей, долгое время и вездѣ былъ одинаковъ. Мы были наглы до безобразія. Измѣнялась, правда, форма наглости, насилія, принимая болѣе благообразный видъ, но все-таки, наглость была наглостью, насиліе — насиліемъ. Въ самомъ дѣлѣ—ужасно! *Вся* гражданская жизнь находилась исключительно въ нашихъ рукахъ и мы, будучи и судьями и отвѣтчиками, удивительно — какъ — ловко обдѣляли другую половину человѣческаго рода. Но прошла или проходитъ пора безнаказаннаго произвола, безотвѣтнаго рабства... молодая жизнь дышетъ новымъ духомъ; женщина требуетъ себѣ *своего* мѣста въ обществѣ, *своихъ* правъ — и Кіевскій университетъ первый прямо, ясно, разумно отвѣчаетъ на это требованіе, широко раскрывая двери своихъ аудиторій. Еще разъ — привѣтъ ему! Желаемъ, чтобъ и въ другихъ вопросахъ его рѣшенія были также положительны и близки къ жизни.

Какъ-то и гдѣ-то (чуть-ли не въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*) упрекали Одессу и другіе южные города, за то, что въ нихъ будто бы мало добродѣтельныхъ наклонностей къ благотворительнымъ спектаклямъ, а между-тѣмъ, напримѣръ, въ Херсонѣ былъ какъ-то спектакль *въ пользу декораціи*. Дѣйствительно, это послѣднее явленіе кажется нѣсколько страннымъ, когда знаешь, что въ Херсонѣ же существуютъ народныя школы, небогатыя средствами.—Но на этотъ разъ мы могли бы утомить читателя извѣстіями о самыхъ разнообразныхъ спектакляхъ съ доброю цѣлью... Говоря словами кіевскаго корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей* (№ 48) — «отличительная черта спектаклей нынѣшняго года (у корреспондента сказано — въ Кіевѣ», — но тоже самое и въ другихъ мѣстахъ, — чему мы представимъ свидѣтельство ниже) «это, — національность. Выборъ піэсъ для спектаклей, по большей части, намекалъ на эту черту; выборъ же казенныхъ дивертисментовъ въ родѣ... *жертвованій* (?) *въ малороссійскомъ селѣ* и проч. слишкомъ ясно подтверждаетъ

наше замѣчаніе. Какъ бы то ни было (заключаетъ корреспондентъ), но, оставаясь спокойнымъ наблюдателемъ всего происходящаго вокругъ насъ въ здѣшнемъ краѣ, мы не могли не замѣтить, что каждое дѣйствіе обыкновенно вызываетъ противодѣйствіе, и что массы большія легко перетягиваютъ массы меньшія. Не есть–ли это естественный ходъ вещей, противъ котораго и роптать невозможно?« Разумѣется! это *кстати* сказано. — Въ *Одессѣ*, 14 февраля, былъ спектакль, въ пользу студентовъ Ришельевскаго лицея, доставившій 150 р. чистаго дохода; шла, между прочимъ, украинская піэса. *О Кіевъ* и говорить нѣчего: было бы весьма трудно перечислить всѣ, дававшіяся тамъ представленія въ послѣднее время. Съ двухъ спектаклей, данныхъ въ *Симферополѣ*, въ январѣ, получено, какъ видно изъ напечатаннаго отчета, чистаго дохода 336 р. 65 к.; эти деньги употреблены на пособіе нуждающимся лицамъ изъ обучавшихся въ Симферопольскихъ учебныхъ заведеніахъ и продолжающимъ курсъ наукъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ; такимъ образомъ, часть изъ этихъ денегъ пошла въ Ришельевскій лицей (200 р.), въ Кіевскій университетъ (100 р.) и одному приготовляющемуся поступить въ Горыгорѣцкій институтъ (35 р.). Въ *Черниговѣ* шла, между–прочимъ, *Наталка — Полтавка*, оперетта Котляревскаго, въ пользу бѣдныхъ студентовъ; а въ *Одессѣ — Запропащена, або лихóю дíла Госпóдь не потерпить*... Не станемъ перечислять дальше, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя названія украинскихъ піэсъ пришлось бы повторить нѣсколько разъ. Мы слышали, что скоро и въ *Петербургѣ* будетъ данъ интересный спектакль: *Чорномóрськiй пóбитъ*, Я. Г. Кухаренка и новооткрытая комедія В. А. Гоголя, отца извѣстнаго писателя, въ пользу *Тарасовой* каневской школы. О результатахъ этого спектакля, разумѣется, мы сообщимъ въ свое время. Въ Харьковскихъ спектакляхъ любопытно прекрасное нововведеніе — *студентскіе національные хоры*, встрѣченные публикой, по словамъ *Харьковскаго Листка*, съ пріятнымъ изумленіемъ. На спектакляхъ, данныхъ студентами въ пользу своихъ бѣдныхъ товарищей, украинскимъ хоромъ были въ-особенности хорошо пропѣты пѣсни: »*Ой на горí та женьцí жнуть;*« »*Ой казали вражí люди*...« и »*Ой Морозе та Морозенку.*« Потомъ этотъ же хоръ появлялся передъ публикой еще два раза, и отлично спѣлъ знаменитую пѣсню — »*Ой бíда, бíда чáйцí небóзí, що вúвела дíтки при бúтiй дорóзí* ,« черноморскимъ напѣвомъ, который несравненно лучше всѣхъ другихъ напѣвовъ. Во-

обще, одобреніе хоровъ было почти всеобщее. Желаніе студентовъ — изучать народную музыку, которая такъ тѣсно связана съ народною, въ особенности — украинскою, поэзіей, привело къ образованію хоровъ. Изученіе народной, музыки у насъ дѣло почти не начинавшееся; большая часть народныхъ пѣсень вовсе незнакома публикѣ, и потому образованному обществу нельзя нерадоваться и не поддержать этой превосходной мысли постояннымъ участіемъ. — «Впрочемъ,» замѣчаетъ *Листокъ*, появленіе украинскаго хора передъ публикою, было до-сихъ-поръ только *пробою* безъ особенной выправки въ пѣсни и даже безъ всякой переборки голосовъ... Серьёзное изученіе народныхъ пѣсень, подъ руководствомъ человѣка, отлично знающаго музыку, еще не начиналось, но въ скоромъ времени должно начаться. Одна бѣда — нѣтъ хорошихъ солистовъ, а между тѣмъ всѣ лучшія украинскія пѣсни, самый цвѣтъ украинской музы — именно приходятся для соло. Поэтому иногда такія пѣсни, которыя, будучи хорошо спѣты соло, произвели бы самое глубокое впечатлѣніе, поются не вполнѣ установившимся хоромъ и чрезъ то теряютъ большую половину свое прелести.»

При всеобщемъ безденежьи, при наступающемъ, если уже не наступившемъ, финансовомъ кризисѣ, необходимо обращать особенное вниманіе на усиленіе производства страны, на разработку тѣхъ нетронутыхъ еще богатствъ, отъ которыхъ можно ожидать хоть какихъ нибудь средствъ для поправленія дѣлъ. Вотъ, напр., *Харьковская* губернія, на мѣстѣ прежнихъ военныхъ поселеній, изобилуетъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, доставляемымъ шелковыми плантаціями, которыя заведены еще въ 1843 году. На этихъ плантаціяхъ считается около 1,300,000 деревьевъ, не считая находящихся въ садахъ мѣстныхъ жителей. Кромѣ одной части этихъ плантацій, отданной уже въ аренду на продолжительные сроки разнымъ лицамъ, въ Херсонскихъ и Кіево-Подольскихъ поселеніяхъ находится еще болѣе $2^1/_2$ милліоновъ шелковичныхъ деревьевъ. Если листья 18-лѣтнихъ шелковичныхъ деревьевъ обратить на добываніе шелка, то есть употребить ихъ для выкормки шелковичныхъ червей, то небольшой капиталъ и трудъ, въ теченіи полутора или двухъ мѣсяцевъ, могутъ вознаградиться съ значительною прибылью. Въ этомъ отношеніи одни *харьковскія* плантаціи могутъ доставлять до 658 пудъ шелка лучшаго качества. На

этихъ основаніяхъ авторъ статьи, помѣщенной въ *Газетѣ для Сельскихъ Хозяевъ* (№ 28) предлагаетъ на обсужденіе слѣдующія соображенія: пріобрѣсть покупкою нѣсколько фунтовъ яичекъ шелковичныхъ червей лучшихъ породъ и, въ началѣ апрѣля наступившаго года, перевести ихъ на одну изъ *харьковскихъ* плантацій для выкормки изъ нихъ червей на домашнихъ шелковичныхъ листьяхъ. Весь трудъ выкармливанія червей охотно примутъ на себя, за незначительную плату, мѣстные жители, которые вмѣстѣ съ тѣмъ охотно удѣлятъ въ собственныхъ хатахъ мѣсто для помѣщенія шелковичныхъ листьевъ. Успѣхъ этого предпріятія будетъ, конечно, зависѣть отъ своевременнаго пріобрѣтенія яичекъ... По видимому, это такая важная отрасль промышленности, что невозможно не устремить на нее всего вниманія сельскихъ хозяевъ... Не понятно, по какимъ причинамъ, не смотря на уничтоженіе откуповъ, такъ мало проявляется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вниманіе къ винному промыслу. По свѣдѣніямъ департамента податей и сборовъ, къ 16 числу минувшаго декабря, въ числѣ 49 лицъ, заявившихъ намѣреніе открыть оптовые винные склады, было *только одно* изъ бессарабской области съ заявленіемъ желанія открыть оптовый складъ на 300,000 ведеръ, между тѣмъ какъ средній расходъ вина въ этой области простирается въ годъ до 1,054,413 ведеръ. Изъ остальныхъ губерній новороссійскаго края, по словамъ Одесскаго Вѣстника, ни въ одной не заявлено желанія объ открытіи складовъ при всей очевидности выгодъ — и не пустыхъ выгодъ. Вотъ средній расходъ вина въ этихъ губерніяхъ: въ Екатеринославской 1,326,775 ведеръ; Таврической 455,183 в.; Херсонско- 1,797,559. Такая важная отрасль промышленности не должна снова попасть въ руки монополистовъ — откупщиковъ... Нѣтъ капиталовъ—такъ можно составлять общества, ассоціаціи, но все–таки не выпускать изъ *своихъ* рукъ дѣло.

Въ «Экономистѣ,» г. Вернадскаго, пишутъ: «факты, касающіеся торговли черниговскимъ табакомъ, ясно доказываютъ, что до сего времени производство его превосходило его сбытъ. Принявъ во вниманіе вліяніе новаго акцизнаго устава на будущій сбытъ его, не трудно рѣшить, прошла–ли чаша мимо Малороссіи, для которой табакъ составляетъ чистыя деньги. Рижскіе оптовые торговцы черниговскимъ табакомъ уже подали прошеніе г. министру финансовъ объ исключеніи этой торговли сырымъ табакомъ, употребляемомъ въ сыромъ видѣ отъ въ высшей степени для нея обременительныхъ правилъ новаго

акцизнаго устава. Мы слышали, что относительно стѣснительности этихъ правилъ, вообще, вошли съ представленіемъ и одесскіе фабриканты.

Весьма важное пособіе для жителей, при настоящей дороговизнѣ дровъ, будетъ составлять каменный уголь, новые пласты котораго открыты въ нѣсколькихъ мѣстахъ на югѣ. Особенно замѣчательно пространство въ Подольской губерніи по Синюхѣ, между Богополемъ и Звенигородкою, гдѣ открыта и желѣзная руда. Потомъ весьма замѣчательно открытіе этого же угля въ Бердянскомъ уѣздѣ, въ мѣстности Корсакъ-Могила, и здѣсь гораздо важнѣе, чѣмъ близь стараго Крыма, гдѣ также найдены пласты, хотя и въ незначительномъ количествѣ. А дорогъ хорошихъ всѣ еще нѣтъ! О желѣзныхъ дорогахъ и говорить страшно. Нашумятъ, накричатъ, наговорятъ, а дѣло стоитъ себѣ, а если и ползетъ, то не быстрѣе черепахи, какъ напримѣръ Ѳеодоссійская желѣзная дорога. Тѣмъ пріятнѣе указать на дѣло, исполненное безъ всякихъ предварительныхъ выкрикиваній и восхваленій. Въ Землѣ Войска Донскаго скоро будетъ готова желѣзная дорога отъ Аксайской станицы до Каменской, на протяженіи около ста верстъ. Дѣло это дѣлалось тихо, безъ шума, на войсковой капиталъ; насыпь уже готова, рельсы скоро будутъ проведены. Подлѣ самаго Новочеркаска, гдѣ будетъ одна изъ главныхъ станцій этой дороги, сооружается теперь мостъ черезъ рѣчку Тузловъ. Эта желѣзная дорога поставитъ хлѣбородные округи Донскаго края въ непосредственное сообщеніе съ Аксайскою станицею (въ Землѣ Войска Донскаго *станица* имѣетъ тоже значеніе, что *уѣздный городъ* въ прочихъ губерніяхъ) съ городами Ростовомъ на Дону, и Таганрогомъ. Кромѣ того войсковая Каменско-аксайская желѣзная дорога предназначается для быстраго подвоза антрацита, добываемаго во вновь открытыхъ и организованныхъ грушевскихъ копяхъ (въ семи верстахъ отъ Новочеркаска) къ пароходнымъ пристанямъ общества волжско-донской желѣзной дороги и *Русскаго общества пароходства и торговли*, о которомъ мы подробно поговоримъ въ слѣдующей *Лѣтописи*.

Еще весьма недавно, усовершенствованія въ сельско-хозяйственной механикѣ за границей почти совсѣмъ не достигали нашихъ хозяевъ. Хотя еще не вездѣ убѣждены, что старое постоянно смѣняется новымъ, даже и въ области сельскаго хозяйства, но распространеніе ясныхъ понятій относительно хозяйства все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Нужда многому учитъ. У насъ есть уже нѣсколько своихъ механическихъ заве-

деній, на которыхъ, въ значительномъ количествѣ, изготовляются сельско-хозяйственныя орудія, часто неуступающія въ достоинствѣ иностраннымъ. «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» сообщаетъ что склады сельско-хозяйственныхъ орудій находится; въ Одессѣ—3, въ Кіевѣ—2 и по одному въ Житомирѣ, въ Харьковѣ, въ Таганрогѣ. Теперь уже къ числу существующихъ механическихъ сельско-хозяйственныхъ заведеній прибавилось еще одно, составляющее для южнаго хозяйства важное пріобрѣтеніе, такъ-какъ у насъ очень чувствителенъ недостатокъ рабочихъ рукъ, возвысившій заработную плату до значительныхъ размѣровъ. Выписка машинъ и орудій изъ-за-границы обходится очень дорого, а капиталистовъ-механиковъ въ краѣ нѣтъ; они всѣ стремятся въ столицы, какъ центры промышленности. Эти причины давно заставили «Общество сельскаго хозяйства въ южной Россіи» подумать объ основаніи въ Одессѣ, или какомъ-нибудь другомъ пунктѣ Юга, механическаго заведенія, для выдѣлки собственно сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. Съ этою цѣлію, какъ сообщаютъ «Экономическія Записки,» общество обрящалось къ нѣкоторымъ механикамъ и наконецъ въ прошломъ году остановилось на одномъ изъ членовъ своихъ—инженерѣ-технологѣ Пахомовѣ, который хорошо изучилъ нужды въ орудіяхъ и машинахъ хозяйства южнаго края. Г. Пахомову испрошено черезъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ ссуда въ 30,000 р. сер. на устройство механическаго заведенія въ Одессѣ. Одесса самый удобный пунктъ для подобнаго заведенія, въ нее привозятся всѣ нужные матеріялы для завода въ сыромъ видѣ; привозъ этихъ матеріаловъ дальше внутрь Россіи увеличилъ бы цѣнность произведеній завода; кромѣ того, по словамъ Од. В. теперь и пошлина на разныя желѣзныя издѣлія, привозимыя изъ-за-границы для полезныхъ хозяйству орудій, уничтожена. Наконецъ, въ Одессу стекается множество помѣщиковъ, и машины могутъ развозиться въ дальніе порты очень удобно, безъ большихъ тратъ для покупателей. Г. Пахомовъ обязался изготовлять на своемъ заводѣ всякія, какъ паровыя такъ и простыя машины и орудія, а равно и *чинить* ихъ; устроить при немъ депо иностранныхъ машинъ и орудій и коммисіонерство для выписки ихъ по дешевѣйшимъ цѣнамъ противъ существующихъ; приготовлять практическихъ машинистовъ и, въ томъ числѣ — молодыхъ людей изъ государственныхъ крестьянъ *безплатно*.

— *М. В. Остроградскій.* Въ январской Лѣтописи мы обѣщали сообщить читателямъ біографическія свѣдѣнія о М. В. Остроградскомъ.

До времени, мы должны ограничиться небольшимъ извлеченіемъ изъ письма брата — о жизни покойнаго:

М. В. Остроградскій родился въ 1801 году Полтавской губерніи, Кобеляцкаго уѣзда въ родовомъ имѣніи, учился сначала въ полтавской гимназіи, а потомъ въ харьковскомъ университетѣ. Въ дѣтствѣ онъ особенно любилъ находить *міру* и *величину* каждой игрушки своей; особенно занимали его мельницы, вѣтряная и водяная: онъ стоялъ передъ ними по часу и больше, смотря на движеніе крыльевъ, а внутри мельницы — на вращеніе камней. Любилъ также М. В. измѣрять глубину колодца, для чего постоянно носилъ въ карманѣ снурокъ съ камышкомъ на концѣ. Въ гимназіи онъ не отличался прилежаніемъ, но былъ замѣтенъ какъ бойкій, живой и остроумный мальчикъ. Изъ 3 класса гимназіи (соотвѣтствующаго нынѣшнему 6) отецъ повезъ его въ 1816 году въ Петербургъ, думая опредѣлить сына въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ; но, по совѣту своего шурина, отвезъ сына назадъ въ Харьковъ и помѣстилъ его у адъюнкта университета, преподавателя военныхъ наукъ, М. К. Робуша. Робушъ обѣщалъ приготовить М. В. въ университетъ, но Остроградскій показывалъ стремленіе къ военной службѣ. Въ 1817 году поступилъ онъ въ харьковскій университетъ по физико-математическому факультету: первые полтора года шли плохо, но преподаватель математики, А. Ѳ. Павловскій, къ которому переѣхалъ М. В., имѣлъ большое на него вліяніе. Молодой человѣкъ, разставшись съ мечтами, принялся горячо за занятія и въ три мѣсяца уже упрощивалъ самыя трудныя математическія формулы. Окончивъ блистательно курсъ и получивъ аттестатъ, М. В. хотѣлъ держать экзаменъ на кандидата; но враждебная партія профессоровъ находила для него препятствіе держать экзаменъ изъ богословія. Остроградскій, получивши безосновательный отвѣтъ на вопросъ о причинахъ недопущенія къ экзамену, вынулъ свой студенческій аттестатъ и отдалъ его засѣдавшимъ профессорамъ, прося ихъ вытереть и имя его изъ всѣхъ списковъ студентовъ. Разставшись съ университетомъ, Остроградскій отправился въ Парижъ съ какимъ-то Нѣмцемъ, но на дорогѣ этотъ послѣдній обокралъ его, такъ-что первая поѣздка была неудачна. Онъ поѣхалъ во второй разъ въ августѣ 1822 года. Уже въ 1823 году, въ одномъ изъ листковъ журнала французской академіи, гдѣ толковалось о теоріи функцій, вслѣдъ за именами Эйлера и Лагранжа, было напечатано: enfin un jeune russe Ostrogradsky, doué de beaucoup de sagacité et trés versé dans l'analyse infinité-

simale (т. е. и наконецъ, одинъ молодой русскій, Остроградскій, одаренный большой проницательностью и весьма искусный въ анализѣ безконечно-малыхъ величинъ) сдѣлалъ то-то и то-то. — М. В. былъ въ дружбѣ съ тогдашними математиками въ Парижѣ — Коши и Поассономъ; у Лапласа онъ былъ принятъ какъ семьянинъ и, передъ смертью его, получилъ въ подарокъ одинъ изъ ненапечатанныхъ тогда мемуаровъ. Остроградскій читалъ лекціи въ Ecole de Henri IV. Въ 1828 (то-есть, 27 лѣтъ), возвратившись въ Россію, онъ поступилъ въ академію наукъ адъюнктомъ и скоро былъ утвержденъ экстраординарнымъ академикомъ; въ 1829 году, правительство послало его во Францію, откуда принудила его возвратиться въ отечество іюльская революція (1830). Въ Парижѣ, онъ испортилъ глазъ фосфорной спичкой и ужъ почти не могъ его вылечить. Въ 1831 году, М. В. женился; у него остались дѣти: сынъ и двѣ дочери.

Ученыя достоинства и открытія Остроградскаго слишкомъ важны и оцѣнивать ихъ — дѣло не короткой замѣтки. Скажемъ только, что какъ профессоръ, Остроградскій отличался необыкновеннымъ умѣньемъ выбирать легчайшіе и удобнѣйшіе пріемы для рѣшенія и объясненія математическихъ вопросовъ. Въ этомъ имѣли случай убѣдиться всѣ, кто прослушалъ нѣсколько его публичныхъ лекцій по дифференціальному исчисленію въ позапрошломъ году.

— *Число періодическихъ изданій въ Кіевѣ.* Въ «Кіевск. Телегр.» пишутъ: «Ни въ одномъ изъ губернскихъ городовъ не издается такъ много періодическихъ изданій, какъ въ Кіевѣ. По настоящее время издается 9 журналовъ и газетъ, именно: Кіевскія Губернскія Вѣдомости, Современная Медицина, Епархіальныя Вѣдомости, Руководство для сельскихъ пастырей, Труды Кіевской Духовной Академіи, Воскресное Чтеніе, Кіевскій Телеграфъ, Труды Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ Актовъ, и Университетскія Вѣдомости. Кромѣ этихъ журналовъ, въ Кіевѣ два года издавалась, подъ редакіею Н. М. Сементовскаго, «Галлерея кіевскихъ достопримѣчательныхъ видовъ и древностей» и «Альбомъ памятниковъ и видовъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній», подъ редакціею А. Фонъ-Юнка; оба эти изданія, не встрѣтивъ сочувствія и поддержки со стороны публики, должны были прекратить свои выпуски. Къ упомянутымъ, издающимся въ Кіевѣ девяти журналамъ и газетамъ присоединяются: «Кіевскій Курьеръ» подъ редак-ціею г. Стрешнева (начнетъ выходить съ 15 марта по три раза въ недѣлю), и журналъ: «Вѣстникъ югозападной и западной

Россіи» подъ редакціею г. Говорскаго, который начнетъ выходить ежемѣсячно съ 1 іюля книжками отъ 12 до 14 листовъ.

— *Судъ надъ крестьяниномъ.* Въ «Бесарабскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» напечатано: При разсмотрѣніи одного изъ приговоровъ бессарабскаго уголовнаго суда, областнымъ начальствомъ усмотрѣно, что одинъ мѣщанинъ, возвращаясь домой съ заработковъ, съ тремя штуками купленнаго скота,—по одному предположенію, не украденъ ли тотъ скотъ—былъ задержанъ въ уѣздѣ своего города и доставленъ съ тѣмъ скотомъ въ земскій судъ. Земскій судъ, не имѣя также никакого болѣе подозрѣнія, отдалъ тотъ скотъ въ неутратное сбереженіе мѣстному Еврею. Впослѣдствіи, когда неосновательность подозрѣнія разъяснилась и скотъ слѣдовало возвратить хозяину, еврей показалъ тотъ скотъ павшимъ въ одинъ день, хотя падежа въ городѣ тогда не было, и представилъ въ судъ кожи. По приговору, состоявшемуся по этому дѣлу, поставлено: взыскать съ Еврея и уплатить за тотъ скотъ хозяину оцѣночную сумму, за 3 штуки, 15 руб. но оцѣночная сумма, какъ извѣстно, далеко не покрываетъ стоимости отобраннаго скота; слѣдовательно, бѣдный человѣкъ обиженъ отъ неблагоразумія чиновниковъ, въ которыхъ, по благодѣтельнымъ мѣрамъ правительства, простолюдинъ долженъ находить не *враговъ*, а *защитниковъ*. При этомъ замѣчено, что земскій судъ, арестуя скотъ, непозаботился отдать таковый на прокормленіе въ благонадежныя руки, какъ бы слѣдовало, сосѣдямъ обвиняемаго, а отдалъ Еврею, который, не занимаясь земледѣліемъ и неимѣя лишняго корма, не могъ и принять подобный скотъ на прокормленіе безъ своекорыстной мысли,—чего распоряжавшіеся, при благонамѣренности, не могли бы не видѣть.

Членамъ суда и секретарю, распоряжавшимся отдачею скота Еврею на прокормленіе, сдѣлано строгое замѣчаніе, а въ предостереженіе отъ подобныхъ непростительныхъ и предосудительныхъ дѣйствій, областное начальство нашло необходимымъ объявить о настоящемъ случаѣ.

Почтовые экипажи. — Съ 1-го января 1862 года отправляются почтовые экипажи отъ Кіева до Москвы и обратно, на слѣдующіе города: Козелецъ, Черниговъ, Гомель, Довскъ, Пропойскъ Чериковъ, Рославль, Юхновъ, Медынь, Малоярославецъ, Подольскъ и

Москву. Плата взимается по разстоянію и мѣстамъ. Отъ Кіева до Москвы платится: за внутреннее мѣсто 42 руб., наружное—29 руб.

— *Наводненіе.* Въ Таврическихъ вѣдомостяхъ сообщаютъ, что вслѣдствіе обилія снѣговъ въ степной полосѣ Крыма, при внезапномъ почти наступленіи тепла, случилось 21 февраля нѣсколько несчастій, причиненныхъ наводненіемъ. Въ экономіи г–жи Кузминой вырвало изъ прекраснаго обширнаго сада множество деревьевъ и виноградныхъ кустовъ.—Въ рѣкѣ Конкѣ, близь г. Орѣхова, прибыло огромное количество воды, разлившейся на далекое пространство и огромными льдинами повредило мостъ, находящійся на упомянутой рѣкѣ. Изъ восьми ледорѣзовъ два совершенно разрушило, а прочіе значительно повреждены. Старожилы говорятъ, что такіе снѣга были лѣтъ тридцать тому назадъ. — Намъ пишутъ изъ Николаева, что тамъ позаливало нѣсколько погребовъ и причинило значительные убытки, повредивъ товаръ, чему много способствовало дурное устройство мостовыхъ безъ канавъ. — Въ Мелитополѣ 25 февраля вода залила много зданій, въ томъ числѣ острогъ, откуда принуждены были вывести арестантовъ.

— *Недостатокъ рабочихъ рукъ.* Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на чрезмѣрное возвышеніе заработной платы, происходящее отъ недостатка рабочихъ рукъ. Кажется, болѣе другихъ имѣетъ право жаловаться Таврическая губернія, лишившаяся, вслѣдствіе значительнаго выселенія Татаръ, многихъ силъ. Слухи о переселенцахъ, которые будутъ въ Крымѣ и между прочимъ, начнутъ селиться на владѣльческихъ земляхъ такъ разнорѣчивы, что пока не возможно ничего сказать опредѣленнаго. Говорятъ также, что выселившіеся Татары снова думаютъ воротиться назадъ; видно турецкія власти не предоставили имъ тѣхъ благъ, о которыхъ они мечтали, и за которыми почти бѣжали изъ Крыма. Если эти слухи справедливы, то разумѣется дѣла пойдутъ значительно лучше.

— *Выставки.* Департаментъ сельскаго хозяйства объявляетъ, что въ настоящемъ 1862 году министерство государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ начальниками губерній, предлагаетъ открыть выставки сельскихъ произведеній, между прочимъ, въ *Екатеринославѣ* (съ 26 сентября) и *Кіевѣ* (съ 15 августа).

— *Переселеніе.* Въ теченіе 1861 года, въ Россію прибыло Малороссіянъ и Великороссіянъ изъ отграниченнаго участка Бессарабіи, а также Болгаръ (какъ изъ отграниченнаго участка, такъ и изъ Тур-

ціи) 24,681 об. пола д. «Такъ-какъ выходцы изъ горныхъ частей Турціи, пишутъ въ Ж. М. Г. И., неохотно селятся въ степныхъ, безлѣсныхъ мѣстахъ Новороссійскаго края, поэтому естъ предположеніе предложить будущимъ переселенцамъ селиться на Кавказѣ». Переселеніе это продолжается еще и до сихъ поръ, о чемъ мы намѣрены подробнѣе поговорить впослѣдствіи.

— *Курская очередная выставка* сельскихъ произведеній, назначенная для губерній: Курской, Харьковской, Кіевской, Черниговской и Полтавской открыта была 14 сентября прошлаго года. Эта выставка, какъ сообщаетъ листокъ «Харьковъ» отъ 14 марта, возбуждала въ посѣтителяхъ любознательность и желаніе по возможности учавствовать на будущее время въ такомъ полезномъ дѣлѣ. Всѣхъ экспонентовъ было только 107, а представленныхъ нумеровъ всѣхъ произведеній — 243. — Изъ представленныхъ предмѣтовъ особенное вниманіе обратили на себя: модель молотильной машины, представленная щигровскимъ помѣщикомъ Анненковымъ; чрезвычайно упрощеннаго устройства; 2 улья съ сотами и 1 съ пчелами курскаго помѣщика П. П. Мойсѣева; крупчатая мука почетнаго гражданина А. В. Тихонова; снопы кормовыхъ травъ щигровскаго помѣщика М. А. Пузанова, пенька госуд. крестьянина Фатежскаго округа Басова и кушаки государственныхъ крестьянокъ курскаго, Фатежскаго и щигровскаго округовъ. Незначительный размѣръ выставки объясняютъ дождливою осенью, неопредѣленностью отношеній владѣльцевъ къ временно-обязаннымъ крестьянамъ, позднею уборкою хлѣбовъ и новизною положенія сельскихъ обывателей... Значитъ, на будущее время можно ожидать большаго —

— *Чехи въ Диканькѣ — имѣніи кн. Льва Кочубея.* Газета «День» помѣстила въ одномъ изъ февральскихъ нумеровъ протестъ противъ притѣсненій, оказанныхъ, въ имѣніи кн. Кочубея, Чехамъ, выписаннымъ для работъ въ имѣніи. Изъ поднявшейся, по этому поводу, довольно запутанной полемики трудно заключить, въ какой степени виновны владѣлецъ, или управляющій: *быть-можетъ*, назначенное слѣдствіе раскроетъ съ этой стороны правду; можно однакожъ вывести то, что нѣкоторые содержатели конторъ, а въ настоящемъ случаѣ г. Левинсонъ, при заказахъ выписки иностранныхъ рабочихъ въ Россію, обманываютъ и русскихъ помѣщиковъ и переселенцевъ. Къ первымъ, какъ остроумно и вмѣстѣ справедливо замѣтила Газ. Д. С. Х., вмѣсто земледѣльцевъ являются музыканты, вмѣсто овчаровъ кузнецы, вмѣсто хо-

лостыхъ семейные и т. д. Совѣтуемъ по этому случаю обращаться къ русскимъ коммисіонерамъ, если кто не имѣетъ возможности самъ ѣхать за границу для найма рабочихъ.

— *Сочиненія Т. Шевченко въ переводѣ на польскій языкъ.* Въ Кіевѣ очень недавно вышли въ свѣтъ «Przekłady pisarzów małorossyjskich, А. І. Горжалчиньскаго. Переводчикъ обѣщаетъ со временемъ перевести на польскій языкъ всѣ лучшія малороссійскія сочиненія. Въ первомъ (вышедшемъ) томѣ находятся слѣдующія стихотворенія Шевченко: Наймичка, Катерина, Тополя, Иванъ Підкова, Тарасова Нічъ... всего семнадцать стихотвореній. Изданію этому можно предсказать большой успѣхъ, такъ-какъ переводъ сдѣланъ, нерѣдко, превосходно, съ пониманіемъ и сочувствіемъ къ истинно-народному поэту. Мы надѣемся со временемъ дать болѣе подробный отчетъ о трудѣ и взглядѣ достойнаго переводчика на свое дѣло. Второй томъ, который уже въ печати, также будетъ посвященъ сочиненіямъ Т. Гр. Шевченко; въ третьемъ переводчикъ обѣщаетъ повѣсти Основьяненка (Квітки); четвертый томъ будетъ состоять изъ повѣстей Марка Вовчка.

— *Вспышки угасающаго откупа.* Вотъ, что сообщаетъ, въ Од. В.—г. И. Иванченко: «Со мной приключилась слѣдующая исторія. Для ясности скажу, что отецъ мой, пролежавъ около трехъ недѣль опасно больнымъ, началъ было поправляться. 12 числа февраля, когда я отлучился по службѣ въ Херс. уѣздное училище, часовъ около 11 утра, толпа пьяныхъ солдатъ и мужиковъ, предводимая питейными повѣренными: Гершкою Штейманомъ, Зах. Варвинскимъ и однимъ изъ полицейскихъ агентовъ (что я узналъ въ послѣдствіи), вломилась сначала во дворъ, а потомъ и въ домъ къ родителямъ моимъ и, не слушая увѣщаній матери, предупреждавшей ихъ о болѣзни отца, разсыпалась въ количествѣ 20 слишкомъ человѣкъ, по комнатамъ, стала переворачивать мебель, мять и рвать платье, бить посуду, ища чего-же?—водки. Все было осмотрѣно ими—отъ сундука до пузырька съ лекарствомъ и до кармановъ,—и никакой водки не было найдено. Толпа отхлынула назадъ, изломавъ и раздавивъ часть мебели и посуды, утащивъ изъ моей комнаты часть моего платья и подѣйствовавъ на здоровье отца самымъ печальнымъ образомъ. Слабый, больной, тихій и боязливый старикъ не перенесъ равнодушно нахальнаго обыска, и снова впалъ въ опасное болѣзненное состояніе. Я вѣрю, что подобныя происшествія станутъ скоро анахронизмомъ и въ Хер-

сонѣ, но вотъ еще слѣды отживающаго времени и умирающаго откупа.» — Неужели дѣло тѣмъ и кончилось??

— *Пароходство по Днѣпру.* Правленіе общества объявило, что съ 28 марта открыто правильное пассажирское сообщеніе между Кіевомъ, Кременчугомъ, Екатеринославомъ. Пароходы отходятъ изъ Кременчуга въ Кіевъ по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ, отъ Кіева въ Кременчугъ по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, отъ Кременчуга въ Екатеринославъ по вторникамъ и пятницамъ и отъ Екатеринослава въ Кременчугъ по воскресеньямъ и четвергамъ.

— *Съѣздъ естествоиспытателей въ Кіевѣ.* «Московскія Вѣдомости» сообщаютъ, что съѣздъ естествоиспытателый для научныхъ и педагогическихъ совѣщаній будетъ въ Кіевѣ и въ настоящемъ году. Учителя естественныхъ наукъ въ кіевскихъ гимназіяхъ получили уже приглашеніе прибыть для этой цѣли въ Кіевъ 21 іюня. Совѣщанія будутъ съ 11 по 18 іюня.

— *Бользнь отъ примѣси рожковъ въ житѣ.* Въ деревняхъ Владовкѣ и Писаровкѣ Кіевской губерніи Радомысльскаго уѣзда появилась на людяхъ болѣзнь Raphanía, отъ примѣси въ значительномъ количествѣ, рожковъ въ житѣ, отъ коей до 10 февраля умерло 7 беременныхъ женщинъ, 8 выкинуло плодъ и остается больныхъ болѣе 30. Объ этомъ мѣстное медицинское правленіе немедленно донесло начальству, которое сдѣлало распоряженіе о производствѣ слѣдствія по закону, также какъ и объ оказаніи больнымъ необходимаго медицинскаго пособія.

— *Отчетъ о первомъ музыкально–литературномъ вечерѣ*, бывшемъ въ Одессѣ въ пользу ремесленной школы. Въ этомъ отчетѣ намъ показались любопытными цифры сбора (140 р. 75 к.), расхода (123 р.–50 к.) и выручки (17 р.–25 к.). Содержателю театровъ заплачено за зданіе 90 р., да и то по недостаточности сбора, а по условію слѣдовало 120 р. Странно!... Вечеръ благотворительный, въ пользу школы, а содержатели театровъ берутъ такія огромныя цѣны за зданіе!?

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

1862.

III.

№ XXIX—*Цыганка*, срисованная мною съ натуры въ м. Седневѣ, Черниговскаго уѣзда.

Одна изъ живописныхъ чертъ украинскаго населенія — это—племя цыганъ, которое бродитъ съ мѣста на мѣсто, останавливаясь шатрами то въ лѣсу, то въ рощѣ, то на лугахъ; отсюда уже они ходятъ въ окрестныя ярмарки. По возвращеніи съ прибылью, таборъ пируетъ — пьетъ, танцуетъ и поетъ. Сцены цыганскаго табора полны занимательности. Жизнь въ нихъ проявляется во всей своей пластичности; это обильный матеріалъ не только для живописца, но и для всякаго наблюдателя. Страсти тамъ безъ покрова, во всей своей дикой наготѣ и красотѣ. Пляска, пѣсни съ гиканьемъ и хлопаньемъ въ ладоши, полны художественной прелести. Нельзя и сравнивать этихъ *плащова́тыхъ* цыганъ, въ изодранномъ рубищѣ, въ коралахъ и дукачахъ, въ чалмахъ изъ шалей, полунагихъ, а часто и совершенно нагихъ, въ лѣсу, среди лопушника, или въ дубовой рощѣ, когда все залито палящимъ солнцемъ, когда въ зелени блеститъ темнымъ свѣтомъ неправильный, изодранный шатеръ, а подлѣ, на веревкѣ, лежитъ тощій, мохнатый и злой барбосъ, хрюкаютъ свиньи, блеютъ овцы, ржетъ лошадь, кричитъ краденный пѣтухъ и синій дымокъ тамъ-и-сямъ пробирается черезъ вѣтви, а пляшущія цыганки — красавицы, съ раскинутыми локонами, въ яркихъ лентахъ, легкія, стройныя, гибкія, энергическія, дрожатъ всѣмъ тѣломъ и съ замершимъ шопотомъ на устахъ разжигаютъ кровь и возбуждаютъ нервы, — нельзя, говорю, и сравнивать такихъ цыганъ — съ этими, на парадной плотформѣ, умышленно костюмированными, напомаженными и раздушенными хорами московскихъ цыганъ, поющихъ сентиментальную чепуху, которая такъ плѣняетъ большу́ю неестественно-развившуюся часть общества.

Покидая наши безжизненные города и оставляя за собой длинную, пустую улицу съ домомъ полиціи, неизмѣримую площадь съ церковью и недостроенными лавками, присутственныя мѣста и острогъ,—я дышалъ свободнѣе, въ-особенности когда попадалъ въ среду кочующаго табора. Я отдыхалъ душою посреди этой вольной толпы и бездомныхъ ободранцевъ, межъ этими черномазыми лицами съ свободными движень-

ями, свободнымъ, смѣлымъ взглядомъ, ничѣмъ несдержаннымъ словомъ, посреди этого дикаго народа, до котораго не коснулась цивилизаторская тля, который лишенъ всего—но не духа свободы. Воздухъ, просторъ и воля — вотъ первыя условія его жизни. Цыганскіе таборы живописны во всякое время дня и ночи,—стоятъ ли на мѣстѣ, поднимутся ли въ походъ съ пѣснями и пляской.

№ XXX — *Старцi* (нищіе), — срисованные съ натуры А. Е. Бейдеманомъ, награвированные В. В. Верещагинымъ.

Л. Ж.

ИЗВѢЩЕНІЕ

О ПРОЗАИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА НА ВЕЛИКОРУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

По смерти украинскаго поэта, Т. Гр. Шевченка, осталось одинадцать рукописей, въ которыхъ заключаются литературныя (довольно слабыя) сочиненія поэта, писанныя на великорускомъ языкѣ, прозою.

Изъ этихъ рукописей, девять переписаны рукою Шевченка вполнѣ,—одна—на половину, а другая ея половина и еще одна рукопись только исправлены авторомъ. Всѣ онѣ переписаны на сѣрой плохой бумагѣ, и большею частью не сшиты въ тетради, а только сложены въ четверть и полъ-листа.

Сочиненія эти, какъ рѣдкость, продаются всѣ вмѣстѣ и каждое отдѣльно, (но *безъ права изданія*, которое остается за наслѣдниками), по слѣдующей цѣнѣ:

1) *Наймичка*, написанная 25 февраля 1844 года, въ Переясловѣ, на $15\frac{1}{2}$ листахъ, сложенныхъ въ $\frac{1}{4}$ листа 50 р.
2) *Варнакъ*, 1845 г. въ Кіевѣ, $13\frac{1}{2}$ листовъ—$\frac{1}{4}$ л. 40 »
3) *Княгиня*, 1853 г. подписано *Дармограй* (псевдонимъ Шевченка); безъ конца. 3 листа—$\frac{1}{4}$ л. . . . 10 »
4) *Музыкантъ*—28 ноября (начата), 15 января 1854 г. (окончена), 10 лист.—$\frac{1}{4}$ л. . . . . 30 »
5) *Несчастный*, 24 января и 20 февраля 1855 г., $7\frac{3}{4}$ л.—$\frac{1}{4}$ л. . . . . 25 »
6) *Капитанша*, 15 марта, $4\frac{1}{4}$ л.—$\frac{1}{4}$ л. . . . . 15 »
7) *Близнецы*, 10 іюня и 21 іюля, $13\frac{1}{3}$ л.—$\frac{1}{4}$ л. . 40 »

8) *Художникъ*, 25 янв. и 4 октяб. 1856, 10 л.—$^1/_4$ л. 30 »

9) Драматическое произведеніе, безъ названія и конца, неизвѣстно какого времени, 3 л.—$^1/_2$ л. . . . 10 »

10) *Прогулка съ удовольствіями и не безъ морали*, въ двухъ частяхъ. Первая часть на $22^1/_2$ листахъ, переписана не Шевченкомъ, а только имъ исправлена (*30 ноября 1856 года*); вторая же часть, на 23 листахъ, переписана самимъ Шевченкомъ. Подъ обѣими подпись *Дармограй*—$^1/_2$ л. . . . . 100 »

11) *Повѣсть о безродномъ Петрусѣ*, неизвѣстно какого времени, переписанная не Шевченкомъ, а имъ только исправленная $23^1/_2$ л.—$^1/_2$ л. . . . . 25 »

Желающіе пріобрѣсть эти рукописи могутъ адресоваться къ довѣренному отъ наслѣдниковъ Шевченка, Михаилу Матвѣевичу Лазаревскому, *въ Москву, на Сивцовомъ Вражкѣ въ домѣ Дымковой*, съ приложеніемъ денегъ, для доставленія ихъ наслѣдникамъ покойнаго поэта.

Мы были бы весьма благодарны за перепечатку этого извѣщенія и въ другихъ изданіяхъ.

М. Лазаревскій.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 3-Й КНИЖКѢ ОСНОВЫ.

Аркушъ — листъ бумаги.

Бабу́ня — (ум.) — бабушка.

Балакли́вий — разговорчивый.
Безголо́вьячко — бѣда, горе, неудача.
Бі́до́та — бѣдность, бѣдняки.
Біля́венький — бѣлокурый.
Благе́нький — слабый, жалкій.
Бубоні́ти — говорить себѣ подъ носъ—невнятно.
Буя́ти — парить; возвыситься.

Ва́житьця — вѣситься; осмѣлиться; рѣшиться.
Варъ — жаръ.
Величáтись — хвалиться.
Вздріти — увидать.
Відва́жний — отважный.
Визеру́нки — картинки.
Візни́ка — возница, кучеръ.
Вико́чувати — выкачивать.
Вінкопле́тини — плетенье вѣнковъ.
Вистри́бувати — весело скакать.
Ви́ще — выше.
Вийма́ется (*со́нечко*) — подымается, восходитъ (солнце).
Вквіча́тись — убрать голову цвѣтами.
Вовкоду́хий — сердитый, злой.
Во́рохъ —куча зернового хлѣба.
Всміти — посмѣть; осмѣлиться.
Втру́чити — втиснуть, втоптать, вбить.

Га́нна — Анна.
Га́ньба—безчестье, безславіе.
Га́ночки — крыльцо́.
Гаптова́ти — вышивать (золотомъ).
Гайдама́ка — самозванный козакъ; разбойникъ.
Ге́пнути — произвести глухой шумъ (при паденіи чего-либо тяжелаго).
Гільча́стий — вѣтвистый.
Го́ді! — полно! довольно!
Годи́нонька — неопредѣленное пространство времени, — часъ; *лиха́я* (моя) *годи́нонька*! возгласъ, выражающій несчастное стеченіе обстоятельствъ.
Голі́вка (уменьш. ласкат.) — голова.
Гордова́тий — горделивый.
Гре́че — вѣжливо, прилично.
Гречкосій — хлѣбопашецъ.
Грецъ — молодецкая схватка.
Гри́ще — мѣсто, гдѣ происходятъ (народныя) игры.
Гру́кнути — хлопнуть, стукнуть сильно (дверьми).
Gудзь — пуговица.
Гу́та — стекляный заводъ, (заводская печь).
Гу́чний — звучный, громкій.

Дахъ — крыша.
Дворáкъ — дворовый, придворный.
Джміль — шмель.
Дзвіно́чокъ — колокольчикъ.
Дзюркота́ть — литься съ журчаньемъ.
Де́-коли — кой-когда, иногда.
Де́-який — иной, нѣкоторый.
Дни́нка — денекъ.
До́вший — (сравн. степ.) — длиннѣе.
Дога́на — попрекъ, пренебреженіе.
Доло́ня — ладонь.
Домáха — Домна.
Допада́ти — приходиться къ чему-либо.
Дорозумова́тись — додуматься.
Доши́мряться — догадаться, докопаться.
Дощови́й — дождевой.
Дра́нка — ветошь.
Дра́ти — (крупи́)—обдирать (крупу).
Дро́тикъ — чулошный прутокъ, — проволока.
Дру́жба — шаферъ (на свадьбѣ).
Дрючи́на — дубина.
Дука́тъ — червонецъ.
Дурни́ця — пустяки, глупость.

Е — есть.
Едама́шки — дамасская матерія.

Жартъ — шутка.
Жва́вий — живой, молодцоватый.
Жіно́чий — женскій.
Жи́вцемъ — живьемъ.

Забари́тьця—замешкать; запоздать.
Забрязча́ти — зазвучать (ключами, деньгами), задребезжать.
Завда́ти — задать.
Загальмува́ти — затормозить.
Загуготіти—загудѣть глухо.
Загурча́ти — зашумѣть, зажурчать (о дождѣ).
Задля́тись — замедлить.
Зажда́ти — обождать.
За́вжди — всегда.
Задріботіти — зачастить ногами.
За́ки — доколѣ, пока.
Залопотіти — зашумѣть чѣмъ-либо упругимъ, быстро приводящимъ воздухъ въ движеніе.
Занапасти́ти — погубить.
Занедба́ти — оставить безъ вниманія, въ пренебреженіи.
Запа́ска — родъ передника.
Заплю́щитись — зажмуриться.
За́разъ — сейчасъ.
Заховáтись — спрятаться; скрыться.
Зачарува́ти — обворожить, заколдовать.
Збліднути — поблѣднѣть.
Зві́дки — откуда.
Звива́тись — извиваться, увиваться.
Звíсно — извѣстно.
Зви́читись — привыкнуть.
Зворухну́тись — повернуться, сдвинуться.
Згірье — гористое мѣсто.
Зди́бати — встрѣтить, напасть на слѣдъ.
Здоліти — одолѣть, достигнуть.
Здоровíйшъ — здоро́вѣе.
Зітхну́ти — вздохнуть.
Зізна́тись—познакомиться, сойтись.
Зирну́ти — взглянуть.
Зліслúвший — злѣйшій.
Зміни́ти—смѣнить, перемѣнить, измѣнить.
Зміркува́тись — одуматься, столковаться.
Зро́шений — орошенный, омоченный.
Зупини́тись — остановиться, задержаться.
Зупиня́тись — останавливаться, задерживаться.
Зъо́чити — завидѣть издали.

Ива́сь, Ива́шко — Ваня.
Избáчити — извинить.
Измага́тись — спорить, сопротивляться.

Казнодíй — проповѣдникъ.
Ка́пость — пакость.
Керни́ця, крини́ця — натуральный источникъ, колодезь безъ сруба.
Кирпа́тий — курносый.
Клопота́тись — хлопотать, безпокоиться, заботиться.
Княги́ня—княгиня; невѣста; князь—князь; женихъ.
Коливáти — медленно, прихрамывая идти.
Коли́ска — зыбка, колыбель.
Колува́ти — кружить.
Кома́ха — муравьи.
Комашня́ — муравейникъ.
Кона́ти — умирать, кончаться.
Кошъ — корзина; Кошъ (Запорожскій).
Кр(е)іпáкъ — крѣпостной.
Кри́шка — крышка; крошка.
Крулевщи́зна — королевское имѣніе.
Кужíль — льняное прядево.
Куховáръ — поваръ.

Ладъ — порядокъ, способъ, ладъ, согласіе.
Ла̀ститьця — ласкаться.
Ліжко — ложе, кровать.
Либо́нь — чуть ли не.
Лука́шъ — Лукьянъ.
Люди́на—человѣкъ въ смыслѣ единичности, безразлично — мужскаго и женскаго полу.
Ляскотíти—хлопать (плетью и т. п.).

Маéтокъ — имѣніе.
Мандрíвка — путешествіе, бродяжничество.
Мідяни́й — мѣдный.
Молоди́́та — молодые люди.
Morgъ — мѣра — участокъ—земли.
Мо́(і)цний — мощный, сильный.
Мурíгъ — мурава.

Нава́дниця — наговорщица, ябедница.
На-ве́рсі—на верху.
Наíдки—снѣди, кушанья.
Наменý́ти—напомнить, намекнуть.
Напина́тись — накрываться (покрываломъ).
Нарíка́ти — роптать.
Насу́питись — надуться, нахмуриться (о человѣкѣ).

На-ході́ — на ходу.
Невідхі́дно — неотходя.
Непиту́щий — непьющій
Несепи́тница — галиматья, ни сё, ни то́.

Обертáти — поворачивать, (въ переносномъ смыслѣ—бить).
Оби́два—оба. **Оби́дві**—обѣ.
Обійня́ти — обнять.
Обікъ — возлѣ, сбоку.
Обіручъ — обѣими руками.
Обома́ — обоими.
Обра́ти — выбрать, избрать.
Ове́рко — Аверьянъ.
Огóвтатись — обжиться, свыкнуться.
Оддалеки́ — издали.
Оддя́чити — отблагодарить.
Оксами́тъ — бархатъ.
Оле́ся — Александра,—ъ.
Она́ка — иная.
Опівдня — въ полдень.
Опівно́чі — въ полночь.
Освіта — просвѣщеніе.
Оступа́чити—удивить, обойти, поставить въ тупикъ.
Ось — вотъ.
Отъ — вотъ.
Охи́жіти — озлиться, разъяриться.

Пáдкатись — хлопотать, возиться, ухаживать.
Панце́рний (полкъ) — родъ кирасиръ.
Па́ра — паръ.
Перере́панка—расползшаяся одежда.
Перешко́да — помѣха, препятствіе.
Помісь — вмѣсто, намѣсто.
Пи́тво́ — питье.
Пла́вле — плыветъ.
Поли́ця—полка въ хатѣ для посуды.
Помья́кшати — сдѣлаться мягче.
По́ночі — въ потьмахъ.
Попричиня́ти — притворить.
Поту́ха — ви́пить на поту́ху—опохмѣлиться.
Погори́джа — пожарище, остатки послѣ пожара.
Пожéжа — пожаръ.
По́мста — отмщеніе.
Поса́гъ — приданое.
Посімьяни́нъ — семейный, свой человѣкъ.
Поскори́ться — поторопиться.
Пото́вплюватись—мѣститься, пробираться въ толпѣ.
По́хапцемъ — поскорясь; въ-попыхахъ.
Пра́гнути — жаждать.
Привиджуватись — привидѣться (во снѣ).
Приручи́ти — поручить.
При́смеркомъ — сумерками.
Присоло́джувати —подслащать.
Причілокъ—передняя *внѣшняя* сторона хаты, гдѣ ставятся образа́.
Причіпка — привязка, придирка.
Причи́шкнути — притихнуть, замолчать.
Прозво́дникъ — лицедѣй.
Про́кіпъ — Прокофій.
Про́мінь — лучь.
Проштра́фность — проступокъ.
Прочва́ра — пройдоха.
Прочуха́пка — сѣчка (розгами и т. п.).
Пу́гу, пу́гу!—крикъ филина и Запорожца.
Пуць — бацъ, хлопъ (напр. пуцъ ёму́ въ но́ги — хлопъ ему въ ноги).

Ра́нокъ — утро.
Ра́нтухъ, або ла́нтухъ — большой кусокъ (родъ простыни) толстаго полотна, предназначенный для ссыпки въ него разнаго зерна.
Ра́птомъ — разомъ, вдругъ.
Розволочи́тись — избаловаться.
Розжа́лобити — растрогать, умилостивить.
Розси́патись — (переносн.) родить; разрѣшиться отъ бремени.
Ру́бки — платья.
Рядни́на — самый грубый холстъ.

Садовля́ти—усаживать (о многихъ).
Самі́сінько та́къ — именно такъ.
Сварли́во — сердито.
Свінути — блеснуть; разсвѣтать.
Світли́чка — чистая комната, горница.
Сиве́нький — (ум.) — сѣдой.
Си́лечка (одъ си́ла) — множество.
Скоси́рний —
Сми́кати — дергать.
Сніпо́къ — (умен.) — снопъ.
Совману́ти — сунуть, толкнуть, двинуть.
Со́нейко — солнышко.
Спа́докъ — наслѣдство.
Спе́ршу — спервоначала.
Спро́дувати—сбывать съ рукъ, продавать.
Старці — нищіе.
Сте́женька — дорожка.
Стемéнний — настоящій, дѣйствительный, точь-въ-точь.
Суми́рний — смирный.
Стільчикъ — стулъ.
Сти́шіти — стихнуть.

Стрепеха́тись — пугаться, встревожиться.
Сту́день —
Ступня́ — ступень; шагъ.
Стусува́ти — бить.
Счини́тись — случиться, сбыться.
Супо́нити — (переноси.) — бить.
Ська́ти — искать (въ головѣ).
Сягну́ти — хватить; достать.
Ся́ющий — сіяющій.

Ті — тѣ.
Ти́тарь — церковный староста.
Ти́ша — тишь.
Товче́ники — родъ кушанья; (переноси.) толчки.
Те́е-то — вотъ это-то.
Трави́чка — травка.
Тра́пилось — случилось, пришлось, попалось кстати.
Туря́ти — гонять.
Ту́тича — тутъ; здѣсь.

Убра́ннє — нарядъ.
Удво́хъ, у-двійзі — въ-двоемъ.
У-дву́конь — парою лошадей.
Укорпну́ти — колупнуть.
Уни́та — уціятъ.
Уну́чечка — внучка.
Усіма́ (уве́сь, ввесь, весь — и всей — весь) — всѣми.
Устя — Устинья.
Утну́ти — хватить; отрѣзать; понять и сдѣлать.

Фа́ска — небольшая деревянная посудина.

Хве́ська — Ѳеодосія.
Хлопчена́та — дѣти — мальчики.
Хурди́га — бѣдствіе, иго.
Ху́тіръ — выселокъ, поселокъ, мыза.

Цви́нтарь — паперть.
Ціка́ве (о́ко) — любопытный (гла́зъ).

Чарівни́ця — колдунья.
Ча́ти — засада.
Че́рга́ — очередь.
Човгъ — слово, обозначающее горизонтальное движеніе по землѣ, напр. ползаніе змѣи.
Чу́лка — чулокъ.

Шкадро́нъ — эскадронъ.
Шпи́лька — булавка.
Шпори́шъ — мелкая травка (polygonum aviculare, L.)?
Штовхну́ти — толкнуть.

Щеміти — болѣть (о сердцѣ).

Юрко́ — Юрій.

Яково́ — каково.
Янгеля́точко — (ум.) — ангельчикъ.